

Самая
ДРАГАЯ

Его самая

ДЕВОЧКА

О любви мечтает мой друг. Я же в чувства не верю. От слова "совсем". Даже в подростковом возрасте вся эта романтическая чушь прошла мимо. Главное — удобство. *** Красивая. Дух захватывает, какая она красивая. Изящная. Миниатюрная. Жадно впитываю ее образ, не сразу замечая Тоху рядом. Она что-то говорит ему, а он прикасается к губам и целует. В глазах начинают плясать пятна. Как мазохист, не моргая, смотрю на них. А сердце долбит в грудной клетке. Пытаюсь с такого расстояния уловить эмоции. Она же девочка, нежная моя... как могла так быстро... после меня... как?

Аля Драгам — Его сладкая девочка

— Долго еще?

Потягиваюсь на пассажирском сидении Дейва, умирая от духоты. Кондей включён на полную, но даже он не спасает. Лето в этом году выдалось сухое и жаркое.

— Не ной, Егорушка.

Друг усмехается, вписываясь в очередной крутой поворот. Дернул же черт отца выбрать дом деду и бабуле в этом месте. Дорога ужасная.

Рабочие на неделе закончили все работы, батя попросил перед переездом старшего поколения сгонять и проверить. Нашёл самого свободного.

— Достало всё, сил нет. На море-океан бы рвануть сейчас.

С досадой машу головой, доставая из кармана сигареты. Не стоило начинать, но нервы, нервы. Дело, которое затевалось с друзьями ради хохмы, неожиданно пошло в гору и времени свободного практически не осталось.

— Подожди недельку. Получим контракт с Ломовым, и сможешь на недельку слетать. Сам об отпуске мечтаю второй год.

— Твоя работа после подписания начнется. Чего не свалите с Натахой?

Морщится недовольно. Спутница у него своеобразная, конечно. Впрочем, как и отношения с ней. Типа модные свободные.

— Ну не хочешь с ней, не найдешь с кем отдохнуть? Не поверю. Хочешь, у Светки про подружку узнаю?

— Стареею, Егорушка. Чувств хочется, чтобы на разрыв. Смотрю на отца и понимаю, как ему повезло.

— Точно стареешь, — ржем. — На хрен нужен этот взрыв? Главное, чтоб удобно было вместе. Ладно, в двадцать еще можно помечтать. А в тридцатник, знаешь, уже как-то стремно.

Давид резко тормозит у небольшого озера.

— Пойдём окунемся что ли по-стариковски?

Толкаю друга кулаком в плечо и выхожу из тачки. Оглядываюсь. М-да. Не море. Совсем. Народа до хера. Но место живописное, ничего не скажешь. Берёзки, песочек. Такая дачная романтика.

— Рискнем?

Дейв уже стянул майку и бодро чешет от дороги к воде. Смотрю в направлении его движения и вижу тарзанку. Чем не повод вспомнить детство золотое?

Довольно скалюсь и догоняю друга.

Вода оказывается прозрачной и на удивление прохладной. Купающиеся рядом пацаны поясняют, что внизу бьют ключи, даже в жару в озере местами ощутимо холодно. И глубоко. Но это мы и сами поняли. Буквально пара шагов от берега и не хилый такой обрыв. Видимо, из-за этого на берегу мало детей, а в воде вообще только взрослые.

Дурачимся, скидывая друг друга в воду, раскачивая на привязанной веревке.

— М, какие крошки.

Сзади раздаётся громкий женский смех. Три молодые девушки в ярких купальниках явно обратили на нас внимание. Ничего такие.

Дружище ловко лезет по стволу вверх, забираясь на ветку над водой. Рисуеться, гад.

— А если дядя упадет?

Под ногами мельтешит мелочь в розовом сарафане, и дергает за мокрые шорты. Не сразу понимаю, о чем спрашивает и ребёнку приходится повторить.

— Извините.

Стремительно приблизившаяся девушка хватается ребенка, обдав меня запахом свежести и... малины?

— Не упадет? — Снова звенит детский голосок.

— Если у дяди нет мозгов, чтобы туда лезть, то не надо о нем беспокоиться.

Язва.

— А у тебя есть мозги?

Поворачиваюсь всем корпусом. Интересно, как эта яжемать будет выкручиваться.

— Ну я туда не лезу, значит, есть. Правильно?

— А без мозгов тяжело жить?

— Не знаю, я не пробовала.

— Я купаться хочу.

— Дащ, здесь глубоко. А я не могу оставить Маруську одну. Потерпи, ладно?

Только сейчас замечаю, что возле полотенца, где садится мать девочки, стоит коляска с еще одной.

Отвлекаюсь на визг сзади. Дейв добрался до высокой ветки и готовится нырнуть. Раскачивается и оттолкнувшись прыгает. Хооорооош.

С тоской думаю про недавно травмированную ногу и что мне пока подобные трюки не под силу.

Гад выныривает под громкие аплодисменты троицы. Чую, кто-то сегодня продуктивно проведет ночь. Может, перезагрузится.

Девчонки подходят сами, когда прыгун выбирается на берег.

— Луиза.

— Альбина.

— Натали.

Громко ржу, смотря на вытягивающееся лицо. При его любви в кавычках к экзотическим именам дамы сейчас добились контрольным в голову.

— Бери блондинку, — шепчу, все еще смеясь, — Натали тебе хотя бы привычно будет.

— Юморист, твою мать.

Отхожу на пару шагов в сторону, затягиваясь. Возвращаюсь взглядом к молодой мамашке. Спавшая девочка проснулась и перебралась на руки, а девушка нежно склонилась к ней. Сам не знаю почему так цепляет эта сцена, но никак не могу себя заставить отвернуться. Может, прав Дава про чувства? Со Светкой мы без малого два года вместе, но ни разу не возникло желания поставить штамп в паспорте, заговорить о ребенке. Удобно и удобно.

— Дядя, а тебе очень плохо жить без мозгов?

Чуть не роняю сигарету от хохота и смотрю на друга.

— Чего? Какого х... — обрывает себя, — Что ты спросила?

— Я спросила, плохо ли тебе без мозгов? — Девочка терпеливо повторяет охреневшему Давиду свой вопрос.

Всё еще смеясь, подхожу к ним и, развернув любознательного ребенка за плечи,

подталкиваю к матери.

— Спасибо. — Она уже поднималась забрать чадо, когда мы подошли. — Извините еще раз.

Наши взгляды встречаются, и я замираю. У нее вместо зрачков воронка, в которую я проваливаюсь и лечу. Сморгиваю, как сквозь вату слыша голос. Приятный такой голос. Мелодичный. Нежный. Несмотря на слова, которыми ругают малую, что подошла к незнакомым дядям.

Только сейчас обращаю внимание на уставший вид молодой мамы. Лицо замученное, под глазами видны круги. Интересно, где отец девчонок? Мог бы помочь.

Если бы мне такая родила дочь, я бы, наверное, ни на шаг не отошел. С этой мыслью отворачиваюсь и спешу на помощь к другу. Три на одного многовато. Делиться надо.

К дому подъезжаем, когда начинает смеркаться. Ну ничего так, бабуля оценит. Деду главное рыбалка. Но тут для него расстарались: свой выход к Неве, новенькая лодка у мини-пристани. Теперь понятно, почему именно это место. Но дороги, конечно, полный пиз*ц.

Пока вытаскиваем пакеты с продуктами, девушки осматривают территорию. Особо ничего нет, конечно, ба сама обставит. Но беседка для шашлыков присутствует, внутри дом отделан. Короче, на выходные зависнуть самое то.

— Надеюсь, мясо не стухло на жаре.

— Оно же в холодильнике было. Еще холодное.

Вообще — то холодильник мы брали для напитков, но пришлось переложить продукты, когда зависли на озере. Сейчас Дейв спешно бутылки в морозилку запикивает и тихо матерится.

— Твоя какая? — Уточняю заранее, чтобы без неловких ситуаций.

— Альбина или Луиза?

— Рыжую как зовут?

— Они обе типа рыжие. Повыше или пониже?

— Повыше. Знаешь же, что мелких не люблю.

— Отлично. Тогда ты здесь заканчивай, я к тебе Луизу пришлю. А мы пока мясом займемся.

— Про мангал не забудьте, — слышу смешок в спину.

— Чем ты занимаешься? — Девушка недвусмысленно елозит на моих коленях и кладет руки на плечи.

Давид со своей подружкой ушли любоваться вечерней Невой и заодно кормить местных комаров.

Вот, кстати, живности здесь много — в траве стрекочет, в воздухе летают. Дед точно будет в восторге: как и не уезжал из своей деревни.

— IT и все, что связано с техникой, — отвечаю, хлопая очередного комара на щеке.

Вообще сидеть довольно — таки скучно. Говорить с девушкой абсолютно не о чем. Пора бы уже перевести знакомство в горизонталь, но надо дожидаться Дейва. При отсутствии мозгов тяжело будет найти комнату. Ухмыляюсь, вспоминая забавную мелочь.

— Ты надо мной смеешься?

Закатываю глаза. Как хорошо было, пока молчала, а.

— Нет. Вспомнил кое — что. И нет, не расскажу.

— А если я очень — очень попрошу?

Альбина сползает вниз и недвусмысленно тянет руки.

— В другой раз, — говорю и поднимаю ничего непонимающую девушку.

Да, я со своими тараканами. Брезглив. Поэтому без защиты ни — ни. В каком бы коматозе не был. Ну и, честно говоря, не любитель подобных исполнений от левых девок. Есть, кто прям тащится по такому, а я вот... Вот я, короче.

Слышим приближающиеся шаги. Вернулся блудный гад. Роба недовольная. А у Луизы наоборот — сверкает улыбкой, прижимаясь к боку Дейва.

— Короче, на втором этаже любая комната. Мы на первом.

Встаю и шагаю в дом. Закусили. Хочется в душ и кровать. И долго — долго спать.

Отключаю телефон, оставляя на тумбочке. Раздеваюсь до боксеров и иду к ванной комнате, когда останавливает вопрос:

— В душ вместе или уступишь даме первой?

Черт. Так устал, что думалка не работает.

— Иди одна. Я в соседний схожу.

Девушка радостно убегает, а я устало передвигаю ноги из комнаты и думаю, как бы отделаться от новой подружки. На автомате совершаю все действия и валюсь на кровать в этой же комнате. Не пойду никуда.

Закрываю глаза, тут же проваливаясь в сон. Вижу Её. Девушку с озера. Кажется, аромат ее кожи до сих пор ощущаю. Тонкий — тонкий запах малины. Моей любимой ягоды. С пеленок обожаю. Большие ясные глаза цвета неба смотрят в мои. Аккуратный носик. Светлые волосы плавными волнами струятся по спине. Солнце золотит и красиво отражается в них. Ярко очерченные губы. Природа создала их совершенными для поцелуев. Ровные зубки закусывают нижнюю губку, маня и дразня. Улыбается, зовет к себе. Не мигая смотрю и шагаю вперед. Хочу обнять, прижаться как можно теснее.

Прикасаюсь к мягким губам. Такие податливые, нежные. Вообще вся она сказочная. Теплые руки ползут по плечам, смыкаясь на шее. Шикарная грудь прижимается к моему торсу. Дует легкий ветерок, лаская наши тела. Углубляю поцелуй, тяну завязочку у купальника.

— Ммм...

Дыхание сбивается на тяжелое. Поднимаю руку, чтобы накрыть...

В ноздри вбивается приторный запах. Нехотя открываю глаза, все еще тяжело дыша после сна.

— Ты что здесь делаешь?

Полностью обнаженная девушка прижимается, скользя рукой по коже.

— Ты не пришел в спальню, и я стала тебя искать. Хочу свой десерт после ужина. — Показывает глазами на «десерт». — Ты такой большой...

Даже пытаться не буду. Не хочу. В душе какое — то отторжение. На границе подсознания еще маячит сон и хочется окунуться в него снова.

— Альбин, слушай, извини. Реально устал. Давай утром, а?

Девушка обижено сопит и пытается возразить.

— Правда. И это... я один привык спать. Здесь останешься или в ту комнату пойдешь?

Сплю я действительно всегда один. Всегда. Исключений нет даже для Светки. Не могу заснуть, если рядом лежит чужое тело или кто — то сопит над ухом.

Альбина фыркает и громко хлопает дверью. Подавляю желание вызвать ей такси прямо сейчас. Просто потому, что сюда транспорт подтянется не раньше, чем часа через два. Вряд ли здесь есть местные извозчики — поселочек — то всего ничего.

После получаса безуспешных попыток уснуть, ложусь на спину и пялюсь в потолок. Вот чего меня так завела эта... мать... Она мать двух детей. Надо быть конченным идиотом, чтобы запасть на такую. Даже если она совершенна. А она идеальна... но... неееет...

Начинаю в уме перемножать числа, чтобы отвлечься и незаметно уплываю в сон. В котором незнакомка опять сияет своей немного усталой улыбкой и нежно баюкает нашего малыша.

Утро добрым не бывает. Это, наверное, знают все, кто любит поспать. Или хочет поспать. Вопреки логике будит меня не вчерашняя знакомая, а Давид. Врывается в комнату и сходу спрашивает номер местного такси.

— Я откуда знаю, по — твоему? Сам сюда впервые приехал. У девушек спроси, наверняка, они местные.

— Я уже спрашивал, не знает. А твоя где? — Оглядывается. Только что под кровать не заглядывает.

— В другой комнате. — Накрываю лицо подушкой, чтобы солнце не било по глазам. — Будь другом, ее тоже отправь на хаус, а? Вообще вот не але.

— Сам отвезу. Ключи от ворот дай.

— На тумбе лежат. Спасибо, друг.

Новая попытка пробуждения дается нелегко. Голову ломит. Тру виски и недовольно морщусь. Старая травма иногда дает о себе знать. Мне тогда не хило прилетело, когда сорвался на питбайке с маршрута в овраг. Со стоном отрываюсь от подушки и плетусь в душ. Холодная вода должна немного помочь, а потом придется нагружать Дейва поездкой до аптеки.

М — да, не так я планировал провести неожиданные выходные. Не так.

Несмотря на ожидания, душ не помог. Пошатываясь, иду на запах кофе. Друг уже бодр и, лениво развалившись, читает свежие новости.

— Голова?

В чем Давиду не откажешь, это в проницательности. Странно, что про девчонку утром не подколот. Уверен, что он все понял.

С трудом киваю, подавляя тошноту. Плюхаюсь на стул и тащу к себе кружку Дейва.

— Фу, бя. Как можно пить эту горечь?

— Ну так не фиг чужие таскать, Егорушка.

— Ну да, ну да. Не дай сдохнуть, сделай умирающему сладкий кофеек.

— Чай, Егорка, чай.

— Да, мамочка.

Каждое слово дается все тяжелее.

Друг молча ставит напиток и сахарницу перед носом и уходит.

— Пей и собирайся. За колесами поедем. В деревне около озера есть аптечный пункт.

Заглатываю жидкость и шагаю к машине. Не хочу никуда ехать, хоту лечь и чтобы здесь меня прикопали. Цветочки можно не сажать, мне мокро будет от их полива.

— Да кто же делал эти дороги?

Через двадцать минут черепашьей скорости мы кружим по поселку в поисках нужного здания. Наконец — то. Собрав все силы, вываливаюсь из машины.

К счастью, нужные препараты оказываются в наличии и, закинувшись сразу у кассы, выхожу на улицу. Через десять минут станет легче. Поднимаю голову, смотря на ясное небо.

— А потом, пап, он кааааак раскачался и кааааак прыгнул! И даже брызгов не было!

Опустить голову заставляет смутно знакомый голосок. Оглядываюсь.

Вчерашняя мелочь семенит рядом с коренастым мужиком, звонко рассказывая ему, видимо, про прыжок Дейва. Присматриваюсь к мужу девушки, что так взбудоражила мою фантазию. Черти драные... он же... он же... старик! Седые засаленные волосы, мешки под глазами. На скуле красуется свежий кровоподтек. В голове гудит. Таблетки еще не подействовали, а неожиданная встреча шарахнула сверху.

— Теть Зой, присмотрите сегодня за Марусей? Пожалуйста — пожалуйста. Меня в ночь поставили.

Умоляю нашу добрую соседку оставить малышку у нее. Подружка, которая обычно выручала, слегла с вирусом, а больше обратиться не к кому. Можно в город к однокласснице, давно дружим, тоже не откажет. Но не успею. Поздно позвонили. А отказаться совсем — совсем никак. Девочкам нужна одежда, витамины. Маруське к садику надо купить целый список.

— Конечно, милая. И старшую возьму, и младшую. Утром не торопись, хоть там поспи немного. Знаю же, что на озере весь день проторчали. Опять Иван гульки устроил?

Тяжело вздыхаю и опускаю голову. Смысл рассказывать? И вчера, и сегодня. Утром хоть Дашу до магазина взял, прогулялась с папой. Еще б ему было до нее дело. Как пришел, глаза залил и не помнит про дочерей.

Все соседи давно уже в курсе. Если бы не девчонки, духу моего бы здесь не было.

Устраиваю малышей у теть Зои, отдаю сумку с вещами и лекарствами на всякий случай. У меня есть еще час, чтобы добраться до круглосуточного клуба, где я тружусь сначала официанткой, а после закрытия убираю за гуляющими. Поселок у нас небольшой. Деревня скорее. Но из — за близости Невы настроили домов, объединив в коттеджные товарищества, и теперь в выходные дни у нас гуляют мажоры и любители громко и звонко посидеть. Днем заведение работает как кафе, а ночью превращается в клуб для любителей отдохнуть на широкую ногу. Простым людям там поплясать не по карману.

Если бы тетя Зоя согласилась, я могла бы найти и дневную работу, отдавая ей, например, половину. Дашка вообще самостоятельная уже. Любознательная только. С улыбкой вспоминаю, как она вчера пристала к молодым парням, решившим искупаться. Красивые такие, видные. Машина какая — то незнакомая. В клуб на крутых приезжают, насмотрелась уже. Но такую впервые видела.

Иду вдоль дороги, раздумывая, как бы поговорить с соседкой. Она добрая. А мне бы хоть на лето. Осенью девочки будут в саду, а у меня учеба. Я с таким трудом поступила, прошла на бюджет практически последней. Мне нельзя с него сорваться. Это единственный шанс. И так после школы два года пропустила из — за рождения Машули.

Уже почитала, что пары заканчиваются в районе трех. Значит, если получится устроить девчонок в круглосуточный сад, смогу найти работу в городе. Общагу мне уже выделили. Спасибо доброму декану, мировая женщина. Без ее вмешательства вообще не знаю, что бы делала.

Ну а на выходные буду приезжать. Девочек забирать. Тяжело будет. Но немного потерпеть. Надеюсь, получится накопить на самую дешевую квартиру, чтобы снимать и съезжать с девчатами отсюда.

Кто бы знал, как я устала. Пока Даша была одна, было полегче. Хотя я тогда вообще в школе училась. Но тогда была мама. Она хоть и пила, но днем вполне себе могла присмотреть за ребенком. Но когда после Машиного рождения она совсем слетела с катушек и допилась до чертей, стало невмоготу. Сколько я плакала и просила одуматься. Сколько умоляла. Если б кто услышал.

На похороны, спасибо соседям, еле собрали. Иван даже не пошел, так и просидел со

своими дружками. Я тогда себя по кусочкам собирала. Вроде и восемнадцать, вся жизнь впереди... а у меня... пыль вон только. Сколько здесь живу, дорога как была из песка и грязи, так и есть. Странно, что люди, покупающие такие дорогушие дома, никуда не обратятся. Они же свои машины портят. Видимо, каждый считает, что ему нет дела до другого, а сами они и потерпят.

Смахиваю набежавшие слезы. Вообще не люблю себя жалеть. Некогда мне. Но порой взгрустнется. Обычно позволяю себе выговориться у мамы на могилке. Ей, конечно, все равно. А мне хоть деревянному кресту рассказать.

Из раздумий вырывает громкий сигнал, и я отскакиваю с дороги в канаву. Мимо проносится вчерашняя машина. Еще одни богатые мальчики решили погонять. А то, что песок и пыль полетит в дома, они не думают. Хватаюсь за ветки, чтобы выбраться и с ужасом понимаю: на ногу не наступить. О нет. Только не это, пожалуйста!

Рейсовый автобус не остановится, а другого транспорта нет. Мне нельзя прогулять работу.

Дышу глубоко, размазывая мокрые дорожки слез. От обиды и боли хлынули. Сейчас успокоюсь. Слезы все равно не помогут, не уменьшат страдания.

Растираю лодыжку и пробую еще раз наступить. Простреливает, но, если перенести вес на носочек, вполне можно доковылять. Хорошо, не так много осталось и время еще есть. А уж в кафе попрошу сменщицу дать обезболивающее из аптечки и бинт. Перетяну.

Не сдерживаю стон, когда убираю руки и вижу, что она стремительно отекает. Ладно, вариантов — то нет никаких. Домой идти дальше. Кое — как выпрямляюсь, опираясь на носочек и делаю первые пробные шаги.

Черт. Не наигрались? Машина, испугавшая меня, несется обратно и с шумом тормозит. Парень, который устраивал вчера прыжки, выскакивает ко мне и в пару шагов пересекает расстояние.

— Девушка, простите. Это я Вас так напугал? Ради бога извините. С Вами все в порядке?

И смотрит вроде бы с беспокойством. Да только задерживает. Если честно. Бормочу, что у меня все хорошо, чтобы только не связываться, и пытаюсь обойти.

С такими опасно разговаривать. И попадаться в поле зрения тоже. Сколько наших девчонок слезы лили: кто — то просто поиздеваться и оскорбить может, а кто — то же и обидеть.

— Девушка, — настойчивый, не дает пройти. — Что с Вашей ногой?

— Все в порядке со мной и ногой. Пожалуйста, дайте пройти. Я сама упала, честно.

Чуть не плачу. Внутри меня сидит маленькая девочка, и она до ужаса боится этого мужчину. Его и его друга. Я помню, какими глазами он смотрел вчера на меня. Будто я вкусный торт, а он хочет его съесть.

— Егор, — парень поворачивается и кричит в сторону машины, — сюда иди с телефоном. Посветишь.

А вот и друг. Егор. Красивое имя для очень красивого парня.

Друг тоже красивый. Не спорю. Но его красота строгая, эталонная, наверное. И выглядит он старше этого Егора. Или просто серьезнее. Хотя у глаз расходятся лучики морщинок, какие бывают у людей много улыбающихся. О чем я сейчас думаю? Мама дорогая...

Я его еще на озере рассмотрела. Как картинка — на таких любоваться и не трогать.

Стильная прическа с художественным беспорядком, яркие глаза цвета синего неба, ямочки на щеках, а губы... ну не бывает у мужчин таких! В меру пухлые, сочные такие. Даже слов не подобрать. Мечта, в общем, а не губы. Про тело и вовсе молчу.

Плохиш из телевизора. Посмотрела, насладилась и забыла. Тот мир, из которого эти парни, с моим миром не пересекается.

Сейчас этот самый плохиш приближается ко мне, держа в руках смартфон с включённым фонариком.

— Где?

Парень-прыгун показывает на мою ногу. А я так опешила, что стою и дышать боюсь. Хочется сжаться в комочек и чтобы мимо прошли. Хоть они и не показывают агрессии, но интуиция умоляет отделаться от них как можно скорее.

Тот, который Егор, присаживается на корточки и аккуратно дотрагивается до больной лодыжки. Освобождает мою ногу от обуви и ставит на свою. Теряю равновесие и, чтобы позорно не свалиться, хватаюсь за плечи мужчины.

Господи, какой кошмар.

Теплые пальцы трогают отекающую ногу, надавливая чуть ощутимо.

— Больно?

Смотрит своими синими океанами снизу, а до меня слова не сразу доходят. Скорее по шевелящимся губам догадываюсь. Вздрагиваю, что он интерпретирует по — своему.

— Больно.

Открываю рот, чтобы отрицать, но он ставит мою ногу обратно на дорогу, помогает надеть босоножку и под напутствие друга «не урони» поднимает на руки.

Вот это совершенно точно лишнее.

— Не надо, пожалуйста.

Голос звучит жалобно и тонко. Но я этому даже рада. Может, в них есть человеческие чувства и меня отпустят?

Не верю я таким, что переживают или раскаиваются. Не ве — рю!

— Не бойся.

— Я не боюсь. Пожалуйста, поставьте меня.

Но он не слушает, уже сажает в машину. Вот тут меня начинает накрывать паникой. Слезы неконтролируемо катятся из глаз, а дыхание становится прерывистым. Я боюсь. Память своевременно подкидывает прошлое лето. Тогда у Ивана еще была машина. Непонятно, как сохранил и не пропил.

Перевернул вверх дном нашу с девочками комнату. Деньги искал. Не дошел до кондиции. А тут я. И ни копейки. Орал, пугая малышей, а потом подхватил на руки, запихнул в машину, прижав руки дверью и избил. На спине потом места живого не было. Хорошо, руки не сломал, только вывернул.

В полицию бы обратиться, да он там работает. Или работал. Надеюсь, выперли. Учитывая, что он уже пару месяцев дома ошивается.

Всё это проносится перед глазами, от недостатка кислорода прыгают мушки. А я лихорадочно отбиваюсь от ничего не понимающего парня.

— Тише. Да тише ты. Никто плохого не делает.

Чувствую, как сжимаются запястья и истерика накрывает новой волной.

Да что им от меня надо? Я просто шла мимо!

— Дава, ты что-нибудь понимаешь?

Второй заглядывает в салон и протягивает воду. Вижу все это, как со стороны. Зубы стучат, а слезы все не прекращаются. Еще немного и отключусь. Но мне нельзя. Работа и девочки. Цепляясь за эти слова, удерживаюсь на вершине сознания. Сил вот только все меньше и меньше. В какой-то момент тело обмякает, а изображение рассеивается как сквозь мутное стекло. Вроде вижу, а вроде и нет.

— Девушка, девушка...

Какой приятный голос зовет. Хочу попросить повторить. Не хочу раскрывать глаза полностью. Я ещё там, в своем отчаянном параллельном мире. А этот голос как ориентир, куда можно выбраться из накрывшей тьмы.

Не дождавись ответа, молодой человек забирается в машину и начинает умывать прохладной водой.

Первая трезвая мысль: где он взял холодную воду в эту жару.

Вторая: до меня дотрагиваются чужие руки.

С некоторых пор никакие касания я не выношу.

— Прошу Вас... — в горле пересохло, и я облизываю губы, натываясь на потемневший взгляд.

Что я там говорила, когда испугалась? Вот сейчас я по-настоящему боюсь.

— Девушка, успокойтесь. Никто не причинит вреда. Мы только отвезём Вас к врачу. Ногу нужно осмотреть.

— Нет, пожалуйста, нет. — Для верности мотаю головой. — Никуда не надо. Мне на работу. Нельзя опаздывать.

Всхлипываю, от этого речь становится отрывистой.

Чувствую себя опустошенной после приступа, а ещё испытываю жгучее чувство стыда. Показала свою слабость чужим людям.

Парень, которого Егор назвал Давой, вздыхает и устало спрашивает, где находится моя работа. Звучит так, будто бы я сама навязалась к ним. Но я не просила останавливаться, а потом трогать меня. Не просила!

Поясняю, куда направлялась, и мужчина садится за руль. Егор все это время находится рядом и не сводит с меня удивлённых глаз. Мне кажется, хочет что-то спросить, но благоразумно не открывает рот.

Наши ноги соприкасаются, потому что на сиденье полулежу, и я быстро подползаю поближе к двери, вжимаясь в нее спиной. Он замечает мою суету и усмехается одними уголками губ. Даже эта ухмылка делает лицо привлекательным.

Благо точка назначения всего в минуте езды и вот уже машина паркуется на стоянке. Судя по количеству припаркованных авто, вечер обещает быть насыщенным. А мне еще за опоздание объясняться.

На максимально возможной для собственного состояния скорости выхожу из машины. Благодарю мужчин за помощь и прошу искренне прощения, что заняла время. Ковыляю к входу. Знакомые охранники приветствуют, задавая популярный этим вечером вопрос про ногу. Знаю, почему интересуются. Про вспышки Ивана они в курсе. Отделяюсь нейтральным «упала» и захожу. Вечер уже в разгаре, а значит Ольга, которую я не предупредила об опоздании, будет рвать и метать. Втягиваю голову в шею и жду обрушения цунами, когда администратор стремительным шагом приближается.

— Твое счастье, что сегодня слишком важные гости. Все разборки потом. Живо переодеться и за работу.

Она даже не кричит, а шипит. Выдыхаю. Распять она может сразу, но быстро остывает. Повезло.

— Стоять! С ногой что?

— Упала, подвернула.

Ольга подходит и берет за подбородок. В свете клубного освещения плохо видно, но если присмотреться, опухшее от слез лицо, конечно, бросается в глаза. Поэтому я во время разговора старалась смотреть в пол.

— Умойся. Сейчас кто-нибудь из ребят аптечку принесет. Перебинтовать сама сможешь?

Мотаю головой. Не сталкивалась с таким. Это не на царапину подуть и заклеить пластырем.

— Вовчика пришло. Он бывший спортсмен, наверняка знает. Как ты с подносами бегать будешь, бедовая?

— Я...

— Так. За стойку встанешь сегодня. Хорошо, Янкина смена, она в поле раньше бегала.

Раздав указания, уносится, а я несу свою тушку в подсобку, где можно переодеться и жду Володю. Он на самом деле разбирается в травмах, перетягивает бинтом поврежденную конечность и советует обратиться к врачу.

— Не шути с этим. Ты девчонка молодая. Перелома, похоже, нет, но трещина вполне быть может. Снимок нужен.

Обещаю днем доехать до больницы и иду за свое временное рабочее место. Благо, здесь особых знаний не нужно. Коктейли мешает второй бармен, а уж чай да кофе или просто налить — с этим, мне кажется, любая справится.

Егор.

— Прошла голова?

Друг отвлекает от молчаливого созерцания пустой стены, в которую я уставился. Как, бля, как? Она же молоденькая совсем. Он ей в отцы годится! Нет, в нашем прогнившем мире всё возможно, уж мне ли этого не знать. В мире больших денег до сих пор не редкость договорные браки или отношения с большой разницей в возрасте. Но не здесь же?! Не поверю, что это можно любить. Я, конечно, не сноб, но реально смотрю на вещи.

Два ребёнка от вот этого вот!? Успокойте меня. Мозг сейчас просто взорвется!

— Егор? У тебя всё нормально?!

— А? Да. Все нормально. Сейчас отпустит.

Я в ахуе. Честно.

Если мигрень отступает через некоторое время, то девчонка из головы никак не желает выходить. И это странно. Никогда не заикливался на противоположном поле: да-да, нет-нет. Всегда есть кто-то поговорчивее. Хотя, чего уж лукавить, таких, чтобы «нет» мне и не встречалось. В школе пачками вешались, в универе. Сейчас мало что изменилось. Спасибо генам за внешность. Ну и матери с отцом. В него у меня высокий рост и яркие глаза.

— Чем заниматься будем? Доспим? Или покатаемся? Я посмотрел, тут клубешник есть местного разлива. Вечером можем прокатиться.

— Да нуууу, — тяну. Не любитель я деревенского отдыха. Вот совсем.

— Нос не морщи. Мажористый клуб, как ты любишь. — Дейв тычет пальцем в телефон. — Я вообще в недоумении, как здесь домики простые сохранились еще. Среди вот этого, — обводит глазами дома местных. Нехилые такие дома.

— Тогда пожрать поехали, поваляемся, а вечером посмотрим.

— Забились.

Смотрит со своим фирменным прищуром и вдруг выдает:

— А, может, искупаемся? Вдруг встретим кого?

— Вчерашних мало? Чего телефончик не взял?

— О неееет, — закатывает глаза. — Я про другую. Лет так трех-четырёх.

И ржёт. Скотина.

— Любознательная малышка.

— Ага. Особенно мама ее, да, Егорушка?

И в бок толкает. Говорил же, пронизательный гад. Лааааадноооо.

— А Вы, Давид Рустамыч, никак деток хотите? Возраст и все дела?

— А чё, я, может, готов. Когда-нибудь. В другой жизни.

И я в другой. Но только почему-то при эпизодах из сна щемит в груди. Странные какие-то ощущения.

***

Хорошо все-таки на природе. Зря я так не хотел ехать. И жаль, что не все наши подтянулись. Можно было бы отлично зависнуть, давно не собирались. Ну уж ба с дедом переедут, точно завалимся всей компашкой.

— Слушай, — Дейв развалился на соседнем гамаке и лениво покачивается, копаясь в телефоне, — когда мы вот так последний раз отдыхали?

— Тоже об этом думаю. У Севера, получается, весной. Давно уже. Он сам где, кстати? С четверга на связь не выходил.

— К сестре поехал вроде.

— А сестра...?

— В Самаре.

Давид хмурится, как и Влад. Закрытая тема. Какая-то там мутная история с этой сестрой в прошлом. Почему она живет не здесь, никто не знает. Я вообще случайно про нее узнал: как-то за доками заехал и увидел фотографии красивой девчонки.

— Надо всех подтянуть, ба будет рада. — Перевожу тему. У нас не принято лезть друг другу в душу. Хотя каждый из нашей пятерки готов прийти другу на помощь в любое время дня и ночи.

— Надо. Тимура попробуй только уговори.

Ржем. Первый из всех нас, кто поплыл. Как встретил свою девочку, так с катушек слетел. Говорит, одним взглядом и сразу наотмашь. С трудом верится, что такое вообще бывает.

— Ну что? Собираемся? Задолбало валяться уже.

— По кофе и можно.

Как два пенсионера сидим на веранде и пьем свежесваренную арабику. Гад не только языком трепать умеет. В приготовлении кофе ему цены нет.

Быстрый душ, и вот уже натягиваю джинсовые шорты и светлое поло. Жара не отпускает даже к ночи. Надо будет предложить Давиду искупаться. А еще подумать про бассейн здесь. Хотя... Деду он не нужен, Нева под боком. Кстати, можно было бы окунуться. Водичка должна быть ледяной. Я как — то даже до пристани и не дошел, совсем обленился.

— Ну ты готова, принцесса?

— Да, злая мачеха.

Садимся в новую машину Дейва.

— Как тебе, кстати? Не так, конечно, обкатать хотел. Но зато сразу по бездорожью.

— Я по высоким больше. Это вы с Тимом спортивные модели любите.

— Все тебе не так, Егорушка. Как Светка терпит?

— Никак не терпит. Удобство, друг мой, удобство. Как у тебя с Натали. Пришел, пар спустил, и всем хорошо.

— Пока не начинается разговоров про совестное будущее, прекрасный вариант.

Мы уже выехали на местную дорогу и плетемся со скоростью раненой черепахи. Яма на яме. Как они тут живут?!

— Слушай, ну тебе чего жаловаться? У вас полная свобода в паре. А для брака, Дава, чувства и не нужны. Не всегда, вернее. У вас бы нормальный тандем вышел: отцы сколько лет дружат? Вот. Объединение капиталов, вся фигня. Это мне еще год до тридцатки, а тебе уже так — то пора бы.

— Слышь, сваха, за собой смотри. Умру убежденным холостяком. Ну если только не встречу такую, как мать.

— Такие еще в прошлом веке закончились. — Наконец выкруливаем на более — менее ровную поверхность и друг притапливает педаль.

Ну и пылища. В сумерках, которые спускаются сейчас, видны редкие прохожие вдоль дороги. В основном, родители с детьми.

— За этой лесополосой клуб. С километр где — то.

А лес красивый. С двух сторон от дороги. Напоминает детство, когда родители отвозили на лето. Ровное полотно и деревья по краям. Это потом карьера отца в гору пошла и вместо поездок в сельскую местность начались моря и заграница. Но воспоминания из дошкольного периода — то остались.

— Осторожно!

Нажимаю на сигнал, когда одинокая фигурка появляется в свете фар.

— Твою мать. По рукам бы. Куда лезешь?

Давид ругается, всматриваясь в зеркало заднего вида, и резко бьет по тормозам, разворачиваясь.

— Что?

— Да не вижу никого. Делать куда — то.

— Ты ж не зацепил?

— Точно нет.

Зацепив взглядом примерное место, останавливаемся, и друг выходит из машины. На противоположной стороне дороги стоит женская фигурка, растирающая ногу. Упала что ли? Бляха, не хотел напугать. Ладно, Давид сейчас уболтает девицу.

Пока друг на улице разговаривает, захожу в мессенджер, отвечая на сообщения Светки. Новые платье, сумка, белье. Фотоотчет прилагается. Ну так — то банк выписки сразу прислал, могла бы не уточнять. Хотя бельишко вроде ничего. На разок сойдет. Может быть.

— Егор, сюда иди с телефоном. Посветишь.

Чего там случилось — то? Выхожу, на ходу включая фонарик.

— Где?

На лицо не смотрю даже. Присаживаюсь на корточки, светя на ногу. Ну что, приложилась не хило. Синяк наливаётся, лодыжка опухла. Вроде не перелом, но по — хорошему бы проверить.

Освобождаю изящную ножку от обуви и ставлю на свое колено. Сейчас проверим, насколько больно и тогда уже или дальше или в травму. Не бросать же бедняжку.

— Больно?

Поднимаю голову и на секунду теряю сознание. Точно теряю. Надо мной стоит Она. Та девушка с озера. Молодая мамочка любопытной малявки. Шевелит губами, но слов не произносит. Видимо, очень болезненные ощущения.

— Больно, — делаю вывод.

По — хорошему, к врачу бы ее. Ставлю ногу, помогаю обуться и подхватываю на руки. Легкая, как пушинка. Она вообще ничего не весит!

— Не надо, пожалуйста. — Жалобно пищит.

Что ты зашуганная — то такая?

— Не бойся.

Откуда — то изнутри поднимается странное желание защитить и успокоить.

— Я не боюсь. Пожалуйста, поставьте меня.

Как ей сказать, что я не просто не хочу. Я не могу. Вдыхаю полной грудью сладкий запах малины. Значит, в тот раз мне не показалось. Она реально ягодами пахнет! Усаживаю на заднее сиденье тачки и хочу уже закрыть дверь, но девушку накрывает истерикой. Слезы в три ручья, бормочет что — то, пытается отталкивать.

Это кто ее довел до такого, что простые жесты вызывают панику?

— Тише. Да тише ты. Никто плохого не делает.

Захватываю запястья, чтобы руками не махала. А она уже трясется вся.

— Дава, ты что-нибудь понимаешь?

Поворачиваюсь к другу, который маячит на улице, ожидая, пока я закончу. Заглядывает в салон и сует бутылку с водой. Пытаюсь умыться, чтобы немного успокоить. Барахтается, а потом совсем сползает на кресле. Твою мать. И что с ней делать?

Вроде моргает. Шумно выдыхаю. Самому себе не признаюсь, но испугался за нее. Смотрит настороженно и облизывает губы. А я зависаю на этой картине. Вот выключаюсь от всего постороннего мира и вижу только ее губы. Интересно, как зовут красавицу? Если какая —нибудь Ира или Таня, я не переживу. Не то, чтобы я против простых имен. Но для нее хочется особенного, редкого.

— Девушка, успокойтесь. Никто не причинит вреда. Мы только отвезём Вас к врачу. Ногу нужно осмотреть.

— Нет, пожалуйста, нет. Никуда не надо. Мне на работу. Нельзя опаздывать.

Сжалась вся, как пугливый воробышек. Нахохлилась.

Давид вздыхает и садится за руль, спрашивая, где девушка работает. Она называет клуб, в который собственно мы и ехали. Особо не удивлен, здесь больше нет заведений с ночным режимом работы. Вроде как.

Падаю на сиденье к воробышку. Не могу отказать себе в этом удовольствии. Еще пара минут рядом. Ловлю насмешливый взгляд Дейва. Ну — ну, смейся. Надеюсь, тебя тоже в один прекрасный день торкнет. Хочу спросить, как же все — таки зовут прекрасную незнакомку. Не могу объяснить, для чего мне эта информация. Но не просто ради интереса.

Девчонка отползает к двери, а я усмехаюсь. Что, Егорка, все гроздьями на тебя вешаются? Лови ответочку. Связываться с замужними — табу. Да еще и дети у нее...

Такого щелчка по носу от судьбы я, конечно, не ожидал...

Егор.

— Ты чего так загоняешься?

Чтобы разговаривать, приходится перекрикивать музыку. Клуб, может, и ничего, но вот уединенных мест явно не хватает.

— Чёт настроение на нуле.

Вызывающе смотрю на друга. Мол, давай, начинай свои нотации. Мы знаем друг друга уже херову тучу времени, и ему позволено то, что не позволено, пожалуй, никому. Лезть в душу. Но сейчас состояние такое, что мне нужен тычок. Мне ведь не пятнадцать, а залип, как пацан. И реально же залип. Черт, да я даже имени ее не знаю!

— Имя узнать не проблема. Я видел ее за барной стойкой.

Я что, вслух сказал?

— Эээ?!

— Потихе думай. — Усмехается. — Девчонка реально красивая. Но дети, муж... Ты уверен, Егор, что тебе оно надо? Если так — взгрустнулось — бери любую.

Друг кивает через плечо на танцпол. Кривлю губы. В связях я разборчив. Времена, когда лишь бы с кем и неважно где, давно прошли. Демарш с девками с озера был исключением. Видимо, подсознание уже тогда знало, что ничего не будет.

Кручу в руках стакан с минералкой. Пить сегодня не планировал. Пока не планировал. Посмотрим, как дальше пойдет. Давид точно компанию не поддержит — железный принцип: пьяным за руль ни — ни.

— Ваш заказ. — Угрюмое молчание прерывает молоденькая официантка, принёсшая кофе.

— Татьяна, — Давид останавливает ее, взглянув на бейдж, — утолите любопытство, как зовут девушку за баром? — И улыбается ей так, что она уже сто пудово не откажет. И имя скажет, и не только.

— За баром? Яна сегодня. А...

— А все. Спасибо, Танечка.

— Ты б ее еще за задницу ущипнул, — скалюсь.

— Неее, — тянет. — Не люблю темненьких.

Яна, значит. Яночка. Януся. Примеряю имя к девушке и мне не нравится. Вот не нравится и все тут.

— Планы? — Спрашиваю друга. Скучно и, честно говоря, зря вообще сюда приперлись.

— Да никаких.

— Домой?

— Погнали. Я как раз тебе черновик нового проекта показать хотел. Проведем вечер, как примерная пара седовласых джентльменов: чай, сигары и работа.

Выходим, и он тут же закуривает. Столько раз бросал, а нет — нет да сорвется. Нервы. Слишком многое на себе тянет один.

— Интересный проект?

— А то. Совершенно новый формат для зоопарка. Я, как увидел, загорелся. Там же столько всего сделать можно!

Ооо, у нашего трудоголика глаза горят. Значит, все попадем. Хотя парни такие же. Да и

я сам.

— Показывай, — бросаю Давиду, устраиваясь в кресле.

А идея — то очень даже. Так и зависаем над ней до утра.

— Ну что, в душ и погнали? У меня встреча в начале десятого. — Тянусь, смотря на часы. Ночь провели за ноутами, но сна ни в одном глазу. Видимо, выспались накануне.

***

Неделя, как началась продуктивно, так и затянула. Мечусь между офисом, деловыми обедами и зоопарком. Да еще мама подкинула проблему: в каком коматозе был, когда соглашался, не знаю. Но всю неделю исправно посещаю студию и участвую в фотосессии часов. Вот оно мне надо вообще?

В квартиру приползаю без сил. Душ и сон — все, что меня волнует. Светка дует утиные губы и пытается качать права. Без капли сожаления выставляю ее в очередной раз, заваливаясь в кровать. Если первые дни меня тянуло скорее заснуть, потому что снилась она — Яна, то постепенно отпустило. И теперь я просто вырубаюсь, проваливаясь в темноту без сновидений.

В пятницу по традиции собираемся вместе у Дейва.

— Вот на фига тебе одному такой дом?

— Тим, отвали, а?

— Нет, ответь. Ладно вон Артурио — свадьба на носу. Дети пойдут, им надо. А тебе на хрена? Девочек сюда не водишь...

— Тебя вожу. По — хорошему отвали. Родится у тебя сын, будешь ко мне привозить. Вот для него, значит, будет.

— Ооо, это надолго. Давно они?

— Начали только.

Север ржет, глядя на перепалку двух идиотов.

— У тебя как? — Отвлекаемся от них, устраиваясь на диване в гостиной. — Сильно загрузился?

— Норм. Почти все отработали, осталось заявку подать. Надо сроки посмотреть, я чё — то закрутился эти дни.

— Посмотрим. Предки твои как, перебрались?

Ааа! Твою дивизию, как любит выражаться дет. Забыл.

— Мужики, — ору в кухню, откуда несется громкий гогот. — Завтра утром ба всех ждет. Забыл предупредить.

— Склерозник подарю. Чесслово.

— Тим, — рычу. Любитель, чтобы последнее слово за ним было.

— Ехать далеко?

— Часа полтора сейчас. Машин уже нет. Бабушка все также поздно ложится, — Давид оборачивается ко мне.

— Ну?

— Ну и звони. Сейчас поедем. В круглосуточный заскочим, возьмем для шашлыков всего. Север нас покормит завтра. А я так выспаться мечтаю. Лучше сегодня еще прокатиться, зато утром можно не вставать, а?

Отличный же вариант. Быстро набираю бабулю, что мы выезжаем. Получаю инструкции, что купить. Бабулька у меня мировая на самом деле. Хорошо, что они сюда перебрались с дедом. Под присмотром будут.

Решив ехать на двух машинах, наконец, выдвигаемся. Сегодня еду на своей с Севером. На нас возложена миссия покупки продуктов. Поэтому любители пафосных спортивных тачек маячат далеко впереди.

Заскочив по пути в магаз, приезжаем к дому, когда Тим с Дейвом уже дрыхнут. Ба, оставив для нас ужин, тоже спит. Не притронувшись к еде, расползаемся по спальням. Выбираю ту, в которой спал в прошлый раз.

Гигиенические процедуры подождут утра. Рубит страшно. Не включая свет, стягиваю одежду и ныряю под одеяло.

Слышу писк и несдержанно матерюсь, когда понимаю, что в кровати кто — то есть. Подсвечиваю телефоном.

— Не понял? Яна?!

Ни хренашечки себе, как меня накрыло. Это глюк такой, да? Всю дорогу сюда думал о ней. Неуловимой и недостижимой девушке. И такая встреча на Эльбе... как?!

Пользуясь тем, что Яна крепко спит, рассматриваю ее. Телефон отложил. Глаза уже привыкли к темноте, и я приближаюсь к лицу спящей. Исключительно чтобы лучше рассмотреть, кто спит в моей кровати. Только из-за этого.

Сам-то себе веришь, Егор?

Внутренний голос хочется заткнуть. Не хватало еще с самим собой беседы вести.

Молодая. Очень молодая. Очень-очень. Лицо совсем девчачье. Ну никак она не тянет на мать двух детей. Сколько старшей? Три-четыре? Во сколько же она могла родить?

Черт с ним, с возрастом. Она просто невероятно красива. И притягательна. Для меня.

Светлые волосы отлично выделяются на фоне темного белья. Длинные ресницы отбрасывают тень. Аккуратный немного курносый нос. А губы... ну с ними я давно пропал. Как только увидел.

Интересно все — таки, как она здесь оказалась? Разбудить и спросить? Ведь по — любому же меня ждала. Или...? Блин, мысль так себе, если честно. А вдруг ей Давид понравился? Нет, бред. Не в смысле, что он понравился, а в смысле, что она ради него здесь.

Я, конечно, Капитан Очевидность. Разбудить или нет?

Тянусь кончиками пальцев к лицу, потому что зудит. Хочется прикоснуться. Но девушка поворачивается на бок, прижимаясь к моему телу.

Оп — па!

Рука непроизвольно ложится на тонкую талию, подтягивая еще ближе. Какая же она все — таки маленькая в сравнении со мной! Наверное, если встанет рядом, едва ли достанет до груди.

Интересно, почему при мысли об этом так щемит в груди?

Как же хочется прижаться к ее губам, зарыться в волосах... Откуда этот приступ мимимишности?

Вдыхаю опьяняющий запах малины... Как нежно ты пахнешь, девочка. Какая ты хрупкая. Взять и не отпускать — эта мысль вытесняет все остальные.

Пока я борюсь с собой и своими инстинктами, Яна во сне поднимает голову и утыкается в мою шею. Черт, я же не железный.

А она, как назло, тянет руки выше.

Держись, Егор, держись! Или буди и узнавай, что происходит, или терпи. И я терплю. А это офигенно сложно, учитывая, что на Яне из одежды лишь лифчик и трусы.

— Ммм, Егор...

Что?!

Ах ты маленькая... маленькая... нахалка, блин!

И вообще, она же сама пришла, правда? А я так — то ни капли не рыцарь.

Один разочек. Только один. Поцелую и все. Потом уйду сам, и утром буду разбираться.

Прижимаюсь к теплым губам. Невесомо. Только чтобы почувствовать. Прикоснуться.

Каааайф. Невинная ласка, а по телу словно ток пропустили. Надо уходить, да не договориться с собой. Только попробую.

Провожу языком по нижней губе, ощущая, как по венам начинает течь лава. Не хило так

вставляет с легкого прикосновения. Девчонка в этот момент вздыхает и — честное слово, он сам! — язык проникает к ней в рот. Наверное, я реально сплю или словил глюк. Ну не может же она быть сладкой?! Пахнет ягодами, губы сахарные. Утром надо Севера спросить, что за кофе мы пили. Может, подмешали чего?!

В шоке от самого себя продолжаю целовать девушку. Смысл врать себе: никуда я не уйду. И не оторвусь. Меня намертво к ее губам приклеило. Наглею. Скольжу ладонью вниз, задевая аппетитную грудь. И вроде всегда нравились большие размеры, а такие вот «единички» не привлекали. Но сейчас... сейчас... Уже не забота, что девушка проснется (а после нашего поцелуя она наверняка уже, только глаз не открывает), стягиваю лифчик, оголяя вершинки. Разум давно сделал ручкой, как совесть. Они явно в доле и оставили меня одного. Один на один со страстью и желанием.

Еще не сделал ничего, а уже в глазах темнеет. Накрываю холмики рукой. Сначала один, потом второй. На боку не самое удобное положение тела, конечно. Девушка тихо постанывает, подставляя под мои поцелуи шейку. Не люблю заставлять даму ждать. Спускаюсь языком вниз, прочерчивая дорожку к затвердевшим горошинкам. Если она и там сладкая, меня точно разорвет. Долбаный сладкоежка.

Взрыв мозга. Абсолютный! И потеря всех границ, рамок и вообще всего. По — моему, мир лопнул, оставив нас вдвоем в мыльном пузыре. Иначе почему я вместо того, чтобы подняться и уйти, продолжаю исследовать тело Яны, улетаю в нирвану от ее тихих стонов? Как наркоман тяну запах ее кожи, волос, просовывая руку под спину и избавляя девушку от ненужных деталей одежды. Она сама льнет ко мне, обвивая руками шею. В какой момент она оказывается на спине, а я на ней, остается загадкой. Но я уже вжимаю ее в матрас, понимая: одно движение и готов перейти грань.

— Сладкая девочка... моя хорошая... — шепчу в губы, срывая новые и новые поцелуи. Никогда не было желания говорить девушкам в постели нежности, а ей вот хочется.

— Милая... моя милая... позволишь? Позволишь мне?

Последние слова хриплю. Я реально на грани. Терпеть становится не просто невыносимо, а больно. Стаскиваю с себя боксеры, устраиваясь удобнее между янинных ножек. Она ахает, но не произносит ни «да», ни «нет».

— Моя хорошая... да? Скажи мне «да»...

Глажу ее пальцами, ныряя под тонкую полоску белья. Такая податливая, такая влажная.

— Ты же хочешь... девочка моя... воробышек мой... да?

— Да, Егор, даааааа...

Как первый прыжок с парашютом. Шагаешь и забываешь, что нужно дышать. Отвожу в сторону последнюю преграду между нами, и больше не думая вообще ни о чем, врываюсь в желанную девочку. А мне бы, дебилу, задуматься, что глаза ее до сих пор закрыты...

— Какого хера?!

Утром еле волоку ноги. Хорошо, остановка рядом и автобус приходит без опозданий. Обещаю себе, что доеду до тети Зои, заберу малышей и с ними съезжу в город. Нога к утру опухла еще больше, но хорошо, что таблетки дали возможность продержаться. Егора и его друга видела мельком: они сидели недолго в клубе и ушли. И хорошо, что ушли, а то пол слюнями уже закапан был. Молодые, успешные, красивые... конечно же, они сразу привлекли к себе внимание.

Смотрю в окно, воспроизводя в голове вчерашний вечер. То, как он трогал мою ногу, как нес на руках. А я тайком вдыхала запах парфюма и пыталась его запомнить. Для такой, как я, это событие в жизни. А в новой жизни, после смерти папы, и вовсе единичный случай заботы и внимания. Мама тогда как-то резко начала пить. Потом в ее жизни появился один мужчина, второй, третий... После него я считать перестала. У меня другие важные дела появились: не умереть от голода. Матери к тому времени стало плевать, мне кажется, она и не всегда помнила, что родила дочь. Спасибо соседке: пристроила мыть посуду в столовую. Там кормили и платили нормально. Может, немного, но мне — тогда ещё школьнице — хватало собрать на одежду или школьные принадлежности. Повезло, что в классе были нормальные ребята и стороной обошли издевки и смешки. Иначе бы я не выжила.

Когда в нашу жизнь пришел Иван, трудно сказать. В один прекрасный момент мать вдруг очнулась и велела собирать вещи. Так мы оказались здесь. В небольшом посёлке. Чтобы успеть к первому уроку приходилось вставать в шесть часов и ехать на автобусе, развозящим рабочих. Но я готова была. Лишь бы не менять школу. Да и работа в городе так и оставалась.

Выхожу на своей остановке, трясую головой. Сейчас ни к чему всё это вспоминать. Смысла нет. Сейчас малышей забрать надо. Маленькая рано просыпается, а у соседки возраст такой, спать и спать по утрам.

Ковыляю, припадая на больную ногу. Надо же было так попасть. Но зато на ручках покаталась. Улыбаюсь своим глупым мыслям. Где еще такое бы в жизни случилось? Нигде. А так вот помнить буду.

Поскорее только разобраться с ногой. Сегодня снова ночная смена и поменять в зале меня не с кем. А отказаться от работы я никак не могу. Это и ежу понятно.

— Что с тобой, девочка?

Теть Зоя так похожа на мою бабушку. Наверное. Я ни одну не помню. Но в мечтах примерно такой представляла. С добрым лицом и кучей морщинок возле глаз.

— Упала неудачно.

Начинает охать и причитать. И по голове гладить. А я стою и ловлю жадно эти ласки. Так мне не хватает тепла человеческого. Просто поделиться своей тяжестью. Даю себе несколько секунд на слабость. Больше нельзя. Жалость унижает и расслабляет. А мне ни то, ни другое не нужно.

— Теть Зой, проснулись мои девчонки? В травму поеду, хочу с собой взять. Маруське курточку надо и кроссовочки. Похолодает, нечего надеть будет.

— Проснулись, милая, проснулись. Разве ж эта труба даст кому-то поспать? — По — доброму улыбается. — Сама-то или, блинчик хоть перехвати. Совсем прозрачная стала.

— Спасибо. Не хочу есть. На работе перекусила.

Почти не вру. Правда выпила стакан воды. А ночью кофе пила. Желудок жалобно сжимается, но есть я не соглашусь точно. Она ж на пенсию живет, денег не возьмет. А так я тоже не могу. Вот если бы она согласилась присматривать за оплатой. Тогда бы... Но об этом я поговорю вечером с ней. Ещё слов подходящих не нашла.

— Ела она. Вечером ждать вас или тебе больничный дадут!?

— А можно? Если можно, приведу.

— Я ж сама спрашиваю. Значит, можно. И мне веселее, и они под присмотром. А ты, выходит, без справки? Работать?

Пожимаю плечами. Что тут отвечать? Мне девочек надо кормить и одевать. Больше рассчитывать не на кого.

Забираю довольных малышей и хромаю к дому. В травму еще рано. Можно взять сумку и пойти на озеро. А оттуда уже сразу доехать до врача. Благо в коляску влезает и сухая одежда, и игрушки. Или дома остаться, там тоже дел много. Огород сам себя не выходит. Но дома вариант, если Иван или спит, или убрался к друзьям. В иных случаях пересекаться с ним страшно. Не посмотрит ни на кого, изметелит, и потом лежи в углу и считай вдохи, чтобы встать получилось. Почему-то бьет постоянно в живот. Или по бокам. Там синяков не остается, а болит очень долго.

— Ксюш, — тянет Дашка, — ты чего грустная сегодня?

— Устала просто. И нога, видишь, болит. А так я веселая. — Улыбаюсь. Дашка не по годам взрослая, взгляд такой, словно пять жизней прожила. Да и достается ей теперь тоже. Машку пока не трогает. Она бы точно не выдержала. Слабенькая она у нас.

— На озеро сегодня?

— Посмотрим, если папа дома, то уйдем. А если нет, посмотришь за сестренкой? Надо парником заняться.

Парник, конечно, преувеличено. На пленку и ту денег нет. Поэтому у меня свой метод — глубокая яма, а сверху накрываю старыми рамами. И, кстати, хорошо растет все. Рабочий метод. Только сорнякам по фи́г, они в любом месте растут.

Господи, как же легко все-таки может человек упасть с высоты. В один миг. Пусть мы не жили шикарно, но неплохо же. У меня счастливое детство было. И мечты. Мечты точно были. Мы на море собирались, уже билеты купили... когда всё детство закончилось... До сих пор порой кажется, что это дурной сон.

Так, встряхнулась, Романова. Чем больше вспоминаешь, тем больше себя в депрессию загоняешь. Помни, что у тебя на это нет права.

— Ксююююш, слышишь?

— Слышу... здесь постой с коляской.

Ну вот. Сегодня снова не до огорода. Крики слышны за несколько домов. Значит, снова целый день на озере.

Хочу пробраться к дому, взять сумку с полотенцами, но вовремя вспоминаю про ногу. Ладно, на месте придумаем. Можно ведь и не купаться или пеленку приспособить.

***

«Перелома нет»... «растяжение связок»... «фиксирующая повязка»... До сих пор слова звучат в голове. Хорошо, что обошлось без сломанных костей, но вот это «полный покой ноге»... как контрольный. Значит, фиксировать и терпеть. Ко всему ведь привыкнуть можно, к боли тоже.

Сижу на берегу и смотрю, как девчонки копошатся в песке. Замок строят. Сегодня на

удивление много детей, поэтому компания шумная и деятельная. Позволяю себе немного расслабиться и помечтать. Я с детства люблю это делать. Раньше забиралась на подоконник и уплывала в выдуманный мир. Раньше, правда, я и в деда мороза верила.

Прикрываю глаза и представляю... Егора. Как человек может быть таким... красивым? Он же ожившая мечта любой девчонки. Дело даже не столько в его внешности, сколько в глазах. Космос же, а не глаза. В них и страшно утонуть и хочется это сделать. Эх, повезет же какой-нибудь красотке, которую он выберет. Впрочем, из того, что я видела на этом самом берегу, красивых девушек вокруг него много. Слишком много. И распыляясь на всех, вряд ли захочет одну. А жаль. Таких, как он, можно любить всю жизнь.

— Ксюш, Ксюша, я есть хочу.

— Сейчас, моя хорошая. Давайте сюда двигайтесь.

Достаю булку и сыр, купленные в городе, и делаю бутерброды. С девчонками подтягиваются и другие детки, сметая на воздухе все запасы. Улыбающиеся мордочки такие счастливые. За компанию с ними и Маруська погрызла горбушку. В последнее время ее очень тяжело заставить есть что-то, кроме каши.

Кто-то из взрослых достает ракетки и начинается веселая игра в бадминтон. Два молодых папы привлекают детей, зовут и моих стрекозок. Машулька хоть и совсем маленькая, но с координацией ей повезло. Пусть до игры ей далеко, но ракетку дали подержать и она даже сумела пару раз случайно попасть по волану. Как же я благодарна этим мужчинам, что не оттолкнули моих крошек. Бывало и такое на детской площадке... а как им объяснить, что они не у дел, потому что... потому что я и себе причину объяснить не могу. Отец пьет и плюет на них, а сестра еще мала и без опыта, чтобы устроиться нормально работать. Как это вот донести малышам? Правильно — никак.

После активных прыжков и беготни девчата начинают клевать носом, и я веду их прямо к дому соседки. Вообще — то она не совсем соседка. Через улицу. Мне так называть проще. Потому ей с огородом или готовкой, она рада будет. Заодно и девочек оставлю. Домой идти сегодня нельзя. Хорошо бы еще успеть до озера вернуться и освежиться. Душа у тети Зои нет, а баню она топит по субботам. Или набраться наглости и попросить тазик. Сейчас жарко, вода быстро на солнце нагревается. Посмотрим, короче. Главное, дойти. И таблетку выпить. У меня их целый запас сейчас. Еще одну перед сменой.

Мне везет, пока готовлю, грею себе воду, и даже умудряюсь вымыть голову под яблонями. Когда же сюда проведут водопровод уже?! Столько лет обещают. Это еще хорошо, что газ есть. С баллонами я бы не знаю, что делала. Их ведь подключать надо. В этом очень повезло, я считаю.

На работе везет еще больше. Людей всего три столика, но гуляют немолодые мужчины. Рождение внука или внучки отмечают. Я так и не поняла. Пьют, радуются, и не шумят особо. И самое классное — благодарят хорошими чаевыми. Даже поделив на всех, оставшейся части мне точно хватит Маруське на куртку и Дашке на новую кофточку. Как бы не было туго, но на обновки им коплю, чтобы сразу обоим купить. Стараюсь всеми силами избежать ревности у девчонок. Хочу, чтобы росли и поддерживали друг дружку.

Сплю на работе в подсобке и в ужасе подскакиваю, когда вижу на часах одиннадцать. Это сколько же я проспала!? Пять часов!?

Со всей возможной скоростью добираюсь до автобуса и скорее хочу попасть к девочкам. Наверняка там с ума сходят.

Выхожу на остановке и захожу в магазин. Помнится, тетя Зоя говорила, соль

закончилась. Сегодня можно и сладким побаловать мартышек.

— Оксан, привет.

Оборачиваюсь на голос. Мамина бывшая подруга.

— Здравствуйте, тетя Марина.

Хорошая женщина, только болеет очень. А так добрая. Это она помогла мне с похоронами и первые дни, когда я не знала, куда бежать.

— Слушай, ты работу еще ищешь?

Неопределенно жму плечами. Конечно, ищу. Но мне надо понимать, смогу ли я совмещать, учитывая, что скоро начнется учеба.

— Смотри, в общем. На днях пара пожилая заехала в соседний поселок. Сразу прс молоко уточнили, а молоко у меня же только. Ну сегодня приходила познакомиться женщина. Энергичная такая. Будут брать. Они помощницу ищут — там прибрать несколько дней в неделю, с цветами помочь. Я про тебя вспомнила. С институтом сможешь совмещать, если договоришься.

— Ооо, — бросаюсь на шею к женщине, — тетя Мариночка... Вы опять меня спасаете! Я как раз хотела еще что — то искать. Девчонки растут...

— Оксан, я понимаю хорошо. Иван вообще забил? Не обижает вас?

— Нет — нет, что Вы... — Разве можно кому — то сказать? Один раз мое унижение видела подруга, приехавшая навестить... и мне не помогла, и себе чуть хуже не сделала. А он меня потом ремнем... ой, боже... — У нас все в порядке.

Тетя Марина поджимает губы и с сомнением смотрит.

— А с ногой что?

— Это сама упала. Случайно оступилась.

— Ох, Оксана. Догадываюсь я, как у вас все хорошо, — и кавычки руками показывает. — Но ты взрослая девочка уже, надеюсь, знаешь... Ай, все бабы дуры. — Машет рукой.

Пока она причитает о нелегкой женской доле, успеваю купить соль, конфеты и пряники. Их — тете Зое, она любит с чаем.

— Завтра понесу молочко сама. Хочешь, тебя с собой возьму? Если сговоритесь, так сразу. А то найдут кого другого.

— Хочу, если можно. Я как раз всю неделю в ночь, а днем могу.

Ксюша.

Дом, в который привела тетя Марина, поразил в первую очередь своим уютом. Не размерами, хотя он огромный, не богатством, а именно домашней обстановкой. Дом для жизни, а не для пафоса — так бы его назвала.

Хозяева тоже понравились. Мужчина вообще простой и улыбчивый, а женщина более строгая. Но приветливая. Сразу к себе расположила. Может быть, я ей понравилась, а может, мамина подруга успела что — то шепнуть, но так или иначе, на работу меня взяли. К счастью, никакого графика не требуется — достаточно дважды в неделю прийти и провести уборку и стирку с глажкой. Иногда помощь потребуется чаще: когда будет приезжать внук или сын. Прикинула, что должна справиться. По крайней мере, попробовать. И сразу осталась войти в курс дела.

— Оксаночка, умница, — хвалила Ирина Иосифовна, когда мы прощались. — Теперь до встречи в пятницу? К обеду внук с друзьями приедет, сможешь пораньше прийти, помочь убрать, комнаты приготовить? Или даже с пятницы?

— Как Вам удобно. — А сама лихорадочно думаю, что в среду и четверг у меня ночь — день — ночь. И лучше в пятницу еще что — то поделать, чтобы в субботу спать до обеда. Иван как раз уедет, а ко мне подруга собиралась.

— Тогда давай в пятницу часиков после семи?

— Да, конечно.

Ура! Это же отлично складывается! Может, постепенно и выгребу на белую полосу? Главное же — не терять надежду?!

А пока можно заняться насущными делами. Пользуясь затишьем в попойках отчима навести порядок во всем доме, вынести мусор, перестирать белье и шторы... ох, впору список составлять, а не думать обо всем, топая за девочками, а потом и к своему дому. Еще ягоды собрать надо и сделать компоты. Дашунька поможет с мытьем банок. Что банки, что кусты на участке остались от старых хозяев. И это большое подспорье. Малышки любят пить сладенькое.

Тихонько смеюсь, вспоминая, как я начинала заниматься всем хозяйством. Ничего же не умела. Подсматривала рецепты в старых журналах, спрашивала у соседней. Быстро втянулась. Вот только с супами у меня до сих проблема: не получаются такими вкусными, какие варила мама давным — давно. И с выпечкой тоже беда. Я просто не умею обращаться с тестом. Так, примитивное делаю, но мои малышам хватает. И Ивану все равно. Ему никогда вкусно не бывает. Как же я мечтаю, что когда — нибудь смогу вырвать Машку с Дашкой от него и увезти. Но пока надо терпеть. Он поставил условие: не буду смотреть за ними, сдаст в детский дом. А мне их никто не отдаст обратно.

И это очень сильно мотивирует не нарываться. Пока я не смогу придумать, как забрать сестёр от этого изверга.

Смены выдались суматошные, ночью так вообще не присесть было. То густо, то пусто. Хорошо, смогла пару часиков поспать на диванчике перед тем, как ехать домой. Со сном в последнее время проблема. Стоит закрыть глаза и снится тот парень. Егор.

Нога проходит, а вот ощущение его пальцев на коже... он словно до сих пор прикасается. И такое томление внутри, стоит вспомнить мужской парфюм или глаза, или

улыбку... А тут еще Владимир на смене смотрел ролики... господи, от одних звуков я вся бордовая ходила. А уж когда зацепила картинку. Мне и двух секунд хватило, чтобы унести ноги. А теперь фантазия бушует и никак не усмирить. И переключиться хочу, а во снах он. Трогает ногу, ведет рукой вверх... смотрит... целует...

Просыпаюсь вся в мурашках и с испариной на лбу. Стало стыдно подходить к зеркалу — в отражении страшно увидеть развратную и распущенную себя. Не могут сниться подобные сны приличным девушкам. Я, когда одноклассник в выпускном классе поцеловал, несколько дней ходила, как в воду опущенная. Что позволила. Подружка смеялась, что я зациклена, но... я не могу. Не могу переступить через себя.

— Здравствуйте, Александр... эээ... Клеменьевич, — ух, вспомнила! Не хватало еще опозориться!

— Оксаночка, здравствуй! Проходи, проходи. Ира ушла, активно знакомится с соседками, — смеется. И улыбка у него красивая такая. Кого — то напоминает, но никак не могу сообразить, кого. Наверное, актера. В прошлой жизни я любила смотреть с мамой сериалы. — А ты можешь без нее приниматься, если удобно, за дела. Или давай чайку сначала попьем?

На всякий случай отказываюсь. Понятия не имею, можно ли пить чай с хозяевами дома или нет. И как отнесется его жена, если вдруг я бы согласилась. Поэтому деликатно говорю, что чай после всей работы, и иду на второй этаж. Еще в первый визит мне объяснили обязанности: пыль, подготовка комнат. Значит, намыть ванные, застелить постели. Ничего сложного. Учитывая, что дом новый и никто раньше не жил. Только в трех комнатах видны следы пребывания, но и их быстро устраняю.

Перехожу на первый этаж и застилаю уже последнюю комнату, когда приходит Ирина Иосифовна. С порога начинает ругать мужа, что девочка (то есть я) голодная, а он не подумал мне предложить ужин. Меня аж в краску вгоняет. Хочется поскорее доделать и уйти, чтобы и не обидеть и не прослыть невежливой. Но непонятно каким образом уговаривают перекусить. Рассказывают, что жили раньше очень далеко, сюда сын настоял переехать. Поближе.

— Оксана, ты уже совсем спишь, бедная. Давай — ка ты сейчас ляжешь отдохнуть, а утром рано встанем и за готовку? Есть тебе, с кем оставить детей?

Девочки у тети Зои, потому что не знала, как закончу. С чистой совестью киваю и уже без отговорок принимаю предложение. Если не лягу сейчас, то точно усну стоя. Сытный ужин и горячий чай спутали сознание.

Бреду в выделенную комнату, аккуратно складываю платье. Какое блаженство — постоять под душем после тяжелого дня. Но вместо того, чтобы взбодриться, становлюсь сонной черепахой. Вода расслабляет. Уже еле — еле соображая, дохожу до постели и уплываю в сон.

Сегодня не хочу сопротивляться образам, которые приходят ночью. Я слишком устала. Безумно.

Снова снится Егор. Снятся его губы. Темно, а он со мной и целует меня. Это так реалистично, так... так потрясающе приятно... Снится, что чувствую горячее тело, и лгну к нему. Можно, пожалуйста, не выключать видение до утра?

И все же... все же... какие ощущения! По венам струится кипяток, а в животе бабочки устроили органнй концерт. Как иначе объяснить, что внутри печет, сводит, щекочет? Так сильны эти новые впечатления... я даже тихо охаю:

— Ммм, Егор...

Прошу тебя, снись мне еще. Подари чуть — чуть твоего тепла и твоих ласковых рук. Пусть это вне не по — настоящему и утром я буду грустить от того, что в моей жизни ничего подобного не случится... но сейчас... сейчас — то ты мой... виртуальный, да... но мой и со мной...

Спасибо, спасибо Господи! Он снова целует, гладит меня. И мне не стыдно. Не стыдно ощущать прикосновения к груди, к бедрам. Я же знаю, что это не по правде. Сама себе придумала. Я все равно про него забуду.

Кайфую. Ох... плавлюсь во сне, как желе... кажется даже слышу шепот. Я совсем ненормальная. Напряжение внутри нарастает, и там, в параллельной вселенной, у меня совсем сносит крышу. Похоже, утром прямая дорога в психушку, потому что могу поклясться, но ощущаю запах мужчины. Тот, который вдыхала лишь однажды...

Внизу живота скручивается узел, и я, видимо, узнаю первое удовольствие во сне. Пусть так.

Но вместо приятного наваждения тело пронзает вспышка боли, концентрирующаяся между ног. Первые мгновения не могу вдохнуть и открыть глаза, а когда, наконец, удается, вижу злое лицо и слышу громкий крик.

— Какого хера?!

А... а как здесь оказался... Егор?!

Егор.

Мозг сейчас взорвется от переизбытка вопросов. В башке стучит на повторе: как? Как, бля, мать двух детей могла оказаться... девственницей?! Мне ведь не показалось!

Лежит, глаза таращит, слезы текут. Понятно, чего текут. Я же знать не знал. Спросил — ответила. Пиздец. Впору за голову схватиться или начать биться о стену. Но ситуацию это не исправит.

Я до сих пор в ней. От испуга она сжалась так, что на подкорке страх мужской — только бы не заклинило. Сколько в моей молодости было невинных девочек, но сейчас... Это треш и краш!

Так. Надо успокоиться. И успокоить Яну. Она, конечно, тоже дала. Проспать первый секс.

Вдох — выдох. Еще бы сглотнуть, чтобы ком противный ушел.

— Ян, солнышко, расслабься. Сейчас поговорим. Не бойся меня... — Стараюсь говорить медленно и как можно нежнее. Хотя и понимаю, что несу бред.

Да... к такому в жизни не готовят.

Не смотря на патовость и идиотизм ситуации, ощущения фееричные. Хочется двигаться, вбиваться и брать эту несносную девчонку. Но... умом, проблески которого все еще есть, понимаю — нельзя.

Выхожу с хлюпающим звуком. Кусок идиота. Так затуманило разум, что забыл про все на свете. В том числе про защиту. Хотя запас — то вот он. Ну в смысле где — то в кармане штанов. О чееерт!

Девчонка мало того, что продолжает всхлипывать, тоже смотрит вниз и с лица сходит вся краска. Ну правильно, чё. Возбуждение — то мое никуда не делось. Во всей красе, в подтеках крови. Да и у нее на бедрах мазки. По — любому я ей сделал плохо. Слишком много крови.

Собираю всю силу воли в кулак и пытаюсь улыбнуться. Наверняка не вышло, потому что у Яны начал дрожать подбородок. За него и берусь пальцами. Нежным стараюсь быть.

— Прости, девочка. Прости меня.

Проталкиваю руку под ее спину и пытаюсь поднять. Она испугано цепляется за одеяло, выгибается.

— Тише, тише. Ты не молчи только, ладно? Давай сходим в ванную и смоем аккуратно все.

Ну что такое. Только трясется и плачет. Может... Может, поцеловать?

Ну раз уж сегодня ночь дебилов, то бишь моя, то и решения соответствующие. Поэтому наклоняю голову и целую. Губы от слез мокрые и соленые. А сладость тоже никуда не ушла. Так и получается сладко — соленый вкус. Она не отвечает, но хоть не отталкивает. В шоке до сих пор.

Да я сам от себя в не меньшем.

Ставлю девушку на пол и настраиваю воду. Она маленькая такая. Как я и предполагал. До плеча едва достает. И повязка на ноге.

— Нога? — Киваю вниз. — Так и не прошла? У врача была?

А сам в это время уже под воду подталкиваю и аккуратно намыливаю гелем.

От воды или моих движений, Яна наконец очнулась. Отпихивать начала. А я не даю. Не отхожу. Ну как вообще теперь отпустить можно, после такого подарка? А дети... про детей ее, которые получаются не ее, позже спрошу. Сейчас бы усмирить красавицу и поспать. Не хило самого трясет.

— Пожалуйста, не надо. Не трогай... те...

А глаза... глаза такие умоляющие... Да твою же мать. Чувствую себя распоследним мудаком.

— Подожди, воробышек, дай смыть пену. — Аккуратно поворачиваю девочку. Не могу отказать себе и провожу по нежной коже руками. Надо же... хрупкая... как фарфоровая.

Обнимаю одной рукой за талию и быстро привожу себя в порядок. Еще бы стояк убрать. Как мачта же встал и один дискомфорт причиняет. Ему не объяснишь, что косяк и ничего сегодня не будет.

Заворачиваю в полотенце ягодку и несую в кровать. На пятно кидаю покрывало. Поспим на нем. Сейчас вот не в тему будет смена белья. Ну никак.

Янка сжимается в клубочек и молчит. А мне хочется, чтобы говорила. Пусть даже обвиняла меня. Так хоть шанс есть показать, что я не... ну что я не? Черт. Может, она не хотела, а я полез.

Но как же «да Егор» и потом еще? Мне не послышалось. Я еще не совсем псих.

Заставляю посмотреть на меня. Чтобы без паники.

— Испугалась?

— Да. — А голосок тонкий и дрожит. Хочется прижать к себе и пообещать защитить от всего мира. Ага, от самого себя только кто защитит?

— Я... — нет, «я дебил» прозвучит уж слишком... — Я не понял, что ты спишь. Спрашивал тебя, а ты отвечала.

— Мне... мне сон снился... я же знала, что Вы... что тут можете быть... как Вы?

— Давай для начала перейдем на «ты»? Вроде как я уже был в тебе, да и кровать располагает к другому формату?

Даже при свете ночника вижу, как она краснеет.

— Не смущайся, пожалуйста. Нам поговорить все равно придется. Но давай утром, ладно? Сейчас лучше успокоиться и поспать.

— Хорошо. И... — кусает губку, а у меня сразу охотничья стойка на этот жест. Тоже хочу прикусить. И приласкать. — простите меня...

Вот сейчас я в очередной раз охренел.

— Ааа... — «Бэ», блин. Соберись уже. — А за что простить?

— Я... ну Вы же... в смысле ты же... у Вас вон... — вниз головой кивает и еще больше смущается. Интересно, а сколько оттенков красного цвета выдает ее кожа? Я видел уже три.

— Не переживай. Это физиология. Мужчина в принципе может сдерживать свои инстинкты.

— Угу.

Да я и себя — то не убедил. По ней видно, что ее тем более.

— Давай спать, моя хорошая. Ложись, как тебе удобно?

А сам тяну ее так, чтобы головой на руку мою легла, и обнять мог. Как там ба говорит? Чудны дела твои, Господи? Вот точно. Я не только заснуть с ней хочу. Еще и сам прижимаю. А потому что не отпущу. Пока не могу оформить в слова чувства, которые девчонка вызывает, но хочу быть рядом.

Поглаживаю по плечу, пока не слышу размеренное дыхание. Сначала всхлипывала во сне, а потом стала все тише и тише. А я в потолок таращусь. Попал...

Последний раз на часы смотрел в четыре. Яна спала, не шевелясь. Так и провалился в сон, притиснув к себе ягоду. Снов не было, но ощущение счастья в сердце присутствовало. Наверное, счастья. От других эмоций вряд ли во сне улыбаются.

Широко зеваю и открываю глаза. Тело занемело. Сколько часов так пролежал, не меняя положения? Навскидку, часа три, а то и больше. Поворачиваю голову, растягивая улыбку. Хочу утренний поцелуй. И по — любому получу его.

Не понял.

На ходу натягиваю штаны и вылетаю из комнаты. На кухне голова. Вбегаю, окидывая взглядом. Ба, Дейв, Артур.

— Ба, а где Яна?!

— Какая Яна, Егор? Тут не было никогда Ян. Пили вчера?

— Ба — а, — тяну. — Я не шучу. Где она?

— Да кто? Яна?

Утвердительно киваю. На Давида смотрю. Ну он — то понимает, про кого я.

— Иди сюда, внук. С бабушкой поздоровайся. — Автоматически шагаю. — Нет здесь Ян, приснилось тебе, похоже. Домработница только была утром, так ушла давно. Спали все.

Вот сейчас точно: что за нахер был ночью?!

Александр Клементьевич.

Наблюдаю за растерянным внуком. Стою так, что на кухне меня не видно. Зато мне и видно, и слышно прекрасно.

Пытаюсь понять, что затеяла Ира. Очевидно же, что Егор спрашивает Оксану. Только называет ее почему-то Яной.

Хорошая девочка эта Оксана-Яна. Видно по ней. Глаза добрые. Чистая. А я за свои годы людей видеть научился. Светка эта, с которой внук болтается, та да. Штамп на штампе можно ставить. И смотрит так, будто сканер встроен: сначала оболочку оценит, затем только снизойдет или нет. Не нужна такая Егорке. Такая не полюбит по-настоящему. А эта Яна-Оксана могла бы, да. Но тут уж за свою кровь не поручусь — нет уверенности, что внук достоин. Парадокс, конечно.

Парень — то видный. Образование хорошее. Гений в своем роде. Воспитание опять же, манерам обучен. Да нет в нем огонька. Того, который горит, когда любишь. Нет... отсюда и увлечения дурацкие, адреналина не хватает, вот и ищет на стороне. Заполняет пустоту.

Всё я вижу и понимаю. Да.

Егор, как вихрь, срывается с места и несется на улицу. За ним друг его, Давид. Хороший тоже парень. Хороший. Погуливает, конечно, не без этого. Хотя вроде есть у него зазноба. Видел пару раз. Одного поля ягода со Светланой. Да только парой не смотрятся они. Как же звать ее, девку давидову? Не помню. Да и не важно. Не его она. Да.

Вхожу в помещение, когда Ира шустро выходит. Проверять не надо, в спальню внука побежала. Оба мы видели, как девчонка из комнаты утром выходила. Только я отошел, чтобы не смущать, а Ирка орала на улице. Воспитывала.

Дело-то молодое. Только свербит что-то в груди. Сдаётся мне, девчонка — то девочка совсем. В женском плане. И очень надеюсь, Егор не натворил дел.

Егор.

Ощущаю себя полнейшим дебилом. Ну не могло же мне присниться, вашу же мать? Не могло! Я до сих пор запах ее ощущаю, вкус ее помню.

Сам не знаю зачем, выскакиваю на улицу и несусь до пристани. Естественно никого нет. Слышу шаги сзади. Оборачиваюсь. Давид. Друг щурит глаза, смотря на воду. Думает.

— Что происходит, Егор?

Сбивчиво, как первоклассник перед строгими родителями, пересказываю вчерашний вечер. Как нашел Яну в своей спальне, как повел себя... выставив кретином. Да слов не хватает высказаться, кем я только сейчас себя не ощущаю.

— Что молчишь? Высказывайся.

— Выскажусь. Потом. — Оборачивается и смотрит на дом. — Камеры.

— Что?

— Камеры, говорю, проверь.

Умный? Да — да. Не про меня это сейчас. Ну конечно, по всему холлу и периметру есть наблюдение. Сами же ставили. Бегом в дом. Тимур спит, его фиг поднимешь.

— Влад где? — Спрашиваю деда, сталкиваясь с ним в коридоре.

— Сауной занимается.

— Спа...

— Иди — ка сюда, Егор. Поговорим.

— Потом, дед. Мне сейчас надо...

— Я лучше знаю, что надо. Пройдемся.

Внутренне рычу. Наверное, внешне тоже, только уже сам не замечаю. Я впервые испытал непохожие на остальные эмоции, и сейчас у меня их отобрали. Отобрали и прячут.

— Дед, давай правда потом?

— А если я знаю про твою Яну? Пойдешь?

У меня, наверное, уши, как у ищейки встали. Внутри все напряглось, как перед броском.

— Идем.

Дед не смеша проходит, а мне хочется подтолкнуть. На веранде курит Дейв, глазами спрашивает, нашел ли пацанов. Мотаю головой, и он встает, давая понять, что сам займется.

— Откуда знаешь эту... Яну?

— Мы были здесь на выходных, рабочих проверяли. Увидел на озере. Думал, дети у нее. А на следующий день... короче, в травме ее я виноват.

— С этим сам разберешься. Но вот еще что спрошу, серьезно ли настроен или так?

— Не знаю, дед. — Говорю правду. Девчонка зацепила. Сильно зацепила. Бляха, да мне никогда бабы не снились, а эта не отпускала во снах. И не баба она, а девочка. Нежная девочка.

— В себе разберись, внук. Девчонку зовут Оксаной. И детей у нее нет, сестер тянет.

— Я догадался. Что детей нет.

Оксана... ей подходит. Такое же строгое и такое же мягкое, как обладательница имени. Улыбаюсь, когда вспоминаю нахмуренные брови. Оксана...

Дед следит за выражением моего лица и, мне кажется, одобрительно, кивает.

— Только не налажай, внук. И разберись сначала со своей личной жизнью. А только потом взвесь все и подумай, *что именно* тебе нужно.

Хлопает по плечу и уходит. А я, как недавно Давид, смотрю на бегущую внизу воду, и вспоминаю доверчивые глаза, смотрящие в мою душу. Мне кажется, я уже разобрался. И да, я не налажаю. По крайней мере, постараюсь.

После обеда Тим и Влад уселись за свои навороченные ноуты, с которыми никогда не расстанутся и обещали к вечеру добыть все, что можно про интересующую девушку.

Наверное, что — то нарыли. Узнать я не успел. Мы уже готовили шашлык, когда раздался звонок отца, что матери плохо с сердцем, приехала скорая, и мне срочно необходимо быть дома. Пацаны начали собираться со мной, но ба вцепилась в них с просьбой помочь. В другой раз я бы обратил на все это внимание, но мысли были заняты состоянием матери.

Домой я мчался один...

Ксюша.

Боже мой, какой позор! Какой кошмар!

Прижимаю прохладные ладони к щекам, вспоминая ту ночь и то утро. Поддалась чарам красивого парня, потеряла голову. Показалось, что разглядела за прекрасной оболочкой не менее красивую душу. Душу человека, умеющего быть заботливым и нежным. И даже умудрилась провалиться в сон на его плече. Вдыхая неповторимый запах, обнимаемая крепкой рукой, позволила себе поверить, что не одна. Глупая наивная дурочка. Кому поверила? А главное, зачем?

Про то, что случилось еще той ночью, стараюсь не думать. Не сказать, что я носилась со своей невинностью, как с сокровищем. Нет. Скорее думала, что всему свое время и уж, конечно, мечтала, что *это* произойдет с любимым человеком, который окружит лаской и вниманием. Ничего из всего перечисленного не сбылось. Но я запретила себе жалеть. Сделанного не воротишь и не исправишь. Тогда какой смысл рвать на себе волосы? Да, не так, да больно... но моим первым мужчиной оказался парень, о котором мечтают тысячи девчонок. Грустно усмехаюсь, думая, что останется все приятным воспоминанием.

Куда сложнее забыть слова, сказанные Ириной Иосифовной. Бабушкой Егора, как оказалось.

Я проснулась, когда было темно. Грудная клетка Егора размеренно поднималась и опускалась, а загорелая рука прижимала меня к горячему боку. Пусть стояла жара, но отодвигаться не хотелось. Напротив, очень хотелось остаться и проснуться вместе. Но из глубин сознания подняла голову совесть и брат ее — стыд. И не придумав ничего лучше, решила уйти. Сразу. Пока сам не выгнал утром. А что так и будет, я прекрасно понимала. Кто я для него? Так, девочка на ночь. Он ведь даже именем чужим называл. Яной. Видимо, любимая его, с которой он по каким — либо причинам не вместе.

— *Оксана? Ты что делала в спальне моего внука? — Строгий окрик заставил вздрогнуть и напрячься еще сильнее.*

— *Я... — Голос просел, и потребовалось время, чтобы собраться с мыслями. Но слишком долго я приходила в себя. Хозяйка дома свои выводы уже сделала.*

— *Ты. Когда я тебя нанимала на работу, думала, беру приличную девушку. А не проститутку, скачущую по чужим койкам. Скольких сегодня обслужила? Оксана?*

Боже мой... что она такое говорит. Прикрываю ладошкой рот, чтобы сдержать рвущиеся от обиды рыдания. А она наступает, вытесняя за двери, и повышает голос.

— *Надеюсь, не надо объяснять, что продажным девкам не место в приличном доме? Больше слышать про тебя не хочу. И тетке передай, что в ее услугах мы больше не нуждаемся. Имей в виду, везде камеры и все твои данные у меня есть. Пеняй на себя, если что — то пропало.*

А потом выхватывает мой рюкзачок и высыпает его содержимое на плитки перед домом. От удара раскалываются духи, которые на день рождения каждый год дарит подружка, разлетаются деньги и рассыпается вся мелочь. Хорошо, что телефон лежал в кармане. Если бы разбился, на новый у меня просто не было бы средств. Женщина бросает сумку следом за вещами и кричит, чтобы я убиралась. Подхватываю рюкзак и хочу собрать деньги, наплевав на гордость, но она хватается за локоть и волочет к воротам. Как самую

последнюю преступницу. Но я же... я же ничего не сделала! Глотая слезы, пытаюсь объяснить, но кто я такая, чтобы слушать.

И не так жаль оставшихся купюр, хотя их нам хватило бы на неделю, не так жаль, что за отработанные дни не заплатили, а вот то, что со мной обошлись, как с одноразовой вещью... И это женщина, у которой такие добрые глаза и приветливая улыбка...

Сколько же людей носит маски, показывая миру совсем не тех себя, какими являются на самом деле? Эти люди среди нас, мы встречаем их каждый день. Мы с ними работаем, дружим, переживаем. И как потом страшно становится увидеть истинное лицо. Толчком, чтобы снять маску, может послужить что угодно. Любое действие или слово. В моем случае спусковым курком стала встреча на пороге комнаты Егора. Может быть, дождись я утра, было бы иначе. Но проверять я бы не хотела. Яблочко от яблони падает недалеко, а, значит, он мог обойтись еще грубее и жестче.

К тому же я помню вечер на озере. Знакомство с девушками из поселка и то, как он с другом увез девушек с собой. Явно они их повезли не цветы рассматривать. Так просто: десять минут общения и уже готовы оказаться в постели.

Ксюша, Ксюша, а сама — то ты? Внутренний голос поднимает голову. Сама — то сколько была знакома? И позволила целовать и еще кое — что... а потом вообще в душе была с ним. С голым! Такая же доступная, как они. Нет прав осуждать. Никаких прав. А он мужчина. Ему дали, он взял.

Первую неделю с той злополучной пятницы я не есть не могла, не спать. Стала похожа на собственную тень. В клубе спрашивали, конечно, что со мной, не заболела ли. А что я могла ответить? Нет такой болезни. А я, ко всему прочему, постоянно искала глазами открытую улыбку и чуть прищуренный взгляд. В глубине сердца тлел огонечек надежды, что он не такой, он придет, объяснится... позовет с собой. Но чем больше дней проходило, тем смешнее становились собственные надежды.

Кто я? Всего лишь нищенка из лачуги. Так, кажется, кричала его бабушка в спину. А он мальчик из золотого общества. Где принято улыбаться, даже если ненавидишь человека. Мы вообще из разного пласта общества, времени, понятий и определений. И хоть всегда я считала подобное книжными вымыслами и предрассудками, жизнь преподала прекрасный урок. Ничего не бывает просто так. И прислуга с хозяевами не пересекается.

Вторая неделя мало отличалась от первой. Разве что нога практически зажила и перестала приносить дискомфорт. По совету Вовы я еще стягивала повязкой, но к выходным перестала делать и это. Старалась просто беречь и по — возможности меньше нагружать.

Скоро первое сентября, я на руках у меня сумма, дополнив которую я вполне могла бы снять комнатку. Но девчонок забрать в комнату не получится все равно, а, значит, надо еще копить. И искать работу в городе. Сегодня утром я отвезла сестренку подружке, и пока она со своим парнем их развлекала, успела оформиться в общежитие при универе и даже зайти в близлежащие заведения. К моему сожалению, таких, как я, там не набирали. Кафе находятся в центре и к персоналу требования повышенные. Но в одном из посещенных мест администратор дала совет обратиться в деканат. Может быть, им нужны помощники. Поблагодарив, отметила себе зайти и спросить в следующий раз.

И этот раз наступил наутро, когда позвонила староста нашей группы и объявила про медосмотр. Оказывается, его можно пройти не только со своими, но и с другой группой. А для меня это лучший выход. Так как мы ночевали у подруги, она согласилась остаться с Машей, а я с Дашей отправилась в институт. Повезло показаться врачам, пригодилась и

санитарная книжка, которую я делала, устраиваясь в кафе. Ну и сыграло роль присутствие сестры. Наличие маленького ребенка сподвигло очередь пропустить нас вперед.

В канцелярию при деканате заходила с бьющимся сердцем. И как же мне повезло! Сказочно! Им требуется работник в библиотеку для вечерней смены. Мой идеальный шанс. И зарплата даже капельку больше! А учитывая, что в саду девочек будут кормить... В общем, главное начать. А дальше бороться и не сдаваться. Все, как учил папа.

***

Присаживаюсь на корточки перед плачущей сестрёнкой:

— Машунь, зайка, я приеду и заберу тебя вечером. И куплю мороженое, самое большое. Договорились?

Вот уже четвертый день мы ходим в сад и привыкаем к нему. Пытаемся. Уже через неделю начинаются учебные будни, и девочкам придется оставаться здесь на ночь. Ивану это все я донесла, подловив его трезвым. Он подписал все бумаги, и махнул рукой, посоветовав убрать девочек «от глаз подальше».

Маруся плачет. А я стираю маленькие слезинки и сама уже готова рядом с ней устроить потоп. Второй день чувствую себя ужасно разбитой и готова даже от грустного взгляда зарыдать. Тяжело дается разлука с малышками. Мы так привыкли друг к другу.

Воспитатель советует в следующий раз принести с собой любимую игрушку. Деткам легче даются расставания с родными, если с ними рядом предмет, к которому они привыкли. От всего сердца благодарю за подсказку и, дождавшись, когда младшенькую уведут в группу, бегу на остановку. Надо заехать в библиотеку для получения списка обязанностей, а потом на смену. Отрабатываю последние ночи в клубе. Оставляю себе лазейку в виде вызовов на подмогу с субботы на воскресенье. Это единственная ночь, когда у меня получится. И еще каникулы.

Со всеми делами и заботами времени на мысли не остается и я безумно рада этому. Потому что воспоминания про Егора сводили с ума. Они не стали тусклее, даже наоборот — ярче и острее. Кроме них от него в моей жизни больше не осталось ничего, и каждая даже самая незначительная деталь всплывала в памяти, доставляя свою порцию тоски. А, может, вообще дело в том, что я в него умудрилась влюбиться? Только ведь это то же самое, что полюбить героя с экрана телевизора. Ты его знаешь, а он тебя не знает или не помнит.

Так и пролетают дни, а завтра уже день знаний. В школах пройдут первые звонки, ВУЗы распахнут двери для студентов. И я тоже, наконец, исполню свою мечту. А еще сегодняшнюю ночь я проведу в общежитии, потому что Дашуля с Машулей уже вторую ночь остаются в саду. И у меня есть уникальная возможность выспаться. Это нужно мне в первую очередь, так как усталость накопилась и даже появилась тошнота. Видимо, истощились все резервы организма. Был момент, когда я испугалась, но пришедшие в ночь «гости» успокоили и без того расшатанное состояние.

Бросив сумку с вещами на первое время и собрав на завтра необходимое, ложусь в кровать. Раскладывать привезенное в шкаф буду завтра. Тем более, обе мои соседки ушли на вечеринку, посвященную последнему дню каникул, а я, закрыв глаза, уплываю в царство Морфея.

Мне снова снится Егор, и я снова улыбаюсь во сне.

Ксюша.

Первая учебная неделя позади. Не скажу, что далась она тяжело. Вовсе нет. Пока только знакомство с преподавателями, предметами, и рекомендации, что нужно приобрести. Перечень методичек, само собой.

А еще к концу подошла первая рабочая неделя. Библиотека не сравнится с ночным клубом, конечно. Во — первых, не надо бегать. Во — вторых, ночами я сплю. Хотелось бы сказать, что, в — третьих, нет хамоватых мажоров... но не скажу. Здесь они тоже есть в большом количестве. Место меняется, декорации меняются, люди же остаются такими, как и везде. Есть простые ребята, вежливые и спокойные. Но их видно издалека: по простой одежде и по взгляду. У хозяев жизни все поверхностно — смотрят не на тебя, а поверх головы, общаются через губу, а просьбы звучат как приказы.

А еще в библиотеку уже трижды за неделю заходит старший брат одногруппницы. Он приезжал встретить ее на 1 сентября, и мы нелепо столкнулись в холле. Вернее, не мы, а он толкнул меня. Учится на последнем курсе в ФИНЭКе и готовится стать преемником отцовского дела. Все это он поведал мне, когда пришел впервые вечером ко мне на работу. Ко мне — потому что дел в библиотеке чужого ВУЗа у него явно нет. Да и ждал он меня, чтобы проводить.

Спортивный светловолосый парень явно привык привлекать внимание противоположного пола. Красивый. Но красота его скорее даже агрессивная, чем притягательная. И хоть он приятный собеседник, с располагающими манерами и мягкими повадками... мне он напоминает тигра, затаившегося перед прыжком. Поэтому отношусь к нему насторожено. Его сестра Нина намного проще. Веселая хохотушка. После инцидента с ее братом мы как — то сразу сблизились и начали общаться. На парах сидим вместе и даже до остановки ходим вместе. Мне на автобус, а ее забирает водитель.

Вот и сейчас Антон стоит напротив и сверлит взглядом серо — голубых глаз. А я разговариваю по телефону и невольно тяну кончики губ вниз. Отключаю звонок и опускаю лицо на руки.

— Что случилось, Ксюш? Ты расстроена?

— Я? Что? Нет. Нет. Просто...

Просто в саду карантин и все дети остаются в выходные на территории. Как же так? У нас были планы, мы домой собирались вместе. Одной туда ехать не хочется. Мысленно придумываю, чем заняться два дня.

— Ксюш, ты после разговора погрузилась как — то.

— Тебе показалось. Извини. Просто были планы, но все сорвалось. Я расстроилась. И — за этого расстроилась.

Про сестренку в моей группе не знает никто. Зачем? Нине не говорила, потому что не вижу смысла грузить своими проблемами. А для просто выговориться у меня есть деревянный крест. В следующие выходные поеду и обязательно схожу на кладбище.

— Слууушай, — тянет парень, — если у тебя планы сорвались, может с нами на пикник? Собираемся на Финский залив. Без повода. Так, пока погода хорошая.

И видя мои сомнения, добавляет:

— Обещаю забрать и привезти в целости и сохранности. Нина едет, не скучно вам

будет.

— Я... я подумаю...

В подобных вылазках я профан. Не знаю ничего, начиная с момента «что надеть» и заканчивая «что с собой взять». Возможно, вопросы слишком явно читаются на лице, потому что Антон вдруг протягивает руку, и, убирая выбившуюся прядку волос, заявляет:

— Форма одежды спортивная, с собой ветровку и хорошее настроение. Больше от девочек ничего не требуется.

Я улыбаюсь и, прогоняя сомнения, слабо киваю. В конце концов, Финский я знаю и всегда смогу уехать на электричке. А сменить обстановку и побыть обычной студенткой можно даже мне. Молодость одна, правда же?

***

Антон, как и обещал, заезжает утром. В машине сзади сидит Нина, и я устремляюсь к ней. Антон же, как джентльмен, выходит и открывает переднюю дверь. Пара секунд на раздумья и, извинившись, ныряю к подруге. В моем понимании, впереди едут те, кто находится в паре. А мы друг другу чужие.

Если парню что — то и не нравится, то он молчит. Садится за руль и, включив негромкую музыку, выводит машину на дорогу. Мы с Ниной тихо переговариваемся по учебе, а он изредка бросает взгляд на нас через зеркало заднего вида.

Когда на заправке Антон идет к кассе, Нина серьезно смотрит на меня и задает неожиданный вопрос:

— Ксюх, что у тебя с моим братом?

— Ничего. — Смотрю прямо и отвечаю также. Мне скрывать нечего.

— Просто... ты будь с ним аккуратнее. Он на самом деле тот еще бабник, да и характер у него, если честно...

Какой характер не дает дослушать обладатель этого самого характера. Но я наклоняюсь к Нине и шепчу, что ни на что не рассчитываю, еду просто отвлечься. Хотя я и стала реже думать о Егоре, но влюбленность по щелчку не проходит. Да и не забыла я про него. Сама себя убедить пытаюсь. Как бездомная дворняга: поманили, приласкали, а я уже сердце отдать готова. Только в жизни мимо этой дворняги так и проходят, а она провожает грустными глазами. С надеждой. И, наверное, у нее больше шансов обрести тепло, кто — то да купится на тоскливый взгляд. В моем же случае нет даже физических точек соприкосновения.

— Выходим, девчонки. — Зычный голос Антона вырывает из мыслей. Выгружаемся, потягиваясь. Ловлю на себе внимательный взгляд и сразу смущенно отхожу в сторону.

Оглядываюсь, пытаюсь понять, какое конкретно место. Судя по всему, мы в районе Дюн. Санаторий этот мне знаком. Когда — то мы ездили с отцом гулять сюда. Тогда у нас еще была счастливая семья. Стряхиваю ненужные воспоминания и подхожу с вопросом, что взять нести или чем другим помочь.

Антон вручает мне мяч, а Нине упаковку с шампунями, подхватывает наши сумки и идет вперед. Сентябрь в этом году шикарный. Многие до сих пор купаются. Думаю, что тоже бы окунулась. На всякий случай купальник в сумке лежит.

Судя по всему, мы одни из последних приехали. На песке уже расположилась большая компания. В основном молодые парни, девушек особо не видно. Начинаю чувствовать себя неловко. Люди чужие да еще и женская часть смотрит с неодобрением.

— Ксюш, расслабься. Эти акулы на всех так смотрят.

— Почему?

— Они на охоте. Увидишь, как начнут клеить по очереди. Лица меняются, а поведение одно и то же.

Антон здороваются с парнями за руку, с кем — то хлопают друг друга по плечам. Его явно рады видеть. Возможно, он негласный лидер у них. Потому что к нему тянутся с разговорами, советуются, что куда ставить.

— Ну Нину вы знаете. А это моя... — он всего на пару секунд запинается, практически незаметно. — Это моя подруга Оксана. Учится с Нинкой.

— Очень приятно. Можно Ксюша, — здороваюсь сразу со всеми.

Вообще — то Оксана и Ксения разные имена. Но папа хотел Ксюшу, мама Оксану, и записали по итогу так, как требовала родительница. Однако дома всю жизнь звали Ксюшей и этот вариант мне привычнее.

— Пойдем, плед бросим в стороне от этих? — Нина показывает головой на девушек, чьи имена я даже не попыталась запомнить. Они выглядят как фотомодели. Люксовые, красивые. Но неувлимо похожи одна на другую.

— Угу. Но, может, надо подойти спросить, чем помочь?

— Пусть пока все распакут и поставят. Успеешь еще напомогаться.

Следующий час мы лежим на животе и болтаем ни о чем. Нина рассказывает о каникулах, проведенных в Японии. Рассказывает об их культуре и интересных местах, где успела побывать. Она отличный рассказчик, я представляю красоту так, словно сама ходила и любовалась.

— Я до магаза. Розжиг забыли. И девки мороженого хотят. — Антон появляется сбоку практически бесшумно. — Поедешь со мной?

— Что? — Нина трогает мою ладонь, и я надеюсь правильно расцениваю этот жест. — Я? Нет. Я лучше здесь останусь.

— Тош, брюнетку губастенькую с собой возьми. Она тебя уже не то, что сожрала, переварить успела.

— Ксюш? — Антон вопросительно выгибает бровь.

— Нет, прости. Тебе правда лучше позвать кого —нибудь другого за компанию.

В итоге парень уезжает один, а градус злости в нашу сторону растет в геометрической прогрессии.

— Зря отказалась. Позлила бы охотниц.

— Но я думала... ты меня рукой, чтобы не соглашалась.

Нина смеется, переворачиваясь на спину.

— Нееее, я думала, сообразишь. Ладно, придумаем еще, как взбодрить это болото.

— Покажешь парня, который тебе нравится? — Перевожу тему, вспоминая рассказы Нины о друге брата, по которому она сохнет с шестнадцати лет.

Мы знакомы всего неделю. Но по ощущениям — с детского сада. Наверное, своего человека, даже друга, тоже возможно почувствовать на уровне подсознания и проникнуться за считанные мгновения?

— Он еще не приехал. Хотя должен быть. Я же специально Тошу уговаривала с собой взять.

— А он знает?

— Ты чтоооо? Нет, конечно. Это тайна. Домработница еще знает. Она застучала, ка rvs целовались.

— Вы целовались? — У меня глаза по пятаку. Из рассказов я поняла, что она из — за угла типа вздыхает по нему. А они...

— Один раз. По пьяни. Ну, вернее, он по пьяни, а я — то серьезно. Он меня со своей одноразовой подружкой перепутал. — Нина вздыхает. — Я потом плакала долго. А тетя Люба меня утешала. Она так давно у нас работает, совсем как родная. А маме постоянно до нас дела не было.

Грустно. Любовь и внимание родителей совсем не зависят от достатка семьи. Даже, наверное, у родителей попроще статусом больше времени на детей.

Антон возвращается с большущим пакетом эскимо и раздает девчачьей половине первыми. То, что начинают с мороженым творить девушки, даже у меня вызывает стыд. Нина хрюкает от смеха, пряча лицо. Я же беру свое и ухожу к воде. Хочу постоять и посмотреть на стихию в одиночестве. Да и не умею я есть так эффектно, как та брюнетка. Вика, кажется.

На плечи ложатся чужие руки, и я вздрагиваю. Антон.

— Тебе скучно?

— Нет, что ты. — Повожу плечами, скидывая его конечности. Он хмыкает, но новых попыток прикоснуться не делает.

— Почему ушла?

— Захотелось побыть у воды. Да и вытворять с эскимо разные финты языком, чтобы поддержать компанию, не умею.

Язвлю. Но как — то уж невесело выходит. На самом деле я жалею, что поехала. С Ниной могла и после пар пообщаться.

— Там профи работают. Скажу тебе честно, — Антон наклоняется к моему уху, — мне эти сцены тоже не нравятся. Я видел, как ты морщилась. Предпочитаю догонять, а не брать, что открыто дают.

Поворачиваюсь, вопросительно приподнимаю бровь.

— Подрастешь, поймешь.

— Вообще — то я уже взрослая.

— Выглядишь младше Нинки.

— На самом деле я хорошо так ее старше. Два года после школы пропустила, — поясняю в ответ на немой вопрос.

— Почему? Не смогла или болела?

— Скорее, по семейным обстоятельствам.

Сама не замечаю, как мы уже бредем вдоль берега. Место каким — то образом наши уединенное. Ну или с шумной компанией рядом не захотел никто быть. Людей видно, но они не рядом.

— Расскажи немного о себе. Все, что ты говорила, очень поверхностно. Девушка — загадка.

Он улыбается, и эта улыбка преображает лицо, делая его совсем юным и по — мальчишески озорным.

— Не знаю, что тебе может быть интересно.

— Давай начнем с того, на чем остановились? Почему сразу не пошла учиться?

— Мама родила. Помогала воспитывать. У меня две младшие сестренки.

— А... а родители? Сами не? Зачем...? Черт, я даже спросить не знаю, как. Отец с матерью не справлялись?

— Почему я, а не мама? Ты это хочешь узнать?

Антон кивает.

— Папа умер, я еще не очень взрослая была. В школе училась, мама родила Дашу. Это старшая сестра. Я училась и помогала. Потом мама родила Машу. И... так получилось, что... в общем, мамы не стало. А отчиму... как бы помягче сказать? В общем, ему наплевать на дочерей. Или детский дом, или я.

Антон ошарашено смотрит на меня, остановившись. Поворачивает к себе, удерживая за талию. А я даже руки его не скидываю. Не привыкла ни с кем об этом говорить. А вот ему в моменте рассказала. Напряженно жду насмешки, но он бегаёт глазами по лицу и недолго молчит.

— И ты выбрала сестер?

— Конечно. У нас нормально с ними получалось. А в этом году Маше два годика и их взяли в круглосуточный садик. Я смогла поступить, и устроиться на работу. Здесь, в смысле. Вчера, — смотрю в глаза парня, — когда ты спросил, что случилось. Мне из сада звонили, что девочек не отпустят на выходные.

— Знаешь, — после долгой паузы негромко сказал Антон, — в моем мире такие поступки на вес золота. Мало кто готов взять на себя ответственность за других. Тем более, за детей. Тем более, в твоём возрасте. Ты очень необычная девушка.

Его пальцы нежно очертили овал лица, пройдясь костяшками по скуле. А я смущенно опустила глаза, уставившись на носы нашей обуви. Интуитивно почувствовала, что парень хочет поцеловать, но совершенно к этому не готова. Быть может, позже... Быть может... Но не сейчас...

— Давай возвращаться, мы далеко ушли. — Он все понял правильно. Единственное, что я ему позволила — взять себя за руку.

Щекотливых тем больше не затрагивали и по молчаливому согласию перешли на обсуждение фильмов.

Когда подошли к остальным, оказалось, что на пляже прибавление. Около импровизированного стола стояли два молодых человека. В одном безошибочно узнала предмет мечтаний Нины. Уж слишком детально она его описывала. Да и стоит посмотреть на нее, как она облизывает глазам парня. А вот второй выглядит старше и серьезнее.

— Познакомься, Ксюш, это мой друг Илья, а это его двоюродный брат Артур.

— Очень приятно, — произнесла заучено. И постаралась быстрее вернуться к Нине. Честно говоря, даже не расслышала, как Антон представил меня.

— Ксюш?

— А?

— Ты чего?

— Нет, ничего. Неловко себя чувствую с малознакомыми людьми.

Говорить о том, что меня буквально затрясло от гневного взгляда этого Артура, не стала. Мы видимся впервые, но он так зло буравит во мне дырку... да я уже трижды упала замертво и четырежды сгорела. Неужели так не любит блондинок?

— Красавчик, правда?

От размышлений отвлекает подошедшая Нина.

— Артур?

— Почему Артур? Илья. А брат его при чем?

Пожимаю плечами: — Не знаю. Просто его последним представили.

— Фиг с ним. Скажи, хорошенький какой?

— Скажи, — улыбаюсь непосредственности этой девчонки. — А сколько ему лет, Нин?

Парень симпатичный и даже очень. Но выглядит он примерно нашим ровесником, Антон против него — взрослый дяденька.

— Двадцать четыре уже. Они с Тошей со школы дружат.

— Антону, получается, тоже двадцать четыре? — Я даже не догадалась сама посчитать.

— Через неделю уже пять будет? Ну двадцать пять в смысле. Он уже позвал тебя на вечеринку?

— Нет.

Какие мне вечеринки, в самом деле. Эта вылазка первая за четыре года. Если раньше я куда — то выбиралась, то только с малышками. Но кто в здравом уме позовет их на такой праздник? Да и после откровенности с Антоном сомневаюсь, что его интерес ко мне не остыл. Честно говоря, так лучше. Он, скорее всего, неплохой парень, но даже коротких отношений или их подобия у нас не получится. Мы слишком разные.

— Девчонки, давайте с нами?

Пока мы шушукались, от компании отделилась часть любителей пляжного волейбола. В школе я любила такие игры, и даже неплохо получалось. Если бы еще ростом повыше была.

— Ты пойдешь? — спрашиваю Нину. Она выскивает среди собравшихся предмет своего обожания и торопливо соглашается.

— Идем, — кричит брату и бежит по песку. Сейчас она напоминает непоседливую Дашку.

Иду сбоку от парней и цепляюсь взглядом за Илью. Пока никто не видит, он просто пожирает глазами Нину. И мне кажется (и это не плод романтического воображения!), смотрит он с толикой нежности и печали.

Поделиться своими наблюдениями не успеваю. Антон разбивает нас на команды. Я оказываюсь в одной с ним самим, Ниной, Ильей и двумя парнями, чьи имена не запомнила. Из команды противников мне знакомы только Артур, продолжающий бросать косые взгляды, и та брюнетка.

— Играем до десяти очков. Девчонок сильно не пихать.

И... безумие начинается. Давно не испытывала такого драйва и легкости, когда увлечен только мячом и действиями с ним.

Мы практически выигрывает, но что — то идет не так и мяч, поданный сильной рукой, врезается в мое плечо и отскакивает в лицо Нине. Падаем на песок, как сбитые кегли. Приподнимаюсь, тру ушиб, и с ужасом смотрю на милое личико подружки. Она лежит на песке боком, лицо в крови. В моем восприятии время движется со скоростью черепахи, по факту же проходит не больше пяти секунд с момента падения. Илья бросается к Нине, оттолкнув Антона. Тот зависает на какое — то время и поворачивается ко мне. Подходит,

помогает встать. Кладет руку на плечо и смотрит с таким видом, словно понимает. Боль терпимая, но синяка не избежать. Да и меня сейчас больше беспокоит девчонка.

— Нин?

Илья на руках несет ее к нашим пледам, а эта мелкая засранка, выглянув из — за его плеча, лукаво мне подмигивает. Неисправимая особа! Ей нос разбили, а она кайфует, что ее несет обожаемый парень. Хотя... он ведь тоже бросился к ней сразу. Никто не побежал, а он первым.

Правда, когда выясняется, что с хитрой лисой все в порядке, кровь оттерта и повреждений не видно, рыцарь уступает место каменному гостю и выражение лица парня меняется на уже ставшее привычным — непробиваемое и угрюмое. Может, остальное мне показалось?

По мне, после происшествия стоит разъехаться по домам, но мнения никто не спрашивает и плавно мужская часть перетекает к мангалу, занимаясь мясом. Мы с Ниной идем к столикам нарезать овощи и расставить нарезки. К нам в помощь из девочек больше никто не подходит, к счастью. Всем было бы неловко.

— Ммм, как вкусно! — Съедаю второй кусочек невероятного шашлыка, заботливо положенный на тарелку Антоном.

За последний час он ни разу не отошел от меня. То нальет сок, то подложит на тарелку вкусенького. От большого количества мяса отказываюсь. Вообще — то я не ела его давно и неизвестно, как себя поведет желудок. Да и наедаться — не моя тема.

— Может, пива или вина? — Снова предлагает. Настойчивый. Я уже раз пять точно отказалась.

— Нет, — это шестой. — Я не пью алкоголь вообще. Никакой.

Мне этого слова в жизни хватило с лихвой. А на выходные ехать в деревню. Там Иван добавит впечатлений.

Сам он тоже не пьет. Потому что за рулем. Хотя не все придерживаются такого правила. Некоторые позволяют себе выпить пива. Как так можно? Это же безопасность в первую очередь. Осуждать никого нельзя, я помню. Но здесь... внутри все восстает против подобного.

На пляж начинает сползать темнота, когда гаснет разведенный костер, собираются вещи и все разбредаются по транспортным средствам.

Полусонная переставляю ноги к машине. Усталость всех прошедших дней дает о себе знать. Спасибо тошноте, сегодня ее не было, потому что выпалась.

— Илюх, можешь Нинку домой закинуть? — Илья догоняет нас почти у стоянки, чтобы попрощаться. — Я Оксану повезу, а сеструхе бы лечь поскорее.

Нос у подруги, в самом деле, отек, а завтра вообще на панду будет похожа. Но в глазах пляшут такие довольные черты, что хочется ей намекнуть надеть очки. Иначе спалится.

— Лады. Я Арта все равно обещал закинуть в клуб, там рядом.

— Я с Антоном прокачусь, раз ему в тот район возвращаться. Давно город не видел, работы до хера.

Парни переглядываются, но ничего не говорят. Артур же спокойно садится вперед, чему я несказанно рада. Так себе идея была остаться с Антоном один на один в машине. В глубине души я рада, что кто — то поедет еще.

Под негромкий разговор, в который не вникаю, засыпаю. Глаза открываю от звука трамвая. Таращусь в окно и понимаю, что за углом уже общага. Всю дорогу продремала.

— Спасибо огромное за день. И что подвезли. — Торопливо бормочу, стоит машине остановиться у знакомого здания. Артур удостаивает молчаливого кивка, а Антон выходит достать сумку и шагает рядом к ступеням.

— Не стоит. Я могу сама.

— Не сомневаюсь. Особенно после того, что узнал про тебя сегодня.

Мы останавливаемся у козырька, и я протягиваю руку, чтобы взять вещи. Антон же дублирует мой жест, только обвивает мою талию и тянет к себе. Внутри все замирает. Понимаю, что сейчас может случиться поцелуй. Одна часть меня хочет развернуться и бежать, а вторая потирает ручки: вдруг это шанс переключиться и перестать вспоминать Егора?

— В субботу у меня типа юбилей. Не планируй ничего, я буду ждать в гости.

Он практически шепчет, наклоняясь ближе к моим губам. От него приятно пахнет арбузом и мятой.

— Я не смогу. Спасибо за приглашение, но... — Кладу на плечи ладошки, сдерживая порыв. — Я говорила, у меня сестры...

— Я оплачу няню. Это не проблема, Ксюш.

— Что ты такое говоришь? Какая няня? Нет, Антон, извини. Спасибо за день, мне все очень понравилось, но...

— Но... подумай, Ксюш. Просто подумай. Я буду рад тебя увидеть.

Он наклоняется и оставляет невесомый поцелуй на губах. Передает сумку в мои непослушные пальцы, и сбегает вниз. А я чувствую, как щеки заливают краской. И только это. Пытаюсь найти внутри признаки эйфории, но вообще не чувствую ничего. Хотя нет. Чувствую. Как мою фигуру прожигают взглядом. Стараясь не размышлять про это, забегаю в общежитие, чтобы как можно быстрее добраться до комнаты и спрятаться от всех.

Антон.

— Твоя девочка? — Арт лениво барабанит пальцами по обшивке, смотря в упор.

— Почти. — Осталось немного дожать. Надеюсь. — Что? Понравилась?

Усмешка касается темных глаз. Брат друга пристально смотрит, будто хочет залезть в голову. Только бесполезно. Нет никаких эмоций по отношению к девчонке.

— *У тебя сестра же в этом году на первый курс поступила? — Иван прищуривается, зажимая сигарету зубами.*

— *Да, — начинаю широко улыбаться, уже понимая, к чему он ведет.*

— *Расширим горизонты? А, мужики?*

Прыгаем в тачку и через десять минут тормозим на парковке ВУЗа, в который поступила Нинка. В здание проходим без проблем, охране глубоко положить на то, кто сюда заходит.

— *Давай. В этот раз ты, — показывает на меня подбородком, — и ты, Вован. Семнадцатая.*

С любопытством следим и отсчитываем, кто зайдет в дверь семнадцатой по счету. Итак, пятнадцатая, шестнадцатая... ооо, парни улюлюкают, а мы улыбаемся, как два дебила. С этой мышкой будет очень легко. С первого взгляда видно, что девочка из простых и скромных. Такую помани и на блюдечке все принесет. Себя в том числе.

— *Срок месяц. Тох, ты первый.*

Отлично. Игра началась.

— *Странно видеть тебя рядом с такой...*

— *Серой?*

— *Простовата для тебя. Нет?*

— *Я просто выгляжу как лось, а в душе я бабочка. И нам, бабочкам, не чужды простые человеческие чувства.*

Ржу над вытянувшимся лицом Артура. Первое правило Игры в том, что кроме нас никто не должен знать про нее. Если Арту девочка пришлась по вкусу, придется подождать недельку. Из «моих» одна неделя уже прошла. На вечеринке в честь дэрэ планирую закончить с девчонкой. Вовчику в этот раз просто не повезло.

Симпотная, да. Но такая наивная крошка. А после того, что рассказала на заливе, даже как — то жаль ее стало. Но буквально на доли секунды. Всех не пожалеешь, а растрчивать себя на эмоции я не готов.

Осталось придумать, как затащить мышку на вечеринку и забрать выигрыш. Мысленно потираю руки. Технически там развести девчонку на секс труда не составит. Одного волшебного коктейльчика хватит.

Надо бы Нину подключить, чтобы подружка поговорчивее была.

Пока Артур зависает в телефоне, отстукивая кому — то сообщения, стартую в наш район. Пора начать обрабатывать сестренку, чтобы все прошло гладко.

Ксюша.

Хорошо, что на выходные соседки уехали по домам, и я одна провела ночь. Думала, сразу засну, но в итоге проходила до утра из угла в угол. Не могу сформулировать даже, о

чем в итоге думала. Вроде бы обо всем, а вроде и ни о чем.

Сегодняшний день выбил из привычной колеи. Да, новые люди, новые эмоции, новые впечатления... или забытые старые... не важно. Все это хорошо. Но в груди растет осознание того, что происходит что — то неправильно. Не нужно мне было ездить. В привычном панцире спокойнее и уютнее. А с тем ворохом проблем, с которыми я живу, новое я просто не потяну. Со старым бы разобраться.

Единственное, к чему я прихожу, это избегать Антона. Его настойчивость меня просто испугала, а поцелуй убедил в том, что по отношению к нему я не испытываю никаких чувств. Смысл тогда занимать чужое место или давать человеку надежду? Хватит с меня того, что я однажды уже побывала на месте другой.

До четверга мой план вполне себе удавался. Стоило Антону появиться на пороге библиотеки, я придумывала «срочные» дела и убегала в архив или закрытые помещения. Напарнице, тете Тане объяснила, что поругалась с молодым человеком и хочу его проучить. А так как она только недавно развелась, «мечь» мою поддержала.

В пятницу в институт пришла Нина. Я уже успела соскучиться по этой милой болтушке. Глаза ее светятся от счастья, но упорно молчит. Думаю, знаю, кто виновник ее отличного настроения.

— Ксюх, давай сходим. Хоть на немножко. Там будет Илья...

Уговоры длятся всю последнюю пару, за что нам прилетело замечание от препода. Но разве ее это остановит?

— Нин, — шиплю ей, — я не могу, мне домой надо съездить.

Про сестренку так и не рассказала и, судя по отсутствию вопросов, Антон ей тоже не поведал, за что я ему благодарна. Есть вещи, про которые не очень хочется распространяться и обсуждать.

— Ксюш, ну я что хочешь сделаю. Давай, а? И Тоша рад будет.

— Нин, правда... ну совсем никак... и, к тому же, надо было заранее купить подарок. И одежду.

Аргументы так себе, сама знаю. В крайнем случае, конечно, скажу про девочек. Мне важно, чтобы Нина меня поняла. Не так и много подруг, чтобы ими разбрасываться. А отношениями с этой милой липучкой я дорожу.

— Это вообще не проблема. Давно уже никто подарки не дарит. А одежду подберем. Я тебе свое что — нибудь дам. Ты хоть похудее, но найти варианты можно же.

Боковым зрением вижу приближение преподавателя к нашему столу и толкаю подружку локтем в бок. Мол, потом поговорим.

После пар Нине кто — то звонит и я, пользуясь ее заминкой, убегаю, шепнув напоследок, что напишу ей. Минуя столовую бегу на работу. Сегодня попросили прийти пораньше, чтобы составить какие — то отчеты и пораньше уйти домой. У вечерников пары отменили, и библиотека закрыта для посетителей. Тороплюсь заполнить бумаги поскорее, чтобы зайти в магазин и ехать за Машей и Дашей. Безумно по ним соскучилась.

Звоню в сад, чтобы узнать, во сколько возможно приехать и чуть не плачу, когда слышу, что забрать девочек получится завтра после трех часов. Из сбивчивых объяснений ничего понять не смогла, уловила только, что утром у них что — то типа осмотра после карантина. Не думала, что по субботам есть кому — то дело до детских садов.

Отключаю вызов и смотрю на незнакомый номер. Несколько раз за последние дни у меня появлялись звонки с разных аппаратов. Ни у кого из знакомых таких номеров и близко

нет, а телефон Антона мне уже известен. Вполне может быть спам, поэтому занесу и этот номер в черный список. Рекламой не интересуюсь, а на развод поддаваться не хочу. Мало ли.

Выхожу на улицу и понимаю, что погода полностью соответствует внутреннему состоянию: грустно, сыро, немного тошно. Надо было все — таки хотя бы чаю выпить. Слабость не покидает. Подумываю заглянуть в аптеку после аванса и купить витаминов, потому что периодами ловлю вертолетики и несколько раз чуть не приземлилась на пятую точку от головокружения. И это только за прошедшую неделю!

Стоя на остановке, набираю Ольгу, хочу сказать, что сегодня свободна вечером, могу выйти. Но она отвечает, что сегодня залы закрыты, украшают к воскресному приезду супер звезды. Вздыхаю, понимая — домой ехать нет смысла. Значит, еще одна ночь в общежитии. Тоже неплохо: соседки уйдут, а я смогу навести порядок и помыть окошки. Хотела сделать сразу, но все времени не находилось. А прошлое воскресенье после пляжа я откровенно проспала. Ругала себя потом, но раз уж так случилось... в конце концов всем нужен отдых. И моему организму тоже.

— Ксюш, а я тебя жду — жду.

— Нинаааа... — хоть смейся, хоть плач. Стоит под дверью с огромной сумкой и набитым пакетом. — Это у тебя что? Кого — то расчленила и принесла прятать?

— Это одежда, обувь, косметика.

— Я же сказала, что не могу.

— А я тебя пришла убедить. Ксюш, ну мне правда очень — очень надо пойти туда. А одна я не хочу.

— Нин, у тебя помимо меня подруг много. Позови, любая побежит, я уверена.

— Про Илью знаешь ты и еще одна, но она с мамой улетела. Понимаешь? Ну пожалуйстааааа...

— Не делай такие глазки, на меня не действует.

— Ксююююш... ну давай хотя бы я тебя накрасю, подберем платье... и если не понравится, я отстану. Честно — честно.

Вообще — то мне правда сегодня заняться нечем. Можно попробовать. Идти я не собираюсь, но почувствовать себя красоткой? Я же все — таки девочка.

— Хорошо, — сдаюсь. — Но только накраситься. Согласия идти куда — то я не давала.

Нина, как маленькая, хлопает в ладоши и начинает суетиться по комнате не хуже электровеника. Тащит стул, включает лампы, развешивает по спинкам кроватей платья, брюки, топы.

— Давай, иди сюда. — Тянет за руку и усаживает на стул.

Колдует, комментируя, что я себя не узнаю. А мне страшно становится, если честно. Что так долго можно делать с лицом и волосами? При том, что я не ощущаю тонны косметики.

— Так, погоди... не смотри, не смотри!

Нина отворачивает от зеркала, когда хочу повернуться.

— Еще наряд подберем. И потом посмотришь.

Неугомонная.

Стою, как подопытный кролик, пока подружка прикладывает к моей скромной персоне то одну, то другую вещь. На коротких платьях я морщусь носом: такие откровенные не по мне, даже мерить не хочется. Наконец, определившись, Нина буквально впихивает меня в кожаные брючки длиной повыше щиколотки и сверху нацепляет странный топ: полностью

глухой спереди, даже верх, как у водолазки, а вот спина открыта.

— Нин, блин, под него у меня нет белья, — шепчу испугано.

— Ксюша, е — мое, по него и не носят. У тебя вообще с грудью проблем нет, можешь не носить.

Прицокивает языком, обходя по кругу, и командует закрыть глаза.

— Ну... Смотри!

Сначала приоткрываю ресницы, боясь увидеть нечто после бурных стараний. Но уже через секунду пялюсь в зеркало, не понимая, кто в нем. Я? Это я?

Из отражения смотрит милая светловолосая девушка с яркими выразительными глазами и сочными губами. Волосы убраны наверх, но на шее и сбоку выпущены игривые локоны. Тонкая шея смотрится сейчас необычно, но очень красиво. А уж брючки и топ... да я себя такой красоткой в жизни не видела!

— Нравится?

— Очень, — скорее выдыхаю, чем говорю.

— И?

— И... очень нравится. Нин, спасибо!

Искренне обнимаю подругу. А она качает пальчиком:

— Уговор был, если не понравится, то не едем. А тебе нравится.

Мне очень нравится! Очень! Но внутренне я совсем не готова ни к каким вечеринкам. Особенно, где много чужих людей. Особенно, где Антон. Его излишнего внимания совсем не хочется.

Вот если бы меня в таком виде Егор застал...

Ага, дурочка, ты еще помечтай, что он увидит и заметит.

— Ксюш, последний раз прошу. Ну давай, а? А то я серьезно обижусь.

Знаю, что она говорит в шутку. Мы же не в школе, чтобы ссориться оп пустякам. Но, наверное, мне в душе становится стыдно, что Нина так долго уговаривала, так долго трудилась над образом, что я сдаюсь.

— Но ненадолго. У меня завтра ответственное дело.

— Обещаю. До сколько общага открыта?

— В выходные до двух можно пройти. Дежурные довольно лояльные.

— Значит, до двух будем на месте.

Нина вызывает такси, быстро поправляет свой макияж, и мы спускаемся к машине. Предчувствие неправильности не отпускает, но я списываю на волнение: все — таки никогда не была в подобных местах. Единственное, прошу водителя притормозить у первого же торгового комплекса, и бегу внутрь. Возвращаюсь со связкой из двадцати пяти шаров. Пусть так себе подарок, скорее знак внимания. Но мне кажется, Антон оценит мой порыв и правильно поймет.

Нина смеется, что у брата в попе играет детство, и шарики придутся ему по вкусу.

Антон.

Пришла. Даже не сомневался. Уже хотел сам срываться и ехать. Но Нина справилась на ура. Мотивация великая вещь. А ей так хотелось попасть на тусу. Дачей, а точнее, коттеджем, я единолично пользуюсь уже не первый год. Родителям по фиг, а Нинка мелкая еще. Каких только чумовых праздников мы здесь не устраивали!

— Спасибо, солнышко. — Мягко чмокаю смущенную девочку в губы.

Выглядит на все сто! Если бы не спор, я бы с ней на пару неделек замутил. Впрочем, кто мне мешает это сделать? Все участники Игры здесь, даже видео доказательства не нужны — сами могут увидеть своими глазами.

И чего она раньше так не одевалась? Фигурка зачетная. Вот Вован облизывает глазищами, а не под ним ягодка сегодня стонать будет. Кому — то снова повезло. Уже предвкушаю... как всегда перед победным рывком в кровь впрыскивается адреналин, заставляя сердце стучать чаще.

— Потанцуем? — Тяну девчонку в центр импровизированного зала, кладя руки на талию. Чуть не мурчу. Нежная. Хорошая девочка.

— Извини, я нет. Не хочу пока танцевать. Может, потом.

Хочет поломаться, чтобы поугуваривал? Ну давай. Сегодня я не прочь немного поиграть и поддаться.

Беру со стола стакан, плюхая в него виски. Выпиваю залпом и сразу наполняю еще. Внутренности обжигает в предвкушении. За уступки и игры девочка сегодня ответит по — взрослому. Не слезу, пока не начнет просить о пощаде. Интересно, она громкая или такая же тихоня, как в жизни?

Заливаю второй стакан, прикидывая, куда сплавить Нинку. Не хватало, чтобы помешала.

Выискиваю сестрицу среди людей. Ага, Илюха около нее трется. Что — то он зачастил обращать внимание на мелочь. Надеюсь, в ближайшее время нас не ждет очередной скандал с дракой, как обычно происходит, когда эти двое пересекаются. Такой ненависти я еще не встречал. Не знаю, как друг сдержался и не добил сестрицу на пляже.

— Тебя зовут. — Тихий голос отвлекает от разглядывания враждующей парочки. Ладно, пусть сегодня хоть покусают друг друга. У меня миссия поважнее.

— Кто?

Оборачиваюсь, куда показывает Ксюша. Черт! Только ее здесь не хватало. Неадекватная девица, с которой имел неосторожность пару раз пересечься в горизонтальной плоскости. Качественный трах не равно любовь до гроба. Но некоторым особам этого не объяснишь.

— Извини, солнышко. Я отойду. А ты пока не скучай. И готовься к танцу. — Подцепляю подбородок и заставляю посмотреть в глаза. Н — да, страстью и не пахнет. А должно бы. Мисс недоторога, твою мать. Надо исправлять.

Перепрыгиваю через спинку дивана и иду к истеричке, которая уже орет на входе. Знаками показываю Вану, чтобы принес Ксюше сок. Пора переходить к действиям.

Разборки с ненормальной затягиваются. Никак не могу вспомнить ее имя. Девушка явно в неадеквате. Приходится плюнуть на манеры и выставить, применив силу. Мимо ушей пропускаю проклятья, обозначив охране барышню сюда не пропускать. Затягиваюсь сигаретой у ворот и читаю сообщение, пришедшее вот Ивана: «Птичка в клетке. Сок выпила». Идеально! Подождем минут двадцать, пара страстных танцев и можно двигать наверх.

Улыбаюсь своим мыслям и двигаю по дорожке к входу.

— Антоха, с днюхой. — Сзади ощутимый хлопок по плечу. — Всего тебе и пожирнее.

— О, Арт, спасибо. — Жму руку Артуру и Керро. Со вторым пересекался пару раз в общих тусовках. Знаю, что они дружат чуть ли не с универа. — Проходите, парни. Скоро начнется самое веселье.

Скоро я сорву куш и одержу очередную победу. Да я точно счастливчик!

Ксюша.

Огромный дом встречает громкой музыкой и криками. Не дом даже, особняк на несколько этажей. И это, как сказала Нина, дача. Да уж.

В темноте не очень хорошо видно, но территория красивая. Газон, дорожки, клумбы и много ростовых статуй. Смотрятся гармонично!

А вот дом внутри мне не очень понравился. Много пафоса и украшений. Какой-то перебор, если честно. Но, с другой стороны, мне он нравится и не должен, а у хозяев свой вкус.

— О, Тоша! — Нина виснет на шее брата, чмокает в щеку и треплет по волосам. — С днем рождения! А я тебе подарочек привела.

Эм. Как-то звучит пошло. Я не подарок и пришла вообще — то сама. Решаю поговорить об этом с подругой сразу, потому что, уважая ее, хочу уважения к себе. Но Нина уже летит в толпу, увидев своих знакомых. И зачем, спрашивается, надо было меня сюда тащить?

Протягиваю связку Антону и бормочу стандартные поздравления и пожелания.

— Спасибо, солнышко. — Парень оглядывает мой новый образ, и чмокает в губы.

Хочется вытереться рукавом, потому что от него пахнет спиртным и сигаретным дымом. То сочетание, которое вызывает в душе панику, а применительно к источнику запаха отторжение. Мне неприятно.

Именинник тянет танцевать, и успевает обнять меня, прижав к себе. Но я совершенно не готова к этому. На нас обращают внимание люди, кто-то из незнакомцев показывает Антону недвусмысленные жесты. Выпаливаю, что не хочу танцевать и, высвободившись, иду к креслам в углу помещения. Назвать это огромное место комнатой язык не поворачивается.

Антон, снисходительно усмехается, и идет за мной. Мне его усмешка просто поперек горла становится. Ощущение, что одолжение сделал. И вообще. Он же именинник, шел бы к друзьям своим. А он рядом садится и наливает алкоголь в стакан. Залпом пьет и наполняет еще раз.

Задумчиво смотрит в сторону, и я, отследив его взгляд, вижу довольную Нину в компании Ильи. Ну хоть кто-то с пользой проведет время. Мне же сейчас становится безумно жалко от своего приезда сюда. Я здесь чужая. Начиная от умения держаться и заканчивая им же. Не танцую, не выпиваю, не умею заводить легких знакомств. Список можно продолжать и продолжать.

Пока Антон методично напивается, а другого определения подобрать не могу, поглядываю по сторонам. Цепляюсь за красивую девушку, высокую, видную... и разъяренную.

— Тебя зовут, — робко дотрагиваюсь до руки парня.

Пьяных я априори боюсь, а с Антоном вообще постоянно чувствую себя напряжённой. Не знаю почему, но мне кажется, что чемоданчик этот с двойным дном. Улыбается, ведет себя мило, но глаза при этом остаются пустыми. Не к месту вспоминаю другие глаза, которые горели и обжигали, когда... Впрочем, это в забытом прошлом. Ни к чему себя травить воспоминаниями.

Антон встаёт и тянет мое лицо вверх. Пристально разглядывается. Только вот что он хочет увидеть? Смотрю прямо, мне нечего скрывать от него, кроме страха. Но я научена

горьким опытом: показывать боязнь нельзя, это провоцирует хищника. А брат Нины сейчас выглядит именно таким — затаившимся, опасным, готовящимся к броску. Это я кожей чувствую, и неприятные мурашки бегут по спине.

Выдыхаю с облегчением, смотря в удаляющуюся спину. Надо найти подружку, узнать адрес и уезжать отсюда. И как можно скорее.

Начинаю набирать Нину, не найдя ее фигуру в зале. Вставать и идти в дом кажется не самой лучшей идеей. По рассказам о подобных мероприятиях я знакома и могу себе представить несдержанных мажориков, напичканных алкоголем и гормонами. А, может, и чем посильнее спиртного. Буду пытаться дозвониться, оставив поиски на самый крайний случай.

— Скучаешь? — Рядом присаживается друг Антона. Иван, кажется. Мы познакомились на пикнике.

— Есть немного, — не настроена поддерживать беседу, но и вроде как не ответить повода нет.

— Может, потанцуем?

— О нет, извини, я пас.

— Не умеешь?

— Не хочу.

Знать ему о том, что в прошлой жизни занималась танцами — лишнее. А двигаться, оказавшись под прицелом чужих взглядов... увольте! Я же не слепая и вижу, что происходит.

— Я тебя чем-то обидел?

Да что ж ты прицепился ко мне? Так хорошо отдыхал с двумя блондинками.

— Нет. Просто нет настроения. Извини, ты Нину не видел случайно?

— И не случайно тоже. С Илюхой на кухне сцепились. Вот уж парочка. Так друг друга ненавидят.

И смеется. Нина ненавидит? Да она же тает от одних только рассказов про своего Илюшу. Надо будет спросить у неё про их «ненависть». Кажется, это неспроста.

Встаю и хочу пойти на поиски кухни, но Иван хватает за запястье и тянет обратно.

— Тоху здесь жди, еще потеряешься. — И почему в моей голове звучит это... грубовато? — Сам схожу позову. Может, захватить тебе чего? Пиво, вино?

— Воду или сок, если можно. — В помещении душно и пить действительно хочется. Но на столах только напитки с градусами. — Если тебе не трудно, закрытую можешь принести?

— Брезгуешь? — Парень ухмыляется, рассматривая, как мне кажется, с интересом.

— Нет. Просто... просто, если можно, то закрытую.

Я не с Луны и прекрасно знаю, что в таких компашках подлить другому гадости ради смеха может любой. К счастью, книги читаю и представление имею.

Иван на самом деле приносит одноразовый стакан, ставит на столик и открывает новую упаковку сока. С благодарностью принимаю и сразу выпиваю полностью. Не зря не люблю апельсиновый, мне кажется, он горчит, а сегодня особенно. Наверное, сорт такой.

— Спасибо. А... а Нина?

— Нины там нет. Посиди, я на террасе проверю.

Друг Антона что-то печатает в телефоне, убирает его в карман и двигается в противоположную от входа сторону. Оглядываюсь в надежде увидеть-таки свою пропажу. Обещала не бросать, а сама...

Уф, жарко как... обмахиваюсь руками. Не по себе. Я же ничего не пила, а голову так

странно вести начало. Как туман поднимается. Тянусь к пакету и наливаю еще один стаканчик. Горечь потерплю, а охладиться не помешает.

Выпитая жидкость не помогает, перед глазами начинает расплываться. Надо на воздух. Пытаюсь встать, и мне удаётся не с первой попытки. Боже, неужели от нервов или от духоты? Никогда такого не было.

— Куда это ты собралась, мышка моя?

Чувствую горячие ладони на талии и голос возле уха. Антон. Сейчас я ему даже рада.

— Мне... мне что-то нехорошо. Помоги, пожалуйста, выйти на улицу.

— Дождь на улице, давай я тебя наверх отведу полежать?

Дождь? Но он же только вошел и сухой. Хочу про это сказать, а язык заплетается. О нет, нет. Если мне с сердцем плохо? Пытаюсь донести эту мысль до парня, цепляясь за его плечи. А он смеется, смотря на меня. Почему ему смешно? Мне так плохо.

Он наклоняется и целует. Глубоко, грубо. Противно. Отрываю руку от плеча и стираю чужой поцелуй с губ. Не хочу. Мотаю головой, но он фиксирует затылок ладонью и прикусывает губу, проникая в рот языком. Пытаюсь оттолкнуть, но силы явно не равны. Со стороны наверняка вообще кажется, что мы страстно льнем друг к другу.

Наконец он меня отпускает, придерживая за талию, и разворачивает к лестнице. Стараюсь перебирать ногами, но нахожусь уже на грани обморока, не иначе. В голове понимаю все, а тело вялое и не слушается.

— Арт, ты уже знаком. Егор, моя девушка Оксана.

Фокусируюсь на хмуром лице. Ловлю осуждение и... словно боль... во взгляде в упор. Чувствую, как мои глаза раскрываются шире, а в уголках глаз собираются слезы. Моя недостижимая мечта. Не думала, что увижу еще когда-то.

— Извините, парни, перебрала немного. Сейчас устрою в спальне и спущусь. Я же обещал веселье.

Слова проходят на периферии. Я их и слышу и не слышу одновременно. Не могу оторваться, всматриваясь в лицо Егора. Он также безотрывно следит за мной. Или это снова кажется? Может, его и нет здесь, вовсе?

Антон подхватывает на руки и несет по ступеням. А я совершенно теряю ощущение реальности. Голова кружится, к горлу подкатывает тошнота.

Чувствую прикосновение к спине скользкой ткани. Веки наливаются свинцовой тяжестью и невероятных усилий стоит держать глаза немного приоткрытыми. Наверное, страх, поселившийся в подсознании, дает возможности черпать ресурсы на самые простые действия.

— Не дрожи, птичка. Если хочешь, я буду нежен.

В уши заползает хриплый шепот, а на бедре чувствуется прохладное прикосновение. Дёргаю ногой, чтобы скинуть неприятное ощущение, но даже не понимаю, удастся ли это. Пытаюсь кричать, чтобы не трогали, но вместо слов вырывается мычание. А еще слезы. Слезы я точно ощущаю.

И нет, я отдаю себе отчет в том, что сейчас случится. Страшно? Безумно. Но еще страшнее, что сама во всем виновата. Так бездарно повелась и так бездарно потратила жизнь. В воспаленном мозгу проносится, что выжить после насилия у меня не хватит мужества.

Я уже сломалась. Здесь и сейчас. Под чужими прикосновениями и чужими губами. И пусть я бессильна физически, чтобы сопротивляться, но все против моей воли. Глупая,

думала, что соком себя обезопасила. Но подлить ведь могли и в стаканчик. Как поздно я это поняла! Как поздно...

Молюсь, чтобы темнота, маячащая на границах сознания, поглотила. Не хочу ничего видеть и чувствовать. Сейчас на второй план отступает все, даже любовь к сестренкам. Я вовсе не отважная, как всегда про себя думала.

Антон стягивает топ, впиваясь в шею, а я, задыхаясь от мерзости, проваливаюсь в спасительную черноту.

Егор.

— Как мать?

Голос Тима звучит глухо, потому что разговаривает этот засранец опять по громкой.

— Нормально мать. На днях капельницы заканчиваются и домой, под наблюдение и заботу. А ты очередную гарнитуру где уже прое... потерял? — Ловлю мамин осуждающий взгляд. Не любит, когда при ней выражаются.

Красивая она у меня. Статная. На ба похожа. Хотя они вообще ни капли не родные: ба и дед папины родители, маминых я никогда не видел. Но мама с бабулей так близко дружат, что с каждым годом походят друг на друга все сильнее.

Осанка, умение себя подать, манера разговора. Даже привычка пить ледяную воду с утра. Кто — то из них перенял у другой. Две мои близкие женщины.

— Эй, друг. Куда пропал? — Тим бухтит, потому что я не отвечаю, задумавшись. Кажется, он не только успел ответить на мой вопрос, но и задать свой.

— Тим, извини. Не выспался. Ты чего хотел — то?

— Ну вообще я тебе инфу там скинул. А ты молчишь. Загрузился по полной?

— Есть немного.

Если честно, с момента маминого приступа и моего спешного отъезда, счет времени я потерял. Отец загрузил своими делами, разнервничавшись из — за матери. Любит ее, пылинки до сих пор сдувает. Свои проекты, а еще каждодневный ритуал посещения клиники. Мама, как маленькая девочка, отказывается от капельниц, если я не сижу рядом.

Тру переносицу, пытаюсь сообразить, чего от меня хочет Тимур. Какую инфу он там скинул?

— Короче, мне уже некогда. Ты посмотри. Когда один будешь. Думаю, много чего поймешь. Маме привет.

Не успеваю ответить, как скидывает звонок. Во всем такой. Постоянно на бегу.

— Кто звонил, сынок? — Мама откидывается на подушке, голос слабый. Никто толком понять не смог, что с ней произошло. По телефону поговорила, чай выпила и начала сползать вниз. Когда я примчался домой, ее уже везли в клинику. Хорошо, ее лучшая подружка здесь всем рулит, присмотр действительно качественный.

— Тим. Привет тебе передавал.

— Ох, сынок. Бросал бы ты уже эти компании. Когда Светочке предложение сделаешь? Девочка ждет, часики тикают.

Далась им эта Светочка. Иногда закрадывается мысль, что Светку любят больше, чем меня. Что бабуля, что мать — сюсюкают с ней, а та и рада стараться. Только дед демонстративно уходит. Терпеть не может эту показуху.

Воспоминания про деда автоматом перекидывают на наш последний разговор. Яна... Оксана, в смысле, ему понравилась. Уж не знаю, как он сумел за пару минут разглядеть во мне нешуточный интерес к девочке.

Девочке... Эта мысль в первые дни грела, прожигая в груди дыру. От удовольствия. Быть первым у такой девушки... это награда сотого левела, не меньше. Хотелось бы стать единственным. Но... Мой спонтанный отъезд разрушил и без того хрупкую связь.

Нет, конечно, я искал Оксану. Когда стало невозможно, вырвался среди ночи и приехал в

поселок. Благодаря друзьям, данные у меня были. Фамилия, адрес. До утра проторчал у дома, но утром никто не вышел. Терпением особо не отличался раньше, и, доведя себя до критической точки, минут двадцать барабанил в дверь. Вынести эту хлипкую преграду труда бы не составило. Но вдруг она спит крепко и не слышит? А я напугаю...

Так и стучал, пока на шум не подошла соседская бабулька, просветившая, что Ксюша уехала в конце августа, и с тех пор не появлялась. Сестер забрала с собой. А Иван, оставшись один, пьет у друга, не просыхая.

Много чего еще поведала бабка. Я так растерялся от потока информации, что не поблагодарил. Так и ушел, оглушенный словами.

Бьет же, ирод, девку. Бьет. А она молчит. Боится, что девчонок отберут.

Так за волосы таскал по двору и орал. А она только лицо закрывала и кричала старшей — Дашке — чтобы спрятались.

Руки заломил и в машину ее. Прижал и ремнем бил. Пока сознание не потеряла бедняжка. И подойти не давал никому урод же паршивый.

Так и сидела на улице всю ночь босая, пока не уснул. Уйти боялась, чтобы сестер не извел.

— Но вы же видели все, почему никуда никто не сообщил? Чтобы помочь?

— А куда сообщать, милок? Сам Иван из органов, участковый у него в дружках. И девке хуже сделаешь, и себя подставишь. Зойка ей помогала, младших брала на ночь. А так чем уж поможешь? Старые мы, милый... Да она просила, сестер жалела. В детском доме еще хуже. А тут при ней.

Десяток метров до машины дались с трудом. Раньше я не думал даже, что могу желать убить человека. Сейчас мечтал об этом. Сомкнуть руки вокруг горла и ждать, пока урод не перестанет дышать. Останавливали от горячки только слова про двух малышей. Не станет отца, их заберут. А этого Ксюша не простит.

Ксюша... каждую ночь мечтал оказаться рядом. Дал себе установку — как только мать выпишут, брошу все силы на поиски девочки.

Зачем мне это? Все оказалось до банального просто.

Влюбился. Полюбил.

От одного взгляда, одного прикосновения, одного вдоха.

Бывает такое?

Бывает.

Еще тогда на озере я понимал в глубине души, что она моя. Даже считая ее матерью чужих детей.

— Мам, ну какая Света? Мы и не встречались с ней. Так...

— Вы, Егор, практически живете вместе. И то, что ты девочку не позвал полностью переехать, твоя вина.

— Мам, не начинай. Ты прекрасно знаешь, что у меня были другие девушки и у Светки тоже другие мужчины. Мы не пара. И не будем...

— Сын, послушай. Мы в твою жизнь не лезли, но то, что Светочка прощает твои гулянки, говорит о ее любви к тебе. Порадуй нас уже. Родители у девочки хорошие, семья приличная. Подумай, сынок.

Мама хлопает по руке, а мне хочется провалиться отсюда, чтобы не принимать дальнейшее участие в тупой постановке. Хочется отправиться с друзьями в бар, и, наверное, так и сделаю. Завтра мужики собираются зависнуть вечером. Плюну на все дела и поеду к

НИМ.

— Мам, отдыхай, ладно? Потом обо всем поговорим.

Выхожу из палаты, выжатый как лимон. Набираю Дейва узнать, какие у нас новости. Не общались с ним несколько дней. Подцепил в баре девчонку и завис с ней на пару дней. Надо хоть узнать, как впечатления. Они с его Стефановской друг друга стоят.

— Видео уже просмотрел? Что скажешь?

— Видео?

— Егор, ты меня реально пугаешь. Тебя из-за бабкиной выходки так штырит или из-за спектакля матери?

— Давид, урод. Про моих говоришь...

— Погоди. Ты посмотрел и тебя устроило? Какого хера тогда пацанов напрягал девчонку искать?

Ничего не понимаю. Какой спектакль, какая выходка?!

— Ты о чем вообще? — Срываться на друге последнее дело, но Дава простит. И поймёт.

— Тимур тебе с камер прислал нарезку. И с балкона, там удачный ракурс такой. Не видно, но звук шикарно захвачен. Смотрел или нет?

— Нееееет. От мамы только вышел.

— Короче. Рули домой, я сейчас подскочу к тебе. Пожрать есть что или взять?

— Закажу.

— Лады. Тогда мчу.

Что за загадки там такие? Рука тянется открыть входящие письма, но одергиваю себя. Если Дейв высказался, вряд ли я смогу адекватно отреагировать. А он не из тех, кто треплет языком направо и налево.

Лихацкого застаю на кухне. Уже проводит инспекцию холодильника.

— Надо ключи отобрать. Ходишь, как к себе домой.

— К себе я не пожрать хожу.

— Не кормят твои девки?

— Скорее я их. — Сидит и сосредоточенно тыкает на экране телефона. С таким серьёзным видом он делает только одно — готовится кормить себя любимого. — А прикинь, когда-нибудь будет у меня жена. Приду с работы, а стол накрыт, вокруг меня суета. Может, и детей родим. Как у отца с матерью. Любить меня будет.

— Ты ж в сказки не веришь.

— Злое ты существо, Егорушка. Дай помечтать на старости лет.

Дейв уже закончил оформлять заказ и развалился на диване.

— Не злое, а рациональное. Чего так быстро от девочки свинтил?

— Не напоминай, а? Выхожу из душа, говорю ей: «Садитесь, я вам рад. Откиньте всякий страх и можете держать себя свободно». А она пальцем у виска крутит. Я ей говорю, неуч, иди хоть омлет сваргань. А она ржёт и заказать пиццу предлагает. Нуууу... моя тонкая психика не выдержала. Домой цыпу отвез. С пиццей вместе.

— Тяжёлый клинический случай. Ну а Натаха тебя чем не устраивает? Жил бы уже с ней.

— Примерно та же хрень, соус другой. Инста, мода, косметика... — трет подбородок, — диеты еще. Вот все наши разговоры вне постели.

— Так тебя типа пожалеть надо?

— Типа того. Видосик давай включай. Сейчас вискарь возьму. Тебя жалеть будем.

Я сейчас в другом измерении нахожусь, не иначе. Моя ба... там точно она? Звук на улице нет, но и картинка хватает. Раз за разом прокручиваю то, как бабуля тянет девочку, как хватает сумку и трясет над плитками. Заплаканное ксюшино лицо намертво врежется в память. Бабуля... как после такого называть — то ее?!

Нет, объективно, я знаю, что бабушка могла подобное сотворить. Самому себе — то чего врать... Зная нашу семейную историю... Дед любил простую девочку, дочку домработницы. Но отец, мой прадед, надавил и нашли подходящую с точки зрения статуса жену. Долго Александр Клементьевич искал свою любимую, а нашел когда, уже в живых ее не было. Это еще до рождения отца история была. Но у ба пунктик на счет «простых». Однако одно дело знать, что может, а другое — видеть.

— Второй файл открывай. Сейчас еще веселее станет. — Давид щелкает мышкой, всовывая в мою руку стакан с алкоголем.

Плевать на голову и завтрашние последствия, сейчас нужно верное средство, чтобы на немного забыть увиденное.

— Рита, он неменяемый... — на видео кусок балкона, но звук в доме пишется прекрасно. Если бы не содержимое, можно было бы порадоваться отличной работе.

Слушаю о том, как Света будет страдать от моего увлечения поломойкой. Да — да, так и называют в разговоре Ксюшу. Мои ба и мама. Самые близкие женщины в жизни. В голове не укладывается.

Значит, все эти уколы и системы — только часть представления? Чтобы отвлечь глупого сыночка?

— Дейв, мне двадцать девять... что я не так делаю в жизни? Твои к тебе не лезут же?

— Мои — это мои. У них другие методы воспитания. А ты прекрасно знаешь про свою мать. Школу вспомни. Сам говорил, что все увлечения выбирали родаки. Ты для них до сих пор тот школьник, за которого они выбирают. И со Светкой тебя по итогу тоже прижмут. Если не дашь отпор.

Слова, как гвозди, в крышку ящика. Друг во всем прав. А я потерял столько времени. Бежал, помогал, решал, поддерживал... ради чего? Ради того, чтобы узнать, что родные люди предали?

Слова деда становятся ближе и понятнее. Вряд ли он знал, но догадаться мог. Поэтому и завел тот разговор.

— Закусывай давай. Завтра будешь кулаками махать. А сейчас спать, Егорушка.

Давид, как заботливый родитель, подкладывает в тарелку куски. А я даже вкуса не ощущаю. Во рту скопилась горькая слюна, и проглотить ее не получается

— Да, мамочка.

— Папочка, бля. Девчонку искать будешь дальше? Или так, пропал уже интерес?

— Буду. Запала она мне.

Люблю ее, кажется. Но другу этого говорить пока не буду.

***

Басы долбят по барабанным перепонкам. После вчерашних открытий хочется лечь звездой и лежать. А мы сюда притащились.

— Как у тебя хватает сил после выпитого еще тусовать?

— Опыт, Егорушка. Опыт. Ну и тоска о прекрасном. Не смогу уснуть, зная, что где — то ходит та, которая слепит мне пельмешек.

— Ты сразу тогда к кладбищу рули. Там бабульки сердобольные пожалеют детинушку,

накормят самолепными.

— Иди ты. Дай мужику помечтать.

— Тим с Артом скоро будут? — Потягиваюсь на барном стуле, чуть не пропахав носом.

После выпитого до сих пор штормит. Или после увиденного.

— Тим не знаю. Как барышня отпустит. — С пониманием улыбаемся друг другу. Тимур наш пропал под каблуком. — А Арт писал, что попозже. С Илюхой на пикник завалился.

— Как у них с Инкой, не знаешь?

— Ровно все. Глядишь, скоро костюмы покупать попремся. Родители договорились, молодые не против. Артур вообще по жизни пофигист, в отличие от того же Тимура.

— Тим да, бунтарь. Как бы самому боком не вышло. А Север как, не в курсе? Вернулся?

— Умотал уже. С ним на днях виделся в офисе. Это ты у нас неуловимым стал. Что, кстати, решил с родней? Санкции будут?

— Не решил еще. Не хочу слышать про них. Надо успокоиться.

— Тоже верно. Дров наломать можно так... Короче, дружище, я пошел.

Давид уже минут пять кого — то выглядывает за моей спиной. Оборачиваюсь. Ну понятно. На этот раз рыженькая. Во вкусах постоянен, никаких брюнеток. Не любит он их.

Кручу бокал, когда сзади раздаются знакомые голоса.

— Киснешь?

— Привет. Да так...

— Я так, без прелюдий. Должен будешь.

На стойку ложится телефон.

— Ну, включай галерею, не тормози.

С фотографий на меня смотрит моя Ксюша. Нежная девочка.

До этого момента я скучал по ней, но только сейчас понял, на сколько сильно. Листаю фотографии.

— А это что за хмырь рядом трется?

— А это, Егор, парень твой как бы девочки. — Спасибо еще кавычки не показал. — С ним была.

— В смысле?

— В смысле. Провожать ее поехал, пришлось упасть на хвост. Илюхин дружбан, Тоха. Помнишь его?

Смутно. Вроде где — то пересекались. Я и с Ильей — то по пальцам пересчитать можно, сколько раз виделась.

— Допустим.

— С ним она была.

Черт. Насколько все серьезно там? Времени я потерял много... очень много... слишком много... Но так просто не отдам. Никому ее не отдам. Если сама не скажет, чтобы ушел. Эта мысль четко сформировалась в голове.

— Не напугай только, понаблюдай. Если реально серьезно у тебя.

Был бы девчонкой, разревелся бы, какие у меня друзья. А так только крепко руку пожал.

Каждый вечер я у общаги. Сжимаю зубы, видя в какое время приходит моя девчонка. Я не сталкер, нет. Мне надо понять, стоит ли на что — то рассчитывать и лезть в ее жизнь. Через многое Ксюше пришлось пройти и добавлять головной боли или нервов не хочу. Если скажет уйти, если увижу, что серьезно все, уйду. Правда, уйду. Сам не знаю пока, как решусь,

но приоритеты я расставил давно. И она стоит на первом месте.

Да, рассуждаю про это я. Тот самый я, который еще пару месяцев назад убеждал друзей в отсутствии чувств и привязанностей. А жизнь такая штука: может урок преподать, а может и пинка дать.

В пятницу задерживаюсь на встрече и еду прямиком к Арту. Я уже в курсе, что у непонятого недопарня Ксюши вечеринка в честь юбилея. Вот там все и увижу. Даю себе слово поговорить с девочкой. Надоели кошки — мышки. Проще спросить прямо.

Лишь бы прямой ответ не убил наповал.

— Антоха, с днюхой. — Артур хлопает по плечу блондина, курящего у ворот. — Всего тебе и пожирнее.

— О, Арт, спасибо. Проходите, парни. Скоро начнется самое веселье.

Вспоминаю паренька. Действительно пересекались с ним несколько раз. Артур останавливается, увидев общих знакомых, и мне приходится притормозить с ним. Хотя сам я рвусь вперед. Хочу скорее увидеть её. Если она здесь, конечно. За всю неделю блондина вечером я не видел, что дало надежду.

Красивая. Дух захватывает, какая она красивая. Изящная. Миниатюрная. Жадно впитываю ее образ, не сразу замечая Тоху рядом. Она что — то говорит ему, а он прикасается к губам и целует. В глазах начинают плясать пятна. Как мазохист, не моргая, смотрю на них. А сердце долбит в грудной клетке.

Пытаюсь с такого расстояния уловить эмоции. Она же девочка, нежная моя... как могла так быстро... после меня... как? Арт тянет к столу, правильно расценив всю расстановку сил. Два предательства за такой короткий промежуток времени... тру то место, где раньше был моторчик, а сейчас ледяная глыба. Жжет. Сильно жжет.

Как назло блондин присасывается к губам *моей* любимой еще и еще. И я с каждым их движением умираю. Стоит тело. А внутри уже агония, нет ничего. Как — то быстро все произошло. Быстро сгорел.

Автоматически передвигаю ноги за другом. Перед глазами пелена. Кого — то толкаю, кто — то толкает в ответ. Ничего не чувствую. Совсем ничего.

— Арт, ты уже знаком. Егор, моя девушка Оксана.

Звуки, которые проникли сквозь мутное сознание и сложились в слова. Я даже умудрился понять их значение. Поднимаю голову и смотрю в ее глаза. В эти наглые и бесстыжие глаза, сводящие с ума. Хочу ненавидеть ее в этот момент. Хочу! Но не могу. Она стоит и опирается на руку своего парня. А он обнимает ее за талию. Он. Не я. Он прикасается к ней.

— Извините, парни, перебрала немного. Сейчас устрою в спальне и спущусь. Я же обещал веселье.

Перебрала... в спальне... Слова на репите.

Глаза в глаза.

Как ты могла? Как?

Почему?

За что?

В тот момент, когда Антон поднимает Ксюшу на руки, у меня срывает все планки. Мир рухнул и обратно его не собрать.

Арт что — то кричит в спину, но я не слышу его. Ледяная глыба зачем — то продолжает отстукивать моменты жизни. А я не хочу. Не хочу этого!

Неправильно так. Спокойно раньше было. Засуньте свою любовь себе... я не хочу...

Срываюсь с места и выжимаю педаль в пол. Ничего не вижу впереди. Темнота. Все размыто. Включаю дворники. Не помогает.

Провожу рукой по лицу. Что это? Почему? Это слезы? Мои слезы? Нет. Нет. Нет!

Сворачиваю в первый попавшийся проезд и выбегаю. Поле. То, что нужно.

Как со стороны вижу упавшую на колени фигуру и слышу свой крик.

Я не хочу так. Это слишком больно.

Антон.

Сладенькая девчонка. Распалила воображение. Сумела.

Черт его знает, в чем дело. В тряпках и макияже, или просто поближе рассмотрел.

Целую и не могу оторваться. Градусы уже ударили в мозги, инстинкты включились на максимум.

Чую подвох, когда мышку ведёт в сторону. Опрокинула стаканчик для храбрости? Вроде говорила, не пьет. Впрочем, даже лучше. Расслабиться, меньше бояться будет в первый раз. Чуйка редко подводит, а сейчас она машет плакатом, что девочка не тронута. Максимум, попробовала, но опыт был неудачным. С такими надо осторожно, приручить. Не мой вариант, к сожалению. Я люблю жестче и грубее, эта не потянет.

Несу дрожащую мышку в спальню. Рассматриваю. Могла быть красавицей., если бы не затравленный взгляд. Он все портит.

Веду рукой по бедру и ловлю кайф. Задеваю полоску кожи на животе. Шелковая, горячая. Ощущаю дрожь, которая отдается вибрацией в моем теле. Тоже хочет? Или так боится?

Я не насильник, через ее «нет» не возьму. Но девочка молчит, поэтому продолжаю.

— Не дрожи, птичка. Если хочешь, я буду нежен.

Шепчу в ушко. Сегодня мой праздник, готов не только брать, но и дарить. Хочу, чтобы дрожала в моих руках. Но после. От полученного удовольствия.

Сжимаю руку чуть сильнее, обхватывая бедро. Придется себя контролировать. Мышка такая хрупкая, как бы не сломать. Дрожит. Снимаю топ, оголяя верх. Хочу ее расслабить, целую в шею. И не сразу понимаю, что глаза закатились вовсе не от моих поцелуев.

— Твою мать!

Скатываюсь с девочки, вынимая из кармана смартфон. Какой номер у этой долбаной скорой? Набираю "122" и слушаю механический голос, предлагающий выбрать нужную службу спасения.

Да пока нажимаешь, человек уже кони двинет. Может, цифры перепутал?

Звоню Илюхе, ноль эмоций. Набираю Ваньку. Он точно где-то рядом опиваться должен, чтобы зафиксировать мою победу.

— Бегом в мою спальню.

Ору так, что без телефона слышно.

Может, в ванную ее надо? Пока дружбан собирает мысли в кучу, хватаю Ксюху и несую в душ. Впервые пожалел, что убрал все поддоны. Сейчас бы посадил и полил. Приходится шагнуть с ней на руках и включить холодную воду.

Бледная. И легкая. Не ест совсем? Ну да, судя по ее жизни, хорошо питаться ей только снится. Угораздило так влипнуть.

Девчонка стонет и открывает мутные глаза.

— Эй, как ты?

Легонько хлопаю по щекам, придерживая одной рукой. Вода хлещет по нам сверху, не давая нормально открыть рот. Тянусь к выключателю, и в это время Ксюша хватается за живот.

— Что с ней?

— Не знаю я. Нормально вроде было. Потом отключилась.

Вода стекает вниз, а мышка становится еще белее. Хотя куда уж сильнее.

— Антон, — еле губами шевелит. — Мне плохо. Сок... сок, Антон...

— Ей желудок промыть надо.

Мистер очевидность, бля. Без него понятно. Переборщил наверняка. В ней веса-то от силы килограмм сорок.

Вано несется из комнаты за марганцовкой, а я переносу девчонку на кровать. Ее трясет. Вода стекает на покрывало с обеих, и по-хорошему, надо бы переодеть ее, чтобы не заболела. Но только протягиваю руки к застёжке на брюках, как Ксюшу начинает тошнить.

— Тош... Там Ваня сказал... — В спальню влетает испуганная сестра.

Ксюша сжимается в комок, хватаясь за живот. Командую Нинке вытащить мокрые тряпки, как только подниму девушку.

— Тош, у нее... тут кровь...

Я и сам уже вижу. Не могу только понять, откуда. Нигде не ронял, порезаться не могла.

— Нин, бля, вызывай скорую. Платную люблю. Только чтобы быстро.

Прижимаю к себе трясущуюся девчонку. Дотягиваюсь до куртки, которую бросил днем, и заворачиваю.

Шепчу, что все будет хорошо. Но пока сам слабо в это верю.

Момент, когда в комнате появляются люди, пропускаю. Полностью сосредоточен на состоянии Оксаны. Ловлю малейшие движения, чтобы подхватить или чем-то помочь.

— Отойди, Тох. — На плечах тяжелые ладони Арта. Сколько мы уже ждем? Минут двадцать или час? Время тянется липкой массой. Чем дольше ждем, тем гуще становится. — Положи Ксюшу на кровать. Ей больно так.

С трудом разжимаю руки. Не сам, нет. Мне кто-то разжимает. Поднимаю голову. На коленях перед мышкой стоит Керро. Глаза красные, а на губах кровь. Драка была? Я так выключился, что не слышал.

— Арт, пусть все выйдут. — Егор хрипит рядом, а мне кажется, что звук идет из-под толщи воды.

Кто-то помогает встать. Лиц не узнаю. Оборачиваюсь и последнее, что вижу, это тонкую фигурку на кровати и склонившегося к ней мужчину. С Артуром выходим на улицу и я могу вдохнуть. Воздух заглатываю до боли в груди. Там дышать не мог.

— Почему Егор с ней остался?

— Не лезь к ним. Это его девчонка. Про спор я тоже знаю.

Арт внешне собран и спокоен и только подрагивающие пальцы выдают, что не так просто сдерживаться.

Музыка не умолкает. Уверен, кроме нас, бывших в спальне, остальные не заметили, что чуть не произошла трагедия. И от этой мысли становится реально страшно. Будешь лежать, и подышать, а народ пройдет мимо. Веселье, бухло и девочки. А кто там, как там — никого не волнует.

Страшнее осознания только то, что до сегодняшнего вечера, и я был таким же мудаком, как все это стадо.

— Скорая.

— Проводи ты. Не могу.

— Тох, что ей подмешали? Врачам надо сообщить.

— Обычный возбудитель. Р***ез.

Сажусь на ступени в углу, когда навверх проходит бригада.

Стоил ли новый Aventador этого всего? Железка, пусть и дорогая, против человеческой жизни...

Егор.

Темнота поглощает крик, впитывает боль, рвущуюся из груди. Да, я готов был отойти, готов был оставить... но этот поцелуй... он стоит перед глазами, снова и снова разрывая душу. От нее уже и так ничего не осталось, а тьма продолжает питаться остатками, изощренно пытая.

Снова и снова ее и его губы. Зачем я это вижу?! Я уже ушел, проиграл. Зачем так добивать?

Истерика прекращается также резко, как и началась. Перед самим собой стыдно за слабость. Не сдержался, не смог.

Растираю ладонями лицо. Надо приходить в себя. Получится ли жить дальше, не знаю. Но существовать пока как-то придется.

Сзади слышится пронзительный крик. Поворачиваюсь. Тишина. Показалось? Всё может быть, учитывая, как меня сейчас крыло.

Сердце заходится в безумном ритме. И если крик привиделся, то паникой накрывает настоящей.

Так, наверное, и сходят с ума. В пустом поле, прооравшись, разговаривают с пустотой. Я знаю эти ощущения. Нет, сам не испытывал до сегодняшнего дня. Дейв. В его жизни было то, о чем не знают другие. Я тоже знаю лишь малую часть. Но то, как его штормило, он рассказал. Однажды. И только мне.

Глубокий вдох и попытка сосредоточиться не дают результата. Сердце грохочет в висках, а остатки внутренностей сжимает металлическим кулаком. Прикус металла и во рту. Сам не заметил, как прокусил губу. Поистине эта ночь будет из тех, которые я хочу поскорее забыть. Только утром станет хуже. Почему-то я это знаю.

На автомате подхожу к машине и разворачиваюсь в сторону коттеджей. Не знаю, зачем туда еду. Не могу объяснить. Какая-то неведомая сила гонит, а я выжимаю из машины максимум. Чем ближе дома, тем сильнее ощущение непоправимого.

Вбегаю в дом, как сумасшедший. В этот момент я уже осознаю, что пришла беда. Не просто интуиция орет, а мозг подает сигналы опасности. Артур перехватывает меня у самого входа.

— Кто?

— Сам. Второй этаж. Увидишь.

Перед рывком нужно сделать вдох, но сил нет. Еще до того, как нога перешагнула ступеньку, я знал ответ.

Яркий свет ударил в глаза, заставив зажмуриться.

Она. Ксюша.

***

Длинный коридор мерзкого розового цвета. Почему кто-то решил, что белый слишком угнетает психику, а розовый отвлечет пациентов? Больница есть больница. В какой цвет не выкраси, а запахи и витающее в воздухе страдание ничем не вытравишь.

— Кем Вы приходите Романовой Оксане Игоревне?

Остановливаюсь, не сразу соображая, что обращаются ко мне. Оксане. Ксюше.

— Да, извините. — Отвечаю невпопад, потому что собрать мозги в кучу никак не получается. — Муж. Я ее муж.

— В паспорте нет отметок о регистрации брака.

Надо же, какая подозрительная. Интересно, когда оплачивать придет время, тоже проявят принципиальность или не на все распространяется?

— Мы ещё не успели узаконить.

— Пройдемте в палату, муж.

Шагаю за женщиной в халате. Кто она? Медсестра, врач? Возможно, она представлялась, но я был так занят, пытаюсь собрать полную картинку произошедшего, что мог пропустить.

— Присаживайтесь, муж.

Мне предлагают занять стул в кабинете. Хмурюсь. Вроде бы в палату же шли.

— Сейчас пройдете к супруге. Хотела посмотреть на Вас. Что же Вы, взрослый человек, а допустили подобное состояние у мамочки? Я понимаю, вчерашние школьники не видят берегов. Но такой солидный молодой человек...

Врачиха снимает очки, продолжая говорить и говорить... слов не разбираю...

Сердце стучит в горле.

Мамочки? Она сказала «мамочки»?

— Подождите. Подождите, пожалуйста. Вы сказали... Ксюша, она...?

— В положении? Вы не знали?

Я физически чувствую, как от лица отлила кровь. Походу, это не образное выражение.

— Но как? Как это возможно?

— Молодой человек, мне кажется, в Вашем возрасте этот вопрос задавать как минимум неприлично. Процесс довольно приятен, знаете ли. — Какая же ехидная баба. Хочется вскочить и придушить.

Но разве возможна беременность после первого раза?! Напряженно пытаюсь вспомнить, чем у нас закончилось. Я был в Оксане довольно долгое время. Неужели контроль дал сбой? Не может быть.

Не обращая внимание на возмущающуюся моим поведением женщину, достаю телефон и вбиваю свой запрос в поисковую строку.

Попавшая во влагалище мужская смазка увеличивает риск непрошенной беременности после незащищенного секса.

Черт! Как так-то?

— Простите, что Вы сейчас сказали?

— Я говорю, муж, что у девушки пока сохраняется угроза выкидыша. Срок небольшой, три-четыре недели.

— Беременна? Ксюша беременна?

Я, наверное, со стороны выгляжу, как тупой дятел. Но самая важная информация не может усвоиться. Слова понимаю, даже вон вопросы задаю. А принять... словно битой по затылку приложили...

— Оксана Игоревна беременна. Вы не знали?

— Я... я нет...

Кажется, мне в палату на соседнюю койку надо. Ксюша беременна... у нас будет... ребенок? У нас?

Как же туго доходит-то. Врач пристально смотрит, словно чего-то ждет. Наверное, я

должен ответить, да?

— Я... я рад. Правда рад. Это так всё неожиданно...

Ну вот, разговор не мужчины, а мальчика. Первый уровень, не иначе. Хорошо еще смог связать слова по смыслу.

Ребенок. Мой и Ксюшин сын.

А если? Да нет. Не могла она. Антон признался, что не тронул ее. Она бы не...

— Молодой человек, как Вас...?

— А? А. Егор Александрович.

— Егор Александрович, езжайте-ка домой. Поспите, придите в себя и завтра поговорим.

Врач мягко улыбается, намекая на мою невменяемость. Но я же нормальный.

Обалдевший от свалившихся новостей, но нормальный.

— В какой палате Оксана? Можно устроить ее в самую комфортную? Чтобы...

— У нас все палаты лучшие, Егор Александрович. Не переживайте. Мы обеспечим круглосуточный уход. А Вы приезжайте завтра. Не надо здесь оставаться в таком состоянии.

— К ней можно? Заглянуть?

— Пять минут. Она спит, ей капают поддерживающие препараты.

Маленькая. По сравнению с огромной палатой незаметная. Только светлая макушка торчит на подушке.

Подхожу ближе, провожу пальцем по руке. Любимая моя девочка...

Снова охватывает чувство стыда. Не накрой меня, ничего бы могло не быть. Проявил слабость, когда ушел. Не досмотрел, не был рядом с самого начала. Если она когда-нибудь сможет простить, то я себе нет. Не смогу забыть низкого поступка.

— Егор?

Ресницы дрогнули. Спит? Опять говорит во сне?

— Егор, это ты?

Наклоняюсь, чтобы Ксюша могла видеть меня. Смотрю в сонные глаза. Как в дымке.

Ресницы смыкаются, словно ей тяжело держать глаза открытыми.

— Это я, Ксюш. Я. — Прикасаюсь к сухим губам. — И я... я люблю тебя.

Слушаю размеренное дыхание и выхожу, тихо прикрыв дверь.

Ксюша.

Тупая боль простреливает внутри, заставляя открыть глаза. Вижу мутно. Все плывет и только холодная вода немного притупляет то, что разрывает изнутри. Ужас и страх скрутили внутренности. Но сейчас помимо них что — то другое. Физическое.

Он... он бил меня? Получил, что хотел?

Пытаюсь рассмотреть лицо мужчины, склонившегося надо мной. Антон. Урод и мразь. Других определений нет. Разве можно так играть людьми, их желаниями и жизнью в целом? А то, что это какая — то дикая игра с его стороны, я уже догадалась. Пока сознание медленно угасало, успела ухватить картинку всех дней нашего знакомства.

Пересиливаю себя и пытаюсь рассмотреть тело. Я на его руках, в душе. В брюках.

Сейчас ничего не понимаю. У него не получилось?

Перевожу взгляд на лицо. Ловлю его панику. Значит, не только мне сейчас страшно.

Что же случилось?

Додумать не дает новая вспышка, разрезая низ живота словно раскаленным лезвием. Никогда такого не было. Боль такой силы, что не могу вдохнуть и выдохнуть.

— Антон, — пытаюсь сложить звуки в слова. — Мне плохо. Сок... сок, Антон...

Надо донести до него мысль, что в соке что — то было. Сейчас я уже не уверена в том, что он виноват. Не стал бы возиться со мной, а просто бросил. Или...?

Начинает трясти. Стены, кафель, потолок — все мелькает, будто кубарем лечу с горы. Вспышки перед глазами. Последнее, что успеваю уловить, перед тем, как вновь вернуться в спасительную темноту:

— Тош, у нее... тут кровь... — Нининым голосом. Её я уже не вижу.

В глаза бьет свет. Не яркий, но давит на сетчатку, отчего выступают слезы. Промаргиваюсь, пытаюсь понять, где я. Место незнакомое. Пахнет... пахнет так, что не спугаешь. Больница. Значит, Антон привез меня сюда?

— Пришла в себя.

Голос слышу сбоку. Пытаюсь привстать, но жжение в руке не дает пошевелиться. С трудом поворачиваю голову: от сгиба локтя тянется капельница. В детстве я болела воспалением легких и мне также вливали лекарства. Ощущения забытые, но знакомые.

— Говорить можете?

Рядом оказывается приятная женщина с очень добрыми глазами. Повторяет свой вопрос.

Облизываю губы, киваю. Наверное, могу. Я еще не пробовала. Такие привычные действия приходится сначала проговорить про себя, прежде чем исполнить. Это так странно.

— Да. — Получилось. Заторможено шевелю пальцами на руке. Тоже откликаются. Не знаю, почему это так важно сейчас.

— Ваше имя и возраст? Можете назвать?

Отвечаю на все вопросы. Половину не понимаю. Зачем женщина интересуется моими женскими делами? Разве к отравлению это имеет какое — то отношение?

— Оксана Игоревна, — врач кладет свою руку поверх моей, а я прикрываю глаза. Жду, что сейчас она скажет то, что перевернет мою жизнь. В этом я уверена. — Сейчас у Вас наблюдается угроза выкидыша. На ранних сроках...

— Что?

— На ранних сроках, — она терпеливо повторяет последние слова, а я лихорадочно пытаюсь осознать сказанное. Какая угроза?

— Угроза... чего?

— Выкидыша. Оксана Игоревна, Вы не знали?

Как я могла знать? Значит, Антон все — таки успел? Но... не понимаю, разве так скоро все происходит?

— Сколько времени я здесь? — Последнюю мысль озвучиваю вслух.

— Почти два часа. Нам понадобилось...

— Подождите, — сейчас на второй план уходит вежливость и моя слабость, — разве может беременность наступить так быстро?

— Деточка, для зачатия достаточно одного раза. Современные методы позволяют определить беременность на седьмой день после зачатия. Есть возможности и...

— Как седьмой?

Вот сейчас точно ничего не понимаю. И, кажется, не только я. Врач смотрит на меня как на умалишенную. Еще бы: мало того, что я здесь выгляжу инородным предметом, еще и вопросы задаю тупые. Это пока меня осознанием не накрыло. А ведь уже близко, истерика подступает.

— Ваш срок три — четыре недели. Точнее обычно не говорится, так как проведены были первичные ис...

— Но я не могу! Не могу быть... беременной. Я же... У меня первый... — краснею до корней волос, но продолжаю — ... раз... был... месяц назад. Я делала тест и...

— Вы сдавали кровь? — Отрицательно машу головой. Я отчетливо помню одну полоску на пластинке. Через день повторяла, и снова одна полоска. Оба же теста не могли врать?

— Я делала два теста в разные дни. Понимаете... — обрываю себя, вспоминая. — Где моя сумка, здесь? Можете мне ее передать?

Бедная женщина. Как ей тяжело с такой овцой, как я. Но надо исключить ошибки. Может, они тут анализы перепутали?

— Вот. Вытаскиваю из кармашка оба теста. — Спрятала, чтобы выбросить без лишних вопросов, и забыла. — Вот. Оба отрицательные.

Врач берет упаковку, рассматривает и улыбается. Весело так.

— Оксаночка, это тесты на овуляцию. Упаковки похожи, да. А текст обычно никто не читает.

Откидываюсь на подушки. Дура... только мне могло так «повезти»... Учеба, Маруся с Дашкой и... это...

— Судя по Вашей реакции, Вы не ожидали подобного. Не могу не задать вопрос, Оксана Игоревна. — Я вся подбираюсь от серьезного тона, а женщина смотрит в упор. — Вы хотите сохранить плод или же планируете прервать беременность? В последнем случае должна Вас предупредить о негатив...

— Я подумаю. — Пусть думает, что я наглая нахалка, раз в очередной раз перебиваю. — Мне надо подумать.

Она согласно наклоняет голову и больше ничего не говорит. Дает указание медсестре вколоть какое — то лекарство и от двери прощается до утра. Я же упорно рассматриваю стену.

Что мне делать? Что?

Мне снится сон. Снова во сне приходит Егор. Мерещится мне. Не вижу четко его лицо даже за гранью сознания, но ощущаю его присутствие и его запах.

Навязчивая идея.

Образ будет еще долго преследовать, учитывая, в какое положение я попала.

Первым делом, проснувшись, тянусь к телефону. Кто-то заботливо оставил сумку на тумбочке у головы. Хочется думать, что медсестра, а не Антон. Хотя ему я обязана пребыванием здесь.

Набираю подругу и прошу приехать. Знаю, что злоупотребляю её добротой, но сейчас мне совершенно не к кому обратиться. В той, прошлой жизни, я часто выручала ее. Теперь, как она шутит, её очередь.

— Рассказывай, ромашка, как докатилась?

Довольная подруженция устраивается в ногах кровати и готовится слушать. В общих чертах она в курсе обо всем. Кроме той ночи. Пересилив стеснительность выкладываю, как на духу. Потому что не знаю, что делать. Потому что одна сейчас не справлюсь.

— Да уж, Ксюха. Не знаю, что сказать. Сама на чем остановилась?

— Не знаю. Я так растеряна, но адекватно понимаю, что выбор невелик. Я с девчонками еле справляюсь.

Говорю, и самой страшно от слов, которые произношу.

— Еще бы. Ему говорить будешь? Может, деньгами поможет?

— Где я его найду, Мил? Его бабушка на порог не пустит, а я про него больше ничего не знаю. Даже фамилии.

— Ты говорила, видела его у Антона. Если спросить?

— Не уверена, что видела. Мне и сегодня ночью казалось, что он рядом. А вчера я в таком состоянии была, конечностей не чувствовала.

— Ксю, что бы ты ни решила, я поддержу тебя. И помогу, ты же знаешь.

— Знаю, — шепчу еле слышно, — знаю.

Мне страшно от того, что собираюсь сделать, но изменить ничего нельзя. Ответственность за двух маленьких девочек уже лежит на мне, и предать их доверие я просто не могу. Не прощу себе. Хотя я и другое вряд ли смогу простить...

— Мил, сейчас мне надо уйти отсюда. Можешь узнать, сколько надо оплатить и сходить в ломбард? Я думаю, пришло время...

На каждый новый год и день рождения, начиная с десяти лет, папа дарил мне золотое украшение. Ни разу их не носила, но всегда помнила слова отца.

... если настанут трудные времена и нас не будет рядом, у тебя будет небольшая, но подушка безопасности...

Спасибо, папа. Я бережно хранила твои подарки. Лишь однажды воспользовалась, когда тяжело заболела Даша. Теперь вот снова... Только кажется, на самом деле, что золото — это дорого. Совсем нет. Но для помощи хватило.

Антон не обязан оплачивать мое пребывание здесь, да и быть ему обязанной... надеюсь, что больше с ним не увижусь.

— Деньги у меня есть, потом сама сходишь. Собирайся. Ко мне поедешь пока. А я узнаю назначения, систему сама поставлю.

— Вот и пригодились курсы, да? Не зря тебя мама отправляла.

— А то. Если бы не Маруся, вместе бы сейчас учились.

— Про малышек, кстати. Мил...

— Тебе лежать сейчас надо. Звони т. Зое, к ней отвезу. Но сначала ты, ромашка. Белая, как простыня, блин.

Сползаю с кровати и пытаюсь собраться. Вещей у меня нет, кроме тех, в которых сюда попала. Больно колет, что Нина не пришла и не позвонила... хотя ее голос я отчетливо слышала.

Стягиваю больничную рубашку, переодеваюсь. Брюки, топ. Чужая куртка находится на вешалке у входа. Пахнет Антоном. Решаю забрать и ее, потом вместе со всеми вещами передам его сестре.

Телефон мигает пропущенными вызовами и сообщениями от нининого брата. Не читая, удаляю все, заносю номер в блэклист. Хватит всего, что уже натворили.

— Оксана Игоревна, Вам нельзя вставать.

В палату врывается вчерашняя женщина. И сегодня ее лицо не такое доброе.

— Извините, но я ухожу. Это не обсуждается, — обрываю ее возражения взмахом руки. Сил ни на что нет. Я просто хочу забыть эти дни, как жуткий сон.

— Вы помните, что угроза...

— Я помню. И я уже приняла решение. Пожалуйста, дайте выписку моей подруге и выпишите чек.

— С Вами был молодой человек, мы сообщим ему.

— Молодой человек не имеет отношения ко мне и моему ребенку.

— Вы не имеете права разглашать данные без письменного согласия пациента, — Милка вклинивается в разговор, как метеор. Легко сжимает мои пальцы в поддержку. — Палату и манипуляции мы оплатили. Распишите, пожалуйста, рекомендации для Оксаны Игоревны. Расписку она подпишет, что берет ответственность на себя.

Врач, имя которой я даже не посмотрела, поджимает губы и сообщает, что документы будут готовы через полчаса. Пусть вчера ко мне здесь хорошо отнеслись, но объективно я понимаю, что интересен не человек, а пациент, которому можно выставить счет.

Живот всё еще тянет и обеспокоенная подружка предлагает присесть в холле на диванчик. Пользуясь ожиданием, набираю тетя Зою и прошу приютить у себя девочек на выходные. Она не только соглашается, на просьбу, но и предлагает подержать сестренку до моего восстановления. Просит только купить круп и муки, потому что тяжело нести от магазина.

Следующий звонок в садик. Хорошо, что устраивая, на всякий случай вписала Милку в доверенных людей. Она сможет легко забрать девочек.

Кладу голову на плечо подружке и прикрываю глаза. Очень хочу прикоснуться к животу, почувствовать там его или ее. Но гоню эти мысли. Привыкать нельзя. И думать нельзя. Иначе потом сама себя из болота не вытащу.

— Давай, ромашка, соберись. Если решилась, то только вперед. Твой отец нас всегда этому учил.

— Папа был мудрым человеком.

Смахиваю накатившие слезы и иду за Милой. Поплачу потом, а сейчас не то место и не то время.

***

Просыпаюсь глубоким вечером, втягивая витающие по квартире ароматы выпечки. Милуська, когда на нервах, всегда печет. А мне вот мучное никогда не удавалось. Могу примитивное что-нибудь.

Поднимаюсь и передвигаю ноги в ванную д. Да уж, зрелище не для слабонервных. Можно фотографировать, и смело помещать в детские книги в раздел кикимор. Кое-как приглаживаю руками волосы и умываюсь. До октября Мила обитает одна, родители её предпочитают дачную жизнь. Переезжают с наступлением снега.

— Ну чего ты встала? Тебе лежать надо.

— Устала лежать, — улыбаюсь. Отчитывает как ее мама. Один в один.

— А надо. Даже если ты, — опускает глаза на живот, — однозначно решила, себя надо беречь. Я завтра дома, послезавтра сгоняю к нашему доценту. Она по гинекологии как раз курс ведет. Узнаю, когда тебе лучше сделать и где. Тянуть не надо, чем раньше, тем меньше воздействия... Ну сама понимаешь.

Молча соглашаюсь и устраиваюсь за столом в кухне. Есть не хочу, просто стоя кружится голова. А еще вернулась тошнота... Вполне себе и от нервов может быть.

— Ксю, а ты точно решила? Может...? Ну хоть как-то попытаемся найти?

— И что, Мил? Я ему и сама по себе не нужна, а тут нагрузка. Плюс мои девчонки. Да и где искать? Красивый парень Егор? Я не знаю ни возраста, ни фамилии, ничего. — Роняю голову на руки. — Права была его бабушка. Я самая настоящая распущенная дрянь. Позволила лишнего, теперь вот собираюсь...

Слезы вырываются бурным потоком. Не вытираю, позволяя им литься из глаз. Я столько всего держу в себе, что когда-то эта плотина должна была рухнуть.

Милка гладит по волосам и ничего не говорит. Эта молчаливая поддержка дает много больше пустых слов и обещаний. Мы обе прекрасно понимаем, что хорошо не будет, и надежды на светлое будущее весьма призрачны.

Но во всем виновата я одна. Следовало держать свои желания в руках, чтобы теперь не расплачиваться за минутную слабость. Слишком велика цена за проявление чувств...

Егор.

К клинике подъезжаю в районе обеда. С самого утра решал срочные вопросы. Один из которых — детская мебель в мою квартиру. Их больницы Ксюша поедет ко мне, а так как её сестры на ней, для девочек нужно оборудовать хотя бы спальные места. Всё остальное малыхи выберут сами. Старшая уже смышленная, я ее по первой и пока единственной встрече помню.

Оставив Дейва ждать доставку, поехал в магазин. Не знаю, что нужно беременным, но с вешалок хватал все, что подходило по размеру. Его еще вчера успел зацепить, когда на автомате подобрал с кровати топ. Как он там оказался и почему старательно игнорировал. Все разборки с Тошей-Антошей будут после.

Буду отцом. Всю ночь эта мысль не давала сомкнуть глаз. Как только понял смысл фразы, так проникся этим. Осознание пришло быстро. Мне кажется, я желал этого в глубине души с того момента, как увидел девушку с ребенком на руках у озера.

Схватив букет и пакет фруктов, бегом поднимаюсь по ступеням. Киваю сотруднице при входе и уверенно топаю к нужной палате. Никто не останавливает, ничего не спрашивает. С безопасностью, конечно, при их уровне, просто пшик.

На стук никто не отвечает. Может, на процедурах? Хотя ей вроде вставать нельзя. Или уже можно? А, может, спит?

Открываю дверь и замираю. Кровать заправлена, в помещении пусто. Что-то произошло ночью, и Ксюшу перевели? Что-то с ребенком?

Паника, поселившаяся вчера, снова поднимается из глубины сознания. Так, где кабинет этой язвительной тётки? Выскакиваю в коридор и, быстро сориентировавшись, несусь туда. Врачиха перехватывает в коридоре, словно сама искала.

— Где Ксюша? — Мне не до экивоков. Потом обязательно поздороваюсь, попрощаюсь, поблагодарю. — Романова Оксана Игоревна.

— Данная пациентка в клинике больше не наблюдается.

— В смысле?

— Девушка ушла под расписку. Запретить ей мы не имели права. Это вся информация, которую я могу Вам предоставить.

Перед носом хлопает дверь и я упираюсь взглядом в белое полотно.

Как ушла, куда ушла?

Букет летит на первую же скамейку вместе с пакетом, а я лечу в сторону стойки а-ля ресепшн.

— Девушка, посмотрите, вчера поступила Романова Оксана Игоревна.

Улыбаюсь через силу, выдавая самую очаровательную улыбку. Ну, давай же. Щелкай кнопочками.

— Данная пациентка оплатила пребывание и выписалась под расписку. — Медсестра внимательно смотрит на меня: — Ваша девушка, она светлая такая?

— Да, невысокого роста.

— С ней подруга или сестра была. Она оплачивала по счету.

Мозг лихорадочно переваривает информацию. Если подруга платила картой, можно узнать хоть какие-то данные и зацепиться.

Протягиваю девушке несколько красных купюр, и прошу посмотреть фамилию и имя. Даже из минимума можно попробовать вытрясти максимум.

— Извините, — возвращает деньги обратно, — она оплатила наличными.

Чертыхаюсь и разворачиваюсь, чтобы бежать к выходу. Выскакиваю на ступени, когда в спину летит:

— Девушка приняла решение, но я Вам этого не говорила.

— Что!?

Сразу накрывает понимание, что Ксюша решила избавиться от... Даже мысленно это произносить больно.

Не простила меня, что пропал?

Не поверила словам?

Могу её понять. После всего, что увидел, после поступков своих родных.

Но неужели мое признание для неё ничего не значит?

Внутренний голос нашептывает, какое я дерьмо. Не один раз я бросил девочку в трудной ситуации. Пусть первый раз я не знал, а второй поверил в увиденное, но с её-то стороны я выгляжу предателем.

Как найти её? Как заслужить прощение?

Хладнокровно рассуждать не получается, потому что накрывает отчаяние. Такой новый спектр чувств для меня. Ни с ними не могу разобраться, ни с мыслями.

Одно ясно, как божий день: Ксюшу надо найти. Пока не успела ничего сделать. Даже от предположения, что уже, внутри всё обрывается.

Где же она может быть!?

Общага! Завожу машину и еду туда, где проводил вечера всю последнюю неделю. Узнать на вахте, что Ксюша не появлялась, не становится неожиданностью. Уже подъезжая, знал, что услышу.

Следующий пункт — деревня. Час в дороге, потому что гнал, как ненормальный, и вот избушка. На крыльце условно знакомый мужик. Его я уже видел у аптеки.

— Добрый день. Ксению позовите, пожалуйста.

Мужик фокусирует мутный взгляд и сипит, что Ксюши нет, и не было давно.

Куда еще она могла деться? Вспоминаю про соседку. Барабаню в дверь и окна, но никто не открывает. Перехожу в соседний дом. Стеклянные глаза с таким же пустым выражением, как в доме Ксюши.

Напрягаю память, чтобы найти еще хоть одно направление, где искать. Как же зовут бабу, которая присматривает за сестрами? Перебираю имена, но нужного не нахожу. Черт!

Магазин. Точно. В маленьких магазинах всё и про всех знают. Только бы не обед.

Мне везёт. Не только вспоминают, о ком речь, но и дают адрес. Кидаю на заднее сиденье ненужные мне покупки. Память у продавщицы в нужном направлении заработала только, когда пообещал купить полприлавка. Лучше бы так кэш взяла.

Нужный дом. В голове каша и сумбур. Я сейчас как робот. Лишь бы найти. Потом будет всё — признания, чувства, объяснения, поцелуи, если позволит. Стучу. Тишина. Я настойчив, но ничего не меняется. Обхожу вокруг, заглядывая в окна. Никого.

Впору завывать.

На панели моргает телефон.

— Дейв?

— Слушай, всё привезли. Я тут от скуки уже сам собирать начал.

— Точно! Мелкие!

Скидываю вызов, набирая Севера. Пусть он в очередной поездке, но мозги у него всегда с собой. В двух словах обрисовываю ситуацию, прошу помочь найти девчонок. Данные на них есть благодаря стараниям парней. Влад бросает «жди» и выключается. Человек надежный. Сначала поможет, потом, конечно, выскажется. Если посчитает нужным. Но от кого, а от него осуждения не услышишь.

Кружу по посёлку, проезжая мимо дома ба и деда. Как сильно бы я их не любил, но простить поступок бабушки не могу. И это не обида маленького мальчика. Это понимание, что всё сложилось одно к одному. Начиная с той ночи.

И паршивое всего чувство собственной вины и бессилия. Моя женщина сейчас неизвестно где и с неизвестно с какими мыслями. С моим ребёнком внутри. Я все еще верю, что девчонка не успела наделать роковых ошибок.

Смогу ли я простить, если она сделает аборт? Не знаю. Мои чувства сейчас сильны. Не смогу ли я принять её решение? Я не знаю. Не могу понять причины, по которым Ксюша ушла, скрылась. Ведь я открылся ей.

Нет, я представляю, как ей страшно в неизвестности. Но, блядь, я же рядом! Не просто готов, а хочу быть с ними. Хочу этого ребенка. Хочу! Хочу её в своей жизни!

После нашей ночи я ни с кем не был. Настроен был найти, поговорить. Она отвечала мне тогда! Пусть мы мало знаем друг о друге, о привычках, о вкусах, но у нас целая жизнь, чтобы познакомиться.

Открываю фото, которые перекинул Арт, и провожу пальцами по нежному лицу.

— Найдись, пожалуйста...

Ксюша.

Капельницы творят чудеса. Тупая боль отступила, оставив лишь слабость и сонливость. Я уже свободно передвигаюсь по квартире, даже выхожу на лавочку, чтобы посидеть. На мини-вмешательство, а иначе говоря, прерывание, Милка обещала записать у себя. Чем раньше, тем лучше. На таком сроке все проходит быстро и безболезненно.

Запрещаю себе думать о предстоящем. Но не очень-то получается. Каждую ночь подушка мокнет от слез, а я боюсь, что не смогу решиться. Очень боюсь. Но и будущего в своем положении не вижу. Мало присмотра за малышками, нам нужно что-то есть. Девочкам нужна одежда. Даже минимально. Брось я сейчас учебу, работу беременной найти сложно. Да и какую без опыта и образования найдешь? Замкнутый круг.

Скорее бы уже закрыть эту страницу жизни. Жалеть буду, не сомневаюсь. Урок от жизни. Вся грязь такая, какая она есть. Без прикрас. Чтобы не было даже желания мечтать и хотеть. Чтобы знала свое место. Будто мало мне было слов Ирины Иосифовны.

— В понедельник идем к двум. — Подружка влетает в квартиру, как метеор. — Отговаривать тебя не будут, но о всех последствиях предупредят. Тут, ромашка, как уж повезет. Некоторые без проблем потом вынашивают и рожают, а кто-то на всю жизнь остается...

— Мне так страшно, Мил. Так страшно...

— Короче, я тут подумала. Давай в субботу сгоняем в деревню. Девчонок заберем, в понедельник утром в сад отправим. Тебе после аборта больняка не дадут. К бабке сходим вместе.

— Она слушать не будет.

— А нам и не надо. Пусть знает, что её любимый внучок натворил и голову в кусты. Какого хрена не предохранялся, когда полез?! А ты теперь одна все последствия расхлебываешь.

Милка носится по кухне, размахивая руками. А мне хочется, как страусу, спрятать голову в песок. Вытащить, а все уже прошло. Так извела себя мыслями...

— Мил, считаешь, я не думала об этом? Думала. Но я просто не выдержу еще одного унижения.

А в том, что оно будет, нет сомнений.

— Надо сделать всё возможное, чтобы потом не жалеть. Ксюха, Ксюха...

Обнимаемся и ревим вместе, как раньше. Сколько всего мы прошли вдвоем, не сосчитать.

— Хорошо, что мы есть друг у друга, правда?

***

Чем ближе суббота, тем больше себя накручиваю. А когда она наступает, внутри уже нет шторма. Наступила апатия. Плыть по течению и будь, что будет. Сил бороться с судьбой, самой собой и собственными мыслями не хватает ресурсов. Чувство, что меня вычерпали до стенок.

Милка понимает мое состояние и не трогает, с разговорами не пристаёт. Единственные слова, которые звучат в машине, адрес дома бабушки Егора.

Едем долго, потому что машина старенькая, а водитель из подруги пока неопытный. Это

к лучшему. Хочется оттянуть встречу, а внутренне вообще надеюсь на чудо, которое изменит планы. Но у жизни на этот счет свои намерения.

Знакомый забор, дрожь до красных точек перед глазами.

Воинственная Милка, жмушая на звонок со всей дури.

Стою в стороне, зажмурил глаза.

Пожалуйста, пусть никого не будет дома. Пожалуйста. Будет считаться, что я пыталась.

Малодушно? Однозначно.

— Добрый день. Вы к кому?

Милка косится на меня, отрицательно качая головой. Голос не знаком.

— Здравствуйте. А я к Ирине, хозяйке. Можно пройти или позовёте?

Ну да, подружка может быть наглой, когда нужно. Я бы стояла и мямлила. Часто ненавижу себя за проявление слабости. Может, будь я сильнее, и Ивану бы смогла дать отпор...

— Сейчас уточню. Как Вас представить?

— Скажите, что я по важному вопросу по поводу её внука. Все подробности передам лично.

От нервов скручивает живот, и я сползаю по забору вниз.

— Ксю?

— Всё нормально, Мил. Сейчас пройдет.

Часто дышу, чтобы боль успокоилась.

Появление Ирины Иосифовны скорее чувствую, чем вижу. Хочется сжаться в комок или стать невидимкой.

В голове шумит, и разговор на повышенных тонах слышу обрывками.

... от кого нагуляла... не смейте сюда даже соваться... найдем управу...

Этого хватает, чтобы встать и молча потянуть Милу за руку. В сторону женщины сознательно не смотрю. Бессмысленно. У нас никогда не будет ничего общего с этой семьей. Только горькие воспоминания, которые притупятся со временем.

— Ну и сууууукаааа... — Милка громко выдыхает, заводя машину. — Даже слушать не стала.

— Я тебе говорила, что бесполезно. Как стучать в закрытую дверь.

— Я надеюсь, судьба на ней отыграется.

— Мил, ты что говоришь такое? — Мне даже страшно становится от ненависти, что звучит в голосе подруги.

— А что, Ксюш? Это ты копейки считаешь. Ты не из-за прихоти рискуешь здоровьем и будущим. Думаешь, я не слышу твоего воя по ночам? Вот пусть ей все отольется. Все твои слезы. Может, внук не такой подонок. Может, помог бы тебе. Раз сам накосячил. А там бы вырастили.

— Не хочу больше про это. Послезавтра все вернется, как было.

— Дура ты, Ксюха. Еще и оправдания им найдешь. Я тебя знаю.

Не обижаюсь. На правду же нельзя, да? А Мила права.

Так, смотря в окно, добираемся до дома тети Зои. Получаем порцию обнимашек, новостей, и вкусного чая. А потом сажаем девчонок и прощаемся.

Старушка вытираем платком слезы, провожая нас. Она понимает намного больше, чем говорит.

Остаток субботы и воскресенье проходят в заботах о Маруське и Дашуньке. Мы

выбираемся в ломбард, я отдаю долг Миле, а на остаток едем покупать девушкам одежду. Милка балует крестниц и дарит им по мягкому медведю. Сестренки счастливы, щебечут весь вечер.

Утром, конечно, в сад обе идти не хотят. Приходится уговаривать и обещать поход в парк со сладким попкорном.

— Домой или посидим где-нибудь?

— Все равно, Мил.

Меня не по-детски трясет. Не удивлюсь, если поднялась температура. Пока готовилась в теории, убеждала себя в правильности решения. Но ближе к часу иск уверенность испаряется, как лужа под палящим солнцем.

— Давай тогда по мороженому? Как в старые добрые.

— Давай. — Слабо улыбаюсь. Мысленно я уже там. В том месте, где жизнь разделится на две части.

— Боишься?

— Боюсь.

— Это не должно быть больно.

— Я, Мил, не боли боюсь. Страшно, правильно ли поступаю. Обрато не переиграешь.

— Я тоже так думала. Про тебя. Ну смотри: оставишь и дальше что? Я, конечно же, помогу. Но не всегда смогу быть рядом, Ксюш. Дети растут, болеют. Ты с двумя как справляешься? На грани. А прибавь еще одного младенца!? Загнешься, и кому они нужны будут? Отчим сдаст в детдом и забудет. А я не потяну, Ксюш. И не отдадут мне их.

— А если...

— Без «если», серьезно. Тебя сейчас еле вытащили. Это ты молодая и пока справилась. Но ребенок высосет все силы, и что делать будешь? Не глупи. Да, это плохо и грех. Только так говорят, кто не стоял на пороге отчаяния. А ты стоишь. И я со стороны вижу, в каком ты положении. Бледная, под глазами круги. Не из-за сна же, правда? А еще шатаешься, когда идёшь.

— Ты права, — произношу еле слышно. Но Мила понимает и сжимает плечо, словно хочет передать свою силу.

— А зря ты не узнала фамилию, к кому работать шла. Было бы проще.

— Мил...

— Всё, молчу. Больше не вспоминаем.

И мы не вспоминаем. Не идя до больницы, не в холле, не перед кабинетом.

Серый кафель, сердитое лицо. Всё, что врзается в память, пока смотрят мою выписку из клиники и делают УЗИ. От экрана отворачиваюсь. Слышать и видеть не могу. Ужас от всего, что творю, рвет на части. Прошу врача не задавать вопросов. Пусть осуждает, пусть. Я и сама себя презираю за слабость и ту яму, в которую попала.

— Прочтите и распишитесь, что ознакомлены с возможными осложнениями.

Бегло просматриваю то, что уже изучила раньше, и ставлю закорючку. Руки дрожат, а в глазах скапливаются слезы.

— Раньше надо было думать, милочка. — Пренебрежительный тон заслужила, чего уж обижаться...

Мне вручают таблетку, которую необходимо выпить сегодня. Кратко объясняют возможные симптомы. Следующая явка через 36 часов для принятия второго препарата.

— Я могу ее выпить в коридоре?

— Хоть дома, лежа на диване. Сегодня крайний срок, потом только вакуумное или хирургическое вмешательство. Не тяните.

Зажимаю в кулаке желтый кругляшок и выхожу к Миле.

— Ну?

— Вот. Сегодня надо выпить. У тебя есть вода?

— Странно, что не при них... Ладно, поехали домой, там выпьешь. И не жалея, Ксю...
Подумай о себе хоть разочек.

Егор.

Секунды складываются в минуты, минуты в часы. Успел доехать до клуба, но и там разжился лишь теми данными, которые мне известны.

Мелкая девчонка, а как хорошо смогла спрятаться!

Влад перезванивает лишь спустя четыре с лишним часа. Диктует адрес какого-то сада-интерната, дублируя его в мессенджере. Забиваю в навигатор. На сегодняшний день он моя последняя надежда.

— Сестер забрали, написали заявление на временное отсутствие. Больше никаких справок не дам.

Ни уговоры, ни деньги не помогают пробить бронь серьёзной мадам. Благодаря Северу есть домашний адрес Васильевых Дарьи и Марии. Но там я уже был...

Бездумно езжу по городу до тех пор, пока не начинает кружиться голова. Надо хотя бы кофе залиться. Вспоминаю, что последний прием пищи был в пятницу в обед. Потом тусовка, клиника, мои метания. Разворачиваюсь и еду к себе. Сейчас только проблем с головной болью не хватало.

Дейв успел собрать кровати и дрыхнет, развалившись на диване в гостиной. В другой раз пнул бы друга, чтобы составил компанию. Но видеть никого не хочется.

Разогреваю пиццу и закидываю в себя, не ощущая вкуса. На запах кофе появляется заспанная морда Давида.

— Давно тут?

— С час примерно.

— Мне сделай, — кивок на чашку. — Есть новости? Как твоя девочка?

Пожимаю плечами, занимаясь напитком. Что сказать? Никак. Просрал где-то девочку. Обидел и потерял...

— Ксюша ушла из больницы под расписку. Дома не появлялась.

Давиду этой информации хватит. Пока что.

— Друзья?

— Я не...

— Сестра Антона. Я это имел ввиду. Её проверял?

Как я мог забыть про... как её зовут-то!? Не суть. В спешке набираю Илюху, чтобы узнать номер Тохи. К счастью, удаётся сократить цепочку контактов, и через минуту падают заветные цифры с подписью «Нинулька». Даже так!? Ладно, это не мое дело.

— Ну что? — Дейв ждет, пока завершу разговор.

— Пусто. С той ночи они не виделись.

— Теперь какой план?

— Не знаю, Дава. Не знаю.

Хочется спрятаться от этого серьезного взгляда. Давлю в себе немужское желание. Хватит с меня детсадовских поступков.

— Есть, наверное, техническая возможность отследить, к какому врачу обратиться... если не частная практика, конечно. Сейчас сам не знаю.

Всю следующую неделю, забив на работу и дела, игнорируя звонки матери и бабушки, дежурю у общаги. Оксана не появляется. Друзья, проявив чудеса терпения и вызвав джинна

— не иначе — пытаются подключиться к камерам клиники и домов. На такие поиски нужна чертова уйма времени, а оно утекает как сквозь пальцы. Тимур наведывается в поселок и, включив все свое обаяние, расспрашивает местную молодёжь. Его девчонка рвет и мечет, но терпеливо ездит с ним и сидит в машине. Ей волноваться незачем. Тим, как встретил ее, пропал сразу.

Воскресное утро начинается со звонка в дверь. Матерясь, Артур идет открывать. Всю неделю кто-то из парней, а то и все, ночуют у меня. Чтобы подорваться по первому звонку. А еще говорят, дружбы не существует. Вот она — в действии. Только Игорь, наш шестой, сейчас у отца. Там свои терки и проблемы.

— Егор, почему ты меня игнорируешь? — В спальню врывается противный светский фальцет. Режет слух. — Сколько раз мне надо было приехать, чтобы застать тебя?

— Свет, привет, во-первых. Во-вторых, я тебе давно все сказал. Вещи ты забрала. Мы не вместе и не были вместе. Наш удобный союз закончился.

— А я? Егор, ты так резко все оборвал. Обо мне подумал? О моих чувствах, о своих родителях? Твои родственники меня любят, звонят и спрашивают, что случилось. Ты на связь же не выходишь...

— Свет... мне жаль, прости, я виноват. Выбери нужное и свали, пожалуйста. Не было у нас чувств. И у тебя тоже. Ты пользовалась мной, мне было комфортно с тобой. Всё. Карту я у тебя не забирал, ты же за этим пришла? Тебя не мое состояние волнует, а... другое состояние... — хмыкаю, подходя ближе.

— Зря ты так, Егор. Союзы, построенные на взаимном уважении среди равных, крепче браков по любви. Любовь проходит, как правило. Да и какая у тебя любовь с полемойкой? Ей деньги твои интересны. Уверен, что ребёнок твой?

— Свет, следи за яз... — осекаюсь, переваривая услышанное. — Откуда?

Голос срывается на сипение от внезапной догадки. Идиот! Как не догадался, что Ксюша может прийти в единственное знакомые ей место!?

Светка ехидно улыбается.

— Какая разница, откуда. На вопрос ответь. Уверен? Ты же из-за нее мне отставку выписал? Я не дура, Егор. Это ты привык считать женщин недалёкими созданиями.

— Уходи, Свет. Мне сказать нечего. А повторяться я не люблю.

— Пожалеешь еще.

— Нет.

— Я же так не оставлю.

— Свет, не смейся.

— А я и не смеюсь, Егор. Ты меня унизил.

Но мне уже некогда слушать этот бред. Камеры. Срочно нужен доступ к камерам. Есть шанс, что Ксюша приезжала на такси. Можно попробовать вычислить адрес, с которого она вызывала.

Пожалуй, стоит сказать спасибо длинному языку бабули. Уже к вечеру у меня есть номер машины, на которой была девочка. А около пяти утра адрес девушки, на кого оформлено авто. Конечно, пришлось подключить папу Тима с его доступом к базам. Можно было и самому, но дольше.

— Чтобы я влюбился, да ну его на хрен. Не спать, не жрать, и нестись ночью. Пристрели меня, если я только зайкнусь.

— Кто тебе мешает, спи.

— Твои громкие вздохи несчастного Ромео.

Давид демонстративно потягивается, и шлепает варить кофе.

— Спасибо, мамочка. Может, еще пожрать приготовишь?

— Сам разогреешь, папочка, твою мать.

С этим напутствием глотаю напиток, заскакиваю в офис, а оттуда в районе восьми утра отчаливаю к дому Людмилы Вороновой, чтобы выловить девушку. Интуиция подсказывает, что это та самая подруга.

На звонки в дверь никто не отвечает. На телефон тоже. Предполагаю, что мой номер в черном списке. Ладно, может, она боится кого — то или просто не отвечает на незнакомые.

— Что ты трезвонишь, милок, ушли девки рано утром.

Соседка. Везет мне на них.

— Они?

— Подруга здесь живёт с ней. Хорошие девочки. Со школы дружат. Помню...

Вежливо выслушиваю воспоминания десятилетней давности. Заодно узнать, что Ксюша очень любит животных и всегда помогает пожилым людям. Мне кажется, я люблю её еще больше. Не ошибся в ней, в ласковой и нежной девочке.

— Извините, а во сколько примерно они приходят?

— По-разному. Милка-то, стрекоза, обычно вечером приходит. После пяти-шести. Если хочешь застать, приезжай к семи. Не ошибешься.

Благодарю и бегу вниз. Значит, к семи. Ставлю мысленную заметку поблагодарить словоохотливую собеседницу.

Мысли только о том, что скоро я могу узнать про свою ягодку. Сладкую девочку. Все остальные дела проносятся на периферии. Так гордился выдержкой, а сейчас не могу справиться с эмоциями.

К семи часам бегом поднимаюсь по лестнице. На лифт не хватает терпения. В руках букет, конфеты, большой торт. Торт — старушке. Игнорить и дальше их помощь будет свинством. Не первый раз же соседи помогают. К той, деревенской, тоже съезжу.

Звонок в дверь.

— Спасибо Вам! — Произношу от души. Чуйка работает на все сто. Накрутил себя так что начал мерещиться запах.

Дверь напротив. Ладони вспотели, как у ребенка. Осторожно вытираю об джинсы. Волнение зашкаливает. Не просто на максимуме, а уже все красные полосы превысило.

Нажимаю кнопку, жду. Тишина. Нажимаю еще раз.

Не уйду. Буду сидеть на лестнице, но дождусь. Иначе я в очередном тупике.

— Вам...

— Простите. Девушка, извините, за вторжение. Меня зовут Егор Александрович, я ищу Романову Оксану, мать мое...

— Сюда проходите.

В недоумении, но с непонятным предчувствием, захожу в коридор за хозяйкой. Осматриваться некогда. Девушка толкает дверь в дальнюю комнату и жестом показывает зайти.

Шаг. Глаза привыкают к темноте помещения.

— Она таблетку приняла, — шепот за спиной. А для меня громче взрыва.

Глотаю воздух до боли в легких. Хрупкая фигурка на кровати привлекает внимание.

Один лишь шаг...

Вперед... к ней...
Или...?

Ксюша.

За окном темнота, а я все никак не могу решиться. Гипнотизирую пилюльку взглядом, а руку протянуть боюсь. Не укусит же, в самом деле.

— Мил, а если ему будет больно?

— Кому?

— Ну... ему... там... — показываю на живот.

— Он не почувствует, Ксюш. Не говори ерунды. И не тяни. Если хирургическим, больно будет тебе. Потом. И хуже. Да и твоя горошина уже столько перенесла, что нет смысла сохранять. Слишком маленький срок.

— Мил... я побуду одна?

— Побудь. Выпивай и будь.

— Я... мне решиться надо...

Подружка выходит, закрыв дверь. Встаю следом, выключив свет. Будто в темноте никто не поймет, какое преступление я совершаю.

В какой — то момент решаюсь и раскрываю таблетку.

— Прости меня. Если сможешь, прости.

Кладу ладонку на живот. Впервые с тех пор, как узнала.

Глотаю таблетку.

Из горла вырывается всхлип, а потом и рыдания. Не сдерживаюсь.

— Ксюха... черт... Ксюш...

Милка оказывается рядом и обнимает.

— Я... я...

Больше не могу произнести слов...

Мила прислушивается.

— В дверь звонят. Ляг, моя хорошая. Сейчас вернусь.

Темнота нависает, терзая душу. Все демоны вылезли и хотят свою жертву. Сегодня это я. Не справилась. Не смогла.

— Ксюша...

Опять морок... сколько же можно?

Накрываю голову подушкой и то ли плачу, то ли кричу. Может быть, даже вою. Не контролирую себя. Вот тот момент, когда я сломалась. Честно держалась долго и пыталась выстоять.

Прости меня, прости...

— Ксюша, хорошая моя, девочка моя...

Горячие ладони. Я чувствую прикосновения. Сошла с ума, да?

Подушку снимают, и тот же ласковый голос просит меня посмотреть. Куда? Куда посмотреть? Я не хочу. Мне так плохо.

— Егор? Это правда ты?

Вцепляюсь в плечи, как в спасательный круг.

— Правда я. И я никуда не уйду, даже если будешь прогонять. Только ты... не гони меня, Ксюш... Я знаю все... — Слова заползают в уши, пуская невидимые нити в сознание. Прорываются сквозь агонию. — Прости меня. Что не уберег. Если сможешь, прости.

Он шепчет, баюкая на своих руках. А меня штормит. Он опоздал! Какие-то жалкие минуты решили все.

"Не простит", — загорается красным. Как табличка "опасность".

Плач становится сильнее, и вдруг меня начинает выворачивать. Вырываюсь, опускаясь на колени в комнате. Желудок скручивает судорогами, во рту разливается горечь.

Что же я натворила...

— Тише, тише.

Волос касается уверенная рука. Скручивает в хвост, помогая мне держаться на поверхности этого мира. Потому что привычная уже тьма снова маячит перед глазами.

— Умница...

Кто умница? Я? я стою на коленях и блюю перед любимым человеком. Перед своей мечтой. Он держит мои волосы и хвалит?

Я точно сплю. Или брежу. Или попала в параллельную реальность.

Не заметила, как давно в комнате горит свет, а рядом уже суетится Мила. Протягивает мокрое полотенце и воду.

Егор поднимает на руки и выносит в другую комнату. Кладет на диван в зале, где временно обитает подружка.

— Таблетка вышла. Посиди с ней, я сейчас уберу. Тряпку где можно взять?

— Сейчас. — По ответу Милы понимаю, в каком она сейчас шоке. Мы обе в протрации. Я — после истерики, а она из-за происходящего в целом.

— Охренеть. Это твой Егор? Я в ахуе.

— Мил...

— Я еще мягко выражаюсь. — Подружка хлопает по руке. — Нашел же тебя. Я вообще... слов нет!

— Слова еще успеете найти. Ксюша поедет со мной сейчас, надо срочно показаться врачу. А ты запиши мой номер. Верней, из черного списка вытащи. Тройки на конце.

Молчим и только глазами следим за перемещениями Егора. Не могу поверить. До сих пор не могу.

Парень ведет себя так, словно находится в подобной обстановке для него привычное дело. Хотя сам он выглядит здесь пришельцем из космоса.

Спрашивает у Милы, где моя сумка, собирает в нее телефон и документы. Приносит верхнюю одежду и терпеливо ждет, пока я оденусь. Всё абсолютно спокойно и практически молча.

— Сама идти можешь?

Привстаю, но он решает, что, видимо, не смогу. Подхватывает и на руках несет из квартиры. Милке кивает, напоминая еще раз про свой номер.

Я в ступоре. Столько всего обрушилось на голову! Тяжело не просто думать, а даже понять, где я в данную минуту. Вернее, не понять, а осознать.

— Егор, а что это вот всё значит? — Кое-как формулирую важный вопрос.

— Значит, что мы вместе. Если ты не против. А ты же не против, правда? — Парень подмигивает и широко улыбается

— Вместе? Ты и... я?

— Нет. Не правильно.

Уголки губ ползут вниз, пока Егор замолкает, заходя в лифт. Из рук не выпускает. Так и прижимает к себе.

— Я и вы.

— Мы, — как эхо повторяю за ним. — Мы. Звучит... странно...

— Звучит правильно, Ксюш. То, что мы вместе — это самое правильное из всего сделанного мной в жизни. С первой секунды пропал, как только увидел тебя.

Замираю, глядя в ясные глаза. Мы уже на улице, около огромной машины. На танк похожа.

— Поставь меня, пожалуйста. Тебе тяжело.

— Нет. Мне легко и приятно. — И опять улыбается. Я в него того успела влюбиться, а сейчас вообще голову сносит.

— Я же слышу, как ты дышишь.

— Это не потому, что ты тяжелое. Потом тебе расскажу, почему, — последнюю фразу Егор шепчет на ухо, задевая мочку. От этого прикосновения вдоль всего позвоночника рассыпаются мурашки, а дыхание перехватывает.

— Все равно. Отпусти, пожалуйста. — Мне в принципе неловко от происходящего. От того, что он близко. От того, что я могу говорить ему «ты».

— Я делаю больно? — В голосе тревога и забота. И пока я собираюсь с ответом, умудряется открыть переднюю дверь и усадить меня в кресло.

— Да нет. У меня в голове каша, честно. Столько вопросов и всего непонятного...

— Так задай, Ксюш.

Егор обошел машину и устроился за рулем. Повернулся ко мне, взяв ладонь в свою. Этот жест отвлекал и умилял. Но я все равно нахмурила брови. Потому что не понимаю его поведения! Он ведет себя так, словно мы... ну как пара что ли!?

— Просто спроси всё, что тебя мучает. Я готов ответить на твои вопросы, пока едем до клиники. Врачу показаться необходимо в первую очередь. — Говорит мягко, но строго в то же время.

— Прямо всё — всё?

— Абсолютно. Не хочу между нами недосказанности.

— И ответишь честно?

— Предельно.

— Ты меня искал?

— С первого дня. Про это мы поговорим попозже. Не сейчас, хорошо?

— А... а как нашел?

— По номеру машины подруги твоей. Повезло, что вы приезжали в деревню. Я же там все адреса оббегал, нигде тебя не было. Кстати, — смотрит на меня, — сестры твои где?

— У бабушки одной были. Тети Зои.

— Я у нее был. В магазине подсказали. Но там никто не открыл.

— Может, выходила, — пожимаю плечами. — Или не слышала.

— Ладно. С этим разобрались. Еще что-то хочешь знать?

— Хочу. Откуда ты узнал про... ну про это? — Смотрю вниз. До сих пор не могу найти в себе силы произнести о своем положении.

— О чем, Ксюша?

Поздно соображаю, что моих телодвижений Егору не видно. Во-первых, он за рулем. А, во-вторых, темно же.

Узнаю знакомую улицу и начинаю нервничать:

— Куда ты меня везёшь?

Я к этому врачу больше не пойду. За один день здесь берут столько, сколько я получаю за месяц. Львиная доля моих запасов ушла на возврат долга Милке.

Парень паркует машину и разворачивается всем корпусом в мою сторону.

— Ксюш, мы приехали в клинику. В хорошую клинику. — Давит не голосом, а интонацией. — Где проверят всё, чтобы сохранить нашего малыша. Я вообще не понимаю, зачем ты отсюда сбежала?

— Потому что я одна была. Ты, наверное, не понимаешь, что такое, быть одному. А Антону быть обязанной...

Снова накатывают воспоминания. И пусть нинин брат не сделал ничего плохого, не успел или передумал, моего отношения к нему это не изменит. Достаточно знать, что он хотел сделать.

— Извини, я как-то не уловил. Антон здесь при чем?

— Ну это же он... Мне стало плохо на его дне рождения и он меня...

— О чем я говорил. Недопонимание. Давай-ка сейчас покажемся доктору, а потом ты мне расскажешь все, и я тебе.

Как будто так делал всегда, Егор обходит машину и помогает мне вылезти. С моим ростом, конечно, такие танки скорее мучение, чем средство передвижения. Это Егор высоченный.

— А какой у тебя рост? Больше двух метров или меньше?

— Чуть-чуть меньше. На один сантиметрик.

— Ого! Я на тридцать пять тебя ниже! Ты великан.

— Великан, великан. Пойдем, Дюймовочка моя. Сдаваться будем.

Его рука обнимает меня так естественно так... как и надо, вот. Может, я на самом деле больше не буду одна? А может, поиграет в заботу и уйдёт. Вряд ли он готов к той жизни, которой живу я. Не только забота о себе, но еще два маленьких ребенка.

И если Егор против моих сестреночек, нам никогда не будет по пути. Их я не предаю.

Егор.

Ксюшу осматривает врач, выгнав меня за пределы кабинета. Хотя, спрашивается, чего я там не видел, учитывая, что принимал участие в процессе. Ладно, орел птица не гордая. Подпираю стену, думая о своем.

Расслабляться рано, но я не просто нашел свою девочку. Неведомые силы на нашей стороне: пусть не самым приятным образом, но таблетка вышла, не успев наворотить дел. Это сейчас самое важное.

Из вопросов Ксюши понял, что ничего не понял, если честно. Причина ее исчезновения так и подвисла. Но мы обязательно все проясним. Я ее никуда больше не отпущу. Надо будет — подниму все связи и хоть завтра зарегистрирую брак. Быстро? Да хрен там. Быстро — это когда через час. А у меня вся жизнь перед глазами столько раз проносилась, пока метался по городу.

Бессилие убивает. Не отчаяние, нет. А именно осознание, что не все в твоих руках. Вот вроде возможностей море, а упираешься в глухую стену. Не знаю, что бы делал, не явись тогда Светка со своими откровениями. Спасибо ей сказать стоило бы, наверное. Но лучше не пересекаться. Что она, что компания ее мнимых подружек — те еще кобры. И ведь устраивало же раньше. Рыночные отношения во всей неприглядной откровенности: не было чувств у нас. Ей нужны были деньги, меня устраивало ее присутствие в постели. Как ни называй, а суть — то одна. Гнилая такая суть.

— Егор Александрович, можете возвращаться.

Занимаю свое кресло у стола. Ксюша бледная и растерянная на кушетке старательно разглаживает невидимые складки на одежде.

— Что с моей же... с Оксаной? — В последний момент прикусываю язык. Слишком много для нее сегодня. Попозже открою свои карты.

— На данный момент хорошего ничего нет. Оксане Игоревне не стоило уходить, а следовало долечиться. А принимать препарат... хорошо, что он вышел. На самом деле та таблетка не принесла бы ощутимого вреда, большую роль играет вторая, до которой дело у вас не дошло. — В этот раз нами занимается гинеколог — мужик, и как — то он вызывает у меня больше доверия. По крайней мере, не язвит, как прошлая тетка. — Но в совокупности произошедшего и при таком маленьком сроке состояние матери и плода категорически не стабильно. Поэтому, если хотите сохранить и выносить ребенка, придется недели на две — три забыть обо всем и остаться в условиях стационара.

Ксюша в течение всей речи часто — часто моргает, а на последних словах начинает шмыгать носом и отворачивается. Ну что такое...

— Иди — ка сюда. — Врач в первую очередь представитель профессии, но во вторую — то мужик. А значит, поймет. А если нет, мне по боку. Моя девчонка плачет. Тяну Ксюшу на свои колени и прижимаю к себе. — Извините.

Что я говорил? Мужик понимающе хмыкает и продолжает расписывать нам ход лечения, поддержания организма (у кого — то капитальный недобор веса) и предстоящие анализы. Ничего сложного. К тому же, под круглосуточным присмотром.

— Всё понял. Оксане необходима самая лучшая палата, с таким расчётом, чтобы я мог у нее оставаться. Возможно это оформить?

Ксюша хватает меня за руку, но я пока не обращаю внимания. На самом деле понимаю, что ее тревожит. Но она моя. Моя женщина. Будущая мать моего ребенка. Тьфу ты. Уже носящая его! И они не должны ни в чем нуждаться. Это моя зона ответственности и я полностью принимаю на себя все обязательства. Пусть даже не думает ничего другого!

Пока нас устраивают в палату, не даю Ксюше высказаться. Хотя она порывается. Под разными предлогами отхожу: то расписаться, то оплатить, то купить чай. Дюймовочка горюет, что ей нельзя кофе, который она любит, оказывается. Еще один кофеман в семье. Врач предлагает альтернативу — либо какао либо какой — то цикорий. Понятия не имею пока, что это. Но обязательно узнаю.

— Вот теперь можешь высказать мне всё, что хочешь.

Ксюша лежит на кровати, а я сижу на одеяле, держа тонкую руку. К другой руке подключена система, которая капает поддерживающий раствор. Или очищающий. Этот момент я пропустил.

— Зачем ты это делаешь? Это безумно дорого, у меня...

— Послушай меня, маленькая. Я один раз скажу, а ты в своей головке это запиши: у моей женщины будет все необходимое. Если бы я чего — то не мог, то в лепешку бы расшибся, но сделал. Давай договоримся: на тебе в нашей паре держится красота и обаяние, а мне достанется роль добытчика. Чертовски красивого, хочу заметить.

Стараюсь развеселить свою ягодку. Она не по — детски сильно ушла в мысли.

— Ксюююш?

— Ты обещал разговор. Но сначала я хочу сказать важное. Очень. — Моя Дюймовочка приподнимается в постели, смотрит в глаза. — У меня есть две сестры, как ты знаешь. Ты их видел. Они маленькие, а еще у нас никого нет.

Киваю, потому что всё это знаю. Пока не пойму, куда ведет Ксюша.

— Так вот. Девочки с понедельника по пятницу в саду. Это специальный такой садик, где можно на ночь оставлять.

— Ксюш, я знаю. Я там был.

— Хорошо. Я хочу, чтобы ты знал. Девочек я не брошу. Ни за что. Не поможет ни твое влияние, ни твои деньги. Мы с ними с самого рождения вместе. И они же никому не нужны.

— Ты снова плачешь. — Стираю соленые дорожки с бледных щек. — А врач сказал, нельзя нервничать. Я тебе разве что — то говорил про мелких? Предлагал забыть о них, бросить?

Опускает голову и мотает головой. А надо, чтобы смотрела на меня, чтобы верила мне.

— Дома, где я жил, и куда ты переедешь, уже готова спальня твоим сестричкам. Пока только кровати и шкафы. Остальное ты сама выберешь, или они. Я покажу, как. Кстати, кровати Дейв собирал. Тот, у которого нет мозгов по мнению твоих мелких.

— Это Даша.

— Что Даша?

— Ну, про мозги. Она иногда такое выдает, у меня краски не хватает краснеть.

— Я познаю мир в действии. Сам такой был. Только я руками: лез везде, ломал все, что ломается. И не ломается тоже. Мне вроде три было, когда я довел бабушку, колотя поленом по стеклу камина. Огнеупорное, между прочим, и очень прочное!

— А зачем?

— Кто — то сказал, оно не бьется. Короче, оно бьется. Но не с первого раза.

Ксюша расслабляется и смеется. Вот так — то лучше.

— Давай теперь вернемся к вопросу Антона, м? Почему ты не хотела ему быть должна и вообще, откуда эти мысли взялись? — Этот момент меня очень волнует. Тоха должен мне, и первую часть уже «выплатил». Нос подлечит и продолжим.

— Но это же он привез меня сюда вот, когда мне плохо стало...

— Ксюш, прости, что перебиваю. Я сейчас сэкономлю нам время. Я был на той вечеринке, не сразу только понял, что тебя накачали. Когда тебе было плохо, я уже был с тобой, сюда приехал тоже я. Ну и про беременность узнал, соответственно, тоже здесь. Правильно понимаю, ты не была в курсе своего положения?

Потому что, если знала и пошла в этот вертеп... Да нет...

— Не знала. Я когда заподозрила, сделала тесты. Они показали, что нет. А оказалось, не то купила. Ну там пачки с другими похожи.

— Маленькая ты моя балда, — не могу больше отказывать себе в удовольствии. С первых минут, как увидел её, держу в кулаке силу воли. Наклоняюсь и целую. Сейчас немножечко... капельку... и продолжим...

Кого я обманываю? Её? Себя? «Немножечко» перетекает в... короче, долго... особенно, когда Ксюша отвечает и прижимается теснее.

— Т — ш—ш, нам сейчас нельзя.

Стопорю себя в первую очередь. Совсем крыша поехала: девчонка в таком состоянии в больнице, а я думаю нижними мозгами. Извращенец, блин.

— В общем, я приехал к тебе на следующий день. А ты пропала. Сразу кинулся тебя искать. — Поглаживаю плечики, кайфуя от простых прикосновений. Рядом. Она рядом. Душа просто поет!

— Я испугалась...

— Я понимаю... — Вспоминаю кое — что: — Я заходил к тебе той ночью в палату. Ты спала, но открыла глаза, когда я подошел. Помнишь что я тебе сказал?

— Я думала, это сон. Плохо помню весь вечер. Какими — то вспышками. А что ты мне говорил?

Наклоняюсь, убирая локон от щеки. Провожу языком по нижней губе и шепчу в раскрытые губы:

— Я сказал, что люблю тебя...

Ксюша.

— Я сказал, что люблю тебя.

Сказал, что люблю... люблю... люблю...

В голове просто заело. Повторяю и повторяю слова, чтобы пропитаться ими. Чтобы поверить.

Я привыкла к другой любви. Безусловной. Той, которой родители любят своих детей. До смерти папы я ведь жила счастливо, была единственной и неповторимой для родителей. Это потом уже всё сломалось.

Меня любят сестренки. Но их любовь тоже другая. Чистая и искренняя. Не за что-то или вопреки, а потому что я есть в их жизни. Чувства детей, которые таким образом благодарят за заботу и тепло, отдаваемое им.

А вот слова Егора... это же, получается, осознанный выбор? И вот вроде искренен он, открыт, на все вопросы отвечает, а точит червячок... точит... Хочу поверить, но боюсь. Наверное, так могу сформулировать свои опасения. Не слишком ли быстро?

Пока влюбленный сопит в подушку, устроившись на кресле сбоку кровати, смотрю на него и думаю, думаю... Благо, времени теперь... аж три недели...

Перебираю мысленно последний месяц жизни. Учёбу, к которой так стремилась, и в итоге пропускаю всё больше и больше. Работу, для которой пока оформлен больничный, но, скорее всего, придется искать что-то другое. Свое положение. Слова «беременность» сознательно избегаю. Я не просто не привыкла, а до сих пор в состоянии шока. Жизнь вертит меня, как щепку, в водовороте. Вот я одна заливаюсь слезами, а в следующую секунду любима и плачу уже от счастья.

И хоть бы где-нибудь был проблеск с ответом: что делать-то? Как быть дальше?

Егор, конечно, четко обозначил наше будущее в ближайшее время. Он хочет, чтобы я переехала к нему. Не против присутствия моих сестер. Но... Это, скажем так, план на два — три месяца. А потом?

Что будет, если пойдет не по плану лечение? Если не смогут сохранить? Из разговоров я поняла, что моему малышу уже досталось больше, чем многим за всю жизнь. Одно то, как я запрещала себе его любить. Конечно, любила. Сразу. Но ведь запрещала же думать.

Закрываю лицо ладонями — не хочу будить парня. Лицо и без моих причуд уставшее, под глазами синяки. Его вырубил моментально. После своего признания целовал, шептал нежности, а потом вдруг прилег рядом и ровно задышал. Как Дашка. Та может бегать, прыгать, кричать. А потом упадет в кровать и спит до утра. Пару раз стоя выключалась даже.

— Ксюш, малыш, ты плачешь? — Сонный Егор такой милый. И этот голос с хрипотцой... — Посмотри на меня.

Разбудила-таки...

Убирает руки и наклоняется ко мне. В свете ночника его глаза кажутся черными, как ночь. И даже темнее.

— Приснилось что-то, да?

— Нет. Я не хотела будить. Извини. Мне просто... просто страшно, Егор. Очень страшно. Что будет в будущем?

— Ксюш, я не провидец и не могу такого тебе сказать. Масштабно не могу. Двигайся. Раз не спим, будем разговоры разговаривать.

Сам аккуратно подвигает меня и устраивается сбоку. И так ловко, как будто не первый раз проделывает. Еще один червячок с сомнениями в копилку. Кто знает, сколько в жизни парня таких, как я? Может, я для него игра или развлечение в пресыщенной жизни?

— Давай с самого начала. Выкладывай. Говори всё, что тебя мучает. Будем сражаться вместе со всеми трудностями.

Спрятаться в себе, как привыкла, или... или рискнуть?

— Судя по сжатым губам, думаешь ты про меня и что-то не очень хорошее? Я прав?

— Откуда ты?...

— Оттуда же, откуда и все люди. А про мысли догадался. На лице все написано. Поэтому повторяю — рассказывай. Вот как есть, так и мочи. Можешь не стесняться. Моей беременной девушке позволительно всё.

И я рискую. И рассказываю. Всё.

***

Просыпаюсь от того, что затекла шея. Пытаюсь повернуться, но мешает... мужская рука? Открываю глаза и только потом вспоминаю, как вчера засыпала. Как говорила и говорила, вываливая на Егора тонну своих сомнений. Как он успокаивал, гладил по волосам, а потом устроил мою голову на своем плече и отвечал на все мои признания.

Успокоил? Пока не могу сказать точно. Но тревога потихоньку отступает. Может, я скоро пожалею о своем решении и смелости, но глупое сердце предательски трепещет от ... того, что рядом мой любимый...

Нет, я не призналась ответно. Сначала не могла поверить в серьезность своих же чувств. Неужели правда возможно влюбиться, не зная человека достаточно близко? Такая тонкая материя — испытывать чувства к другому. Для меня понятна ненависть. Знаю, что плохо это, но она живет внутри. Я ненавижу себя за слабость и страха. За эти две составляющие моего существования. Мне знакомо чувство паники, когда отключаются мозги и контроль над телом, а единственной доступной опцией становится спрятаться и убежать. Но я знаю про свои слабости и стараюсь с ними бороться. А что делать с прямо противоположным чувством?

Поворачиваю все — таки голову и рассматриваю красивое лицо. Очень правильные черты, выразительные. Сейчас Егор не улыбается, но я дорисовываю его привычную ухмылку. Не знаю, зачем, но протягиваю руку и провожу пальчиком по скулам, носу, замирая на бровях.

— Я тоже тебя люблю, Егор. Кажется, сразу полюбила, как только ты посмотрел...

Говорю еле слышно. Скорее самой себе. И вскрикиваю, когда горячая ладонь ложится на затылок, а к губам стремительно приближается торнадо. Иначе и не назовешь. Поглощает мои слова и эмоции. Воздуха не хватает, но это такая мелочь. Меня сейчас и танком не оттащишь от Егора.

— Ксюша, ягодка моя... — Егор прерывается, тяжело выдыхая в районе виска, — как мне тебя не хватало... всю жизнь не хватало...

А у меня такие же ощущения. Ни убавить, ни прибавить.

— Молодые люди, если что, я стучал. — В палату широким шагом входит вчерашний врач. А я и забыла, где мы находимся. Стыдно — то как... — Вашу беременность буду вести я. По просьбе Егора Александровича.

Егор удовлетворенно кивает, и вообще не стесняясь, будто так и надо, поворачивается на спину, подкладывая под спину подушку. Толкаю его в бок, но он невозмутимо хмыкает и говорит доктору «спасибо».

— Зовут меня Тарас Алексеевич, все контакты оставляю здесь. — На тумбочку ложится визитка и большой лист, на котором что — то напечатано. — Это, — врач указывает на список, — перечень анализов, необходимых для сдачи. Сейчас Оксана Игоревна может привести себя в порядок и позвать медсестру. Кнопка, как всегда, над головой. Ходить никуда нельзя. Максимум — душевая и уборная. Приемы пищи сидя, все принесут сюда. Если хочется дополнительно что — то — ограничений никаких, кроме стандартных — острое, жирное и цитрусовое исключаем. Сладкое можно в разумных количествах. Пока все понятно?

Синхронно киваем, как самые прилежные ученики. Я успеваю привстать и натянуть халат, пока наглец разваливается на всю спальную поверхность.

— Половая жизнь на время лечения полностью исключается, — Тарас Алексеевич с улыбкой поворачивается к Егору, пока я подбираю челюсть от таких откровений и борюсь с желанием провалиться сквозь землю, — но другие доступные способы, скажем так, личной жизни не мешают. Принцип такой: приятно маме, приятно малышу. Тоже понятно?

Я все — таки прячу лицо в ладонях, а Егор весело ржет, поднимая руки вверх.

— Все понятно, доктор. Спасибо.

— Тогда готовьтесь и зовите медсестру. Напомню, что есть нельзя, воду можно. После анализов принесут завтрак.

Выходит также стремительно, как вошел, а я оборачиваюсь, сгорая от стыда.

— Нормальный мужик, ты чего засмушалась?

— Егор, — шиплю, — ты почему не встал? Что он теперь обо мне... о нас подумает?

— Я встал. Частично. Я ж говорю, понятливый мужик. Ничего он не подумал, кроме того, что два человека друг друга любят. Давай сдадим, что он понаписал, ты позавтракаешь, а я на работу смотаюсь.

Наконец — то спрыгивает с кровати и направляется в душ. Ух. Можно выдохнуть.

Пока Егор плещется под водой, успевают набрать целую палитру пробирок. На них маркировки разных оттенков цветов радуги. Красиво, наверное. Только голова кружится.

— Сейчас будет завтрак. Обязательно поешьте, чтобы набираться сил.

Вот это больница. Страшно представить, какой счет выставят за мое пребывание. Со мной носятся, будто я царица, не меньше.

— Уже все что ли? И ты не плакала?

— Я не боюсь уколов и иголок. И с легким паром, кстати.

— Смеешлаааая? Это хорошоооо, — тянет, причмокивая губами. — И спасибо, кстати. Только какой там пар? Вот у Дейва банька... ну мы туда еще съездим, сама посмотришь. Тебе понравится.

Егор столько болтал ночью, что его друзей я знаю, мне кажется, не хуже, чем Милку. Поставил себе задачу отвлечь — отвлек. Мозг переваривать не успевает.

— Завтракай, малышка, а я помчал. Буду к обеду. Что тебе привезти?

— Егор, — обнимаю за шею, когда он тянется поцеловать.

— М?

— А ты можешь еще немножечко остаться? И со мной поесть? Вот столечко, — показываю пальцами, сколечко.

— Всё, что захочешь. Уговор прежний: ты не надумываешь, а говоришь мне прямо.

— Хорошо. Я постараюсь.

Я правда постараюсь. Мне сейчас петь и танцевать хочется, как на душе легко. Жаль, вставать нельзя.

С опаской кладу руку на живот. Еще непривычно. Егор тут же подхватывает мой жест и накрывает сверху своей ладонью. Сердце замирает от интимности момента. Люблю по — настоящему. Понимаю сейчас. Когда признавалась, не верила до конца. А сейчас верю.

Александр Клементьевич.

Не придал значения шуму у ворот с неделю назад, а зря. Снова змеиное гнездо зашевелилось, снова на сходку собираются, не иначе. И ладно, молодые, заняться им нечем. Но моя-то во главе угла.

Всю неделю слушаю телефонные разговоры, шушуканье и наблюдаю наигранные слезы.

— Ир, что творишь? — Не выдерживаю, хотя вмешиваться не хотел. — Оставьте парня жить своей жизнью. Самому выбирать, кого любить и с кем жить.

— Никто Егора не трогает. Нам обсудить надо. Кинет проходимка парня нашего. Они ж ушлые сейчас через одну. Нагуляла, а этот дурачок глазами хлопать будет,

— Ну что несешь, а?

— Мы договорились, что ты не лезешь в мои дела.

Прошли, слава Господу, те времена, когда дети зависели от мнения родителей. Хотя, чего греха таить, и в нынешнее время встречается еще подобное. Объединение капиталов. Благородно звучит. Да...

А на деле всё то же принуждение, практически проституция собственными детьми. И ладно еще, если ума хватает «объединить» ровесников. А когда супруг в отцы годится?! Это уже даже не просто неэстетично, а уродливо как-то. Нет, я, безусловно, не сноб. И про «любви все возрасты покорны» в курсе. Всякое бывает. Да. Но когда по договоренности, да старик лезет на молоденькую. Черти драные, а не чувства это. Болезнь.

Или с Егором вот. Прицепились с шалашовкой этой. А не любя ему девица. Пусть бы и распущенная, и высокомерная, но если бы внук любил. А он нет. Не впустил в сердце. Другую выбрал.

Знаю про его любовь, знаю. Делится со мной. Понимаю я его. Сам жену полюбил конечно. Но не той любовью, не искренней. Сейчас это называют привычкой и притиркой. Ирина хорошая женщина, хорошая жена. Но нет у нас той искорки. Да.

Я счастливый человек. Потому что познал настоящее чувство. Успел. Через всю свою жизнь пронес память о Ней. Давно её нет на земле. Давно. Не успел найти. Грех на мне великий. Но мой он, грех этот. И расплату свою принимаю со смирением.

А вот в Егоре есть искра. Разгорается чувство. И ему надо его удержать. Хорошую девочку он себе выбрал. Достойную. Даже не так. Надежную. Не за деньги полюбит внука, а за душу его. Внутренний мир у Егорки богатый. Не в мать пошел характером, к счастью. Та-то меркантильная особа, мерилом всего доллары считает.

Ладно, пусть женщины потешат свое эго, мужчины поступают умнее.

— Алло, Егор. Хорошо слышишь меня?

***

Егор.

Смотрю, как моя птичка клюет завтрак, и думаю, что совершенно нет желания уходить.

— Ксюш, ты совсем ничего не съела. Ну так же нельзя. Невкусно? Может, ты другое что-то хочешь?

— Ты что? — Мне кажется, она даже пугается моего предположения. — Очень вкусно! Я правда наелась.

Эээ, нецельный сырник и полчашки какао — наелась?

— Так не пойдет, моя милая. — Сажусь на кровать и устраиваю Ксюшу на коленях. —

Будем через «не могу». Где ты собралась силы брать, чтобы поскорее выписаться? А?

— Меня тошнит.

— Ещё бы. Я, когда долго ее ем, тоже тошнюсь.

Беру вилку и отламываю кусочек.

— Давай. За Машу.

Смеется и открывает рот. А я залипаю па губах. Долгое воздержание уже не просто дает о себе знать. Как бы яйца не лопнули. Прямое доказательство, что все мужики помешаны на сексе. Ну вот о чем я сейчас думаю? А должен о чем?

Кстати, да. Кладу кусочек в рот и отламываю следующий.

— Теперь моя очередь.

Девчонка забирает прибор и отламывает кусок омлета.

— Ты за Дашу.

— Лаааадно.

Хитрая лисица пытается скормить свою порцию мне, но я быстро это просекаю и немного поддаюсь. Хотя бы сырники съела. Запоминаю, что завтрак надо контролировать. Может, она к обеду проголодается? Ну там типа не все утром едят и все такое.

— Чего бы ты сейчас хотела вкусенького?

— Ничего. Я объелась.

— Объевшаяся ты моя, подумай хорошо. В тебе богатырь растёт. Ему нужны витамины и что там еще в рекламах болтают? Короче, его надо кормить.

— А если там девочка?

— Тоже хорошо. Но я думаю, пацан.

Улыбаюсь. Меня прям распирает. Впервые мы так спокойно и открыто говорим о ребенке. Да, еще пару месяцев назад я о таком не то что не мечтал, вообще не думал! Но как повернулась моя жизнь, какой смысл она обрела, мне чертовски нравится! Как при сборке пазла: уже есть картинка, но не хватает одной детали. Сюжет виден, работа готова, а нет целостности. И только с добавлением детальки головоломка оказывается собранной. Вот и в моей жизни так. Всё было вроде бы хорошо. Размерено. А появилась Ксюша и стало правильно. Именно так, как должно быть.

— Дай свой телефон.

— Зачем?

— Номер свой забуду. И задание тебе дам: пока я езжу по делам, ты пишешь список, что тебе привезти. И «ничего» не прокатит, имей в виду.

— Ой. А ты сможешь в общагу ко мне заехать? Или к Миле? Мне хотя бы халат нужен. А то здесь одноразовый, мне даже переодеться не во что.

Черт. Совсем забыл.

— Про одежду не переживай. Я все купил, сейчас принесу. В багажнике пакеты ездят.

— Как это... когда ты успел?

— В то утро, когда одна девочка вбила себе в голову, что мне не нужна. Хулиганка. — Чмокаю в нос и оборачиваюсь от двери: — Сейчас принесу.

— Егор, подожди. Можешь Миле отдать, она стирает и погладит?

— Чёт я не сообразил сразу. Всё будет без участия твоей Милы. Пусть учится. Если соскучилась, могу её к тебе привезти. Мне как раз к вечеру еще отскочить надо будет.

— Очень хочу. Очень. А можно?

— Я же говорил. Тебе можно всё. — Ксюша улыбается, а я плыву. Да ради такой улыбки... — Не забудь про задание и поспи. К обеду приеду.

Ягодка машет рукой и послушно ложится на бок. Надо скорее уходить, а то не сдержусь, устроюсь рядом. Ночью, конечно, и так устроюсь. Как там Тарас, который Алексеевич, сказал? Удовольствие никто не отменял. А уж доступных способов я знаю много. И с радостью научу некоторым свою девочку.

Испытываю чувство вины за небольшой обман. Сказал, что еду в офис, а сам мчусь домой. В офис тоже поеду, но позже.

Пока был в душе, позвонил Давид. Он сейчас временно обитает у меня, потому что затеял переделку кухни. Зачем-то снес стену, объединив кухню и столовую и наштаповывает помещение техникой. На хрена ему это, так никто и не понял. Телок он к себе не возит, а Наташка, с которой он то вместе, то нет, даже не в курсе, где готовят еду.

— Приезжай и сам имущество свое спасай. К тебе тут якобы невеста явилась. С твоей матерью, между прочим. Я долго оборону держать не могу.

— Чего творят?

— Ничего пока. Пришлось подключать обаяние и поить твоих женщин кофе. Ты бы с одной решил, прежде чем к другой в больницу сваливать, а?

— Дава, бля. Я так-то решил давно. Светке сказал. С матерью не общаюсь, сам знаешь, почему.

— Короче, зубы не заговаривай. Приезжай и выгоняй. Детскую увидят, ещё квартиру подпалят. А вот ни фига не пожарный.

— Через час-полтора. Может, им в кофе подсыпать чего?

— Легко. Я ж в правом кармане слабительное ношу, а в левом снотворное. На случай, если мама с бывшей явятся. Чем барин сегодня изволит заправить напиток для маман?

— Очень смешно. Я оценил. Так и быть, приеду — спасу тебя.

У парадной, к которой я практически бегу, застаёт звонок от деда. Шпион со того левела. Горячо благодарю. Как раз сейчас мне и пригодится вся информация.

— С чем пожаловали? Привет, мам. — Кричу с порога, скидывая ботинки. У Дейва пунктик: обожает ходить босиком дома и, по-моему, нас всех к этому приучил.

— Привет, сынок. Вот со Светочкой решили заехать. И не зря, как оказалось. Ты посему дома не ночуешь? Расстраиваешь бедную девочку.

— Ма, вообще-то рабочий день. На минуточку. А вы домой приехали. Нелогично как-то.

— Вот именно! Рабочий! А друг твой что здесь делает?

— В смысле что? Кофе варит.

— Не дерзи. Почему не на работе?

— Вы у меня еще дневник попросите, тетя Рита.

— Просто Рита, Давид. Просила же. — Мама морщится, не понимая стеба друга. Он-то веселится вовсю. Не по его душу карательный отряд прибыл.

— Ма-а-м, — тяну, чтобы привлечь к себе внимание. Чем быстрее выясним всё, быстрее закончим. У меня еще куча дел, стирки вон целый багажник.

Сначала в химчистку думал сдать, но хрен знает, чем там пользуются. Вполне сам справлюсь, я так-то не белоручка.

— Я поехал, наберешь. — Давид хватает с полки ключи и делает ручкой. — Тетя Рита, Светлана, мое почтение.

— Давид, — мама рычит, а он ржет, как конь и скрывается в лифте. Идеально было бы не закрывать дверь и выпроводить гостей следом.

Странно, да? В одночасье мама стала всего лишь гостьей. А на самом деле это давно началось, я значения не придавал. Или не хотел обращать внимание.

— Давайте на кухне быстро обсудим, для чего в итоге вы явились в таком составе. Потом вы отдадите ключи, и разойдемся. Да, Света? Сколько еще запасных вариантов ты сделала?

Надо бы замок сменить. Проще пацанам новые комплекты отдать.

— А ты? Сколько еще запасных вариантов себе нашел? Поломойка, фу, блин... может, кухарку и официантку еще подогнать?

— Среди твоего круга нет таких, — улыбаюсь от того, как морщится бывшая. А я нездоровый кайф ловлю от этого. Сколько же в них лицемерия. Неужели и я таким был?!

— Ради тебя, дорогой, я бы постаралась.

— Свет, ты ради меня ни разу на завтрак не встала. О чем вообще говорить?

— Егор!

— Ма, к чему этот бред? Вам заняться нечем? Новые коллекции закончились, массажисты вымерли? Куда вы там еще ходите? — Останавливаю словесный поток, готовый вырваться из возмущенных ртов. — Я, мам, давным-давно самостоятельный мальчик. Ни от кого не завишу. Угрозы о лишении карточки и поддержки — они еще в старшей школе перестали работать. А ты, Свет, ну ты чего добиваешься? Мы расстались. Я говорил.

Во время моей пламенной речи мать успела пройтись по комнатам в поисках непонятно чего. И, конечно, наткнулась на переделанную гостевую.

— Это... Егор, бабушка была права? Ты с этой прислугой... Да как ты смеешь?! Это же такой позор, люди начнут говорить...

— Двоеееее? Как ты это объяснишь?!

О, и вторая на визг сорвалась. Демонстративно смотрю на часы. Время цирка вышло, пора клоунам по домам.

— Трое, Свет. Трое. Многодетным буду. Всё? Закрыли вопрос? — Разворачиваюсь к матери, которая уже колотит посуду. Сколько себя помню, любой их с папой скандал так заканчивался. А вот любит же её. И я люблю. И буду любить. Только лезть в свою жизнь не дам. — Ма, хватит. Я пока не планировал менять тарелки и чашки. И плевать я хотел на чужое мнение. Я, мам, жить хочу. Любить хочу, и меня чтоб любили. Как у вас с папой. Понимаешь? Не чтоб Светка вылезая из-под другого вспоминала про наши типа отношения, а чтоб моя только была женщиной. Чтобы домой хотелось.

Мама подозрительно замолкает. А Светка не была бы Светкой. Это она с виду только спокойная. Гадючья кровь даёт о себе знать.

— А сам? На себя смотрел? Или думаешь, я не знаю, как вы там с друзьями отдыхаете? У Лихацкого твоего как зависаете? Ты считаешь, так и надо, да?

— Ты Даву не трогай. Он к себе девок принципиально не водит. Иди уже, а? Мужика кайфово быть со своей женщиной. Я теперь это знаю. И ты узнаешь, когда полюбишь.

— А если я уже? Ты не думал, что я тебя люблю?

— Не, Свет, — мне снова смешно, — я в это ни за что не поверю. Только не ты и только не меня.

Подталкиваю к дверям рычащую бывшую. Оглядываюсь на маму. Она аккуратно собирает осколки и жуёт губу. Верный признак того, что быть слезам. Бляха. Время тикает,

скоро ехать к Ксюше, а я так ничего и не успел. Ну кроме того, что теперь меняю посуду, видимо.

— Мам, я сам.

Наконец, Бинковская убралась, швырнув напоследок всё с тумбы. Что за манеры, блин. Одна чашки, вторая вещи. Никакого порядка не напасешься.

Отбираю у мамы тряпку, иду за шваброй и сметаю осколки.

— Сынок...

— Не начинай. Не надо, мам. Я не хочу ссориться. Но не отступлюсь. Люблю ее, мам. У нас ребенок будет. Твой внук, между прочим.

— Внук?

— Или внучка. Этого же уже не изменить. Ты просто не знаешь Ксюшу. Какая она. Насрать мне, кем она была раньше. Я ей всё могу дать. А она, представляешь, только грушу попросила.

— Грушу? — Мама непонимающе смотрит.

— Иди сюда. — Наливаю в уцелевшую посуду чай и ставлю на стол. — Ксюша в больнице сейчас. Не всё гладко с беременностью. Я её про вкусное спросил, что привезти. Она грушу попросила. Не манго там, не вишню... Она вот такая, ма.

— Не манго и не вишню, — повторяет мама и грустно так улыбается. — Света бы краба королевского потребовала.

— Вот видишь. И ты это понимаешь. Ну какая у нас жизнь бы была?

— Бабушка тебя не простит. И отец...

— Когда-нибудь простит. Главное, дед понимает.

— Сдал нас?

— Предупредил. А папа... папа сам любит. Поэтому поймет.

Мы еще некоторое время сидим молча. Мама переваривает услышанное, а я мысленно строю диалог с отцом. Не вижу смысла прятаться. Как только Ксюшу выпишут, со всеми ее познакомлю. Кто не примет мой выбор... ну что ж... Я уже в том возрасте, когда могу себе позволить не жить во лжи и фальшивых улыбочках.

Мать ерошит волосы и встает из-за стола. Тихо прощается и прикрывает дверь. Приняла? То, что загрузилась, это уже хорошо. Может, не всё ещё в ней потеряно? Безусловно, в перевоспитание с одного разговора я не поверил. И с них станется устроить очередную провокацию. Но я свою позицию обозначил. Дальше их ход — понять или не понять.

Мать твою. Время! Некогда думать. Бегом в вниз за вещами. Закидываю в стиралку. Сегодня — то уже не успею больше. А еще подругу обещал привезти.

Смотрю на таймер, пара часов есть. Успею, если больше нигде не встряну. Вспоминаю, что в гардеробной стоит гладильный шкаф. Я им, правда, ни разу не пользовался. Если срочно — утюг спасал. Будет повод освоить.

***

Дорвался до сладкого. Шумно выдыхаю, устраиваясь на уже привычном месте. Хорошо хоть кровати удобные, а не односпальные койки, как раньше в больницах были.

— Устал?

— Немного.

Много. И сильно. Но ей знать необязательно. Чтобы успеть всё намеченное, пришлось скакать галопом. Сколько за весь день проехал, лучше не вспоминать. Но награда того

стоила. И сейчас вопросительно смотрит на меня.

— Прости. Ты что-то спросила?

— Угу. Чем тебе помочь.

— А ты очень хочешь помочь?

— Очень. Мне нравится, когда ты улыбаешься.

Ксюша, Ксюша... знала бы, на что подписываешься.

— В душ хочу. Давай вместе? Ты меня намылишь, а я тебе буду улыбаться.

— Егор, — строит сердитую моську и брови хмурит, — здесь больница вообще-то.

— Вообще-то, — копирую её интонацию, — дядя доктор утром сказал, что маме надо делать приятное. И папе тоже. Поэтому в душ.

Ксюшка подозрительно молчит, голову отвернула. Ну что не так опять? Я сегодня замучился от разговоров, хочу просто насладиться своей девочкой, быть с ней. Я не против пошептать на ушко, но не выяснять отношения. Добби на сегодня сдох.

— Повернись-ка ко мне. Ты что, плачешь? Я не то сказал, да?

— То. Это просто... мама и папа... Ты так спокойно говоришь про это, я никак... никак не могу привыкнуть...

Потому что ты одна давно. И от этих слов отвыкла. Но ей я этого не говорю, конечно. Просто молча сгребаю на кровати и несу в душ. Будем отвлекаться. А уж рабочий способ я сто пудово знаю.

— Егор, что ты делаешь? — Пищит моя заноза, когда я начинаю стягивать с нее всю больничную белиберду.

— Я же сказал, принять душ. Ты меня не слушала что ли?

Как заставить себя не улыбаться, глядя на нее? Хочется быть серьезным, но губы сами в улыбке разъезжаются.

— А я...

— А ты со мной. Мы теперь много чего будем делать вместе. Давай вот так, аккуратно, — приседаю, помогая снять белье. А она хватает полотенце, закрываясь. Ну правильно, чё.

Настраиваю воду, параллельно избавляясь от своей одежды. По природе своей мужчины, видимо, лишены чувства стыда. Меня вот закрыться не тянет.

— В полотенце неудобно мыться, Ксюш. И я уже видел тебя без всего. Шагай сюда.

— Неа. — Еще и головой мотает. Меня и так накрывает, а её поведение распалает до предела. Приходится себе напоминать, где мы и что наши нежности сейчас несколько ограничены.

— Упрямая ты моя. Я же все равно тебя не отпущу. — Прикусываю плечико и подтягиваю девочку в душ. На руки взять не позволяет метраж помещения, это дома хоть пляши, места хватит.

— Правда?

— Что правда? — Заговариваюсь? Про танцы что ли сказал?

— Что не отпустишь?

— Конечно, правда. Я же тебя люблю. — А ничего так, романтично даже. Обнаженные мы под струями воды. — Ты единственная, кому я говорю и говорил эти слова. Родителям не считается. И как же я тебя могу отпустить, если так долго искал?

Сам, кажется, таю в моменте. Так она смотрит сейчас, душу выворачивает наизнанку. Не могу больше... в глазах темнеет от желания. Желания прижать, прикоснуться,

поцеловать.

Приникаю к приоткрытым губам. Сразу беру напором. Потом, в кровати, буду нежным и ласковым, а сейчас дико хочу пометить свою территорию. Слетаю наши языки, вжимаясь в плоский животик каменной эрекцией. Ксюша вздрагивает, но не отстраняется. Уже хорошо.

Выливаю на ладони гель и провожу по плечам, рукам. Беру запястья и перемещаю девичьи руки на свою шею. Прерываю поцелуй и шепчу:

— Не стесняйся, тебе можно всё.

В глазах моей девочки буря не меньше, чем в моих. Ловлю её дыхание, когда скольжу руками к аккуратной груди. Нет, здесь не будет никаких откровенных ласк. Я хорошо помню, что у Ксюши постельный режим. Все происходящее затеяно ради того, чтобы она не зажималась со мной.

Моя понятливая девочка забирает с полочки флакон и льет гель на мои плечи. Несмело растирает по коже, пока касаясь только шеи и плеч.

— Смелее, моя хорошая. Не бойся.

И она не боится. Сама приближается к губам, оставляя невесомый поцелуй. Как настоящий дикарь, подхватываю его, углубляя, покусывая. Срываю тихие стоны с желанных губ.

Размыливаю пену, показывая пример. Спинка, животик, бедра. Ксюша повторяет за мной, задерживаясь на животе. Жду, пока осмелеет и спустится вниз сама. Но нет. Надо помочь. Целую, отвлекая, и кладу ее ладошку на своего джентльмена. Не зря же он встал в присутствии дамы.

— Тише, всё хорошо. Просто сожми.

Долбаный мазохист. Устроил себе сам пытку. Ксюша медлит, а потом проводит по стволу рукой, от чего уже из меня вырывается хриплый стон. Не помню такой реакции раньше на простые действия. С любимыми всё иначе? Каждый нерв оголен, каждая мышца напряжена.

— Так?

Не сразу понимаю, о чем спрашивает.

— Так, моя девочка. Так. А сейчас быстро смываем мыло и в кровать. Продолжим урок?

На автопилоте заканчиваем банные процедуры. Если у меня уже дышалки не хватает, про Ксюшу молчу. Она прерывисто дышит, и то и дело прикрывает глаза. Пусть в голове она еще стесняется, но тело ее реагирует так, как мне нужно. Пара таких «уроков» и смущение из нашей кровати должно уйти.

Ксюша.

Егор заворачивает меня в полотенце и несет на кровать. Кажется, его ничто не смущает. Голый! Он же идет голый по палате, щелкает замком двери и возвращается ко мне. Отбирает махровую защиту, быстро убирая лишнюю влагу и ложится...

Не рядом, как я уже привыкла! А сверху. Как в ту ночь, когда мне снилось... а на самом деле нет. Мысли путаются.

Боже мой... я же трогала его... там... Как мне стыдно. Очень. Потому что мне... понравилось. Пальчики даже занемели, когда я прикасалась к горячей груди. Когда проводила по плечам. Какой он большой! У меня рук не хватает обхватить плечи Егора полностью.

— Расслабься, Ксюш.

А его шепот? Слушала бы и слушала. Ну как я умудрилась так пропасть? В его присутствии теряется вся связь с реальностью. Кислорода не хватает, когда он трогает, так откровенно показывает свое желание. Я не могу так. Это чересчур для меня.

— Моя девочка, — ну вот опять. Опять эти слова, его язык, ласкающий нежное местечко за ушком. Я не выдержу и сдамся... совсем скоро сдамся...

Или уже?

Тело реагирует само. А Егор, как опытный мастер, нажимает нужные точки, ласкает, гладит, чтобы разум покинул чат. Он давно покинул, на самом деле. На плаву держал только страх нового. Неизвестное же пугает. Но с ним и это чувство ушло.

— Егоооор...

Я не хотела, само вырывается. Руки тоже сами впиваются в плечи, оставляя маленькие царапинки. А ему хоть бы что, он только смотрит и улыбается. А в глазах извержение вулкана, не меньше.

— Сделай, как в душе. Не бойся. Сожми его.

Медлю, борясь с собой, а потом отпускаю. Хочу, чтобы ему было также приятно, как мне. Егор помогает своей ладонью, показывая, как двигать рукой. Огромный. Пальцев не хватает, чтобы полностью сомкнуть. И горячий. Не выдерживаю, и наощупь исследую, проводя по всей длине. Сверху что-то очень нежное и... липкая капелька. Аккуратно растираю её, а Егор начинает дрожать.

Испуганно отдергиваю руку. Черт, вдруг я что-то сломала?

— Ксюша, продолжай. Продолжай, пожалуйста.

Совсем охрип голос. Наверное, я сделала больно. Аккуратно возвращаю руку на место и делаю, как Егор показал. Двигаю вверх и вниз. Мне нравится его шумно дыхание. Это ведь потому, что приятно?

— Хватит, девочка моя, пока хватит. Я и так на грани.

Сам тянет за руку и сводит обе мои над головой, удерживая запястья. Что он придумал? Почему-то не боюсь, нет.

А в следующий момент уже все мысли улечиваются. Остаются только вспышки.

Жадный поцелуй. Мои тихие стоны и его рычание.

Нежный укус на груди, когда тело пронзает насквозь. Горячий язык, выводящий узоры на одной и другой вершинке. Если первый раз я не всё понимала, то сейчас тону в

ощущениях. Очень остро, всё чувствуется очень остро.

Мужская рука скользит вниз, туда, где всё давно свернулось в тугой узел. Настойчиво раздвигает бедра, касаясь пульсирующей точки. Сердце сейчас грудную клетку проломит, так сильно бьется. Кусаю губы, чтобы не стонать.

— Так хочу, чтобы ты не сдерживалась, но, черт, это больница.

Не сразу понимаю слова, произнесенные Егором. Он что, читает мои мысли?

Целует... как же он целует... и шепчет... выдыхаю ему в губы, а он не останавливается. Гладит, нажимает...

Замираю от неожиданности в тот момент, когда меня касается напряженный... ой...

— Егор?

— Не бойся, — эта фраза звучит, наверное, сотый раз. Так переживает за меня? — Нам сейчас доступна только лайтовая версия... я не буду входить... Доверься мне, малышка.

И я доверяюсь. Подчиняюсь его рукам, его напору. Делаю все, как он говорит.

Дрожу, когда движения становятся быстрыми и отрывистыми, когда прикосновения к волшебной точке приносят легкую боль... Из рта вырывается стон, который Егор тут же глушит поцелуем, а потом... потом я распадаюсь на миллиарды осколков. Падаю в пропасть и лечу. Внутри чувствую сокращения, а перед глазами плывут разноцветные круги. Господи...

— Что это... что это было?

Егор не отвечает, а делает резкое движение и на мой живот падают жемчужные горячие капли. Смотрю в лицо любимого мужчины: губа закушена, глаза прикрыты, и только руки выдают то, как сильно он сейчас напряжен. Наконец, и Егор выдыхает и с улыбкой смотрит на меня:

— Тебе понравилось?

Румянец не заставляет себя ждать, расцветая на щеках. А он продолжает ни капли не переживая, что лежит надо мной, что его удовольствие растекается по моей коже...

— Егор...

— Нет, Ксюш, я не уйду. Да или нет?

— Да, — выдыхаю, отводя глаза.

— Вооот. Правильный ответ. Всё, как доктор прописал.

Улыбаюсь его непосредственности. Совершенно не дает уйти в мысли, сразу тормозит.

— Доктор Егор?

— Ага. Обращайтесь.

— Мне... эээ... мне в душ надо, — показываю на свой живот.

— Пациентка Романова, у вас постельный режим.

Встает с кровати и уходит. Через минуту возвращается с мокрым полотенцем и бережно вытирает мою кожу.

— А теперь спать. — И рядом укладывается. Уже привычно поворачиваюсь в подмышку и устраиваюсь в уютном убежище его тела и рук. Глаза закрываются.

— Егорка, мне одеться надо, я же голая.

— Потом. Спи.

Просыпаюсь отдохнувшая и счастливая. Не просто счастливая, а такая — парящая на облачке. А еще голодная.

— Рано же, ты чего проснулась? Где болит?

Ого, какой чуткий сон! Поднимаю голову, а Егор лежит на спине и что — то

высматривает в ноутбуке.

— Я думала, ты тоже спишь?

— Я решил поработать и увлекся. Так что случилось, почему проснулась?

— Егор, — признаваться отчего — то стесняюсь, — я кушать хочу...

— Наконец — то! Надо перед каждым приемом пищи устраивать лечение, да, малыш?

Подмигивает, отставляя ноутбук на пол, и идет к холодильнику. Голый!!!

— Ну Егooooор...

— Да — да?

— Оденься, пожалуйста.

— Зачем? Ты тоже не одета. Сейчас перекусим и продолжим.

— Что продолжим?

Натягиваю одеяло до подбородка, а перед глазами уже плывут картинки того, чем мы недавно занимались.

— Вообще — то спать и работать. Но твои красные щечки и направление мыслей мне больше нравится.

Блин.

— А откуда здесь это все?

Смотрю на тумбу и стул, заставленный контейнерами с нарезкой, йогуртами и пирожными.

— Я привез, пока ты спала. А в пакетах одежда. Не успел тебе сказать сразу, потом медсестры отвлекли.

Беру протянутый бутерброд и закатываю глаза. Как вкусно! Чувство, что не ела несколько дней. Егор тем временем копается в пакетах и достает аккуратно сложенную сорочку, халатик и трусики. Подходит с деловым видом, съедает остаток моего перекуса и начинает натягивать ночнушку. Я только глазами хлопаю.

— Если не оденешься, я за себя не ручаюсь. Хотяяяя... и снять — то займет немного времени... — И бровями поигрывает. Невыносимый!

— Кушай, худышка. — Сооружает пирамиду из сыра и колбасы, укладывая сверху что — то зеленое.

— А это что? На масло похоже, но безвкусное какое — то.

— Это авокадо. Хрен его знает, за что его любят, но типа полезное. Будем есть. Правда, малой? — И к животу наклоняется. А у меня снова слезы в глазах. От того, как это трогательно.

— Егор, — голос сбивается, — а ты правда его любишь?

— Очень, Ксюш. Знаешь, — он выпрямляется и задумчиво смотрит в окно, — когда Тим встретил свою девчонку, мы над ним смеялись. По — доброму, конечно, но смеялись. Типа какая любовь у такого мужика. Взрослые вроде дядьки. А сейчас понимаю его. И про детей я раньше не думал. Ну знал, что когда — нибудь в перспективе. Только как услышал от врача про беременность, так сразу перемякнуло. В одну секунду понял, что я отец. И что готов, тоже понял. Оно само, внутри сидело. Понимаешь?

— Понимаю. А я вот не справилась. Запрещала себе думать, когда собиралась... долго не могла решиться... Ты не простишь мне это, да?

— Я думал про это тоже, — кивает, переводя взгляд на меня. — Но твоей вины нет. Ты сильная девочка, столько сопротивляться обстоятельствам. Я бы понял. Может быть, разозлился бы, но понял. Но хорошо, что все обошлось, правда? С такими трудностями...

Егор притягивает меня к своей груди, и, поглаживая, продолжает:

— Я когда — то в сети прочитал то ли статью, то ли репост. Не помню уже. Попалась ерунда и зацепился. Там писали, что ребенок сам выбирает родителей и сам понимает, кого назовет мамой и папой. Наш с тобой, значит, очень хочет к нам, раз перешагнул через все преграды.

— Очень хочет, — повторяю шепотом, не сдерживая слез.

— Не надо плакать, Ксюш. У нас все хорошо будет, я тебе обещаю. Может, я не подарок и сложный человек... не знаю... но я все сделаю, чтобы вы были счастливы. Правда. У меня к тебе все по — настоящему. Веришь мне?

Разворачиваюсь, чтобы видеть его глаза.

— Верю...

Егор.

— Люди вообще — то здесь работают, лямку тянут, можно сказать. А ты ходишь, и мордой довольной светишь. — Друг встречает, как обычно, от всей души. — Колись давай, чему радуешься?

— Отцом стану. Повод? Повод, — сам себе отвечаю.

— Повод отметить надо, а ты всех игноришь. Надо к девочке твоей визит вежливости нанеси, отпросить каблука.

— Договоришься.

— Ну, я и говорю. Договориться надо.

— Чего ржете, на весь этаж слышно, — вот и Арт подгрёб.

Хорошая все — таки идея была помимо своих дел, создать общее. Хоть видимся, а то раскидало в последнее время.

— Так радуемся же. Егорка отцом станет.

— Дейв, твою мать, ты успокоишься?

— Я выражаю восхищение твоими коммуникативными навыками и прекрасной работой репродуктивной системы двух встретившихся в горизонтали особей.

— Убьем?

— И в лес.

Понимающе киваем с Артуром друг другу, пока этот клоун изображает из себя святого мученика. Хотя больше похоже на временный паралич после съеденного острого чили.

— Слушай, Егор, я вообще по твою душу. У вас с Оксаной серьезно все?

— Ксюшей. Она привыкла, что ее Ксюшей называют.

— Да хоть Максьюшей. Серьезно?

— Серьезно. Стал бы ты сам так бегать, если бы ради галочки?

— Хрен его знает. Я на твоём месте не был. У нас как — то спокойно. Познакомились, сошлись. — Арт трет подбородок, смотря в окно. — Короче, с датой свадьбы определяться надо. Твою когда выписывают? Гулять, так всем вместе.

— Недели две — три. Ну месяц возьми на всякий случай, чтобы с запасом.

— Я так примерно и прикидывал. Ты за месяц смотри не облажайся, герой. Рука сейчас как? Отец все спрашивает, а я только руками развожу.

— Чего ей будет. Не первый же раз.

— В лес?

— И убьем. Хотя не, вы меня раньше замочили. Теперь сам, Артик, думай, куда тела прятать будешь.

Куски идиотов, блин.

— Давайте по кофе, пацаны. Совет нужен. Без стеба.

— В кафешку или в кабинет? Ждать хочу.

— Постоянно хочешь. Научи уже Инну готовить, а то я скоро бутеры тебе таскать начну.

— Свою учи. Инка другое норм умеет. Не одному тебе зубную пасту рекламировать.

— Сволочи, а? В монахи подамся.

— Дейв, тебя не возьмут. Для женщины у тебя щетина длинновата.

— Я бы сейчас закатил очи долу, но где этот дол не знаю.

— И это образованный человек. А я с тобой, как с равным.

— Ты сам типа знаешь?

— Типа нет, но я и не выживаюсь.

Так в итоге спускаемся вниз и идем до кафетерия. За углом приличное место, а главное, готовят вкусно.

Парни сразу делают заказ, а я сижу и выбираю десерты. Не знаю еще, что именно любит Ксюша, но хочу ее баловать.

— Ты что там высматриваешь?

— На сладком завис. Хочу с собой Ксюхе взять.

— Не смотри. Я сейчас все равно к себе собираюсь, вечером подскочу, привезу. Пора уже нормально познакомиться.

У Дейва несколько ресторанов в городе, в планах открытие семейного. Уже строительство полным ходом идет. Обсуждаем некоторое время его проект, а потом переходим к главному.

— Короче, у Ксюни две мелкие сестры. Ну вы в курсе. В выходные их надо забирать из сада. А куда забирать? Я с врачом говорил — не выпишут и не отпустят. А рисковать больше я не дам. К подруге тоже не варик, у нее своих проблем по горло.

— К себе забирай, о чем думать?

— Понятно, что к себе. Они меня не знают, какотреагируют? Да и Ксюша как к этому отнесется? Всю ночь мониторил агентства, няню искал. Но снова уперся — незнакомый дом, незнакомый человек.

— Слушай, а к отцу? Ну пригрозить, чтоб не бухал? — Арт думает, а потом качает головой: — Не тоже не вариант. Такой забудет и ищи потом малых.

— Бабка, у которой они были уже? Зина?

— Зоя. Ксюша звонила, бабулька в больнице. Кстати, хорошо напомнил. Есть бригада у тебя свободная? Ключи от дома есть у моей, хочу скважину и станцию поставить. Прикинь, она воду таскает до сих пор ведрами. Прошлый век просто.

Давид приподнимает брови, и я прекрасно понимаю, на какую часть фразы он так среагировал. Но да, я так думаю и чувствую. И буду так говорить. Меня самого распирает поделиться с друзьями. Но я не сопливая девчонка, поэтому транслирую свои эмоции скупыми мужскими способами.

— Егорушка, я тебе тайну, наверное, открою. Третью страны так живет. Но то, что хоть одному человеку хочешь помочь, это правильно. Я в деле.

— Спасибо, мамочка.

— Стервец, а? Со Светулей разобрался? Я вчера звонить не стал, когда осколки собирал под столом.

— Черт, мама вроде убрала же.

— Маргарита Алексеевна бушевать изволили — с?

— Арт, бляха, ты — то куда?

— Спроси еще его, откуда. Вы, Егор Саныч, от темы не уходите. Разрулил со Светкой?

— Скажем так, я поставил точку, а ей не понравилось. Обещала мстить.

— Зайду на пункт сегодня, чтоб ее в черный лист внесли.

— Давай. Я вчера не вспомнил даже.

***

Ксюша задумчиво смотрит в окно, а я разглядываю её. Не просто рассматриваю, глазами

поедаю. Внешне нежная, хрупкая, а какая сильная внутри! Восхищаюсь характером своей малышки. Узнавая новые и новые подробности ксюшиной жизни, сокрушаюсь об одном: почему раньше меня не было рядом? Нет, безусловно, я отдаю себе отчет в том, что знакомы мы не так и давно, а вместе — по пальцам дни пересчитать можно. Но душа приняла ее сразу. Словно всю жизнь знакомы. Не нужны ни притирка, ни уступки друг другу. Мы вместе и этим все сказано.

Интересно, насколько уместно сделать ей предложение уже сейчас?

Понятное дело, не сию минуту, надо кольцо купить, обстановку сообразить, чтобы поатмосфернее. Чтобы понравилось.

Как — то у меня сомнений никаких не возникло, когда задал Арт сегодня вопрос. Серьезно все. Хочу всю жизнь с ней? — Хочу. Засыпать вместе, просыпаться рядом.

— О чем задумалась, Ксюш?

— Не знаю. Обо всем, наверное. Что дальше будет, Егор? Ну совсем дальше. Не после больницы, а потом?

— Потом животик расти начнет. Будешь кругленькая ходить, а я пузико целовать. А потом родим крепыша, чтобы твоя мелочь его нянчила. Я буду ходить в парке с коляской, и гордиться вами.

Ксюша задумчиво прикусывает губу, а потом выдает то, от чего мое сердце проваливается вниз.

— Ты будешь хорошим папой, Егор. Хорошим. Любящим. Знаешь, это так важно. Это, наверное, самое главное. Мама любит ребенка всегда. Я верю, что даже у тех, кто отказывается, душа болит. А папы... Маруська за свои года ни разу, — Ксюня стирает слезинки, а я подрываюсь к ней, — Ивана папой не назвала. Она еще плохо говорит, меня то «Ксю» зовут, то «мама». Не понимает. А Ивана боится. Дашка тоже боится, но тянется к нему. Редко, но тянется. Хочет папу. Чтобы защитник был. Понимаешь?

— Понимаю, моя хорошая. Понимаю.

И не лукавлю. Через суть свою все ее слова пропускаю и действительно ощущаю и пустоту, и боль, и горечь. Сам не могу объяснить, как так получается.

— Тут — тук. А Егорка выйдет гулять?

В дверях показывается небритая рожа Давида. Ах, пардон — пардон, модная щетина. Девки пишат от его брутального образа. Хрен знает, что это слово значит, но мама постоянно про это твердит своим подругам. Любую же очарует гад.

— Если что, я за ним присмотрю.

— Я смотрю, мы с Тamarой ходим парой?

— Ну и дуры мы с Тamarой. — Тимур входит в палату, протягивая Ксю букет. — Я Тимур, друг этого счастливого отца. Ну а Давида ты знаешь.

Дейв в это время расставляет коробки какие — то на тумбе. Ксюша сидит, застыв от неожиданности. Ну да, к этим двоим привыкнуть надо. Арт и Игорь поспокойнее себя ведут.

— Ксюш, я тебе про них рассказывал. А Дейва ты видела уже несколько раз.

— Угу. Очень приятно. — И улыбается. Так ласково, что два болвана плывут, по физиономиям нахальным вижу.

— Ничего, что сразу на «ты»?

— Я только за. Если Егор не против.

О как! Я и сам брови приподнимаю, ловя удивленный взгляд Тима.

Да — да, учитесь парни. Моя девочка.

— Егор подумает.

— Ксюша, пока Егор думает, позвольте предложить десерты ведущих поваров нашего города. Какие предпочитаете?

— Тебя в лесу прикопали, ты какого лешего оттуда так быстро выбрался? Выключай давай режим ловеласа.

Парни ржут, а Ксюша широко улыбается, наблюдая за нашими перепалками.

Наконец, Давид становится серьезным, и, пока все пробуют его новинки, обсуждаем вопрос мелких. Ксюша мало про выходные говорит, но я — то вижу, как она напряжена. Не зря же уже звонила своей соседке и подруге.

— Ксюш, вообще, если девочки нормально останутся со мной, могу побыть с ними. Опыт есть, у маминой подруги младенца нянчал. Тим поможет, его вообще дети любят. Вопрос только в том, как нас познакомить и чтобы не боялись.

Охренеть. Он не мог сначала мне это бредовое предложение озвучить? Няньки нашлись. Их самих еще воспитывать надо.

Ксюша.

Сердце сжимается, как я переживаю за своих сестричек. Чем ближе выходные, тем выше растет напряжение. А выхода пока не вижу. Обращалась к врачу с просьбой отпустить на выходные. Но получила такую отповедь, что потом в душевой плакала минут двадцать. Егору, едва не выбившему дверь, когда услышал всхлипы, пришлось соврать, что гормоны шалят. Не знаю, поверил или нет, но все утро внимательно присматривался.

Теть Зоя болеете, а Милка зашилась с учебой и работой. Нет, в экстренной ситуации она, конечно, поможет. Только ей уже реально это боком выйдет.

Интересно, можно ли оплатить в саду, чтобы девчонок оставили? Хотя им это как — то объяснить надо. Если Маша плохо поймет и просто поплачет, то Дашка со своими размышлениями сведет с ума и себя, и меня.

Нет, уйти из больницы возможно. Насильно держать не будут. Только врач доходчиво объяснил прогнозы. Быть может, и пугал, но я впечатлилась. А еще больше испугался Егор. У него на лице написано было, что он готов до родов меня здесь запереть, воюя с окружающим миром и закрывая грудью все прорехи. Вот только «прореха» с сестрами ему не по зубам. Пока что.

Завтра должен приехать нотариус, который заверит доверенность на посещение детского сада и полномочия Егора по поводу девчонок. И по этому вопросу переживаю. Нет, сомнений в порядочности любимого мужчины нет. Верю ему и его словам. На уровне подсознания.

Я же вижу его поступки и поведение. А еще его слова про наше будущее. Отпустила себя. Когда Милка приезжала, долго с ней разговаривали. Рассказала страхи свои, опасения. Подружка все по полочкам разложила. Как правильно быть должно. И я согласилась. Не хочу накручивать себя. В самом деле, ну стал бы Егор искать меня и кружить рядом, если бы не любил? А я видела его глаза, когда признавался. Любит. Верю ему.

— Тут — тук. А Егорка выйдет гулять?

От неожиданности вздрагиваю. В дверях показывается голова Давида. Друг Егора, с которым он был в нашей деревне. Красивый мужчина. А эта легкая небритость невероятно ему идет. Глаза смеются, но все равно я ощущаю в них грусть. Мне кажется, что этот парень в чем — то несчастен, хоть и пытается этого не показывать.

Егор при виде друга начинает улыбаться. А когда следом входит еще один — смеяться. Про Тимура я тоже наслышана. Они ровесники, но если Егор выглядит серьезным молодым мужчиной, то Тим со своей широкой улыбкой кажется мальчиком — студентом. Хотя я уже знаю про его жизнь. У Тимура сложные отношения с мамой. Очень сложные. И очень серьезный отец. Правда, отец горой за сына.

Улыбаюсь, смотря за пикировками ребят. Настоящие мальчишки — смеются, подкалывают друг друга. И внимания не обращают, что уже бороды бреют. Тимур дарит букет, а Давид приносит кучу коробочек, в которых оказываются вкуснейшие сладости. Еще час назад я отказывалась от ужина, а сейчас безумно хочу попробовать все.

Кажется, внутри меня живет сладкоежка. И что — то подсказывает мне, не мальчик, как Егор мечтает.

— Ксюш, вообще, если девочки нормально останутся со мной, могу побыть с ними.

Опыт есть, у маминой подруги младенца нянчал. Тим поможет, его вообще дети любят. Вопрос только в том, как нас познакомить и чтобы не боялись.

Мой мужчина (хоть мысленно же могу себе позволить такие слова?) мрачнеет после этих слов, а я принимаюсь всерьез раздумывать. Это не самый плохой вариант. Не самый. Но я с ума сойду оставить девочек с незнакомыми им мужчинами. Блин. Нет. Ну как я вообще задумалась про такое?

— Егорка, а ты чего вообще паришься? Берешь Ксюшу домой на выхи, платишь медсестре, которая придет и сделает лекарства. Тебе капельницы ставят? — Киваю. — Ну. Ксюша лежит, как здесь. За девочками присмотрим вместе. Она только подсказывать будет. Но строго, реально без лишних вставаний и все дела. Короче, как здесь. Потерять маленького Керро нам нельзя.

— Тим, бля, гений. Ты, раньше не мог сказать?

— Ты меня раньше не спрашивал. И хочу напомнить, что в офисе завтраком кормил эту наглую рожу и рожу Артика. Меня покинули и оставили злым и несчастным. — Поворачивается в мою сторону и продолжает: — Нет, Ксюша, ты только представь. Они меня одного кинули на встречу с Капустиной. Гром — баба. С меня ростом, вся в красном и еще в углу норовила прижать. А у меня стресс. Совесть не позволила дыроколом отбиваться. Пришлось почти обморок изображать.

Смеюсь от вида несчастного лица Тимура. Почему — то так явно представила нависающую над ним эту Капустину. И маленького дрожащего Тимура, трясущегося в углу с дыроколом в руках.

— Вот и ты туда же. Коварная женщина. Я к тебе со всей душой. В следующий визит на Егорушку ее натравлю. И даже степлера в кабинете не оставляю.

— Я занят. Давай Дейва ей отдадим? Все равно он с Наташкой в очередной раз расстался.

— Я и не сходился. У нас коллаборация, устраивающая обе стороны. Так — то она мне верность не хранит.

Я в шоке. Во — первых, не все слова понимаю, если честно. Но запоминаю про себя, чтобы потом погуглить. А во — вторых, как можно быть в отношениях и... ну быть с другими. А Давида я ведь видела на озере, уходящего с другой. Улыбка сходит с лица. Я и Егора тогда видела...

— Изыди, нечисть. Девочку мне расстроил.

Егор моментально считывает изменения настроения и притягивает к себе. Глупо ревновать к прошлому. А с такой внешностью красавчика — к гадалке ходить не надо — желающих провести с ним время много.

— Я его святой водой оболью, Ксюш. Хочешь?

— И чесноком накормишь? — Ловлю волну и отвечаю Егору.

— Жестокие люди, а. Парочка садистов. И куда я потом мокрый и воняющий? На меня ж даже Капустина не клюнет.

Как давно я столько не смеялась. Даже грустные мысли сделали ручкой. А выход, предложенный Тимуром, на самом деле оптимальный. Вредить малышу я не буду. Ну я же отбитая на всю голову. И уверена, что Егор решит с врачом. О том, сколько все это будет стоить, боюсь даже думать. Потом аккуратно спрошу. Если ответит. Он ясно дал понять, что такие вопросы табу. Может, умеет, делает. В этом весь он.

Доедаю третье пирожное и отваливаюсь на подушку. Хочу еще с желтыми ягодками, но

стесняюсь так много есть. И вообще, наверное, столько сладкого за раз вредно. Егор наверняка ночью будет чай пить, работая. Вот тогда и присоединюсь.

— Устала? Мужики, давайте провожу. — Егор выпроваживает своих друзей так быстро, что я теряюсь. А они ни капли не смущаются. С пониманием смотрят и прощаются. — Побудешь одна?

— Побуду, конечно.

Почти засыпаю, когда Егорка возвращается. Он сейчас именно как «Егорка» выглядит: волосы в художественном беспорядке, игривая улыбочка, и прищур хитрый.

Посматривает на меня, убирая принесенные угощения в холодильник. С его стремлением меня накормить, сюда второй скоро понадобится.

— Егор, — зову тихонечко.

— М? — Он стоит и дергает браслет на часах. — Сейчас, Ксюш. Надо как — тс впихнуть невпихуемое.

Хихикаю от его выражений.

— Мы же не все открыли?

— Нет. Хочешь посмотреть, какие там? Сейчас тебе принесу. — Начинает суетиться, перехватывая коробочки.

— Да нет, подожди. Отнеси медсестрам на пост. Ну и что, что здесь платная больница. Сладкое все любят. Тем более, они очень вкусные!

— Я тебе говорил, что ты у меня умничка?

— Говорил.

— Вот еще раз говорю. Сейчас отнесу. Без меня в душ, чур, не ходить. Я свой десерт весь вечер ждал.

— Егooooор...

— Чуть что, сразу Егор. А я соскучился. Оooooочень, — и тянется к губам.

— Ты пирожные нести собирался, — шепчу в его приоткрытый рот, сама уже ерзя от учащенного сердцебиения. Как он умудряется так на меня действовать? Один миг, а я уже не я.

— Так. Сиди и жди. А ты, малой, — наклоняется к животу, — присмотри за мамой.

Пока его нет, открываю в телефоне календарь беременности и читаю про свой срок. Оказывается, на этом сроке уже можно разглядеть очертания малыша. Он, конечно, еще не может ничего слышать, но Егор упорно разговаривает с животом, а я неизменно плачу в такие моменты.

— Готова? В душ, — поясняет, видя мою растерянность. Так погрузилась в чтение, что забыла.

— Готова.

— Что читаешь?

Молча поворачиваю экран к мужчине. Всматривается в буквы.

— Скоро уже сердце послушать можно будет. А на двенадцатой попробовать пол узнать. Я этот календарь наизусть знаю.

Он точно невероятный.

И я в очередной раз убеждаюсь в этом, когда оказываемся под струями воды. Чуткий и внимательный. Подмечает любые мои движения и — уверена — умудряется читать мысли. Его ласки тонкие, на грани. Не дает сорваться, но заставляет тело дрожать. Знаю, что сейчас в кровати оторвется по полной всеми доступным на данный момент способами. А я... Я

мешать не буду. Сама хочу его до безумия. До дрожи в коленях. До рваных вдохов.

— Уже хочешь кушать? — Улыбается, доведя меня практически до эмоционального истощения. У меня горят губы от поцелуев, дрожат руки и ноги после не знаю какого по счету оргазма, а живот и грудь в белых каплях. Сам не вытирает и мне не дает. Дикарь. «Моя женщина пахнет только мной», сказал. И ладонью специально размазал.

— Хочу. И вымыться хочу. Пожалуйста.

— После еды. Дай полюбоваться, жестокая ты женщина.

— Грязным животом?

— Вот ничего не понимаешь ты в романтике. Это ж про любовь, ягодка ты моя. Я пахну тобой, как корзинка малины. А ты мной. Это типа семья.

— Что? — Таращу на него глаза. Что творится в его голове?!

— Пирожное какое будешь, говорю? Или бутер сделать?

— С желтеньким. И бутер. Только без колбасы, меня от нее тошнит.

— Испортишь мне мальчика. Сладким кормишь, мяса не даешь. Колбасы и той лишила.

— Вообще — то это он не хочет. Или она.

— Он. Максим Егорович. Или Демид. Я еще думаю. А тебе какое больше нравится?

— Ты не очень торопишься?

— Блин, Ксюш, я с ним разговариваю. «Малой», конечно, прикольно. Но пусть сразу к имени привыкает.

— Да если там девочка?

— Вот до двенадцатой недели я думаю, и ты тоже думай пока, какое тебе больше нравится. Демид необычнее, правда?

И не переубедишь. Пока наливает чай, бухтит про китайские обычаи, что там днем рождения считают дату зачатия, и еще много — много разной информации. В какой — то момент мой мозг перестает воспринимать слова, и я начинаю засыпать.

***

Уже почти час прошел, как Егор ушел разговаривать с врачом. Доверенность написана, Милка отпросилась доехать до сада, чтобы девочки не испугались незнакомцев, а мой уход все еще под вопросом. Вчера взяли очередную батарею анализов, чтобы посмотреть динамику.

— Оксана Игоревна, Вы, простите, неугомонная особа. — Тарас Алексеевич входит в палату с очень недовольным лицом. Егор маячит сзади, хмуря брови. — Анализы Ваши посмотрел, показатели улучшились. Но мы говорили уже про риски. Как Вы не понимаете?

— Я понимаю, — пишу. — Но у меня выхода нет.

— Егор Александрович рассказал в двух словах, из — за чего возникла острая потребность покинуть клинику. К сожалению, сюда двух маленьких детей мы пропустить не можем. Что ж... — задумчиво листает карту, — я надеюсь на Вашу сознательность и ответственность Егора Александровича. И еще раз предупреждаю: не геройствуйте. В следующий раз мы просто не сможем помочь. Только постельный режим. Никаких передвижений. Душ, уборная, кровать. Все. И в воскресенье вечером сюда. Утром у Вас снова возьмут анализы и проведут контроль УЗИ.

Протягивает мне лист с распиской, качает еще раз головой и уходит.

— Быстро собирайся и поехали. Сначала тебя отвезу, потом за твоей подругой и в сад.

Спускаю с кровати ноги, чтобы взять одежду.

— Ты куда собралась?

— Одеваться.

— Ксюш, реально здесь останешься. Говори, что дать. Одеваешься лежа. Дома только лежишь. Ешь тоже лежа. С сестрами разговариваешь лежа. Только так или отменяем все расписки.

— Я согласна, согласна. — Даже теряюсь от его напора. — Можешь достать брюки и джемпер?

— Платье или платье. На живот брюками давить нельзя. Юбка по той же причине отменяется. Выбирай.

И достает вязаные платья.

— Господи... Егор, ты весь магазин скупил? Мне же не надо столько!

— Надо. Ты обещала не спорить.

Закатываю глаза. Ну как еще донести, что мне не-у-доб-но?!

— Наверное, синее?

Невероятная красота тут же приземляется на кровать вместе с колготками. Пока пыхчу, натягивая одежду (сам бы лежа попробовал это делать!), Егор достается из пакета коротенькие сапожки на низком ходу. Терпеливо ждет, пока я присяду, и сам надевает их мне. Чувствую себя наследной принцессой.

— Я сама могу.

— Не можешь. Тебе наклоняться нельзя. Посиди, я сейчас сумку твою возьму. И сразу, чтобы исключить возмущения. Или я несу на руках до машины, или ты едешь на кресле. Но до квартиры по — любому на руках. В багажник кресло не влезет, там пакеты с игрушками.

— К — к — какими игрушками? — Я временно забываю про выбор.

— Т — т — такими. Я к детям с пустыми руками приехать не могу.

— У меня слов нет. Ты хоть когда успел?

— Заказал, пока кто — то сопел в мой бок. — И улыбается, довольный собой. А мне со стыда сгореть хочется. — Ты выбрала?

— Что?

— На руках. Долго думаешь, малышка. Да и я все равно бы уговорил. Нравится тебе носить.

Что я там говорила? Ах да, невыносимый!

И на самом же деле несет до машины на руках. А потом и до... кровати...

Не успеваю осмотреться, испугаться. Человек — ураган.

— Сейчас Тим подъедет, побудет с тобой. Я за Милой и в садик. Приеду, все тебе покажу. Хорошо?

Как раз раздается звонок в дверь. Егор забирает плащ и сапожки и, бурча, что у друга вообще — то есть ключ, идет открывать.

— Мало ли, чем вы тут занимаетесь. А у меня нервная система еще нежная и растущая. — Тимур заглядывает в комнату. — Ксюш, привет. Отлично выглядишь.

— Привет. Спасибо.

Если честно, сижу в небольшом шоке. У Егора все происходит естественно и непринужденно. Так себя ведет, словно обычное дело — принес домой беременную девушку и поехал за ее сестрами. А я мысли в кучу собрать не могу.

Осматриваюсь, пока парни переговариваются у входа в комнату.

Огромных размеров спальня. Вот правда — большущая. У Милы, наверное, вся квартира такая. И это же если не считать, что мы поднимались по лестнице на второй этаж! Много

света из двух окон. Они тоже нестандартного размера. Ну или, проще говоря, раза в два больше, чем обычные. Широкая кровать, заправленная покрывалом лавандового цвета. Провожу рукой. Такое мягкое. И цвет мой любимый. Тяжелые по виду шторы в цвет покрывала.

Вдоль одной из стен широкий шкаф. Я насчитала четыре двери. Обалдеть! Никогда таких не видела.

— Дверь в санузел. Он совмещенный. Если захочешь сходить, предупреждаешь Тима и идешь. Ксюш, я тебя прошу. Понимаю, что ты стесняешься и все это, — обводит комнату глазами, — тебе непривычно. Но у нас сейчас вариантов немного. Потерпи немножко, ладно? Я скоро буду.

Целует и выходит, подмигивая. А я так и полулежу, боясь сдвинуться.

— Загрузилась? Не переживай, если ты из — за Егора. Он не обидит.

— Да я... я знаю... Просто... Для меня это все как — то...

— Неожиданно?

— Угу.

— Для нас тоже было дико, когда Егорка поплыл. А он сразу влип. Не знаю, говорил тебе или нет. Еще на озере тебя увидел когда. Он же думал, ты замужем, дети у тебя. Дейв говорит, с ума сходил. Они вместе тогда ездили. А когда ты утром ушла... в общем, я немного в курсе, потому что видео с камер помогал достать... Его ж капитально накрывало.

— Тим, — трогаю его за руку, когда он подсаживается на кровать. — Ты думаешь, у него со мной... серьезно?

Никак не могу найти нужных слов. И никак не могу полностью отпустить предчувствие, что что — то может произойти. Стремительно меняется моя жизнь. Я к такому не привыкла. И постоянно ищу подвох.

— Красиво он тут поменял все. Я еще не видел, Дейв рабочих засылал. — Тимур переводит внимание на меня, показывая рукой на окна. — Как ты думаешь, серьезно или нет, если он не просто узнал цвет твой любимый, он еще и спальню вам переделал. Девчачью комнату сам покажет. Мне не велено прикасаться без острой необходимости. Так что с обмороками повремени, не хочу фингалом светить.

Тимур встает и подходит к окну, вложив руки в карманы брюк.

— Я знаю, что такое любить. Сам люблю, аж сердце останавливается. Пропадаю в ней. И Егор тебя любит. Это видно. Не влюбленность, когда море по колено, а гормоны кан — кан пляшут. Нет. У него серьезные чувства. Вообще — то он сам должен говорить с тобой про это. Но так и быть, побуду Купидоном. После вашей ночи он ни с кем не был. Это я точно могу сказать. Сначала с матерью вечера просиживал, потом тебя искал. Это много значит, Ксюш. Мужик готов хранить верность в одном случае, если отдал сердце. Высокопарно, может, звучит, но так оно есть. А Егор точно отдал. Он же дышит тобой. И это, ты ему не рассказывай, но я очень рассчитываю выпить в ближайшее время за твое «да».

Егор.

Дейв долго смотрит на два детских кресла сзади и молчит.

— Жги давай и поехали.

— Уверен в себе? — Вместо привычных подколов, друг сегодня настроен серьезно.

Барабаню пальцами по рулю, прежде, чем ответить. Я и себе этот вопрос не один раз задавал. Все-таки не просто ответственность беру, а за чужих детей. И это еще не все, просто забрать на несколько дней. В перспективе оформить опеку над ними. В том, что их отец документально отречется даже сомнений нет. Деньги решают всё. Особенно с такими, как он.

— Я серьезно настроен с Ксюшей. Еще там, в больнице понял, что не отпущу. Дебильное сравнение, конечно, но будто сердце вырвали, когда она ушла. Если так нужно, чтобы две мелкие девчонки жили с нами, значит, приму это.

— А она? Готова?

— Она любит, — отвечаю просто. Мне кажется, все остальные слова уже лишние.

Давид тоже это понимает и надолго отворачивается к окну. Я понимаю, о чем он думает. Но в душу не лезу. Хоть сам он и не расскажет. Вся эта его бравада, цепочка женщин в постели — это маска. Только близкие друзья знают, какой Дейв настоящий. И только несколько человек на земле знают, почему он закрывается от внешнего мира. Один раз он привязался к сестре нашего общего друга. Молоды были, влезли в тот мир, в котором совершенно иные законы. Девочка сильно пострадала. А Давид заикнулся. Тема эта — табу.

— Нервничаю, как в первый раз, — перевожу тему. Знать одно, а видеть загруженным друга даже как-то больно. Только в женских романах мужики гнут руками подковы, сражаются с врагами и ничего не боятся, стиснув зубы. В жизни наше сердце точно также качает кровь, у нас есть свои страхи и переживания, и также болит душа за своих близких. Просто в мужском мире об этом не принято говорить.

— Боишься, что бойкая малышка тебя уделает? Как её зовут?

— Старшая Даша, младшая Маша. Скорее, тебя, дядя ты без мозгов. — Смеемся, вспомнив любопытную особу.

— А едем мы?

— За ксюшиной подругой, Людмилой. Ты это, — сразу предупреждаю, — перья не расправляй. Мне с Ксюхой проблемы не нужны.

— Красотка?

— Брюнетка, — отсаживаю друга. Вот не любит он темноволосых.

— Черт. Пора пересмотреть свои принципы. Вдруг она моя судьба? А ты мне сразу палки в колеса.

— Слышь, судьба, ты мне на все выходные нужен.

— Я понял, понял. Мульты, молоко, лото. Ну чё, практически джентльменский набор. У меня, кстати, в машине коробки с конструкторами. В магазине сказали, все дети любят.

— Ооо, да ты тоже готов. У меня багажник забит играми.

— Вот и стали мы на жизнь взрослее, да, Егорушка?

— Да, мамочка.

Дейв тянется дать тычка, то мы уже тормозим у нужного дома, где у парадной мается

Мила. В руках объемная сумка.

— Привет, Мил. — Выходим оба на улицу. Дейв подхватывает вещи. — Мой друг Давид. Это Мила.

Представляю их друг другу.

— Сумка куда?

— Я на сутки сразу от вас поеду. И там еще сменные вещи девочкам, давай сразу тебе переложим? — Достает пакет. Два дебила это сила. Про игрушки подумали оба, а про одежду ни один.

— Какие размеры? Я вечером смогаюсь или закажу.

— Лучше у Ксюхи спроси. Я собрала, что они оставили, когда были.

Переложив пакет, устраиваем Милу сзади, переставив кресла. Хорошо, машина широкая и места сзади много. Как раз для третьего. Ловлю себя на мысли, что это настолько естественно, настолько уже привычно. Хотя прошло времени — то всего ничего.

Дорогой молчим. Мила виснет в телефоне, Дейв по — прежнему в глубокой задумчивости. Или готовит очередную пакость. Это по паспорту ему тридцать один, мозгами он в детском саду застрял. Нет, стулья, конечно, клеим не мажет, но поменять у секретарши сахар на соль вполне в его духе.

— Мил, как вообще девочки к чужим относятся? — Решаю разбавить тягостное молчание. В конце концов, я нервничаю. Да, и не скрываю этого. Мне жизненно необходимо найти общий язык с двумя крохами, чтобы моя женщина спала спокойно и не дергалась.

— Как все дети их возраста. С опаской. Хотя Дашка более раскрепощенная. Тянется к людям. Но держит на расстоянии. А Маша даже к отцу родному не идет.

— Да, Ксюша рассказывала. А любят что? Во что играют?

— Егор, ты серьезно сейчас? — Мила даже глаза от телефона поднимает и пялится на меня в зеркало заднего вида. — Какие игрушки? Ты видел, как они живут? Ксюха, конечно, изо всех сил старается, но уж с игрушками у них дефицит. Любят то, что у них есть. Зато относятся бережно. Хоть и маленькие, а понятливые...

Давид отвлекается от вида за окном и прислушивается. По глазам вижу, уже сделал свои выводы.

Стыдно. Черт, как же стыдно. Не за нелепый вопрос, нет. Не за то, что не подумал. За себя. Отчего — то именно сейчас вспомнил, какие суммы мы обычно оставляем в клубах. А здесь девчонка выживала, не имея возможности подарить детям...

Срочно захотелось дать выход эмоциям и разбить что — либо. Ну или «почесать» кулаки. Но вместо этого осталось сцепить зубы и упрямо двигать вперед. Тем более, ворота сада уже видно впереди.

— Я думаю, мне стоит пойти одной, а вам подождать здесь? — Мила выбралась из машины, не дождавшись, пока кто — то из нас откроет дверь.

— Разумно, — согласился Дейв, высматривая что — то на экране смартфона.

— Ни хрена не разумно. Во — первых, воспитатели должны меня знать. Теперь знать. Во — вторых, Дашка и Машка быть в курсе, что я их забираю. И, в — последних, может, и сад надо что — то. Ксюша ж не скажет. Ай, — машу рукой, направляясь к входу. Мне сейчас словами не выразить всю ту гамму чувств, то изнутри разрывает. Мало было беспокойства.

***

С улыбкой наблюдаю, как малышня с визгами носится по квартире, гоняя Давида и Тимура. Спорный вопрос, кто больше веселится.

— Не думала, что вы так быстро найдете общий язык.

Ксюша сидит на диване в гостиной, куда я ее перенес, как только мы приехали. Может, от десятка лишних шагов и ступеней и не будет никаких проблем... но рисковать я не позволю. Если честно, мне действительно нравится ее носить. Нравится, как доверчиво прижимается ко мне и обнимает руками.

— Оно само как — то. Даша Дейва вспомнила, а уж когда он присел на корточки и поцеловал ей руку, она растаяла тут же. Всю дорогу с ним болтала.

— А Маша за сестрой. Она всегда за ней тянется.

— Егор, ты уже отдохнул?

Неугомонная зажигалочка тащит за руку, призывая снова начать их катать, как лошадка. Колени с непривычки ноют, но я покорно опускаюсь, позволяя себя оседлать. Тим хохочет, глядя на мои мучения. Ровно до того момента, пока Маша не заставляет его приземлиться рядом.

— Кажется, мы вполне нашли общий язык, — Давид прислоняется к спинке дивана, снимая наши «скачки» на видео. — Ксюш, у тебя еще сестер нет? Нам бы Артика пристроить.

Ксюша мотает головой, не переставая охать и улыбаться. Когда у «лошадок» заканчиваются силы, нас отпускают «попасться в поле». Но вместо травы и сена ставят на стол суп, заботливо разогретый Дейвом. Все — таки ему очень бы пошла роль отца. Не забыть бы подстебнуть при удобном случае.

— Я выжат, как лимон, — падаю на кровать животом, распрощавшись с друзьями и уложив мелких бандиток. Они спокойно легли и, выслушав корявое чтение сказки, заснули. Набесились и устали.

Единственное, с чем мы не справились, это мытье. Мне было неловко мыть девочек, хоть они и маленькие. Да и опыта ноль. У Дейва есть опыт, но он сорвался, потому что Натали заявила к нему и погромила кухню. А Тим, как и я, не смог перешагнуть невидимые границы. Пришлось довольствоваться умыванием и чисткой зубов, а на завтра решено поставить в ванной кресло. Ксюша могла бы сидя смотреть за сестрами.

— Еще бы. У тебя наверняка такого опыта еще не было, — Ксюня нежно гладит по волосам, а я едва не мурлыкаю, как кот.

— Откуда бы. Я детей — то маленьких издавека видел.

— Жалеешь? — Голос звучит тихо — тихо, а руки на моих волосах дрожат.

— О чем?

— Что связался со всем этим. У тебя была хорошая и веселая жизнь, а тут мы... с проблемами...

Перекатываюсь на спину и подтягиваю свою глупышку поближе.

— Ксюш, тебе не нужно сомневаться в моих чувствах. Для меня и самого все быстро и неожиданно, но с другой стороны, подумай: что за любовь, когда люди притираются и привыкают друг к другу годами? Мне кажется, или сразу искрит, или уже никогда.

— Я не знаю... я никогда не любила...

— И я никогда. Но увидел тебя и понял. Внутри отозвалось. Черт его знает, может, это душа, или сердце, или есть еще органы, отвечающие за чувства.

— Но у тебя ведь были девушки...

— Были. И не спорю. Не скрываю. Я взрослый мальчик, моя хорошая. Но это прошлое, которое не изменишь. Ты еще в начальной школе училась, когда я заканчивал выпускной

класс.

— А ты хорошо учился?

— Хорошо. Но был распи... разгильдяем, в смысле. Мать постоянно в школу вызывали.

А ты?

— А я хорошисткой и моих родителей не вызывали. А когда папы не стало, выбилась в отличницы. Ему всегда хотелось видеть меня лучшей.

— Скучаешь по нему?

— По нему да. И по маме... но только по той маме, которая раньше была. Когда... — Моя ягодка вытирает слезы, качая головой. — Когда папы не стало, рухнуло все. Не просто мир перевернулся. Сначала мама начала пить, потом связалась с этим...

— Не надо, Ксюш. Не вспоминай. Теперь есть я. И я рядом. Никому тебя не отдам. Никому, слышишь?

Сцеловываю слезинки, прижимая к себе теснее. У меня нет правильных слов, чтобы объяснить все, творящееся внутри. Но, кажется, Ксюше хватает тех обрывков, которые вытаскиваю из себя. Сейчас бы переключить ее на другое, но такую горечь ничем не сотрешь. Просто баюкаю свою девочку, надеюсь, что она успокоится и уснет. А уж утром я точно что — нибудь придумаю. В конце концов, у меня теперь целых два союзника.

Ксюша.

Ни в самых смелых мечтах, ни в фантазиях не представляла, что мои сестры не просто примут Егора и его друзей (их тем более!), но и так привяжутся к мужской компании. Конечно, им не хватает папы. Я же видела не раз грусть в глазах после игр с чужими семьями. Но мне казалось, тоска и вопросы начнутся позже. К тому же, отец у девчонок есть. Условный, скажу честно, но есть. Даша даже умудряется с ним гулять. Точнее, умудрялась. Чем ближе был конец лета, тем злее и жестче становился Иван.

Сколько времени прошло, как я сестер увезла? — А он по сию пору не объявился, не позвонил хотя бы. А ведь документы на сад подписывал и мог запомнить. Ну и телефон мой есть у него. Только с уходом мамы мы стали неинтересны отчиму. Родных детей воспринимал, как обузу ненужную. Мне кажется, он рад даже, что мы исчезли из его жизни. Хотя он пользовался моими деньгами, но я уверена, нашел другой источник. Плюс, детские перечисления поступают ему в полное распоряжение.

Наши первые совместные выходные прошли как праздник. Естественно, малышки рыдали, и уезжать не хотели. Дашка так вообще вцепилась в Давида, не давая тому уйти. Егор вскользь обронил, что там проблемы дома, бывшая — настоящая буянит. Я ничего не поняла, а вопросы задавать постеснялась.

Сегодня новая пятница и врач опять с укоризной смотрит на мои сборы. Есть некоторые послабления: мне уже можно одеваться стоя. Но постельный режим никто не отменял. Вздыхаю, конечно. Егор мое огорчение ловит и улыбается:

— Мне тяжелее, а держусь. Любимая девушка под боком, постельный режим и... нельзя ничего...

Он строит такую огорченную моську, что я смеюсь. «Тебя запреты совсем не останавливают», — хочется сказать ему, но в памяти всплывают такие картинки, от которых я смущено краснею. И молчу.

— М, а мне нравится ход твоих мыслей, — Егор уже рядом и привычным жестом обнимает за талию. — И шумоизоляция дома прекрасная.

— У тебя все мысли про одно.

— Я вообще — то думал про игры в лошадку. А кто — то пошлит, и меня в такие же записывает, да, малыш?

И смеется. Я обратила внимание, что в последние дни, когда пришли результаты анализов, Егор чаще стал смеяться. И вообще расслабился. Нет, он по — прежнему ночует в палате, но стал более спокойно уезжать по делам, и перестал нервно вышагивать по коридору в моменты капельниц. Тарас Алексеевич обещал выписать на будущей неделе при сохранении положительной динамики.

И вроде все хорошо. И налаживается. Но...

Но... одно дело бывать у Егора на выходных... и другое — переехать к нему, как настаивает Егор. Да, во мне снова буря из противоречий. Да, двойные стандарты и прочее. Учитывая, что мы вместе безвылазно две недели, и пребывание в больнице оплачивает он.

А тут — то дом. Святая святых. Крепость его...

И я... Ну кто я такая? В качестве кого я там буду?

Вообще — то эти мысли тоже не с пустого места. К Егору заезжал друг, Артур, со своей

девушкой. Тот самый Артур, которого я видела на пикнике. Теперь мне стали понятны его косые взгляды. Егор объяснил. В доме Антона Арт тоже был, но я его совершенно не помню. Да и не это важно. Артур был со своей невестой, Инной. Мне она показалась милой девушкой. Пока...

Пока не отошла поговорить по телефону. Нет, специально я не прислушивалась. Обрывки фраз «как инкубатор», «не ровня», «не того круга» прочно засели в голове. Как бы я не боролась с собой, но спроецировала разговор на себя и... и поняла, что попала в точку... Может быть, сейчас Егору и интересно. Экзотика для богатого паренька. Возможность побыть спасителем. А на деле...

Только вот отношение к моим сестренкам не вписалось в концепцию. Но и тут нашлось объяснение: любит детей.

Я запуталась. Правда. Очень запуталась.

Потому что с каждым днем Егор все сильнее проникает в сердце. Да что говорить, он полностью его заполнил. Заботой, нежностью. Даже своими «люблю». А все же нет — нет, да проскочит мысль. И почему — то чем ближе выписка, тем чаще проскакивает.

— Ты готова, Ксюнь?

— Да, я уже собралась.

На мне опять синее платье. Что и в прошлый раз. Подсознательно не надеваю другие. Все равно присутствует ощущение, что это не мое.

Стоит подумать про это, слезы начинаю собираться в глазах. Моргаю, запрокидывая голову.

Ну что я буду делать, если в один из дней он просто исчезнет? Если ему надоест?

— Что на этот раз? Кого жалко?

Ну да, накануне вечером я расплакалась, увидев в рекламе фиолетовых коров. Я представила, как им больно было краситься и смывать краску, и Егору пришлось минут двадцать объяснять про фотомонтаж. Не то, чтобы я этого не знала. Но коров было жаль.

— Никого.

Хочу добавить «себя», но слезы только сильнее текут. А что, закапывать себя, так по полной. Пусть лучше сейчас видит, с какой истеричкой связался. Во мне не просто противоречия бушуют, а глупость на тупости сидит, и друг дружку подгоняют.

— Я читал, конечно, что у беременных гормоны шалют, но чтоб так. — Егор терпеливо стирает слезы, а меня прорывает. Я честно хочу рассказать все свои мысли и переживания, только вместо слов выдаю мычание и новые соленые потоки.

Со вздохом усаживает на кровать и идет наливать воды. Зубы стучат о край стакана, а я никак не могу взять себя в руки.

— Раздевайся.

— Ч — ч—что? — Даже рыдать перестая, поднимая удивленный взгляд.

— Что, что. Раздевайся, говорю. Похоже, есть только один способ тебя отвлечь и привести в чувства.

— Я... я...

— Ты, ты. Или берешь себя в руки, и едем за мелкотой и за мороженым. Или раздеваешься, доверяешься личному доктору, а потом бегом едем за девчонками. Уже без мороженого. Потому что доставку привезут ко времени.

Шантажист.

И мороженое я тоже хочу.

Вытираю руками слезы и встаю.

— Вот так всегда. Сама без сладкого и меня оставила на голодном пайке. Не надейся вечером быстро уснуть — поняла меня, нытинька?

— К — к—кто?

— Ты. Маленький нытик. — Подхватывает на руки, не позволяя по — прежнему перемещаться самой, и бухтит. — Это надо, меня на мороженое променяла. И не постеснялась. Малой, ты бы маме там дал понять что ли, что папа не железный. Вчера уснула, сегодня снова слезы. Я скоро рядом пристроюсь и рыдать начну. Коров пожалели, еще бобер и жираф остался. Как думаешь, ему не больно радугой доиться? Он мальчик все — таки.

Хрюкаю от смеха, утыкаясь в плечо. Такое надежное, крепкое и... такое родное...

Родное... слово — то какое. Теплое. Домашнее. Как Егор.

На ноги ставит только возле машины, чтобы открыть дверцу. А я вдруг решаюсь. Беру его лицо в ладонки и поворачиваю к себе. Смотрю в глаза серьезно. Пытаюсь в них прочесть...

— Егор...

— Стой. Я знаю всё, что ты скажешь.

— Не знаешь. Я хочу спросить. Только честно...

Он кладет палец на мои губы и не дает произнести слова.

— Подожди. Не надо, Ксюш.

Теряюсь, а внутри начинается паника. Вот он, тот момент, которого я так боялась. Допрыгалась со своими истериками и сомнениями. Мужчине надежный тыл нужен, а я расклеилась. И проблем куча.

— На меня смотри. Лучше не моргай.

— Что?

— Бл... блин, в смысле. Не так все должно было быть. Но чую, момент самый что ни на есть. Ксюш, я вообще не страдаю косноязычием, но не готовился и... — Егор в волнении ерошит волосы. А я реально не моргаю. — Короче... И сказать не сложно, а как бы все покороче, чтобы ты поняла и не накручивала себя...

— Это... это всё, да?

Шепчу пересохшими губами.

— Подожди. — Усаживает меня, вспомнив, видимо, что долго стоять нежелательно. — Я не дурак и понимаю больше, чем ты говоришь. В общем, вот.

Разжимает кулак, который был сжат весь разговор.

А там...

— Что скажешь?

А что я скажу, если опять плачу?

— Знаю я, не то место. Вообще хотел романтично чтоб было. Но... Ксюш?

— Сейчас. Я сейчас. — Глубоко дышу, останавливая слезопоток. Уже и стыдно, и злюсь на себя. А гормоны словно план решили перевыполнить по месячной норме осадков.

Смотрю на колечко, все еще лежащее на раскрытой ладони. Миниатюрное произведение искусства. Тонкий ободок с гравировкой... Прищуриваюсь, чтобы рассмотреть, не показалось ли.

— Это?

— Это предложение руки и сердца. Хотя с такой формулировкой я в корне не согласен.

Ну что ты будешь делать с двумя органами? Ладно б, другое что — то принято было отдавать женщине в дар. Бред несу, да? Это от волнения. Короче, Романова, давай поменяем тебе фамилию на Керро? И меня в придачу забирай, а? Я ж не смогу жить без тебя.

— Это самое оригинальное предложение, я уверена.

Егор играет бровями и показательно дует губы: — Что, уже были претенденты?

— Ты же знаешь, что первый. — Его глаза стремительно темнеют, а я шепотом добавляю: — Во всем.

Наклоняется ко мне, прижимаясь своим лбом к моему: — Хочу быть единственным. Только я. Да?

— Да.

Не меняя положения, нащупывает мою руку, и я чувствую, как надевает кольцо на палец. Сердцебиение просто зашкаливает. Перестраховался, выбрав местом предложения парковку больницы. Чтобы откачать успели.

— Ууууф. Не думал, что так страшно ждать ответ. Сердце чуть не остановилось.

— У меня наоборот, выпрыгнуть готово.

Жду, что поцелует. Но он широко улыбается и отходит на шаг назад.

— А... — Хочу спросить, почему.

— А с мороженым кто — то в пролете.

Гад.

Хлопаю глазами, вообще переставая понимать, что происходит. Мне только что сделали предложение. Я... я теперь что, невеста?!

Егор устраивается за рулем и поворачивает голову, не трогаясь с места.

— Ксюш, ты расстроилась?

— Это от...

— Неожиданности?

— От счастья. А почему, — решаю все — таки спросить, — ты не поцеловал?

— Потому что остановиться не смогу, глупышка моя.

Ксюша.

Вторая неделя в статусе невесты пролетает незаметно. И вроде бы внешне ничего не меняется, но внутри я не я. Внутри растет новый человек. И это не Максим Егорович, пр которого болтает Егор. Это новая я. Более спокойная, уверенная в себе. А самое главное, уверенная в своем мужчине.

Он окружает вниманием постоянно. Если я боялась, что после выписки жизни изменится, то явно зря это делала. Он не стал относиться хуже или холоднее. Отнюдь. Мы по — прежнему много времени проводим вместе. Просто читаем, смотрим фильмы. Или Егор работает, а я лежу рядом и сплю. Сплю много. Усталость сносит с ног. Но это нормально, хотя и непривычно.

В институт меня не выписали, поскольку передвижения все еще ограничены. Но хотя бы в пределах квартиры можно. Пользуюсь этим первые дни для изучения нового места. Дашка с Машкой проводят экскурсию. За те выходные, которые они провели здесь, влезли во все уголки. Дарья раскрутила свою любовь на балдахин над кроватью, проныв весь день, что принцессам не положено спать без такой важной детали. И как я не просила, Давид слушать не стал, приволок эту деталь интерьера, покоров юную особу окончательно. Она даже в саду рассказывает о своем женихе. Это мне со смехом рассказал Егор, забиравший их в очередную «увольнительную».

Как только у меня будет больше свободы перемещения, девочек переведут в садик у дома. У самой сердце кровью обливается, отдавая на неделю сестер. Но что Егора этот момент так проберет, не ожидала. И безумно ему благодарна за поддержку и принятие моей семьи и... моих проблем...

«Наших общих», — заявил он накануне, закатив глаза. Правда, быстро переключился на кое — что другое. От чего до сих пор щеки краснеют, а дыхание перехватывает.

— Ксюш, — слышу грустный голос в трубке. — Мальш, мне срочно в Смоленскую область надо по работе, заночую на месте. Ты без меня не скучай, ладно? Вечером Тим заглянет, проверит, как ты. Если надо, останется ночевать, чтобы не боялась.

— Ух... — А вот сейчас я очень расстроилась. Очень — очень. Одна здесь я еще не оставалась. На ночь в смысле. Днем — то уже привычно, хотя первые дни дергалась.

— Сам знаю. Но других вариантов нет вообще. Север не успевает прилететь, рейс задержали. — Этого неуловимого друга Егора я еще не видела, но парни постоянно про него говорят. Насколько знаю, сейчас он улетел по делам общей фирмы куда — то на север страны.

— Ты только пообещай быть осторожным, ладно? — Прошу, загоняя слезы в дальний угол. Ему ехать, а тут я своими истериками. — Ты один едешь?

— Один, да. Всего восемьсот километров, но, боюсь, обратную сразу не осилю. Там неизвестно сколько провожусь.

— Егор... ты мне только звони, ладно?

— Ксюнь, не вздумай плакать. Поняла меня? Помни, что я тебя люблю.

Слышу фоном чужие голоса и понимаю, что его уже дергают.

— И я тебя. Очень — очень люблю.

Он еще раз напоминает быть умницей и отключается. А я, смахнув предательские

капельки, аккуратно ползу вниз на кухню. Именно ползу, потому что пару раз на лестнице голова кружилась, и Егор просил максимально избегать ступеней. Даже спальню временно хочет перенести на первый этаж.

Занимаюсь готовкой. Раз Тимур заедет, наверняка есть захочет. Его девушка хорошо готовит, но, насколько знаю, сейчас они в ссоре и он приезжает хмурый и голодный. Я ее еще ни разу не видела вживую, только фотографии. Но знаю, что Тим безумно ее любит. Он даже когда говорит о ней, голос меняется.

Как раз вытаскиваю рыбу из духовки, разворачиваю фольгу, когда раздается звонок в дверь. Внизу этого невероятного дома сидит охрана и пропускает только тех людей, которые есть в списках. Как — то к Егору заезжала секретарша, он спускался вниз, чтобы забрать документы. Распахиваю дверь, широко улыбаясь. Готовлюсь к очередному потоку шуточек. Каким бы расстроенным Тим не приезжал, на добрые подколы у него настроение находится всегда. Я даже привыкла и уже жду этого.

Улыбка сползает с лица, стоит только увидеть стоящего на пороге человека.

— Ну здравствуй!

Пячусь назад и мямлю «здравствуйте», сжимая в кулак пальцы. Очень жалею, что на мне домашнее платье без карманов, а телефон остался на кухне на подоконнике. Или вообще в зале у телевизора. От испуга вспомнить не могу.

— Не бойся, милочка. Я поговорить пришла. Надеюсь, ты умная девочка и глупостей не наделаешь. Присаживайся, — бабушка Егора кивает на высокий стул, надвигаясь на меня.

Неловко залезаю, пытаюсь сжаться в комок. Как же сейчас не хватает поддержки... да хоть чьей — то поддержки! Какой может быть Ирина Иосифовна я помню до сих пор...

— Молчишь? Правильно. Помолчи. А я говорить буду. — Она по — хозяйски проходит по кухне, доставая чашку и наливая себе чай. Бегло окидывает взглядом блюдо с запеченным картофелем и рыбу. Я так и не успела выложить ее. — Освоилась, смотрю?

Как в плохом сериале, в зале слышна мелодия. Мой телефон. Хочу слезть со стула, чтобы найти и ответить, но женщина машет рукой, давая понять, что с места лучше не двигаться. Это странно, но я ее боюсь. Если она унижала меня за ночь с внуком, то на что способна сейчас? Стараюсь медленно вдыхать и выдыхать, помня о ребенке. Мне нельзя нервничать. Нельзя нервничать. Повторяю про себя как мантру, но на деле же паника успевает расползтись по всему телу.

— Егора нет, — прорезается голос.

— Я знаю, милочка. Знаю. Поэтому и пришла. Пусть мальчик решает проблемы, это его работа и его будущее. Будущее хорошего мальчика, Оксана. *Хорошего*.

Она давит голосом на последнее слово. Что хочет этим сказать? Что я порчу ее внука?!

— Я...

— Сначала я. У Егора прекрасная семья. С фамилией, с традициями, со своим кругом общения. Ты же не глупая и понимаешь, что никак не относишься к таким людям? Я не против развлечений для здоровья. Была не против. Но сейчас, когда у Егорушки есть невеста, весь ваш перфоманс негативно может отразиться на их жизни. Девочка переживает. Слухи ползут. Поссорились ребята. Но тем горячее мириться будут.

Что?! Какая невеста? Мой приоткрытый рот говорит сам за себя.

— Не знала? В духе внучка. Еще в старшей школе у них забава была, кто больше девочек соблазнит. Внук никогда не проигрывал. — С такой гордостью произносит. А у меня ком в горле увеличивается, не давая нормально вдохнуть. — Это по молодости. А сейчас он зрелый

мужчина. И женится на девушке своего статуса. Светочку вся наша семья любит. А ты... Оксана, если ребенок действительно Егора, мы не звери и не откажемся от него. После двенадцатой недели проведем тест на отцовство. Если он подтвердится, мы обеспечим тебе достойные условия доносить ребенка. Но учти, дальше из жизни дитя и моего внука ты должна будешь уйти. По — хорошему уйти, Оксана.

— Я... — голос совсем осип. Я еще не осознала всего сказанного, зависнув где — то между словами «невеста» и «женится». Медленно доходит угроза...

Бабушка Егора достает смартфон и ловко открывает галерею. Не хочу этого видеть, но вижу. Смотрю. Красивый мужчина. Чужой. Не мой. С красивой женщиной. На празднике, на природе, дома. Она листает и листает, а у меня начинает голова кружиться от этого калейдоскопа. Меняются места и наряды, но неизменными остаются счастливые лица пары. Пары...

— Понимаю, милочка, ради чего решилась на это все. — Ирина Иосифовна обводит рукой помещение, задерживаясь на остывающем ужине. — Понимаю. Тяжелая судьба, сестры на шее. Вот о них и подумай. Можешь даже сумму озвучить в разумных пределах, которая поможет тебе исчезнуть. Подумай, милочка. Хорошо подумай.

Женщина идет к двери, а я сижу, словно приклеенная. Двух слов сложить не могу. Только головой мотаю из стороны в сторону.

— Если исчезнешь сейчас, я готова удвоить сумму, Оксана. Детки у Егора еще будут. В браке рожденные. Может быть, не стоит ждать теста, да? Если дорожишь сестрами своими, примешь верное решение, я уверена. И промолчишь о нашем маленьком секрете. Ты же не хочешь, чтобы девочки оказались в детском доме? В другом городе? Одни, Оксана. Совсем одни. А лучше в разных, да?

Зажмуриваюсь, чтобы больше не видеть это лицо. Наверное, лучше бы уши закрыть, чтобы не слышать. Но в голове шум, который и так поглощает все внешние звуки.

Не знаю, сколько так сижу, пытаюсь осознать. Невеста. У него есть невеста... А я? Кто тогда я?

Играл на девушек в школе... Егор? Этот улыбчивый парень, который носил меня на руках и кормил пирожными? Тот, который шептал о любви темными ночами и так сладко целовал...

Свой круг... Смотрю на кольцо, надетое Егором. Тоже круг. На губах проскакивает усмешка. Не круг, а ноль... ноль — вот мое место в жизни этого человека.

Для которого поиграть в рыцаря, притвориться заботливым, всего лишь роль. Хотел своей невесте что — то показать?

Разве может человек так играть? Так хорошо носить маску?

Может. Я же знаю, что может. И боялась этого. Не зря, выходит.

Кольцо начинает нестерпимо жечь руку, и я срываю его. Хочу выбросить, но рука не поднимается. Это не моя покупка, не мои деньги. Будь они прокляты! Кто придумал эти бумажки, которые так спокойно позволяют делить людей на разные классы?!

Медленно иду в ванну. Кладу кольцо на полочку. Повинуюсь порыву и пишу на зеркале два слова. Хочу стереть, но останавливаю руку. Пусть будет. Оборачиваюсь на шум и спешу в прихожую. Бабушка вернулась?

Нет. Тимур. Взъерошенный, глаза испуганные.

— Ксюша, твою мать. Ты чего трубку не берешь?

А я и забыла...

— Извини, Тим. — Горжусь собой. У меня даже получается улыбнуться. — Ужин готовила. А телефон забыла здесь.

Прохожу, показывая аппарат. Мельком смотрю на экран. Пропущенные звонки от Егора, Тимура. Еще сообщения. Смахиваю уведомления, не читая.

— Ужинать будешь?

— Давай. На работе задолбался, потом к тебе гнал как сумасшедший. Ты б с собой носила? — Показывает на мобильный. — Егор не мог дозвониться, переполошил всех. А если бы тебе плохо стало?

— Мне хорошо, Тимур. Хорошо.

Так хорошо, что в окошко выйти хочется. В груди горит. Кладу ладони на живот, гоня от себя плохие мысли. Вся ночь впереди... чтобы подумать...

— Болит? — Тимур ловит мой жест.

— Что? — Смотрю вниз. — Нет — нет, это привычка. Постоянно хочется защищать.

Грустно улыбаюсь. А внутри... внутри я мертва. Правда. Вдохнула, а с новым вдохом уже не смогла стать прежней. Не знаю, откуда силы говорить. Не знаю.

Может, где — то огонек надежды есть?

— Тимур, кто такая Светлана?

Он внимательно смотрит, откладывая вилку с ножом. Складывает перед собой руки замком и спрашивает: — Ты откуда про нее знаешь?

— Знаю, — пожимаю плечами. — Она правда невеста Егора?

— Светка к тебе приходила что ли? Он не делал ей предложение вроде, так... жили вместе... Но...

— Этого достаточно, Тим. Я просто спросила. — Сглатываю. Не хочу слушать больше подробностей. Еще один обманщик. Такой же, как все они. — Извини, Тимур, я очень устала и хочу спать.

Пусть невежливо, но как поступили со мной... плевать на их этикет. Я же в их глазах поломойка. Девочка для игр.

— Мне остаться? — Смотрит исподлобья, изучая мое лицо. А я отца и мать похоронила. Побой отчима терпела. Неужели не смогу улыбнуться? Смогу. Сейчас... одну секундочку...

— Нет. Я буду есть мороженое и смотреть фильм, а потом засну. Или сразу засну.

И улыбаюсь. Широко. И очень надеюсь, что сейчас улыбка не похожа на кривой оскал.

Тимур еще несколько секунд вглядывается, потом благодарит за ужин и дет к двери.

— Телефон держи при себе. Егор звонить будет.

Закрываю дверь, привалившись к ней спиной.

Невеста...

— Мил, — набираю подругу. — Не задай только вопросов. Приедь ко мне. Сейчас.

Наверное, по голосу Милка понимает, что все серьезно, потому что уже через сорок минут она стучит в дверь. А я так и сижу в прихожей, привалившись к ней спиной. Удивительно: я плакала из — за коровы, но сейчас в глазах сухо. Только горло по — прежнему давит спазм.

Методично сбрасываю входящие вызовы. Пишу Егору, что устала и засыпаю на ходу. И отключаю телефон.

Подруга с порога понимает, что все плохо. Мне хватает нескольких фраз, чтобы Мила рванула наверх.

— Стой на месте. Сейчас.

Минут через десять спускается, неся в руках мою старую одежду.

— Переодевайся.

Механически совершаю действия. Думаю ли о чем — то? Да и нет. Там на заевшем повторе крутится одна мысль: за что?

— Девчачьи вещи где? В шкафу?

— В их... в той спальне, — выдавливаю слова.

Я уже поняла, что она делает. Сама собиралась. Поэтому и позвала подружку. Если бы Тимур сказал, что ничего знать не знает, я бы, наверное, позвонила Егору. Или дождалась бы его и спросила. Но... но Тимур знает... *жили вместе...*

— Впервые рада, что у вас вещей мало. Давай сюда.

— Сама.

Аккуратной стопочкой складываю всю одежду. Кладу на комод. Окидываю взглядом квартиру. Прощаюсь. Больше сюда не вернусь.

— Будь счастлив, Егор, — шепчу, выходя и хлопывая дверь.

Милка сзади идет с дорожной сумкой и пыхтит. Пытаюсь перехватить, но она только отводит руку.

— Сейчас ко мне, расскажешь нормально.

И мы едем к ней. Родители уже спят, а мы, сидя на кровати подружки, говорим, говорим, говорим... плачем и снова говорим...

— В Вырице у маминой подружки дом. Там одна комнатка всего теплая и веранда, но вам хватит. — Мила тащит ключи. — Она к дочери уехала, попросила присматривать. Вот и присмотришь. Дрова, правда. Но на первое время есть, а потом купишь. Утром в ломбард заедем, сдашь все. Потом я придумаю что —нибудь. Не ссы, Ксюха, прорвемся. Не впервой же, да?

Толкает плечом, пытаюсь придать голосу бодрости. Но обе мы понимаем...

— Давай, малой, потерпи. Раз уж выбрал родиться, — она кладет руку на живот. — Плоский еще. Может, на работу там сможешь устроиться. Более — менее спокойную только, Ксю. А я приезжать буду.

— Мил...

— Знаю я все. Знаю, Ксюх. Когда я пропадала, ты тоже со мной была. Для этого и есть друзья.

Друзья... У Егора тоже есть. Те, кто готов был подыграть ему...

Закрываю глаза, а открываю, вздрагивая от хлопка двери.

— Не дергайся, мама ушла. Давай тоже собираться.

Выгребаем все наши вещи, оставленные когда — то здесь. В квартиру Егор не хотел их брать, но хозяйственная Мила собрала всё, сохранив.

Ломбард, сад, вокзал. Все слилось в одну сплошную. Даже малышки притихли, чувствуя момент. Даша пыталась рыдать, спрашивая где Егор и Дейв, но Мила, присев, объяснила про плохих дядей и плохие игры. Дашка замолчала, переваривая. Я обязательно с ней поговорю. Мне самой бы только осознать.

— Поняла, куда идти?

— Поняла, Мил. Я же не дурочка.

— Молодец. Теперь давай сим — ку свою.

— Зачем?

— За надом. Книги что ли не читала?

Сама хватает телефон и выбрасывает карточку на рельсы.

— На вокзале купишь новую. Там... короче, можно так купить. Мой номер помнишь, как доедете, позвони. Поняла меня? Деньги держи при себе.

— Спасибо, Мил.

Это единственные слова, которые сейчас осознанно могу выговорить. Откат будет позже. Знаю. Чувствую. А сейчас как робот. Что сказали, то и делаю.

— Давай, подруга. — Подталкивает к подошедшей электричке. — А вы, мелюзга, берегите ее. Обе за старшую.

Егор.

С тяжелым сердцем оставляю Ксюшу, слушая расстроенный голос. Сам бы рад забить, но ответственность, мать её.

Лечу по трассе, заглушая растущее беспокойство. До последнего ждал прилета Влада, но рейс переносили уже дважды, когда стало понятно: ехать придется. Хочется плюнуть на все, но ответственность, мать её...

Сейчас бы к ней. Прижаться к теплому телу, вдыхая любимый аромат. Малинка моя. Каждый раз пьянею от одного только вида. Выжимаю газ, пытаюсь проскочить на реверсах. Всё лето никому не надо было, а осенью взялись делать.

Красный. Судя по навигатору, надолго. Глушу двигатель, выхожу на улицу под морозящий дождь. Впереди машин тридцать, люди следуют моему примеру. Или я их. Важно ли это?

Набираю свою девочку. Хочу услышать нежный голос. Соскучился.

Никогда раньше не был так зависим от разговоров, а сейчас как наркоман. Если не рядом, рука сама тянется позвонить или написать.

Молчит.

Может, в душе? Прикуриваю, продолжая набирать.

Из головы не выходит неожиданный звонок ба. Отец был у нас, когда случилось ЧП, требующее немедленного присутствия. Завез документы для Севера. Неужели доложил сразу? Не похоже на него. Или у бабули реально чуйка на неприятности?

И говорила ведь добродушно, про Ксюшу спрашивала. Как дела, как здоровье. А все равно осадок... липкий какой-то. Неправильный.

Еще и Ксюня не отвечает. Может, Тим уже подскочил и с ним болтает? Набираю друга. Нет. Не в курсе. Прошу поторопиться. Сам бы уже готов назад рвануть, да только встрял на дороге, и ни назад, ни вперед.

Вышагиваю вдоль ряда, продолжая терзать смартфон. Бесят эти гудки. Набираю сообщение, но в приложении неприветливо светятся серые галки. Даже не читает.

А вдруг упала, вдруг плохо стало?

Перезваниваю Тимуру и прошу отложить дела, ехать ко мне.

Может, просто спит, а я себя накрутил. Но внутри уже давит паника.

Проходит больше часа, когда встречный поток перестает двигаться. Иду к тачке и жду. Телефон молчит.

Успеваю проехать приличное расстояние, молясь, чтобы нигде не прервалась связь.

«Всё в норме. Готовила». Читаю сообщение от друга и шумно выдыхаю. Только сейчас замечаю, с какой силой всё это время сжимал руль.

Дергаюсь на звук входящего. Ксюша! Нажимаю на руле «ответить». Облом. Давид.

Наверное, впервые не рад другу.

— Что с голосом?

Делюсь с Дейвом. Когда надо, он умеет стать серьезным. Слушает, не перебивая.

— Хочешь, доеду до нее?

— Спасибо. Тим уже.

— Ну смотри сам. Я тебе вообще звонил по другому вопросу.

Зависаем на обсуждении. Тема важная: не так давно мы занялись благотворительностью в приличных масштабах. И сейчас проталкиваем тему с притом. Короче, нюансов много, а времени, как обычно, «вчера». Когда прощаемся, уже далеко за полночь. Ехать остается около трех часов. Съезжаю на обочину, размяться и написать Ксюше. Открываю приложение.

«Извини, очень устала. Легла. Хорошей дороги».

Листаю вниз. Обновляю. Ни-че-го.

Что — то не так. Только что?

Снова расстроилась из-за какой-нибудь мелочи? Гормоны, гормоны... так настроение у неё штормит. Сама устала. А только начало. Но Ксюша сильная девочка. Справится. Вместе справимся.

Пишу в ответ, что люблю её.

Погруженный в мысли доезжаю до первой же заправки. Пока машина заправляется, захожу за кофе. При входе стойка с яркими игрушками. Прохожу мимо, но вдруг возвращаюсь. Цепляюсь за ярко-розовую лошадь с радужными крыльями. В упор не помню, как она называется, но Дашка, кажется, о подобной мечтает. Беру игрушку и ищу похожую Маше. Не нахожу. Спрашиваю женщину за кассой. Лошадь одна, но мне предлагают какое-то большеротое чудище с не менее чудовищным названием. То ли «Вагги — шняги», то ли «Хагги — шваги». В общем, беру эту Шнягу за компанию с лошадью.

Надеюсь, девчонки будут рады. Хотя мелкая лисица может и не взять, если не «жених» подарит. Любовь у них с Дейвом. И он же проникся мелкими. Да что говорить, я и сам без них дальнейшую жизнь слабо представляю.

Ксюше подарок съезжу посмотреть в Смоленск.

Город встречает дождем, но мне уже все равно. Устал невыносимо. Хочу спать. Доползаю до номера и вырубаясь в одежде. Снится какая — то ересь: змеи, которые душат Ксюшу, и я бегущий, но никак не успевающий. Постоянно куда — то она ускользает.

Просыпаюсь рано и злой. Первым делом лезу в телефон. Вчера так заебался, что пропустил звонки и сообщения Тима.

«Срочно перезвони» светится последним. Тут же нажимаю звонок, но друг, скорее всего, спит. Ксюша тоже не в сети. Плетусь в душ, а затем, хлебнув кофе внизу, в офис. Чем скорее закончу, тем лучше. Хорошо бы поспать еще пару часиков, но сначала дела.

Благо о приезде уже знают и ждут. До обеда решаем сочные вопросы. А телефон молчит. Совсем. В каждом перерыве проверяю сеть, перезагружаю. В конечном итоге, плюнув на правила приличия, просто сижу и пялюсь на экран. Никогда не относился к работе халатно, но сейчас нарастающее беспокойство перебивает остальные мысли. Пытаюсь сосредоточиться и сдаюсь. Прошу сделать паузу. В холле набираю Тимура, который отвечает сразу.

— Ну?

— Откуда твоя Ксюша может знать про Светку?

— Не догнал.

— Она вчера спросила что — то типа кто она такая или есть ли у тебя невеста Света. Не помню, короче.

— Может, Бинковская приходила? Хотя её нет в списке...

— Я спросил. Ксюха сказала, нет. И еще...

Меня зовут в переговорную, показываю палец, что еще минуту.

— И? Тимур?

— И мне показалось, она потерянная была, когда пришел. На себя не похожа.

— Может, токсикоз?

— Не знаю, Егор. Сам спросишь. Телефон ее проверь. Могла же хероты написать, номер узнать не проблема.

Могла. Светка точно могла. Снова вспоминается бабушкин звонок.

А если...?

Да нет. Отмахиваюсь от назойливой мысли. Нет.

Новый виток, когда удается взять себя в руки. Заталкиваю беспокойство подальше, чтобы закрыть вопросы здесь и рвануть в родной город. Душу вытрясу, если только Светка посмела...

На адреналине — не иначе — преодолеваю половину пути. Подстегивает невозможность дозвониться до Ксюши. Набираю раз за разом. Тимур помирился со своей девчонкой и завис у нее. Звонить бесполезно. Дейв и Арт в Карелии и будут только вечером.

Хоть отцу звони и проси съездить. Но это крайний вариант. Мила! Точно.

Листаю контакты, набирая ксюшину подругу.

— Мил, это...

— Пошел ты!

Эээ, не понял. Может, перепутала?

Повторяю вызов. Еще раз. На четвертом доходит, что я в черном списке. И что это значит?!

Оставшуюся дорогу до дома не помню. Вообще. Как не вписался никуда — не знаю. Чудо, не иначе. Выжимал максимум. Наверняка писем счастья нахватал, но это заботит меньше всего.

Зачем — то вытаскиваю из багажника игрушки. Мне кажется, что Ксюша увидит и обрадуется. Я все еще гоню плохое предчувствие, все еще надеюсь, что она спит или забыла зарядить телефон. Моя девочка меня любит и ждет.

— Егор Александрович, — в спину летит из будки охраны. Машу рукой. Все потом. Цель — домой.

— Ксюша, малыш, я приехал, — кричу, едва открыв дверь. Тишина. — Ксюш!

Свет нигде не горит. Не разуваясь, прохожу в кухню. Потом огребу за хождение в обуви. Но это потом.

Тарелка на столе, у плиты остатки ужина. Неужели правда стало плохо?

Скорее вверх. Спальня. Никого.

Детская. Тоже никого.

— Ксюша!

Открываю подряд все двери. Внизу какие — то звуки.

— Ксюша!

— Егор, — у двери топчется знакомый парень из охраны. Олег. — Открыто было.

— Подожди, Олег.

В ванной полоска света. Сердце заходится, пока добегаю. Рывком дверь.

— Ксения с подругой вчера вечером уехали, — Олег стоит и сзади и продолжает что — то говорить.

А я, как дурак, держу в руках розовые игрушки и пытаюсь сложить слова из красных букв.

«Игра окончена». Не получается. Я не понимаю. Буквы скачут, но слова не доходят до сознания. Беспомощно поворачиваюсь к парню, будто хочу поддержки. Может, глючит меня с дороги?

— Олег, что там написано?

— Игра окончена. А что это значит?

Это... это шутка такая, да? У Дейва чувство юмора сломалось?

Снова смотрю на зеркало. На полочке блеск. Шаг ближе.

Кольцо.

Ксюшино кольцо.

Я и сам бы хотел это понять. Какая игра, на фиг? Что за выкрутасы? Что за тараканы поселились в беременном мозгу и какую революцию они там устроили?!

Подрываюсь и снова бегом по комнатам. Ну конечно. Вещи на месте. Все. *Те, которые покупал я.* Дальше можно не проверять, но я упорно открываю детскую и методично осматриваю шкаф и комод.

И что всё это значит!?

Нет, сейчас более-менее удастся понять молчание, слова подруги и уход. Узнала и психанула. Только поправочка: Светка прошлое, которое там и остается. Допустим, надо было рассказать самому. Но когда? Да и о чем? Ясно же, что до нашей встречи я не жил монахом. А после первой совместной ночи никого не было. Я не моногамен, нет. Но после своей девочки других просто не хотелось. Не пылало.

Интересно, откуда же инфа? Вещей здесь нет, и не может быть. Каждый уголок был тщательно вылизан, а спальню я и вовсе поменял. Не страдал загонами, но привести свою ягодку в кровать, где был с другими... не комильфо. Самому было бы противно.

— Олег, кто-то приходил ещё? Кроме подруги?

Цепляюсь за свою мысль. Мама не вняла разговорам? И снова звонок ба вспоминается.

Не зря, как оказалось. Ирина Иосифовна собственной персоной почтила вниманием. А уж с неё станется. Вручаю охраннику розовых чудищ и тороплюсь к тачке. Настало время задать правильные вопросы родне.

И самый первый из них — родные ли мы? В голове не укладывается, зачем лезть в чужую жизнь.

Конечно, внутри бьется беспокойство: как она? Слабая же совсем. Недавно же из больницы, ходить толком нельзя. Ладно с подругой, та в обиду не даст, да и помощь оказать умеет.

Бросаю взгляд на часы. Еще не слишком поздно нанести визит вежливости. Может, позвонить и предупредить? Решаю, что неожиданность будет в тему. Но деда набираю.

— Так Ира вчера утром еще к родителям твоим уехала.

Пару минут болтаем и прощаемся. Вот, значит, откуда узнала. Отцу и сдавать не надо было.

Тем лучше. Разворачиваюсь, нарушая, кажется, в очередной раз, и мчу к старшему поколению.

Отец выглядит помятым и отводит глаза. Зато женская часть семейства смотрит прямо и гордо.

— Ты что натворила?

Шиплю, шагая к ба. Не до реверансом сейчас. Время, время утекает, а еще не нашел и не сжимаю свою девочку в объятиях.

— Егор, ты что себе позволяешь? В приличных домах...

— В приличных, ба. Там не лезут в жизнь друг друга, разве нет? Давай прямо: ты к Ксюше зачем ходила? Что такого наговорила, из-за чего она ушла!?

А дальше... дальше каждая фраза, как новый гвоздь в крышку гроба.

Да нет. Бред. Полный бред.

Сама призналась, что не знает, от кого беременность.

Ксюша, моя Ксюша не могла так поступить. Это мой ребенок.

Да я уверен в этом.

Взяла деньги.

Ксюшка? Которая платья не носит, потому что дорого? У которой случилась истерика, когда она увидела ценник на колготках? Которые, к слову, так и остались нераспечатанными в шкафу.

Нет. Не верю.

Ба идет в прихожую, а я задаю вопрос, который мучает с самого начала. Потому что во весь этот бред я просто не верю.

— А Светка здесь при чем?

— Сынок, — мать картинно промакивает глаза платочком, — бабушка хотела как лучше. Хотела рассказать про твою невесту, предложить сделать тест. Кто же знал, какая меркантильная особа...

Мама качает головой, а перед моими глазами появляется белый лист. Разборчиво, печатными буквами... расписка...

«Я, Романова Оксана Игоревна... получила на руки... Обязуюсь...»

Второй раз за день буквы прыгают, а слова не обретают смысл.

Я не знаю ксюшин почерк, к своему стыду, но подпись изучил отлично. Доверка для сада постоянно была при мне. Точнее, копия. Пока где-то не посеял. Выронил или с документами попала. И сейчас эта подпись передо мной.

Полтора ляма? За... Да как так-то!?

— Подожди, ба. То есть ты просто так отдала деньги... эээ... чужой девушке? За что?

Все еще не доверяю. И хоть глаза увидели, а уши услышали, сознание отказывается принимать. Я очень хорошо знаю свою девочку.

— Внук, теряешь хватку. Все написано: за неразглашение информации о семье. С таких станется помотать нервы и тянуть деньги. А теперь, когда всё выяснили, иди я тебя обниму.

Да нет же. Отступаю назад, оглушенный. Что-то здесь не так.

Хочу поговорить с Ксюшей. Да. Пусть в глаза мне всё скажет.

И не вяжется никак вопрос про Бинковскую с рассказом бабушки.

Дозваниваюсь до Тимура и прошу поминутно вспомнить их разговор. Раздолбай тянет слоги, словно только вылез из постели. А, может, и до сих пор в ней, судя по тихому смеху его Ульки. Мысленно прошу прощения у молодых, но мне сейчас важнее.

— Да не помню я. Однозначно, она при мне не плакала. Даже улыбалась. А что произошло-то у вас опять?

— Сам хочу понять. Ладно, потом.

Сбрасываю вызов, подъезжая к дому Милы. Плевать на время. От усталости и нервов уже ощутимо шатает, но я упрямо двигаю по лестнице. Звоню и барабаню в дверь.

— Я сейчас полицию вы...

Сонный мужчина таращит глаза.

— Вы кто? Ксюшу можете позвать? — Веду себя как быдло, наверное. Врываюсь в чужой дом. Потом извинюсь обязательно.

— Оксаны здесь нет. Я её, — он поворачивается к женщине позади, — да, наверное, с весны не видел.

— А Мила?

— Мила на сутках сегодня.

Мне любезно дают адрес, даже не спрашивая, зачем понадобилась их дочь. Какая безалаберность в наше время. Но думать об этом некогда.

Подъезжаю к станции скорой помощи и жду в машине, пока бригада вернется с вызова. Откидываюсь на подголовник, пытаюсь еще раз разложить по полочкам инфу. Получается плохо. Если Ксюши нет у подруги, где она? На ум приходит только общага, но в это время туда не пустят. Придется ждать утра.

Не замечаю, как усталость берет свое и вырубаяюсь.

Будит звук сирены. Подскакиваю, напрочь забыв, где нахожусь. Ежась выхожу и иду в уже знакомое помещение.

— Да только что вот снова выехали. Как же Вы пропустили?

Как-как? Проспал. Дебил.

— Во сколько смена заканчивается?

Получив данные заваливаюсь в машину на заднее сиденье. Предварительно убираю детские кресла.

Скоро выходные, надо найти Ксюшу, иначе что я скажу её сестрам?

Последнее, о чем думаю, проваливаясь в сон.

Звук будильника похож на звук бензопилы. Устало растираю лицо, потягиваю затекшие мышцы. Сейчас бы завалиться к Ксюше, прижаться к спинке... стоп, Егор. Всё это скоро будет. Последний рывок.

Милу караулю на улице. Чтобы уж наверняка. Выходит в компании, стараясь прошмыгнуть незаметно. Будь я в машине, пропустил бы.

— Мил, на пару слов. Пожалуйста, — прошу её.

Черт его знает, мой вид или голос действуют, но она что-то говорит сопровождающим и отстает. На меня, правда, не смотрит.

— Я тебе всё сказала. По телефону.

— Мил, — у меня нет сил даже улыбнуться. Хотя выглядит она забавно. Кулачки сжимает, в глазах... пытаюсь рассмотреть, но она упорно отворачивается. — Где Ксюша?

— Ты её не найдешь. Они с девочками уехали далеко.

— Но...

— Не надо, Егор. У вас разная жизнь. Не хочу с тобой разговаривать, потому что ты вряд ли поймешь слова. Но так, для своей совести... ты казался мудрым и... хорошим. Вон как семья за тебя переживает. Бабушка, невеста. Не надоело еще самому играть?

— Я... — еще раз пытаюсь вставить слово. Но Мила не дает.

— Иди, Егор. Не надо делать еще больше. Ксюшка этого не заслуживает. Ей и так в жизни не повезло. Уходи. Хочешь что-то знать, поговори со своей Ириной Иосифовной.

— Я говорил, Мил. Говорил. Теперь ты послушай меня. Не знаю, что произошло, но выясню все. Никогда не играл с твоей подругой. Главное... — почему-то в этот момент доходят слова «уехала далеко». Сглатываю. — Ба сказала, она заплатила Ксюше. Это правда? Я видел расписку. Правда, что ребенок не мой? Что она взяла...

Не договариваю. И так понятно.

Мила молчит.

Смотрит.

А я, как приговоренный, жду ответ. Плохо режиссированный спектакль, участником которого являюсь поневоле.

— Я бы на твоём месте поверила бабушке.

Ксюшина подруга продолжает говорить. А я не слышу. Вижу, что ее губы шевелятся. А слов не разбираю. Как рыбка в аквариуме. Моя малышка наверняка бы пожалела одинокую рыбку.

Поверила бабушке... поверила... поверила...

— Что?

— Уходи, Егор. Ты мешаешь проезду.

Так просто да? Хотя... может, все на самом деле просто. Я сам всё усложнил?

Но, черт побери, как можно было столько притворяться? Разум отказывается принимать. Глаза в глаза. Хочу, чтобы сказала мне сама.

Ксюша.

В суете и заботах дни пролетают быстро. Сестренкам нравится долго спать и не посещать садик. Да и мне стало спокойнее.

Вопрос с учёбой, на удивление, удалось решить. Не все звери в деканате. После отправленных документов мне разрешили присылать задания преподавателям. На сессию, конечно, нужно будет явиться, но это не проблема. Компьютера у меня нет, но, к счастью, на телефоне работает камера, а интернет отлично ловит.

К тому же, неожиданно для самой себя, я нашла работу. Нас во дворе увидела соседка и попросила присмотреть за своим ребенком. Сначала Гарик, а теперь к нему присоединились еще четверо. Местный сад забит, и бедные мамы никак не могут получить место. А я, гуляя с их детьми, развязываю руки на пару часов. Впервые, увидев протянутые деньги, испугалась. А потом решила, что не время проявлять гордость. Нам хватает с девочками, я даже умудряюсь откладывать к сумме из ломбарда.

Дрова есть, но пока относительно тепло. Скоро грянут морозы, и тогда придется купить. Поэтому и сейчас, преодолевая тошноту, я старательно леплю куличики с девочкой Соней. Даша, как взрослая, возится с Маруськой на шаг в стороне.

Я думала, она будет задавать миллион вопросов, готовилась к ним, но она кремень. Сложила в своей головке всё.

Милка приезжала всего раз. Но зато звонит каждый день. В ближайшее время предстоит поход к врачу. Давно пора уже. Живот все еще плоский, только присмотревшись можно увидеть. Будто переела. Ничего не болит, не тянет. Единственное напоминание о беременности — жуткая тошнота. Кроме геркулеса ничего впихнуть в себя не могу. Но он вроде как полезный. Милка в свой единственный визит привезла витамины, стараюсь их принимать с кашей. Поодиночке так и норовят выскочить обратно.

Пользуясь тем, что Софочка отвлеклась на замок Даши и Маруськи, открываю телефон и читаю.

«На 15 неделе беременности активно формируются структуры головного мозга. Появляются зачатки извилин, нервные клетки продолжают деление и начинают координировать действия ребенка»

Скоро и я смогу увидеть своего отважного малыша. Он уже похож на маленького человечка, я видела фотографии в интернете.

«Записала тебя на следующую неделю. Вторник. Приеду утром, посижу с мелкотой».

Улыбаюсь. От всей прошлой жизни осталась одна Милка. Моя верная любимая подруга.

Я еще в больнице недоумевала, куда пропала Нина. Только потом узнала, что с ее номера звонил Антон, и Мила заблокировала их. А больше попыток связаться она не делала. Хотя в соцсетях могла бы написать. Если бы захотела. Но не так и много мы общались.

Про визит Егора она, кстати, не сразу, но тоже рассказала. Опять деньги. Помешаны они на них что ли? В их мире все изменяется размером счета. У кого больше, тот и достоин.

Я так и не поняла про какую-то расписку, мне её никто не давал. Сделала вывод, что подруга чего-то не услышала.

Начинает сыпаться снежок. Первый в этом году. Завороженно смотрю вверх.

Снежинки летят и сразу тают. Сколько они живут? Пару секунд? Но успевают подарить радость людям.

— Давайте домой, а то замерзнем.

Собираю игрушки, и беру младших за ручки. Соня не первый раз у нас дома, ей нравится играть с девочками. Пока ее мама устраивает личную жизнь. Пусть хоть кому-то повезет.

Разогреваю овощной суп, кормлю детей. Включаю им мультик на телефоне. Знаю, что за столом нельзя, но слабость берет верх, и я, развалившись, сижу на стуле рядом.

Покончив с обедом, малышки принимаются рисовать, а я открываю почту, чтобы переписать новые задания. Закрыв письма, бездумно листаю новостную ленту. Зачем-то нажимаю новости региона и...

Зачем я сюда полезла?!

«Сын Александра Керро объявил о помолвке. Наконец-то Егор представил обществу свою невесту. Светлана Бинковская, дочь...»

Дальше не читаю, пытаюсь закрыть выскочившее фото.

— Ксюш, это Егор?

Дашка напряженно сопит, глядя через плечо.

— Слезь, Даш, упадешь.

— Это из-за неё он нас выгнал?

— Нет, малышка, что ты. Мы сами ушли. У него своя семья, а нас он... он просто нам помог.

— Мила сказала, он плохой. Но он хороший, Ксюш. Его, наверное, заколдовали.

Наверное. Все эти дни я запрещала себе думать о нем. Сначала потому, что обманул. Потом... потом царапнуло, что не стал бы он искать Милку, но вспомнив его бабушку, загнала свою боль подальше. Человек удивительное существо: привыкает ко всему. Даже к боли. Она не проходит, но притупляется. И вот ты уже можешь улыбаться, радоваться мелочам, и только ночами выть, кусая подушку.

Ночь — самое тяжелое время для тех, у кого болит. И самое прекрасное для тех, кто любит.

В понедельник пеку блинчики, подпевая модную песенку. Слова прерываются стандартной мелодией.

Теть Зоя? Еще один человек, которому я оставила новый номер. Ивану пыталась, но он только промычал в трубку, чтобы оставила его в покое.

— Теть Зоя, здравствуйте! Как Вы?

— Ксюша, деточка, — она всхлипывает, а я понимаю, что случилось плохое. — Приезжай. Иван разбился.

***

Что должен чувствовать человек, глядя на мертвого мучителя? Радость? Удовольствие? Страх?

Нет. Даже странно.

Меня не хотели допускать, узнав о положении. Но видя, что не плачу и не истерю, проводили в морг. Холодно. И запах... больше ничего.

Под простыней лежит чужой человек. Нет, я знаю, что это Иван. Узнаю его. Но он... он чужой. Белый такой...

Прикасаюсь к ледяной руке. Зачем? Может быть, чтобы убедиться, что он не вскочит и не сорвет свой страшный ремень?

Меня не пугает даже, что нет полголовы. Я туда не смотрю. Станным образом лицо практически не пострадало. Сейчас, перед вечным покоем, он кажется даже красивым. Без своей маски злобного чудовища.

— С Вами всё в порядке?

— Да.

Нарушать тишину не хочется. В этом месте она не давит даже. Просто тишина и покой. Вечный.

Жуткое слово. Словно стоишь лицом к лицу перед этой вечностью. И она смотрит на тебя сквозь тусклые окна.

Я не чувствую ничего. Выполняю действия на автомате. Оpozнание, подпись.

Кто-то из коллег подвозит до дома. Дом... я так давно здесь не была...

Милка, приехавшая после звонка, отвела девочек тете Зое, а сама успела вытащить весь мусор и уже намывает полы.

— Ну вот. Сейчас закончим с уборкой, и сможете здесь жить. Как ты?

— Никак. Может такое быть?

— Наверное. Шок? Похороны когда?

— Не знаю. Там, — машу рукой назад, — сказали, что сами всё сделают.

— Завтра к врачу, помнишь?

— Помнишь, Мил. Помнишь...

Домываем дом вместе, и я прошу подругу остаться у меня. Девочки ночуют у соседки, я их заберу утром. Надо еще как следует прогреть дом. Иван, как оказалось, не жил здесь больше двух недель.

Готовлю завтрак, чтобы к приходу Милы с девочками поставить на стол, когда раздастся стук в дверь.

Опять по вопросу похорон? Вытираю руки и иду открывать.

Смотрю на статную женщину. Я ее раньше никогда не встречала. Не сразу замечаю двух мужчин за ее спиной.

— Здравствуйте! Самойлова, органы опеки и попечительства. Могу я видеть Дарью Ивановну и, — читает на листе, который в руках, — Марию Ивановну?

— Они, — руки начинают дрожать, — сейчас. Сейчас придут.

— Разрешите?

Сдвигаюсь в сторону, давая пройти. Зачем здесь опека? С трудом узнаю в одном мужчине участкового. Спился вконец. Он кивает мне, шагаю в дом.

— Вы, так понимаю, Оксана Игоревна?

— Да. Сестра Даши... Дарьи и Марии.

— Присядьте.

И начинается кошмар. По действующему закону мне не могут оставить сестер после смерти родителя. Прошу, умоляю, плачу, но ничего не действует. В отчаянии выгребая все накопленные деньги, но меня строго просят их убрать. Ни работы стабильной, ни приспособленного жилья, ни мужа... еще и беременность...

Оказывается, можно любить до умопомрачения, но против системы твоя любовь просто пшик. Ничто.

У женщины ни один мускул не дрогнул, когда она «изымала» девочек. Я кричала, отбивалась, пытаюсь их защищать, но Милка вцепилась в запястья, не давая двинуться.

— Ксюш, ты делаешь только хуже.

Сколько раз она повторила эту фразу?

На прощание на столе остался клочок бумаги с номером телефона. По нему можно позвонить через неделю и узнать, в какой детский дом распределят моих сестер.

— Все, что я могу сделать для Вас, попытаться добиться устройства для них в одно учреждение. Всего доброго.

Хлопнула дверь, а в ушах продолжает стоять плач Маруськи. Моей маленькой Маруськи, пахнувшей молочной кашей и травой. Потому что на ночь они купаются в воде с ромашкой. Даша даже не оглянулась. Маленькая взрослая девочка. Такая крошечная, но уже такая большая.

Егор.

— И что это значит? — Дейв совершенно невозмутимо смотрит на меня, когда я одним движением руки сметаю со стола всё, что на нем стояло.

Душа требует разрушений, чтобы хоть чем-то перекрыть то, что творится внутри.

Физическая боль не помогла. Я до изнеможения лупил грушу, стену, но кровоточащие костяшки даже тупо не отвлекли. Наоборот, глядя на разодранную в хлам кожу я представлял, что от моего сердца и такого не осталось.

И да, я всё ещё не верю.

— Ну? Сам расскажешь или мне на осколках техники погадать?

Давид расслабленно откидывается в кресле и изучает мое лицо. А я молчу, тупо сканируя стену напротив. Интересно же, чё там.

— Ксюша, — выталкиваю через силу. В горло словно песка насыпали. Голос сипит, выдавая лишь подобие звуков.

— Я догадался. Подробности будут?

Надо было идти к Артику, тот бы сразу дал в пятак за подобное поведение. Вырубиться — вот чего я хочу. А потом открыть глаза и узнать, что приснился идиотский сон. А в жизни всё хорошо. В жизни любимая девушка не уходила в никуда, прихватив детей и сумку денег.

— Так, Егорушка, поехали. Толку от тебя здесь не будет.

Давид встает и подталкивает меня к двери, попутно набирая Тимура. Точно! Надо было к нему отправиться. Вот кто бы не сдержался.

— Куда едем? — Спрашиваю, сидя в машине друга и пялясь в одну точку. Безумно интересное занятие. Захватывает не меньше, чем разглядывание стены.

— В лес. Или ты думал, я тебе так выходку с рук спущу?

— Не смешно.

— А я и не смеюсь. Ты же должен сам понимать, что перешагнул границы разумного? И если это просто псих, потому что беременная девчонка не дала, то я тебе шею сверну. На полном серьезе.

— Не рычи. Я всё возьму.

— А я в этом не сомневаюсь. Купить новый ноут я и сам в состоянии. Но мы же оба знаем, что дело не в этом.

— Не в этом..., — эхом повторяю за другом. — Останови.

Мы как раз проезжаем мимо Елагина острова. Сколько раз я думал привести сюда Ксюшу. Ей бы понравилось.

Но вместо романтических поцелуев на мосту я стою, облокотившись на перила, и вываливаю на друга события последних трех дней.

— Нда... парням расскажем?

— Стоит?

— Ну помощь Влада нам точно нужна будет. И Тима, соответственно. В машину иди, трясешься весь.

Впервые мне не хочется огрызнуться. Сажусь в тачку и бьюсь головой о спинку сиденья. Как же мы докатились до такого!? Ксюша, Ксюша...

Дейв садится за руль спустя несколько минут. Протягивает бумажный стакан кофе.

— Пей. Тим с Владом подтянутся в деревню. Туда поедет. У тебя ключи с собой? А то мои дома валяются.

Шарю по карманам, доставая связку. Ключи, как и документы, привычка таскать с собой.

— Отлично. Тогда поехали, нам ещё затариться надо. Арт завтра подскочит, если нужен будет. У отца важная операция, останется поддержать.

Вытаскиваю телефон, забывая в заметках позвонить Артуру завтра. Его отец гениальный хирург, берущий сложные случаи. То, как он собрал мою руку, о многом говорит.

Дейв молча едет, а я продолжаю гипнотизировать свою точку. Жаль, она молчит. Я бы обсудил с ней ситуацию на внешнем рынке. Или рассказал, как горю изнутри.

— Тебе бы поспать, Егор. Хоть час, пока доберёмся.

— Не могу.

До места назначения все действия совершаю как робот. Магазин. Продукты. Спиртное. Загрузить. Сесть. Выйти. Прикурить.

Пока Давид ходит на сельское кладбище, затягиваюсь у капота машины. Глотаю дым и понимаю, что легче не становится. К смеси горечи и разочарования, обиды присоединяется беспокойство. Ну как она там? Где она? Не кружится ли голова?

Наконец друг возвращается, и мы трогаемся.

Подъезжаем к дому, и я иду открывать ворота. Влад снес избушку, оставленную ему соседкой-бабушкой, и выстроил на ее месте хороший дом. Уютный такой. Потом выкупил соседний участок, где уже мы с парнями установили баню. Каждый из нас может себе позволить дачу ближе, лучше, круче. Но это место само манит, и никто не хочет менять. У каждого своя комната, свободный въезд в любое время.

— Включай здесь пока всё, я баней займусь.

Друг уходит переодеваться, а я начинаю таскать пакеты в дом. И сюда я тоже хотел привезти...

— Сколько раз говорил Северу, что надо умный дом здесь поставить. Сейчас бы приехали в тепло.

Лихацкий спускается, кутаясь в толстовку, и ворчит.

— Мы не так часто сюда выбираемся. Не порть романтику. Сейчас дровами займешься, согреешься.

— Слышь, мамочка, мясо молча маринуй. И думай пока, куда могла твоя Романова деться.

— За принцессу переживаешь?

— А то. Вдруг дракон какой утащит, а я не защищу... защитю... тьфу, бля. Короче, мясом занимайся.

Я уже разжигаю мангал, когда на участок въезжает машина.

Мы пьем. Много. До отключки. Все, кроме Севера. Ссылается, что в любой момент могут дернуть, и достает ноутбук. Его возможности шире наших, а еще он чертов гений, как его зовет Дейв. Пытается искать, где могла засветиться Ксюшина карта или телефон. Пока это единственные зацепки. Все вокзалы и аэропорты проверены нами раньше.

— Егор, а ты вообще уверен, что она деньги брала?

Тут у меня нет однозначного ответа. Но говорю то, к чему пришел: — Нет. Понимаешь, она же даже колготки не взяла. Вообще ничего.

— Расписка?

— Расписка смущает. Но, бляха, не дает покоя копия доверки. Чем дальше думаю, тем больше кажется, что она как-то к родакам попала. Отец же постоянно документы приносил. Может, случайно прихватил. Писец, конечно, думать еще и про бату. Я не вывезу, если он с ними.

— Да, бабка у тебя...

— Вот ты знаешь, как я ее люблю. А сейчас не то что смотреть, от воспоминаний выворачивает.

— Это от алкоголя.

— От воспоминаний. Не спорь. Хотя нет. Спорь. Можешь в рожу дать.

— Тебе не поможет.

— О, Тим очнулся. А твои мысли?

— Я за разговор. Найти, прижать к стенке. Извини, брат, но твоя ба могла наболтать такого, что я б и сам вещички собрал. Один их спектакль чего стоит.

— Я всё тоже думаю над фразой подруги. Как там? Выбирай, кому верить?

— Типа того.

— Подруга ясно за Ксюху. Но мне кажется, Егор, ты облажался. Она от тебя наверняка ждала, что ты примешь сторону их и начнешь убеждать.

— Короче, парни. Есть варик через Милу выйти. — В баню, где мы заседаем, врывается Север. — Номер её дай. Если они созваниваются, засечем по Ксюшину телефону. Хрен знает, может, симку переставила в кнопочный? Номер активен, но никак не поймаю выходов в сеть.

Заматываюсь полотенцем и топаю в дом, чтобы продиктовать цифры.

— Оденься, идиот. На улице...

Да плевать, что на улице. Мне девочку свою найти надо.

Отдаю Владу смартфон, и курю на крыльце. Холода не чувствую.

— В баню иди греться. Не хватало правда заболеть.

Север присаживается рядом. Только сейчас замечаю, как он осунулся, круги под глазами. Из всех нас он самый скрытный. Всё держит в себе. И всегда готов рвануть на помощь.

— У тебя случилось что-то? Расскажешь?

— Нет, не расскажу. В решении моей проблемы я могу помочь себе сам. Но кое-что попрошу. Между нами двумя. Я тебе в телефоне забил номер и адрес своей сестренки. Пусть будет на всякий пожарный. Звонить ей и ездить не надо. Но...

— Я понял. У тебя проблемы какие-то?

— Скажем так, я очень сильно нужен одним отморозкам.

— Помощь?

— Сам, Егор. Если припрет, скажу. Помни, что это между нами. И дуй в баню.

— Не, спать пойду. Пусть наши весельчаки оторвутся.

— Как дети. Вот кому срочно рожать надо. Но если Тимур по-любому созрел, но Дейва хрен примешь. С его Стефановской он обречен. Как и Арт.

— Артур? Он же с Инкой...

— Он как рыба дохлая с ней. По течению плывет. Она из него деньги тянет, а он просто живёт. Присмотрись к ним.

Утро, помимо похмелья, приносит саднящее горло и душащий кашель.

— Дебил, бля. Тебе вчера сколько раз сказали голым не скакать? За тебя никто

девчонку искать не будет. — Тим ворчит, но наливает чай и сует какой — то порошок. — Пей. Улька сказала, поможет сбить температуру.

— У меня нет.

— У тебя есть, говнюк. Я с электронным градусником под утро, как козел скакал. Пока ты стонал во сне.

— Откуда здесь градусник?

— Мать Давида аптечку оставила, когда приезжала. Тебе тупо повезло.

— А новости?

Мы в кухне вдвоем, Север с Давидом ушли на кладбище.

— Нет новостей. Нигде не светится. Она, конечно, не Джеймс Бонд, но прячется умело.

— Я все думаю, что такого могла наговорить Ирина Иосифовна, что Ксюша убежала? И про игры хрень эта?

— Ирина... — Тим приподнимает брови.

— Ирина. Не могу ее назвать иначе. Язык не поворачивается. Ну хотела яд выпустить — мне скажи. Моя жизнь, мой выбор. Но беременную девочку. Знала же, что у нее в жизни задница...

— Жалко мне вас. Ты еще крепкий, а она сломается.

— А себя? Себя не жалко?

Не знаю, откуда вдруг берется злость на друга. Может быть, потому что он прав, черт возьми?! Потому что я и сам понимаю, что моя девчонка где — то одна сражается против мира, а я даже помочь не могу? Тупо не хватает ресурсов, чтобы найти ее.

— Тебе самому как воевать против родной матери?

— Херово, Егор. Поэтому я тебя и понимаю. Мы же в прошлый раз не просто поссорились. Она уйти хотела. Испугалась. Мать давит. А ты сам знаешь ее возможности. Бля, да мне мачеха роднее собственной мамы. Отец молчит пока, нейтралитет, мать его. — Тим что — то достает из ящика. — Лоб подставь.

— Чего? — В башке мутно, не сразу успеваю переключиться.

— Лоб. Температуру проверить.

Поднимаю голову, а он, смеясь, наводит градусник.

— Руки за голову. — Прибор пищит, а Тим резко перестает ржать. — Керро, еб твою мать. Тридцать девять и четыре. Ты как сидишь вообще?

— Сижу вроде. Не ори.

— Пей лекарство и собирайся. Домой тебя повезу, болезный.

***

Пара дней проходит в коматозе. Кажется, я даже несколько раз терял сознание. Тим приволок свою девчонку, и они вдвоем клохчут вокруг моего тела. Все остальные органы пока не функционируют, а в мозгу одна ясная мысль: найти Ксюшу.

Вечером Давид объявляется с новостями. Ездил к подружке, но и его она послала. Всё, чего добился, ответа «поговорите с бабушкой, пусть сама рассказывает».

Пытаюсь встать и, пошатываясь, дохожу до кухни.

— Тим, где ключи от тачки?

— Ты куда собрался?

— Разговаривать.

— Ты себя видел? На ноги сначала встань, потом перейдешь к военным действиям.

— Мне надо.

— Егор, — ко мне подходит Ульяна и мягко кладет руки на плечи, — послушай. Ты сейчас ничем не поможешь. Только хуже сделаешь. Если дальше сляжешь, отодвинешь встречу со своей Оксаной. И подумай про то, что больному к беременным приближаться нельзя. Понял меня?

А что мне остается? Только согласиться. Про возможность заразить свою девочку я вообще не подумал. Да и о чем я думал в принципе? Потерял голову от любви? А мог бы...

— Давид, — кричу другу, потому что второй раз совершить подвиг и доползти до ребят сил тупо не хватит.

— Ты себя ведешь как очень скандальный больной. В курсе? Тебе положено лежать и спать. А ты орешь.

— Тебе обязательно зубоскалить?

— Ноут оплакиваю. Имею право. Ты в курсе, что еще и селектор разбил?

— Потом вместе поплачем. Дай контакты риелтора своего.

— На хрена?

— Мне нужен дом. С охраной. Как у тебя. Чтобы больше никто Ксюшу достать не смог.

— Писец, товарищи. Не хило тебя болезнь потрянула.

— Дом, Давид, до — о—ом.

— Ну как скажешь. Контакты скину.

И пока всю следующую неделю я занимаюсь выбором дома и активно пытаюсь выздороветь (воспаление легких, мать его), в нашу жизнь приходит полный пиздец.

Ночные звонки всегда приносят странное чувство обреченности. Не знаю, с чем это связано. Если по студенчеству такой звонок мог означать «приезжай бухать» или «забери меня, я в мясо», то сейчас подрываешься, покрываясь холодным потом.

На экране номер Тимура. Он позавчера свалил к себе наслаждаться обществом любимой, а не моей помятой физиономией.

— Тим?

Голос друга звучит глухо: — Улька пропала. Можешь приехать?

Не задавая ни одного вопроса, срываюсь к выходу. Меня все еще штормит, а, влетев куда — нибудь, пользы не принесу, поэтому вызываю такси. Везет и свободный водитель на месте уже через минуту.

Однако...

— Ты где?

— Черт. У нее. Адрес скину сейчас.

Повторяю действия. Такси, подъем в квартиру. Не надо быть экспертом: что — то произошло. Единственная комната разнесена в щепки. Друг держится за голову. Замечаю струйку крови на виске.

— С головой что?

— Сам не понял. Позвонили соседи снизу. Типа заливаем. Открыл дверь. Все. Очнулся — Ули нет, в комнате... сам видишь.

— Полиция?

— Соседи уже вызвали.

— На кого думаешь?

Ответить Тимур не успевает. Прибывший наряд допрашивает нас, проводит опрос соседей, которые разбужены грохотом и сиреной и... увозит Тима, предъявляя ему предварительное обвинение... в убийстве... Откуда — то находится кровь, которую

забирают на экспертизу.

Дозваниваюсь до отца друга внизу и кратко обрисовываю произошедшее. Оказывается, Тим успел позвонить всем, но ответил среди ночи я первый. Дейв выскакивает из машины и бежит к парадной, притормаживая около меня. Повторяю все, что знаю. Мы оба в глубоком шоке и не сразу соображаем, что делать.

— Адвокат. Семейного?

— Гарика. Он развелся недавно, как раз зол на весь свет.

— Вызванивай и погнали. Отец к отделению уже едет.

Мы поднимаем на уши всех, кого можем. К утру в отделении не протолкнуться, но увидеться с Тимуром не дают никому. Игорь на колене строчит жалобы и протесты, только время течет, а ситуация не меняется.

— Не покидает ощущение, что это подстроено. — Мы курим под козырьком отделения, наверное, в сотый раз за эту длинную ночь.

— Почему тебя не пропускают? По закону же обязаны.

— Обязаны. Тянут для чего — то время. Вы там никому дорогу не переходили?

— Чисто всё. Да и ты его знаешь, он не полез бы.

... А еще через день происходит то, что переворачивает жизнь каждого из нас...

Егор.

Тимура выпускают спустя неделю, сняв все обвинения. Посеревший, непохожий на себя, он молча проходит мимо нас.

— Не трогай его, — Давид кладет руку мне на плечо, не давая сорваться следом. — Он тебя не увидит.

— Куда он?..

Мы оба со стороны смотрим, как наш друг садится прямо на землю, прислонившись к стенке отделения, и закуривает. Видеть это невыносимо и мы, не сговариваясь, подходим ближе.

— Садись в машину. Куда тебя отвезти?

— В деревню.

Больше никаких слов. Он молчит всю дорогу, молчит, когда бестолково толкаемся на кухне, когда собираемся уезжать.

— Подожди. Дай ключи, — прошу Давида, — в лавку доеду. Жрать захочет, а тут из запасов крупа одна.

Затариваюсь под завязку.

— Как он?

— Также.

— Тим, остаться с тобой?

Он с каменным лицом поворачивается к стене и машет рукой.

— Пойдем, Егор. Ему нужно принять и переболеть это.

— В голове не укладывается...

Мы уже едем обратно к отделу, где осталась моя тачка, когда Давид решается заговорить.

— Как у тебя с Ксюшей? Нет подвижек?

— Никаких. Думаю нанять спецов, может, присмотреть за подружкой?

— Попробуй. Все средства хороши. Уверен, что она не брала деньги?

— Уверен. Не смогла бы она. Что — то другое тут... а что пока не могу уловить никак.

На самом деле все эти дни, когда появлялась возможность, пытался анализировать, что сподвигло Ксюшу на бегство. Просто так она бы не ушла. Обида, недопонимание — нет. Она бы спросила. Мы столько дней провели бок о бок, я уже был настроен на её волну, понимал по глазам. Значит, нужно копать глубже. А глубже где?

Этим же вечером набираю деда, который места себе не находит. Порой мне кажется, что из всей семьи только он понимает и любит меня. По — настоящему. Любовь, как оказалось, тоже разная бывает.

Природой заложено, что родители любят детей. Так должно быть и так правильно. Но искренняя ли эта любовь?! Или только потому, что «так надо»?

А бывает, когда чувства от сердца. Даже к преступникам. Любят и оправдывают убийц. А почему? Потому что любящий человек способен рассмотреть что — то такое, чего не видно остальным.

Так и дед. Ему все равно, какой я. Он со мной, потому я его внук. И я плачу ему тем же.

Уже из дома набираю старшее поколение, чтобы узнать новости. Ну и рассказать наши.

Уныло как — то выходит. Да что говорить... все подавлены. Арт свадьбу перенес, хотя инкина родня выносила ему мозги похлеще самой Инны.

— Ищи, внук. Если веришь и любишь, ищи.

И я ищу. Даже во сне цепляюсь за любое воспоминание, чтобы побыть с ней. Пока лишь так, фантомно. Но изо всех сил передаю свои чувства. И пусть кто — то скажет, что это розовые сопли. Но я теперь твердо знаю, что мужчины тоже могут показывать свою слабость. Когда сам с собой — это не стыдно. Вот проявить трусость — это преступление.

На самом деле счет дням уже потерян. Один за другим проходят. Работа, ночь. Я даже не могу вставить сюда «дом». Потому что в квартире не ночую. Временно перебрался к Дейву, стоило только начать оформление своего дома. Ах да. Я нашел и купил свой особняк. Уютный, домашний и... мне кажется, который придется по вкусу моей девочке.

— Новости смотрел?

Давид стучит пальцами по буквам, печатая очередное письмо.

— Нет. У меня нет сил на это.

Я просматриваю папку с переводами, потому что наша компания каким — то образом заполучила контракты с иностранцами. И если с английским проблем нет, то с остальными языками беда.

— Надо переводчиков искать. Хотя бы парочку, — говорю другу, пытаюсь собрать глаза в кучку.

— Надо. Дай Жанне завтра задачу. Двух универсалов пока хватит.

— Ок. А с новостями что?

— Да так. Из ленты узнал, что друг лучший женится.

— Да ладно? Север?

— Какой Север, бляха. Ты.

— Не понял.

— И я не понял. Новости открой.

Твою мать! Что за херня? Смотрю на собственную рожу, украшенную подписью, что, оказывается, объявил о помолвке с...

— Со Светкой?! Нет, это уже сюр какой — то. Где — то скрытая камера или что? Пиздец в жизни уже закончится хоть когда —нибудь?

— Когда —нибудь да, — философски изрекает Давид. — Я уже два года этого жду.

— Опять с Наташкой?

— Снова. Она решила, что мы живем вместе. Меня спросить забыла, заявила к родителям. Мама в ауте.

— Они ж ее вроде знают.

— Знают. Но не в качестве моей невесты. Так проснешься, а оба уже окольцованы.

И было бы смешно, если бы не идиотизм всей ситуации.

С самого утра загружаю своего юриста иском против новостного издания. Или изданий. Прошу узнать, кто запустил данную инфу, и выкатить им тоже по полной. Подозреваю, что это Бинковская, но надоело миндальничать. Я за этот месяц на луну вою от тоски. И зверею. Если узнаю, что виновата мать, даже ее не прощу. И не потому, что сын непочтительный. Нет. Потому что я обозначил свой выбор, а они влезли и... ну пусть будет — предали. По сути, их поступок вполне сравним с подобным.

Александр Клементьевич.

Переживаю за Егора. Столько всего свалилось на внука в последнее время. Столько всего... Был бы старой бабкой, сел бы причитая. А так только успеваю свою приструнить. Умная стала, дома никаких разговоров. Но и я не дитя джунглей. Понимаю же, что без нее не обошлось.

Похаживаю в деревню, наблюдая за домом девчонки внуковой. Понравилась она мне. Тогда еще понял. А когда Егора слушаю, чувствую, что душа его поет. Открыт он для нее. Да...

Снова никого. Прохожусь по соседям. Давно уже никого. И отчима не видно. То пил по — черному, то протрезвел. Дровами занялся. Дня три, наверное. Я все наблюдал — может, Оксана к нему приедет, может, ждет. Даже заговорил с ним. А он мужик нормальный. Вежливый. Но я — то знаю, чего он стоит в пьяной горячке. Тоже наслышан от Егорки.

Спрашиваю аккуратно, один ли живет. Или семья. И слушаю про умершую жену. Вот не подумал бы, что с такой нежностью он будет говорить о ней. Про дочерей не вспомнил. А про жену много чего рассказал. И не подумаешь, что пьющий, а способен на такую глубину эмоций и переживаний.

Хотя, может, пить он начал после гибели супруги. Это мне неизвестно. Можно узнать, конечно, но зачем? Женщину не вернешь, а он пить не перестанет. Это не болезнь у него даже. Слабость характера. Спасовал. Думаю, и падчерицу ненавидит и колотит по той же причине. Она сильнее него оказалась. Маленькая девочка, а выстояла. Вот и сужу не по словам, а по поступкам.

Замерз. Надо было на машине проехаться. Но нравится место это. Не жалею, что переехали. Тяжело решиться было, да... но не зря, не зря... Тут жизнь, а там... сплошные магазины и обсуждения массажей — пассажей. Гуччи — хуючи чего стоят. Лучше бы и дальше о них думала.

И нормальная ведь Ирка моя. Нормальная. Заботливая. Хозяйственная. Но комплекс есть. В детстве недолюбили, замуж по договору выдали. Теперь мстит. Сама не понимает этого. А я наблюдаю.

И не обижал никогда. Знал, что уважаю. Что нет вины ее. С пониманием относился. С нежностью. Полюбил даже. Не так, не сердцем. В сердце другая. Всегда. Егор только и смог потеснить ее. Ту. Ангела моего. Да...

Ксюша.

Что чувствует человек, когда в одночасье лишается всего? Наверное, пустоту или страх? А я, как ни странно, чувствую облегчение. Не от того, что забрали сестер. Нет.

Все эти годы я жила в страхе. В страхе того, что придут и заберут, что Иван отнимет, Иван увезет. Он их отец. Он. Я для них практически никто. Единоутробная сестра, так кажется, гласит ответ на вопрос в гугле. Мы даже не похожи. Но вот люблю я их всем сердцем. Словно они мои дети... мои... а их забрали... И нечего больше бояться. Всё уже случилось.

Впервые за всю историю нашей дружбы с Милой я наорала на подругу и выгнала ее. Это только моя потеря и только я должна с ней справиться. Попробовать. Потому что сил нет давно.

Не знаю, сколько времени лежу в темноте. Понимаю, что дом надо протопить, но вылезать из уютного кокона нет никакого желания. Наверное, заплачь я, стало бы легче. Но и слез тоже нет. Ничего нет. И это не пустота. Кажется, именно так выглядит отчаяние.

Напоминаю себе, что я все же не одна. Во мне живет и развивается крохотная жизнь. И я должна быть сильной для него. Этого малыша. Который ошибся, выбрав меня своей мамой. Достойна ли я его?

Мысли путаются, и я обещаю себе, что полежу буквально минут десять и обязательно встану. Затоплю печь и нагрее кашу. Но не сдерживаю слова, проваливаясь в очередной сон.

Просыпаюсь в полной темноте и не сразу понимаю, где я. Сознание спутано, во рту разливается отвратительная горечь. Наощупь нахожу телефон и понимаю, что провалялась двое суток. А сейчас глубокая ночь.

Вытаскиваю тело из — под одеяла и тут же покрываюсь мурашками, а потом начинаю дрожать. Странно, что раньше замерзать не начала. И не захотела банально в туалет. Видимо, стресс все — таки дает о себе знать. На телефоне светится значок «сто плюс» рядом с входящими вызовами. Все они от Милы. Но ей перезвоню позже. Сначала вернуть тепло.

— Прости меня, — в который раз уже шепчу, глядя на живот, и кладу сверху ладонь. Вздрагиваю, потому что мне кажется, я чувствую неуловимую вибрацию. Словно... словно маленькая рыбка юркнула в воде...

И это странное и новое ощущение провоцирует, наконец, поток слез. Никак не могу остановиться. Плачу и плачу. Раздуваю огонь, вытирая щеки. В кухне зажигаю сразу все конфорки. Пусть хоть немного нагреется воздух.

Слезы текут, а я ощущаю — впервые за эти дни — облегчение. Слезы не лечат. Нет. Это же не лекарство. И, наверное, не очищают душу. Не знаю. Не в этот раз. Но они совершенно точно помогают не сойти с ума.

Затолкав в себя геркулес и погасив плиту, забираюсь под одеяло, прикрывая глаза вновь. Не хочу спать. Но лежать и мечтать в таком положении удобнее. И я мечтаю.

Знаю, что этот дом мой. Когда мамы не стало, отчим хотел заставить переписать на него, но сначала крепко запил, потом снова и больше к этому вопросу не возвращались. Надави он хоть раз, я бы даже пикнуть не посмела. Но он не вспомнил сам. Или думал, что мы оформили. Теперь и не спросишь... Если получится его продать, должно хватить денег

хотя бы на комнату в коммунальной квартире. Поближе к девочкам. Главное, узнать, куда их отправят. А потом... потом надо учиться жить заново... в тех обстоятельствах, среди которых я оказалась.

Не раз задавала себе вопрос, почему ушла тогда.

Испугалась?

Да. Наверное, это первая причина, подтолкнувшая к подобному решению. Бабушка Егора прекрасно знала, на что давить.

Факт о наличии невесты?

Тоже, наверное, да... но скорее то, что Егор ни разу, ни словом не обмолвился о ней. Это молчание не разочаровало, не испугало. Оно убило доверие. Ведь если та девушка осталась в прошлом, чего он боялся? А если... если она существует в настоящей реальности... Мне жаль, что я доставила ей неприятные мгновения. Получается, невольно я сама чуть не стала разлучницей. И... и да, я рада, что у них все наладилось. Егор на той фотографии выглядел веселым и довольным. На своем месте.

Я же все время ждала подобного. Не давалось никогда в жизни что — то легко. Ко всем своим маленьким успехам я пробивалась с трудом. Будь то оценка в школе, работа, поступление в институт... во все я трудилась и воспринимала успех, как награду. А Егор... он возник в моей жизни неожиданно. Уверенный в себе, внимательный. Красивый, да. Но не только внешней красотой. У Егора ведь по — настоящему красивая душа. Он ранимый и умеющий переживать. И открытый, как совсем недавно мне казалось.

Я снова плачу. Но сейчас от счастья. О того, что в моей жизни были эти моменты. Даже подобия сказки впереди не будет, но у меня остались воспоминания. Их уж точно никто не сможет отобрать. Да и угрожать мне больше нечем...

Включаю телефон и рассматриваю фотографии. Их немного. Егор, балуясь, щелкал в палате и когда мы первый раз забрали сестренку. Теплые снимки. Глажу пальчиками. Я не буду их удалять.

— Когда ты подрастешь, я обязательно покажу твоего красивого папу.

И уже привычным жестом поглаживаю живот, безмолвно признаваясь в любви своему маленькому чуду.

***

Горечь одиночества с привкусом свободы... ничего не хочется... и никто не ждет... Вот мой девиз все следующие дни. Дни, когда я беру себя в руки и начинаю хотя бы выходить на улицу. Осень вовсю хозяйничает, поливая улицы или засыпая снежной крошкой. Которая, впрочем, практически сразу тает.

После вынужденного затворничества меня тянет на простор. Я выхожу и гуляю по улицам с утра до вечера. Убиваю двух зайцев сразу: нахожусь на воздухе и спасаюсь от тошноты. Есть еще и третье. Мне страшно находиться дома одной. С той ночи, когда я рыдала и не могла остановиться, меня накрывают воспоминания. Все время кажется, что Иван придет, вытащит за волосы и... Я знаю, что этого не будет. Но паника душит, и я опять и опять возвращаюсь бродить вокруг деревни.

Казалось бы, бояться надо улицы. Темноты. Стремиться в свет и тепло. Но у меня никак не получается следовать логике. Несколько раз я застаю у забора человека в темной куртке. И дико радуюсь, что уходя, закрываю трубу. Со стороны дом выглядит нежилым, а непогода прекрасно скрывает все следы.

Первый раз, увидев человека, я испугалась и напросилась к тете Зое. Она с радостью

приняла меня и даже предлагала перебраться к ней. Но ночью меня полоскало от непривычных запахов и идею пришлось оставить. Если я привыкла не спать, то старушке отдых необходим.

Снова смотрю в темную спину. Мужчина закуривает, опираясь на покосившуюся калитку. А что если... Господи, а если отчим кому — то задолжал, и они будут требовать с меня? Таких историй через одну. А мне даже защитить нас нечем.

Нас...

Впервые мысленно произнесла это слово. Мы.

Я и мой малыш.

До этого мы существовали в моем сознании по отдельности. Я понятия не имею, что должна чувствовать молодая мама. Как должна относиться к тому, кого носит под сердцем... Я испытываю постоянное чувство вины и разрастающуюся с каждым днем любовь.

Выглядываю из — за деревьев, в тени которых скрываюсь. Хочу подойти и спросить. И вызвать полицию, если... «Если успею», — бьется разумная мысль. Поэтому спешно разворачиваюсь и ухожу.

Ноги сами приносят меня на кладбище. На похоронах меня не было, но я знаю, что Ивана похоронили в одной ограде с мамой. Каким бы чудовищем он ни был, но свою жену он любил. Только сейчас приходит мысль, что, возможно, мамины чувства не были так сильны и породили чудище в душе Ивана? Я знаю, что она любила отца. Они были счастливы. А еще я знаю, как легко рушится счастье. Всего один миг. Мгновение между прошлым и настоящим...

Опустившись на новую скамеечку, поставленную коллегами отчима, по привычке рассказываю кресту свои новости. Я давно здесь не была. Кажется, целую вечность. Знаю, надо было прибраться до определенного дня. Но мне так даже нравится: сухие разноцветные листья и деревянный крест. Над холмиком стоит клен, словно отгораживая это место от всех остальных.

Не знаю, сколько здесь сижу. Плачу, смеюсь. Вспоминаю. Мечтаю. Все, как обычно. С той лишь разницей, что мне не нужно спешить и дома не ждут две пары веселых глазок.

— Мамочка, я не знаю, что мне делать. Я потерялась. Совсем потерялась. Не справилась.

Сколько раз ругала себя за приезд. Не вернулась бы в дом, опека не нашла бы моих сестреночек. Мы так и жили бы маленькой семьей. Были бы вместе.

Закрываю глаза, сходя с ума. Мерещится, что мама смотрит с осуждением. Как тогда, в далеком прошлом. Когда впервые принесла двойку. Она не кричала и не ругала. Просто стояла и смотрела, а в глазах плескалось разочарование. Оно испугало куда больше, чем физическое наказание.

Сконцентрировавшись на мыслях, спиной ощущаю чье — то присутствие. Нащупываю в кармане сушку. Местный пес иногда приходит составить компанию. Мокрый, тощий и одинокий... как и я...

— Привет, Рой.

Не знаю, кто так назвал собаку, но кличка ему очень подходит. Я воображаю, что он внутри такой же упорный как боксер Рой Джонс. И сильный духом. Мы дружим. Если вообще бывает дружба между человеком и бродячим псом.

В ладонь утыкается мокрый нос и мгновенно слизывает угощение. А потом садится рядом и смотрит вперед. Умеют ли собаки думать? Я не знаю. Но верю, что он, как и я,

разговаривает с важным для него человеком.

— Рой, ты чего?

Пес напрягается и поднимает шерсть на загривке. Скалится, развернувшись и смотря вперед. За мою спину. По спине стекает струйка пота. Я слышу осторожные шаги. Дура, какая дура! Поперлась к ночи на кладбище!

Медленно разворачиваюсь всем корпусом. Смотрю на темную фигуру и зажимаю руками рот, из которого готов вырваться крик...

Егор.

— Ты что творишь, сученьш?

Эпично. Я бы даже сказал, эффектно. Но нестрашно.

Визита «вежливости» я ждал со дня на день. После того, как наш юрист лично вручил Ивану Бинковскому иск по поводу опубликованных новостей. Мы постарались собрать всё, что только можно было вписать. Может быть, мелочно. Но суть — то не в самом заявлении и не сумме компенсации. Суть в том, чтобы наказать.

А деньги все равно пойдут на ремонт детского дома. Пусть они косвенно, но сделают доброе дело. Единственное в своей жизни.

Не поднимая головы, продолжаю вбивать цифры в столбец. Дейв с интересом наблюдает, также не показывая никаких эмоций. Мы оба знаем, что бояться нечего. А расплыться на человека, присутствие которого в моей жизни нежелательно... не — а, не буду.

— Я с тобой разговариваю.

Бросаю взгляд на Дейва. В уголке губ мелькает усмешка. Ну же, рекламируемая ярость берсерков уже на подходе или надо еще подождать?

Нажимаю кнопку «сохранить» ровно за секунду до того, как ноутбук с треском летит в стену, а следом телефон Давида. Хорошо, что свой я привык держать в кармане.

Конечно, на подобный эффект мы не рассчитывали, но... Так даже лучше!

— Проникновение на чужую территорию, учиненный погром. Думаю, нам будет, чем дополнить список претензий в иске? Да, гражданин Бинковский?

— Порча чужого имущества, — весело добавляет Давид, поднимая осколки своего смартфона. По чертям в глазах вижу, что друг веселится вовсю. И даже знаю, почему.

Несколько лет назад, когда мы только организовали общее дело, Иван Викторович активно вставлял нам палки в колеса. И не просто палки. Выражаясь нелицитатурным языком несколько раз нае... подставил. Пришло время алаверды.

— Будем продолжать или покинете помещение? Мне неинтересно, ради каких целей был устроен цирк с мнимой помолвкой. Но видеть свое имя в связке с Вашей фамилией мне претит. Все свои требования я изложил в документах, которые были Вам переданы.

Встаю из — за стола, распахиваю дверь.

— Прошу покинуть мой кабинет.

— Пожалеешь, Керро.

— Уже пожалел, Иван Викторович. Когда связался с Вашей дочерью.

— Малолетний идиот.

— Как угодно. Я добавлю эти слова в редактированном экземпляре. — Показываю рукой наверх: — Можете улыбнуться на камеру.

— Да ну. Скучно. Я ждал большего.

Давид поднимает с пола носитель и подключает к своему ноутбуку.

— Мордобоя, стрельбы?

— Типа того. Про него столько слухов ходит. А тут... даже ты в порыве гнева нанес бóльший урон.

— Да по хрен на них. Нервы еще помотают, но думать... есть поважнее дела.

Я не кривлю душой. Весь этот террариум во главе с моей бабулей уже в печенках сидит. Откинув злость и все случившиеся уже последствия поступка ба, я пришел к выводу, что рад. Рад увидеть настоящие лица и истинные отношения в своей семье. Хотел бы сказать «бывшей», но от родных не отрекаются. Что не помешает мне сократить с ними общение до самого необходимого минимума. Я все еще люблю свою бабушку. *Ту*, какой её знал. *Ту*, любящую меня. А *эту*... эту сторону я только узнал и, как маленький мальчик, хочу спрятаться от тьмы, которую рассмотрел в душе. Реально, даже страшно от собственных выводов.

— Когда закончишь, скинь мне на почту.

— Почти. Я тут подумал, — всматриваюсь в экран, — может, подтянуть пару знакомых и обустроить им игровую площадку?

— Я всегда «за», ты же знаешь.

— На концерт поедешь?

— Придется. Хотя видеть это... черт, каждый раз наизнанку душу выворачивает.

— Я знаю, Давид. Когда не можешь помочь всем вместе, и смотришь в эти лица...

— Не всё знаешь, Егор. Когда смотришь на лица, а видишь одни глаза. Которые с надеждой смотрят, а ты вообще ничего не можешь. И самое страшное знаешь, что?

— Что?

— Уходить. Уносить с собой надежду.

Я не знаю, о чем говорит друг. Но выражение его лица... что бы я не сказал, он не услышит, потому что в данный момент он не здесь.

***

Заведующая суетится перед нами, а мне хочется поскорее сбежать в зал. Пусть тяжело, но только не видеть этого выражения лица. Мы все прекрасно знаем причину нашего появления здесь, а также причину ее нервного состояния. Если бы выделенные деньги доходили до места, мы бы не стояли в душном коридоре, выслушивая лживые благодарности.

— Егор Александрович, Давид Рустамович, ваши места в первом ряду. А Ти...

— Сегодня мы вдвоем, — перебивает Дейв, испытывая те же чувства, что и я.

— Поняла, поняла, — женщина торопливо кивает и распахивает дверь, приглашая войти.

Ну что ж, добро пожаловать на концерт имени нас — почетных спонсоров районного детского дома номер десять.

Смущенные и грустные личики сменяют друг друга на сцене. Горло сдавливает привычным уже для этого места обручем. К этому невозможно привыкнуть. Или же я не настолько толстокожий.

Давид сидит ровно, но зная друга, догадываюсь, что мыслями он снова далеко. Механически зеркалит эмоции: хмурится или улыбается, в зависимости от происходящего представления.

— А сейчас самые маленькие наши воспитанники покажут свой танец.

Воспитательница объявляет следующий номер и на сцену выходят совсем крохи. Встают парами и начинают качаться под музыку.

Скольжу по детским личикам взглядом и чувствую, что сердце пропускает удар за ударом, а с лица сходит вся краска.

Наверное, я дошел до личной степени бреда, или от постоянного недосыпа ловлю галюны, но в нескольких метрах от меня... в сером платье... с отрешенным личиком

топчется... Машка...

Наша маленькая крошка, еще недавно скакавшая на моей спине.

Мысли в панике мечутся, не находя ответа на вопросы. А я будто прирос к стулу, боясь вздохнуть.

— Давид, ты тоже её видишь?

Я всё еще в шоке и не могу поверить своим глазам.

Как? Кто? Почему?

Вопросы роятся в мозгу, но... бля, да я не могу поверить!

— Вижу, — Дейв сидит, сцепив зубы. Отчетливо видны скулы и поджатые губы.

— Сиди здесь, я сейчас.

Ждать терпения не хватит. Вот совсем нет. Делаю знак директрисе, чтобы вышла со мной.

— Девочка Маша, которая сейчас танцует. Как она сюда попала?

— Маша? — Тетка с хрен — знает — каким — именем, потому что оно мне на фиг не надо, морщит лоб. Ну понятно же, что она не знает детей по именам.

— Воспитательницу детей сюда. Живо! — Я рычу, срываясь. Изнутри душит ярость. Мысль «она не могла» пронзает раскаленной иглой. Не могла же!

— Вызывали?

— Маша. Девочка. В сером. Платье. — Я просто выплевываю слова. Сейчас мне вдруг понятным стало пресловутое состояние аффекта. По — любому я нахожусь в нем. Перед глазами так и стоит личико, не выражающее никаких эмоций.

— Девочки недавно к нам попали.

— Девочки? — Спрашиваю, заранее зная ответ.

— Да, их с сестрой совсем недавно перевели.

— Точно. Сестры. — Директриса начинает щелкать мышкой компьютера, поднимая глаза на меня. — Это конфиденциальная информация и только из уважения к тому делу...

— Короче. С Вас информация и список, что нужно.

Вот оно. То самое паршивое чувство. Когда ты знаешь, что всё продается и покупается и... и покупаешь... Неужели в нашем мире все настолько прогнили и нет никаких человеческих чувств? Чистых. Тех, которые просто для блага другого. Не просто другого — ребенка!

— Где сестра девочки? Я сегодня же заберу обеих.

— Егор Александрович, при всем уважении... Это невозможно.

Я тупо понимаю, что это действительно невозможно по закону. Но... мы же вроде как нашли общий язык, скажем так. А еще я понимаю, что объективно один здесь не вывезу. Просто знаний не хватит, как обойти долбаную систему.

Набираю Игорька и нашего штатного юриста. Мужик хваткий, с большим багажом дел. Должны справиться. Да я этой ушлой бабе готов лично денег сунуть, чтобы только забрать малышей домой.

К вечеру удастся обо всем договориться. Если не деньги, то связи решают многое. Подключив все доступные ресурсы, забираю девочек.

Даша молча садится в машину, не поворачивая головы к обожаемому Давиду. Как он не пытается разговорить, она злится и отворачивается к окну. С Машей еще сложнее. Едва увидев меня на пороге комнаты, она подбежала и повисла на шее. И всё. Оторвать без истерики не смог никто. Даже сейчас Дейв взят нами в заложники и ведет тачку, пока

Машка гордо восседает на моих руках.

Александр Клементьевич.

Роль деда мне определённо нравится. Нам понадобилось несколько минут, чтобы понять: любовь взаимная, абсолютная, и навеки. Чистые детские глазенки смотрят с таким доверием, что сердце затапливает лавиной нежности.

— Ты правда наш дедушка? Настоящий?

Маленькая Даша ерзает на коленях, задавая этот вопрос уже в сотый раз.

— Правда — правда.

— И никуда не уйдешь?

— Никуда.

— Точно? — Она грозно хмурит бровки и смотрит в сторону моего внука. — Не бросишь нас, как он?

С тех пор, как Егор забрал малышей к себе, прошло неполных два дня. Даша категорически отказалась говорить с внуком и Давидом, который в этот момент был рядом. Я приехал проведать Егора, посмотреть новый дом, и неожиданно попал в плен очаровательной юной дамы.

— Он вас не бросал, я тебе уже объяснял, Даша, — Егор сидит за столом и держит на руках младшую сестру.

Машенька, в отличие от девочки-войны, ни в какую не отпускает шею внучка. Вцепилась так, что он не смог отойти в уборную. Она плакала под дверью, не подпуская к себе.

Настрадались девочки.

Егору ехать надо, невесту свою забирать, а Мария не отпускает.

— Ты бросил Ксюшу, и нас. Мы одни далеко жили. А потом папа нас тоже бросил. Злая тетенька, с которой ты разговаривал, сказала, что у нас нет родителей. И мы никому не нужны, поэтому здесь.

— Никому не нужны? — Маша трогает внука за щеки и повторяет за сестрой. Она неплохо говорит для своих лет. Или я так быстро научился понимать. Да...

— Мне нужны. Дедушке нужны. Давиду нужны. Тимуру. И Ксюше очень нужны. Ты отпустишь меня за ней?

— Угу. Отпущу. Ты точно вернешься?

— Я точно вернусь. И привезу нашу Ксюшу.

Маша опять кивает, но рук не отпускает.

— А ко мне пойдешь? — Давид предпринимает попытку за попыткой.

Но куда нам, трем взрослым мужчинам, справится с маленьким ребенком? Ребёнком, чуть не потерявшем веру в чудеса.

— Машенька, а к дедушке пойдешь? Пока Егора не будет, я расскажу вам сказку. Пойдешь?

Протягиваю руку, второй обнимая егозу Дашу. Но маленькая Маша та еще упрямица.

Вижу же, что Егор нервничает. Но и как помочь не знаю.

— А со мной в магазин? Накупим игрушек. Поедете?

— Нет. — Железная леди Даша. — Ты уже дарил игрушки, а потом нас все бросили.

Что ж, в логике не окажешь. Судя по тому, что мне известно...

— Дедушка, тебе плохо?

Очень плохо, милая. Очень. Узнать, сколько жизней оказалось на грани, сколько пережили маленькие дети... только потому, что моя собственная жена возомнила себя борцом. Во имя чего её борьба? Во имя капитала? Так времена Маркса прошли. К счастью Да и денег ей всегда хватало. Никогда её не ограничивал, и сейчас не собирался. Не собирался, но придется.

Придётся напомнить Ирине, что кроме фамилии за душой у нее ничего не было. Её семья отдавала дочь за деньги. Чем она лучше тех, кого так упорно презирает?

— Всё хорошо, девочка. Всё хорошо. Давай попробуем уговорить Машеньку отпустить Егора? Подумай, что Ксюше сейчас страшно и холодно одной? Надо её спасти.

— Он не принц!

— Как не принц? Самый настоящий.

— Принц всегда защищает принцессу и женится на ней.

— Егор тоже вас защищает. Не всегда у принцев есть возможность бороться с врагами.

— Почему?

Хотел бы я и сам знать ответ на этот вопрос. Почему...

— Может быть потому, что иногда приходится сражаться с самыми близкими людьми.

— Как это?

— Давай отпустим Егора, и я вам расскажу?

Дарья по-деловому слезает с колен и подходит к внуку. Молча тащит Машеньку за руку.

***

— Ты обещал сказку, — Даша трет сонные глаза, но руки моей не отпускает.

Оказывается, для счастья мне не хватало именно этого: детской ладошки, любопытных глаз, непосредственных вопросов. Егор очень быстро вырос, рано стал серьезным мальчиком. Да и времена какие были — работа, приумножение счетов. А жизнь чуть мимо не прошла...

— Ложитесь на бочок и слушайте. В некотором царстве, в далёком государстве...

Крохи давно сладко посапывают, а я сижу и смотрю сквозь пространство. На того принца Сашу и его любимую принцессу Полину. Полечку.

... Как же надоели каждодневные скандалы! Со дня моего возвращения со службы родительские споры не прекращались ни на минуту. Не подслушивал, конечно, но готов побиться о заклад, что и ночами они ругаются. Никак не могут решить, куда поступить единственного сына. Меня то бишь. А самого сына спрашивать не надо?!

В раздражении бегу в библиотеку. Единственное место, по — моему, в нашем особняке, куда не доходят голоса. Резко распахиваю дверь и застываю на месте. На лесенке, балансируя на самых кончиках пальцев, стоит девочка. От неожиданности хлопаю дверь, а она теряет равновесие и с тихим вскриком летит вниз. В мои руки.

Всего один взгляд глаза в глаза и моё сердце отдано навеки этой незнакомке.

— Привет! — Единственное, что приходит в голову. Ругаю себя за скудоумие, но больше выдать из себя ничего не могу.

— Привет. Спасибо. — Девочка смущается, заливаясь румянцем, а боюсь моргнуть. Что если она пропадет также быстро, как появилась? — Отпустишь?

— Что? Я? Да. — Удастся взять себя в руки и выпустить девочку из объятий.

— Полина, — смотрю на узкую протянутую ладошку. Аккуратно касаюсь ее пальчиков.

— Александр. Можно проще — Саша.

— Александр, — девочка повторяет имя, пробуя его на вкус. Не знаю, откуда берется

такое сравнение, но выглядит именно так. — Мне нравится.

— Мне тоже, — выдаю лучшую улыбку. Готов говорить любую ерунду. Только бы еще постоять с ней...

Спускаюсь вниз и застаю Давида на кухне.

— Опять работаешь? Молодежь, молодежь. Время быстро пролетит...

— Оно и летит, Александр Клементьевич. Но сами знаете, что и без работы никуда. Я б может, отдохнул, но ваш внук взял в рабство. Вчера еще и Севера гонял на ночь глядя.

— Давненько его не видел уже. Считай, наверное, с нашего переезда.

— Он весь в делах. Мы его тоже видим мельком.

Хорошие парни. Хорошие. Даже не так. Надежные. Это ценнее. Да...

— Вы ложитесь, я сейчас закончу и тоже спать лягу. Звонка жду от Егора.

— Спасать поедешь? — Оба улыбаемся.

— Неее, там сам выгребает пусть. Я на няньках готов немного побыть.

— Любишь детей, Давид?

Спать не хочется. Наливаю нам чай и придвигаю свою кружку.

— Не задумывался об этом раньше. Наверное, да, люблю. С ними просто. Притворяться не надо лучше, чем ты есть. Вот Маша любит Егора. Ей все равно, какой он: красивый или нет, сколько у него денег на счету. Она его просто любит.

— Правильно говоришь. Пора тебе своих уже заводить. Рассуждаешь здраво, обращаться вон умеешь.

— Не, — смеется Давид, — я не встретил ту, с которой бы решился. Даже не так. С которой бы захотел детей. Не родилась, наверное, моя половинка. Тридцать два скоро, а так и скитаюсь. Самому иногда противно.

— А хочется?

Мне нравится этот паренёк. Добрый, открытый. Хороший друг. Да все они хорошие. Нашлись же когда — то, столько лет не разлей вода. Двое постарше — Влад и Давид. Посерьезнее. У Тимура — то ветер в голове. Ему бы ещё гулять да гулять, но вот жизнь сложилась. Да...

— Накатывает периодами, Александр Клементьевич. Смотрю на родителей — всё вместе делают, переживают друг за друга. Даже ссорятся любя. Мама отца каждый вечер на пороге встречает. Все, наверное, так хотят.

— Всё ещё будет. Всё еще впереди.

Ксюша.

Мужчина делает шаг ближе, поднимая руки, словно показывает, что ничего не сделает. Огромный. Высокий и огромный.

А я одна. Рой не в счет. Он слишком худой и слабый, чтобы защитит.

— Не бойся, Ксюша.

Откуда он меня знает? Господи...

— Кто Вы?

Голос дрожит, а я всё отступаю и отступаю, пока не упруюсь спиной в ограду. Дальше идти некуда...

— Тише. Напугал тебе, да? Меня зовут Владислав, я друг Егора. Мы с тобой лично не знакомы, но я знаю о тебе много.

Владислав это Влад? Тот неуловимый друг парней? А если... если это не он?! Я же не знаю его в лицо!

— Я не собирался мешать тебе, хотел присмотреть. Меня он, — кивок в сторону пса, — привел. Обратил внимание, что собака мечется от дороги к кладбищу, ну и пошел посмотреть. Вообще я к тебе ехал. Домой к тебе.

— 3-3-зачем? — Зубы стучат то ли от холода, то ли от страха.

— Мы как только узнали, где ты, я сразу выехал. Егор... он попробует приехать. Ему... кое — что решить надо. Пойдем, Ксюша.

Мужчина протягивает руку, но я не спешу ему верить. А если это бабушка прислала? Узнала как-то, что я здесь. Хоть я ей никак не мешаю. Но вдруг? Что в голову может прийти таким людям?

— Я... я останусь здесь и вызову полицию. У меня номер участкового есть.

Говорю и торопливо достаю телефон. Ищу дрожащими руками номер.

— Ты здесь замерзнешь. Беременным на кладбище вообще делать нечего. Тем более, в такую темноту.

Мужчина достаёт свой телефон и кому-то звонит. На громкой связи. Потому что между нами по-прежнему несколько шагов, а гудки я отчетливо слышу.

— Да, Север.

Родной голос разрывает тишину. Сколько раз я вспоминала и тут же пыталась забыть.

— Влад, слышно плохо, есть что — то?

Мужчина молча убирает аппарат в карман.

— Вы ему ничего не ответили.

А вдруг он украл телефон того Севера и... Мой испуганный мозг подкидывает вариант за вариантом. Я боюсь. Очень. И с недавних пор никому не верю. Даже самой себе.

Может, я просто заболела и это всё плод моей разыгравшейся фантазии?

Великан шумно вздыхает и снова показывает мобильный.

— Егор, на громкой. Тут твоя девочка боится...

— Ксюша, — в знакомом до боли голосе слышно столько эмоций, — он не обидит. Поезжай с ним.

— Теперь убедилась? Пойдем, Ксюша. Тебе нельзя переохладиться, а ты давно здесь сидишь, судя по красным рукам и щекам.

Всё ещё сомневаюсь. Но если Егор сказал... Егор! Зачем? Снова сказать про свок невесту? Поиздеваться надо мной вдвоем? Или предложит, как его бабушка, сделать тест и пригрозит отобрать малыша?

Нет.

Огонек непонятной надежды, вспыхнувший при звуках голоса, потух. Потому что мы — не вместе. «Нас» нет. У него есть семья. Может быть, даже уже жена. А у меня... у меня есть я и моя маленькая рыбка в животе. Которой нужна мамина защита.

Собираюсь с силами и говорю Владиславу, что никуда с ним не пойду.

— Не глупи.

— Уйдите. Если Вы правда не хотите сделать больно, прошу Вас, уходите.

— Хорошо. Я просто пойду сзади.

— Нет. Вы уйдете, я останусь здесь. И другу скажите своему, что никуда я не поеду. Я не хочу его видеть. Не хочу слышать о нем.

Мне кажется, я шепчу, и он ничего не слышит. Но, судя по нахмуренным бровям и эху, мой крик разлетается далеко по кустам.

— Хорошо, хорошо. — Он снова поднимает руки. — Я уйду. Только и ты, пожалуйста, не сиди здесь. Помни о ребенке.

Влад переводит взгляд на мои руки, судорожно прижимающиеся к животу.

Смотрю в спину удаляющегося мужчины и лихорадочно вспоминаю, как пройти через второй выход и не заблудиться. Придётся сделать круг и напугать тетю Зою, но выхода нет. Еще можно попробовать позвонить Миле... Хотя я ей с ней с того дня ни разу не поговорила. Но она поймет.

Я так запуталась. И так устала... бороться, бояться... кому я помешала там, наверху, что приходится жить в напряжении и ожидании? Где находят в себе силы жить те, кому еще хуже?

Люди, у которых нет дома, у которых нет родных? Люди, которые неизлечимо больны и умеют улыбаться... откуда они черпают эти ресурсы, дающие им возможность радоваться новому дню? Они сильные, а я слабая? Или они не дают шансов на жалость к самим себе?!

Правильно, хватит уже ныть. Я выдержала, когда не стало папы, выстояла, когда ушла мама. Хотя была младше и с двумя маленькими детьми на руках. А сейчас... сейчас в моем распоряжении целый дом, я сама и малыш, ради которого стоит взять себя в руки.

Мысль о девочках отзывается жгучей болью. На звонок, сделанный несколько дней назад, я получила сухой ответ, что на детей оформлена опека и решается вопрос удочерения. На мольбы дать контакты семьи, забравшей моих сестренок, собеседница просто положила трубку. Как и где их искать, я вообще не представляю. От отчаяния даже обратилась в наше отделение, где по старой памяти меня выслушали и сказали, что подобные данные обычным людям недоступны. А для обращения в суд у меня нет никаких аргументов.

— Рой, глупыш, — треплю пса, идущего рядом, за ушком. — Мой ты защитник. Теперь единственный.

К нужной улице добираюсь, окончательно промокнув и окоченев. Прохожу сзади своего дома, решив идти к доброй старушке, но, оглядевшись, понимаю, что никто не ждет, не караулит. Значит, правда уехал. С опаской пролезаю через дырку в заборе, порадовавшись впервые, что Иван не чинил, и попадаю в дом. Первым делом, закрыв дверь, растапливаю печь, и только потом снимаю мокрую одежду. Меня трясет, от холода. Натягиваю всё самое теплое, что нахожу, и залезаю под одеяло.

Проваливаясь в сон, слышу собачий лай и даю себе обещание завтра обязательно найти пса и накормить кашей. Собаки же тоже едят геркулес?

Утром выглядываю из окон с опаской. Но никого не вижу. Мне повезло, что вчерашний мужчина уехал и не стал преследовать. Моя психика бы не выдержала подобного. Сколько ещё раз предстоит собирать душу по осколкам? Когда уже все оставят в покое?!

Никого не хочу видеть. Никого!

Одеваюсь потеплее и, прихватив сушек, иду к Неве. Если пройти за деревню, можно выйти к обрыву. Там красиво и спокойно. Нет людей. В моем положении, наверное, наоборот надо тянуться к человеческому участию. Но я больше не верю, что оно существует. Никому не верю. Обманывают все. Даже самые близкие. Даже самые — самые.

Я сижу на бревне над обрывом, смотря на бегущую воду, и думаю, что даже папа, мой любимый папочка, предал меня. Он обещал, что никогда меня не бросит, и всегда будет любить. А сам ушел. Ушел и оставил одну. У меня даже места нет, чтобы прийти на его могилу. Вернее, я просто не знаю, куда идти.

На реку спускаются сумерки, а мне хорошо. Сегодня нет ветра и мокрого снега. Даже солнышко пыталось выглянуть из — за мрачных туч.

Щеки касается теплое дыхание.

— Нашел меня, хороший? Нашел.

Глажу дворнягу по голове. Достаю сушки. Рой благодарит за угощение, ткнувшись прохладным носом в руку. Ложится рядом и дремлет. А я думаю, что завтра схожу в клуб и спрошу на счет работы. Бегать официанткой я сейчас не потяну, а вот убирать помещение вполне. Это тяжело, да, но хотя бы подгонять никто не будет. Какая разница мне, когда спать. Днем или ночью. И надо узнать про продажу дома. А еще записаться на прием к врачу. Потому что больше раскисать и жалеть себя я не буду. Сегодня надо попрощаться со старой Ксюшей, чтобы больше в подобное состояние не возвращаться.

Вздрагиваю всем телом, когда слышу за спиной:

— Так и подумал, что ты здесь. Еле нашел.

Вскакиваю и оборачиваюсь. Рой, встрепенувшись, ощеривается.

Сзади крутой спуск и вода.

Впереди... впереди, сунув руки в карманы джинсов, стоит Егор.

Он изменился. Похудел. Лицо видно плохо, но мне чудятся темные круги под глазами.

Невеста не кормит, и спать не даёт?

— Зачем ты здесь?

— За тобой приехал.

— Я вчера твоему другу сказала. Уходи, Егор. — Стараюсь, чтобы голос звучал спокойно и ровно. Я обещала стать новой Ксюшей. Вот время и пришло.

— Я не уйду без тебя.

Егор делает шаг вперед, а я отступаю. Понимаю, что особо некуда, можно упасть. Но инстинкты срабатывают раньше, чем в мозгу загорается сигнал об опасности.

— Осторожно! — Он вскрикивает, хватая мой локоть, когда нога начинает скользить по песку. Я бы не упала. Там еще есть место, но в темноте плохо видно.

— Отпусти. — Поднимаю голову. — Зачем приехал? Чего хочешь? Вряд ли за поздравлением? Но на всякий случай я все равно поздравляю. Что ещё? Если ребенок волнует, не переживай. Вашей семье так хочется думать, что он не твой. Что ж, он не твой. Всё? Теперь уходи, Егор.

— Замолчи, Ксюша. Просто замолчи. — Он цедит слова с такой злостью и так сильно сжимает локоть...

— Отпусти. Мне больно!

— Отойди от края. И послушай...

— Нет. Нам не о чем говорить. Я не буду проходить никакие тесты. Это не твой ребенок. Можешь быть спокоен. Уезжай, я прошу тебя.

Опускаю голову, потому что смотреть на него выше моих сил. Как бы я не хорохорилась, но сердце трепещет от его прикосновения. Разум понимает, что в его хватке нет ни капли нежности. Но разве же глупому сердечку есть дело до этих аргументов?

— Я. Уйду. Только. С. Тобой.

Егор злится и четко выговаривает каждое слово. Выдергиваю руку и делаю шаги вперед. Больше переживать, что я упаду, не надо. Рой рычит, но не подходит к нам. Я сама встаю поближе к псу.

Чего я никак не ожидаю, так это торопливых шагов и крепких ладоней на своей талии. Егор прижимает меня к себе и шепчет, уткнувшись в висок. Я не могу разобрать все слова, потому что в ушах шумит от... страха? Хотела бы так сказать, но нет. Совсем не страха...

— Искал тебя... умирал... без тебя, девочка моя... так плохо...

Чувствую, как по щекам катятся слезы. Задерживаю дыхание, чтобы он не понял. Не хочу, чтобы видел. Потому что... потому что...

— Нет, Егор. Нет. Я не могу.

Я не могу поверить ему снова. Не могу. Только — только смогла обрести подобие равновесия. Договорилась с собой.

— Поехали домой. Со мной. Пожалуйста.

Сейчас мы смотрим друг на друга. Нас окутывает темнота, но я вижу блеск в его глазах. Слезы?

Моя душа кричит ему «да». Он же приехал. Он здесь. Он рядом. Но как ангел и бес существуют вместе, так и гордость своевременно поднимает голову.

— Я пойду домой пешком. А ты поедешь к себе домой. Так правильно. Я больше не хочу, Егор. Не хочу тебя знать. Хочу забыть. Пожалуйста.

Первый шаг дается с трудом. Потому что, несмотря на слова, в его объятиях тепло и уютно. Но я — то знаю теперь, какими обманчивыми они могут быть. Второй шаг сделать легче. Он не останавливает, просто смотрит, как я удаляюсь.

Егор.

Когда вчера Влад отзвонился, что Ксюша напугана и с ним не пошла, дал другу «отбой». Поехал бы сам, но маленькая Маша ни на секунду не отпускала мою шею. Страшно сказать, но в туалет прорывался с боем. Правда страшно. Сколько всего успели пережить две малявки за короткую жизнь. Не каждый взрослый столько видит, сколько пришлось увидеть им.

Я же, как только узнал, откуда девчат увезли, первым делом в машину прыгнул. Игорек перехватил на выезде с парковки. Или решать вопрос с малышами, или ехать. Без личного присутствия никак. Выбор очевиден был. Хотя внутренне рвался. Думал, закончу здесь и...

По понятным причинам самому сорваться не удалось. Надеялся на ночь, но спать Маша не отпустила, прижимаясь сонная к руке. Так и лежал на боку до утра. Думал.

Объективно понятно, чего Ксюня могла испугаться. Но, блядь, поздним вечером сидеть на кладбище?! Я вообще не знаю, как Север ее там нашел. Пёс, говорит, скулил. А друг собак обожает. Еще один смельчак: пошел проверять. Хотя, конечно, с его подготовкой особо бояться... но если бы там не Ксюшка была, а орава пьяных уродов? Мысленно ругаю, а сам бы тоже ведь пошел. Не то чтобы воспитание, внутренне не смирился бы, оставив без помощи.

Дед очень помог отвлечь мелкоту. Загорелся. С первых же минут загорелся. Видно было. Растаял. Наш кремень, наш негнибаемый Александр Керро — старший и вдруг превратился в плюшевого мишку. Ба увидела бы, сознание бы потеряла. Обязательно закажу огромный портрет деда с девчонками, привезу и лично повешу в гостиной. Пусть смотрит и понимает, чего себя лишила. И без подробностей ясно, что моя семья для нее табу. Пусть даже не пробует сунуться.

Вечерняя дорога успокаивает. Настраиваюсь на встречу. Жарких объятий не ожидаю, конечно. Но рассчитываю. Я смертельно соскучился. Как воздуха мне её не хватает. Моей девочки. Под кожу ещё тогда проникла. И поселилась навечно: в крови, в душе, в сердце.

На подъезде к деревне начинаю задумываться: как часто Ксюша гуляет так вот, вечерами. Дед периодами «навещал» дом, но никаких признаков людей не было. А ведь он бывал в дни, когда, судя по датам, девочки лишились родного отца.

Сверяюсь по навигатору и сворачиваю к кладбищу. Кто знает, может быть, она постоянно там сидит? Еще в больнице, разговаривая про родителей, Ксюша рассказывала про свои «разговоры» с мамой. Моей девочке так не хватало поддержки и совета... сердце снова сжимается. Дурёха... ушла... зачем ушла?

Пробежав между могил, возвращаюсь к машине. Значит, сегодня дома. Очень надеюсь, что была разовая акция. До сих пор морозит от мысли, как она одна не боится. Девчонка же. Слабая совсем. А если обидит кто?

И как это понимать?

Стою на крыльце, стуча в дверь. Никого. Может, испугалась и спряталась? Темно уже. Но даже дымка не видно. Или запаха затопленной печки. Наверное же, должно пахнуть? Я не спец. Но баню топим когда, чувствуется же. Обхожу строение. Как она живет тут. Темно, сырость одна. Но, что удивительно, чистота. И не скажешь, что совсем недавно тут алкоголик обитал. В окна заглядываю и прислушиваюсь. Тихо.

К подружке уехала? Могла. Вчера на стрессе могла снова убежать. Собираюсь проверить еще пару мест. Мы много говорили. Ксюша рассказывала, я внимательно слушал. Заметил, что мне интересны её рассказы, её жизнь. До нее все мимо проходило, а с ней... стало важным знать, что она на завтрак съела и какие носочки выбрала. Мелочи такие, но для меня жизненно важные. Потому что моя. Потому что любимая.

Кружу между домами, ища нужный. Адреса не помню, а в темноте дома кажутся другими. Вроде этот. Интересно, спит уже бабулька или еще нет. Уместно ли будет разбудить? Хотя кого я сейчас убеждаю? Мне не до вежливости. Внутри будто зверь проснулся и требует свое. К счастью, в одном окошке виден работающий телевизор. Не спит. Это хорошо.

Вспоминаю про пакет. Когда приезжал искать, хотел завезти. Бабушки любят сладенькое. Тогда тети Зои не было дома. Надеюсь, с печеньем и чаем ничего не случилось в машине. На всякий случай раскрываю пакет и пробегаюсь по срокам годности. Все хорошее. Вытаскиваю, чертыхаясь. Надо было в два сложить. Лишь бы ручки выдержали. От волнения думаю о посторонней ерунде. Потому что знаю уже: Ксюши в этом доме нет.

Но все равно стучу. Открывают почти сразу. Оказывается, машину в окно приметила. Не успел бабульке провести тепло с водой в дом. Закрутилось. Но от своей идеи не откажусь. По — хорошему, я б её вообще переселил. Надо будет с Ксюшей обсудить.

— Так что, Егорушка, ищи свою зазнобу. Ищи. Миле, стрекозе, позвони. Крепко дружат они.

Да уж. Так крепко, что из — за этой Милы я столько времени потерял. Вот же упертая подруга, блин.

Благодарю тетю Зою и выезжаю на дорогу. Нахожу в навигаторе клуб, потому что ориентироваться трудно. Столько дорожек, лесных проездов. Дед, кстати, счастлив. Грибов натаскал. Он с природой на «ты». Его стихия.

Стихия... Ксюша же рассказывала про красивый склон в окрестностях. Но где его искать? Где здесь к Неве проезды? Судя по карте, либо между домами, либо за пару километров от деревни. Не туда же она ходит? Однако пока все не проверю, не уеду. Шестое чувство подсказывает, надо искать. А, может, не интуиция, а просто надежда? Черт его знает. Сам, как пёс, кружу по берегу. Нет здесь никаких склонов. Пологий спуск, места для купания.

Если честно, сначала заметил собаку. В темноте серая шерсть выделяется контрастным пятном. Только сделав пару шагов, вижу сидящую девушку. Сердце и так от адреналина бьётся, а уж стоит рассмотреть место... Красиво. Наверное. Обрыв, поваленное дерево, березы рядом (наверное, березы, река... но твою мать! В темноте! Опять одна?! Она серьезно?!

— Так и подумал, что ты здесь. Еле нашел.

Хочется кричать другое, но язык и мозг явно в контрах и живут разными жизнями. Девчонка вскакивает, а я запоздало понимаю, что моего приближения не слышала ни она, ни собака. Только на звук зарычала.

Ксюша пристально смотрит. Делает вид, что не узнала? Плохо получается.

— Зачем ты здесь? — А нет. Узнала.

— За тобой приехал.

Говорит про Севера. И назад отступает. Я вроде и слушаю. Слышу, да. Но слезу за шажочками. Куда она идти собралась? Высота не ахти какая, но пару костей сломать можно.

А она беременная! Беременная, черт возьми!

Радость от встречи сменяется яростью и... страхом за нее. Подскакиваю, удерживая за локоть. Кажется, мы даже ведем диалог. И похоже я даже отвечаю. Но спроси меня, о чем говорим? Без понятия. Я в глаза ее смотрю. Близкие. На губы пялюсь. Темнота. А я вижу лучше, чем при дневном свете.

Не выдерживаю. Не могу больше. Прижимаю к себе. Пытка — быть рядом и не прикоснуться. Вот так, чтобы наполнить легкие ее запахом. Чтобы дышать ею.

— Так долго искал тебя. Так долго. Не знаю, как без тебя жил. Умирал каждый день, каждый час. Только ты в моей жизни. Только ты, Ксюш. Никак не могу без тебя. Девочка моя. Моя родная. Никак одному. Так плохо... ты нужна...

Шепчу, лихорадочно сжимая талию. Помню про малыша нашего, торможу. Безумно хочу поцеловать.

Она стала совсем прозрачной...одни косточки. Даже через слои одежды ощущаю...

Моргаю, потому что глаза жжет. Её губы шевелятся. Что она говорит? Чего не может? Я не понимаю. В ушах шумит, а сердце не успевает перегонять кровь. Во мне вулкан извергается.

— Поехали домой. Со мной. Пожалуйста.

— Я пойду домой пешком. А ты поедешь к себе домой. Так правильно. Я больше не хочу, Егор. Не хочу тебя знать. Хочу забыть. Пожалуйста.

Не понимаю. У меня, наверное, шок. Я знал — знал! — что просто не будет. Не в нашей истории. Не после бабушкиного проступка. Но... Она же любит меня. Пусть говорит одно, но я чувствую её так, как самого себя. Почему сейчас она уходит? Почему я стою, оглушенный словами, и позволяю ей делать шаги? Нельзя. Остаться сейчас одному — подписать себе приговор. Больше не подпустит, уверен. Один шанс, одна попытка. Найти самые правильные слова. *Самые важные в жизни.*

— Ксюша, — зову. — Мы уже сделали огромную ошибку, промолчав. Один разговор. Прошу тебя.

Знаю, что скажи я про сестёр, что они у меня, она поедет. Их она не бросит. Но мне нужна Ксюша, а не одолжение. Не так, не шантажом. А именно так выглядеть будет, если произнесу.

Остановилась и молчит. Как же сложно. Словно по полю минному продвигаюсь. Каждое неверное слово рвануть может. А уж полыхнет так, ничего вокруг не останется.

— Садись в машину. Там теплее. Мы только поговорим. Я уеду после, если ты захочешь. Обманываю. Не уеду никуда. Если выгонит, у дома ждать буду.

— Пожалуйста, — повторяю тихо.

Прислушивается. Я знаю эту её задумчивость. Взвешивает все «за» и «против».

Осторожно приближаюсь и беру за руку. Подталкиваю к тачке. Руки ледяные. Ну чем, чем она думает?! Который раз за вечер этот вопрос задаю?

— Один разговор, Егор. И ты забываешь про меня. Про нас.

— Если ты не передумаешь.

— Хорошо. Если я не передумаю.

Открываю дверь, помогая устроиться. Захлопываю и обхожу тачку. Сзади слышу то ли вздох, то ли тихий скулёж. Пёс стоит, повесив голову. Шерсть свалялась, ребра торчат. И это он рычал, защищая мою девочку? Может, не он, а она? С чего я решил, что передо мной кобель? Доходяга.

— Что же с тобой делать? Сюда иди.

Протягиваю руку, готовясь отдернуть. Что там у собаки на уме?

— Вот как? Не боишься? — Осторожно провожу рукой между ушами. — Ну давай, запрыгивай тоже. Судя по всему, в доме одно прибавление за другим.

Распахиваю заднюю дверь, но то ли сил, то ли понимания, чего я хочу, у собаки нет.

— Ксюш, собаку как — то зовут? — Вижу, что в окно она наблюдает.

— Это он. Рой.

— Ну Рой, так Рой.

Стаскиваю куртку и подхожу к дворняге. В детстве я погладил соседского Бобика. Руку в нескольких местах шили. Так что, извини, приятель. Пока доверия к тебе нет. Быстро накидываю куртку и затаскиваю в салон.

— Егор! Что ты... ты что делаешь? — Ксюшка таращит глаза. — Он же грязный, а у тебя машина...

Она явно растеряна.

— Не бросать же его здесь, — пожимаю плечами. — Он тебя не бросил.

Удивительно, что Рой поскуливает, но не делает попытки выбраться из куртки и даже не лает. Совсем ослаб? Интересно, есть круглосуточные клиники, чтобы его осмотрели и привели в порядок? К детям в дом в таком виде не потащишь же.

— О чем ты хотел поговорить?

— Здесь или к тебе поедем?

— Здесь.

Ксюша.

Я ожидала, конечно, что Егор попробует остановить. Но не думала, что таким способом. Схватит, на руках потащит, но чтобы он... просил... так неуверенно и так... отчаянно? Я прекрасно расслышала эти ноты...

Сама не раз думала, не совершила ли ошибку. Тяжело начать доверять человеку, который обманул. Но обманул ли? Самой себе тяжело врать. В тот вечер я поддалась панике и своим обидам. Но... Господи, столько всего сейчас намешано в моей голове. Самой не распутать. Может, он прав и хоть немного нам обоим поможет поговорить. Главное, искренне отвечать на вопросы. Да?

Соглашаюсь и сажусь в машину. Сразу атакуют образы: как Егор везет из клиники, как мы девчонок забираем. Как меня выписывают... как он несет на руках... несдержанно целует на светофоре... стоп! Вот об этом точно сейчас думать не надо.

Что он так долго? Смотрю в окно, как Егор гладит Роя. Надо же. Не подумала бы... Все — таки Егор... ну с его уровнем жизни... и обычная грязная дворняжка... Хотя ведь и я такая же. Бабушка прекрасно донесла до меня отношение их семьи к таким людям.

— Ксюш, собаку как — то зовут?

Зачем ему? На прощание лапу пожать? Так он команд не знает.

— Это он. Рой.

— Ну Рой, так Рой.

Эм... до последнего не понимаю, что Егор творит, пока пес не оказывается в машине. Он же грязный. Нет, будь у меня возможность, я бы забрала к себе. Но чем кормить? А так его хоть сердобольные бабушки иногда подкармливают.

Голова слегка кружится. Надеюсь, не от опасной близости Егора. А просто... просто мне кушать пора. Точно! И неважно, что я все равно ни крошки не съем, потому что будет тошнить.

— О чем ты хотел поговорить?

Егор поворачивает голову. Ждет. Смотрит пристально. Так пристально, что начинаю ерзать.

— Здесь или к тебе поедем?

— Здесь.

Пусть я уже сижу в его машине. Но ехать с ним. Нет. Не готова. Сердце рвется к нему. Просит прислушаться, умоляет. Он искал, искал! Пришел. Но тут же перед глазами вспыхивает фотография новостной ленты.

«Наконец-то Егор представил обществу свою невесту...»

Подношу руки к печке. Егор дергается и притормаживает сам себя. Я знаю, что он хочет сделать. Взять в свои ладони и согреть дыханием. Как делал раньше. И этот жест отзывается в душе щемящим чувством. Почему так сложно?

Молчу. Это он ведь хотел поговорить. Я тоже хочу задать свои вопросы. Не знаю, как. Вернее, не знаю, будет ли он честен. Хочу ему верить. Потому что... потому что не стал бы он искать и просить о разговоре, если бы ему было все равно. Или... или он боится, что я устрою скандал и опозорю его невесту — жену? Бросаю взгляд на руку. Кольца нет. Но это же ничего не значит...

Егор тоже молчит. Хмурит брови. И руль сжимает крепко. Хотя мы на месте стоим. Можно не держать. Нервничает?

— Я не знаю, с чего начать, Ксюш. — Наконец, прерывает молчание. — Так хотел прояснить и... и слов не могу подобрать. Вернее, могу, но не уверен, что сейчас тебе это надо.

Он вздыхает и утыкается лбом в сложенные руки. Так хочется провести по волосам, успокоить. Но теперь и я не знаю, нужно ли это *ему*.

— Расскажи, что тебе сказала бабушка, когда приходила? Ты же после вашего разговора резко пропала. Что она наплела?

— Ты сам разве не знаешь?

— Я хочу услышать тебя.

Мне нечего скрывать. Тот разговор, а точнее, монолог, намертво врезался в память. До всех пауз. Рассказываю, смотря в окно.

Я уже давно закончила, а Егор все молчит. Перевожу взгляд на него. Сжал зубы и усталился в одну точку. Тишину в салоне только надсадное дыхание Роя нарушает.

Вдруг Егор резко срывает машину с места. Глаза прищурены и внимательно наблюдают за дорогой.

— Егор... Егор, куда мы едем?

— Малыш, сейчас все увидишь. Не бойся. Мне... я тебе всё сейчас объясню, но не здесь.

Я не боюсь его. Странно, но нет. Знаю, что плохого не сделает. Только зачем ехать на ночь глядя куда — то, почему не объяснить, не сказать? Егор, конечно, человек действия. Но я... я не понимаю его.

— Если я не хочу ехать? — Говорю спокойно. На самом деле мне все равно. Тепло. Пахнет им. А мне хочется вдыхать этот запах и погрузиться в иллюзию, что у нас все, как прежде. Может быть, за меня говорят гормоны. Или усталость от всего.

Егор плавно съезжает на обочину. Мы уже прилично отъехали от деревни и поселка. Лес вокруг. Темнота. И только его машина.

— Ты ждешь от меня оправданий, наверное. Ответов. Я всё дам. Не просто дам. Я тебе докажу, что всё ложь. Кто — то заигрался. Сейчас скажу одно: нет никакой невесты. Нет. Не было никогда. Ты была и есть, Ксюш. Ты только.

— Правда? — Пусть мой голос звучит жалобно. Пусть даже я кажусь маленькой и наивной дурочкой. Пусть даже предаю сама себя. Но так хочется поверить.

— Правда.

Я слышу, что его голос срывается, а еще вижу, как он смотрит на меня, как спускает взгляд на губы.

— Хочу прижать тебя к себе. Поцеловать хочу. Но только если позволишь... когда... когда сама увидишь...

Я просто устало киваю и прикрываю глаза. Сил спорить нет.

— Ксюша, ты бледная. Может быть, первым делом заедем поесть?

Егор тормозит меня, вырывает из сонного состояния. Разлепляю веки, понимаю, что мы въехали в город. Я столько дней нормально не ела, что не знаю. Постоянно мутит от еды и запахов. Знаю, что плохо это. Витамины пью. Заставляю через силу.

И вдруг...

— Ты пробовал когда —нибудь креветку?

— Конечно. Не скажу, что прям фанат. Но есть можно. Ты хочешь креветок?

— Угу.

Господи, откуда во мне это? Я — не я вовсе. Надо было сразу уходить, а я не просто еду в одной машине с человеком, который... с Егором, в общем. Но ещё и про креветки говорю. Я ж их не пробовала, с какой стороны взять не знаю.

А ещё Рой на заднем сидении. Пригрелся и спит. А если он что — то сделает в машине? Я восхищаюсь поступком парня. Но в то же время боюсь, что пёс натворит дел, а Егор сорвется на нем.

— Значит, едем ужинать.

— А Рой, Егор?

— Его по — хорошему ветеринару показать надо. Но решать будем вопросы по мере поступления. Самый важный — накормить вас. Потом посмотрим. Ты уже спишь на ходу.

— Я постоянно сплю.

— От слабости, я же...

— Все так, — перебиваю.

— Не все, малыш. Ты прозрачная стала. В два раза меньше, чем была.

Так легко общаемся, будто не было расставания в эти дни. Будто не было холодных дней поодиночке, и страшных ночей, когда один на один с темнотой.

***

Маленькая Даша.

Отец меня не любит. Он только ругается и дерется. Машку не трогает. Она маленькая еще.

А меня бьет.

Ксюша только любит.

Машка тоже. Обнимает и жалеет. И еще бабушка Зоя.

Мы на площадке гуляем, там у детей есть мамы и папы. Мамы кричат иногда. А папы на ручках носят.

Я тоже хочу найти своего папу.

Я думала, папа это отец. А он кричит, что не папа отродья и просит уйти. Кто такие эти родья, я не знаю. Но лучше уйти.

Мы всегда уходим. Значит, мне папу искать надо.

Я подумала, что Егор нас нашел. Что он наш папа. А он тоже бросил.

Нас все бросают.

И красивый друг Егора. Принц Давид. И он тоже.

Но они мне снятся иногда. Ну когда мы в домике жили.

На поезде сначала мало ехали. Потом хорошо жили. Никто не ругался вообще!

Ксюша только часто плакала.

А мне кукла снилась часто. И как Егор и Давид играли с нами.

Почему все уходит хорошее?

Я не нашла никого. Нас злая тетенька увезла. Ксюша кричала страшно. И Маша кричала.

А я нет. Когда я кричала раньше, отец ударял больно. Я знаю, что нельзя плакать. Чтобы видели.

Только Ксюше можно сказать на ушко. Она обнимет и пожалеет.

Надо её ждать. Я Машку каждый день уговаривала. А она все равно плакала. Глупенькая потому что.

Только Ксюша все не шла и не шла. А вместо нее опять Егор пришел. Забрал нас из этого дома злого.

Там холодно и невкусно. Тетенька щипала всегда, кто плохо ел. Я ела, а потом в туалете плевалась. У меня рот какал в туалет. И больно было.

Я там только плакала. Но чтобы не видел никто.

Егор хороший. Но я все равно злюсь на него. Зачем он отдал нас? Его не было, не было. А я каждый день у забора ждала.

И Машка ждала. Мы вместе.

Она плохо говорит, но понимает все.

А Ксюша не ждала. И он не приходил.

А сейчас мы в новом доме. Егор сказал, больше нас никуда не отпустит. И кормит вкусным.

А еще пришел наш дедушка. Он очень добрый. Я не хочу, чтобы он уходил.

Мы с Машкой решили их держать. Машка Егора, а я дедушку.

Я еще Давида хочу держать, но он сердитый. А раньше улыбался все время.

Егор тоже сердитый.

И Ксюши нет.

Она потерялась и ее надо искать.

Получается, что мы нашли папу? И дедушку? И они нас любят?

Надо утро спросить.

Я уже спрашивала. Но еще раз спрошу.

У взрослых так сложно всё устроено. Я тоже уже взрослая. Значит, надо много раз говорить.

Когда проснусь утром, скажу дедушке, что люблю его. И он улыбнется.

И Егору скажу. И Давиду.

И еще Тимуру. Только его нет сегодня. Он далеко уехал. Я телефон попрошу и позвоню ему.

Пусть тоже приезжает.

Егор.

Ксюшин голос звучит ровно. Чувство, что она пересказывает сюжет фильма. Никаких эмоций. Сухие фразы.

А меня рвет изнутри!

Как ба посмела такое? Как язык повернулся?

Ради чего все это?!

Тотальный контроль? — Извините, ошиблись с эти лет эдак на... десять точно. Даже больше.

Любовь так проявила? — Как на хрен любовь. Чуть жизни не разрушила. Взрослый человек, а не погнушалась даже расписку подделать.

— Семейю спасала? — Это у них с мамой любимая тема. Только от кого спасти, черт возьми? От них спасать надо. А не им. Не времена дворянства, когда за чистоту крови боролись. Ну как боролись? Детей своих ломали. Девчонок старикам отдавали. Мразям последним. Сейчас, конечно, нонсенс, резонанс — мужчина в два раза старше и нашел молоденькую. А раньше куда вы, блядь, смотрели?

Надо остыть. Дров наломать легко. Исправить потом сложно. И приоритеты... их расставить надо правильно.

Ксюша на первом месте. Это нерушимо. Она и ребенок наш.

А с остальным выгребу. Главное, не сорваться. В этом состоянии убивать хочется. Правда. За то, что руки протянули к моему. Страдать заставили.

Не слепой же я. Ксюшки не видно, высохла совершенно. Уверен, что не ест ничего. Да и откуда ей питание взять.

Ну, блядь, бабка. Нет слов душевных для неё. Вернее, слова — то есть, но при беременной Ксюше даже и думать их неловко.

Вдох — выдох. Сжимаю руль и рву тачку в сторону дома. Нет смысла говорить здесь. Пусть своими глазами увидит. Нет никакой невесты. Дом есть. Для нее. Девочки ждут. Дед. Пусть мы не расписаны ещё, но мы уже семья. Давно уже. В моей голове стопроцентно.

Поглядываю на свою малышку. Дремлет. Или слабость? На всякий случай предлагаю перекусить. Что беременные любят? Огурцы с вареньем? Сало с джемом? Я всё достать готов. Ночи напролет бегать. Только верните обратно мою улыбчивую девочку. Мою ягодку.

Креветок хочет. Моя же умничка! Значит, едем за ними. Пусть только хочет. Всем богам молиться готов. Только пусть улыбается.

Говорят про любовь, что в омут с головой. Вот я и нырнул. Встрял. Не выплыть. Да и не хочу я. С ней хочу быть. Рядом.

Обнять хочу. Безумно. Но нельзя пока. Немного потерпеть. Чувствую, что на правильном пути. Пусть говорит одно, глаза выдают. И волнение. Слишком хорошо я изучил свою Ксюшу. Слишком сильна наша связь.

Пока ждем заказ, обнимаю свою ягодку за плечики. Разрешает. Сначала с опаской дотрагиваюсь, потом наглею. Я не я буду, если не проверю границы. Хоть немного.

При свете видны темные круги под глазами. Кожа не бледная, реально прозрачная. Венки видно.

Ярость снова вскипает, взрывает внутри всё. Но я знаю, что надо делать. И знаю, кто

мне поможет. Мстить родным подло. А я не хочу унижать себя подлыми поступками. Ксюша тоже не поймет. Но и безнаказанными такие поступки оставлять нельзя. Дать слабину, считай, сдать. Капитулировать я могу лишь перед одним человеком. Которого сейчас прижимаю к себе.

— Что ты делаешь? — Ксюша обращает внимание на моё копошение в телефоне.

— Ищу ближайшую ветклинику. Пса надо показать. Чтоб помыли там, намарафетили.

Анализы взяли.

— Ты правда его хочешь оставить?

— Если ты не против.

— Но я...

Нас прерывает официант. И я рад этому парню. Открывать карты не входит в мои планы на ближайшие пару часов. Ксюша должна увидеть всё своими глазами. Только так я могу вернуть её доверие.

Пишу Дейву сообщение, чтобы притащил папку с иском на кухню. Не хочу искать среди ночи. Сразу покажу Ксюше и закроем вопрос о мнимой невесте. У меня настоящая есть.

— Вкусно?

— Ага. Я не знала, что они такие... ну такие...

— Какие, малыш?

— Не тошнотные. Меня от всего мутит, а сейчас хорошо так.

Она съела — то каплю. А отвалилась на спинку дивана, будто слова сжевала. Подзываю официанта, чтобы принес счет.

— Не спи, моя хорошая. Или спи, но разреши до машины донести.

Сам не решаюсь. Моё дело ступать на хрупкий лед и не провалиться. Что там сапёры, у меня задача посложнее. Не просто выбрать и не ошибиться, а еще сохранить и удержать.

***

— Чей это дом? — Ксюша сонно бормочет, когда помогаю выйти из машины.

Всю дорогу проспала, свернувшись на сиденье калачиком. Я аккуратно откинул спинку, чтобы удобнее было.

— Наш, моя хорошая. Наш дом. Сейчас ночь, поэтому мой сюрприз спит. Но я тебе покажу, если пообещаешь не кричать и, самое главное, не переживать.

Если честно я даже не знаю, как Ксюшу подготовить к тому, что сестры её здесь. Раньше не сказал, чтобы шантажом не тащить сюда. А теперь как — то стрёмно уже.

За локоть подвожу к крыльцу.

— Аккуратно, ступени. Я для нас его выбрал, Ксюш. Для нас и наших детей. Не было других. И не будет. Я говорил тебе. И повторю. Сейчас покажу быстро кое — что еще, и завтра нормально поговорим. Когда проснемся.

— Ты хочешь, чтобы я осталась на ночь?

— Я хочу, чтобы ты осталась на всю жизнь. И это не громкие слова. Я правда хочу этого. Верь мне.

Чем быстрее закончим, тем быстрее она сможет лечь в кровать. Сейчас это волнует больше всего.

— Красиво как!

— Завтра все рассмотришь. Ладно? А сейчас спать. Но перед этим... В общем, вот. — Протягиваю листы, которые друг положил на углу. — Это документы в суд на семью Светланы за распространение ложной информации. И когда ба с тобой разговаривала, не

было в моей жизни других.

— Я... — Она растеряно смотрит на папку, на меня. — Я потом почитаю. Хочу тебе верить, Егор.

Шепотом добавляет, а глохну от слов. Верить...

Что в любви главное? Ну кроме взаимности? Понимание, компромиссы, сами чувства, конечно. Но важнее всего *доверие*. Оно хрупкое, невесомое практически. Дунешь и рассыплется. Но на нем держится любовь. Где нет веры, там постепенно умирают настоящие чувства.

— Верь. Клянусь, я не обманывал тебя. С первого взгляда в тебе пропал. Правда. Чёртовы обстоятельства... Я даже не знаю, как всё так вышло. Тебе бы прилечь, Ксюш, но сначала... — И как теперь выкручиваться? — Когда проснешься, сама увидишь. А сейчас просто скажу, потому что ночь.

— Ты меня пугаешь.

— Я вот как раз хочу не испугать.

— Егор?

Прижимаю свою любимую, а она напряженно смотрит и вроде бы не замечает моих рук.

— Дашу и Машу я забрал и они...

— Что? Что ты сказал?

— Девочки здесь, в доме. Сейчас они уже спят, но утром...

— Егор... — Ксюша вопреки всем опасениям не истерит, не кричит и не плачет. Она кладет прохладные ладошки на мои щёки, — но... но как?

— Не очень просто, но получилось.

Не знаю, как она отнесется к предстоящему моему удочерению девочек. Решаю оставить обсуждение этих тем на потом. Сейчас главное, что она наконец — то рядом. Здесь. Где её место. В нашем доме.

— Можно на них посмотреть?

— Только тихо, ладно?

Если Ксюня разбудит Машу, пиши пропало. А мне ещё изнывающего в машине Роя надо отвезти. Ума не приложу, куда ночью его сейчас пристроить, а на улице совесть не позволит бросить. Хоть он и привык так существовать, но я не смогу оставить животное.

Ксюша заглядывает в приоткрытую дверь и видим мирно спящих на кровати девчонок и дремлющего на кресле деда.

— Но это же, — она отшатывается, прикрыв ротик ладошкой. — Это же...

— Идём, — шепчу, чтобы не потревожить спящих. Веду в нашу комнату. Надеюсь, что нашу. Она же примет меня? Когда-нибудь?

— Почему там был твой дедушка?

— Тшшш, успокойся. Он не причинит им вреда. Наоборот. Они считают его своим дедом, а он их внучками. То, что натворила ба... Он не имеет к этому никакого отношения. Блин, Ксюш, нам о стольком надо поговорить, но сейчас совсем не время. Уже глубокая ночь, тебе нужен отдых. Вам нужен, — глянув в её глаза, кладу руку на живот.

Может быть, я сошел с ума, но мне кажется, я чувствую ладонью еле заметное движение. Наверняка этого не может быть: еще и беременности явно не видно. Ксюша сама по себе миниатюрная, уверен, что и животик у нее вырастит маленький. Но я продолжаю прислушиваться к своим ощущениям, и мир замирает. Сужается до микроскопических размеров, оставляя только мою ладонь на коже любимой женщины.

В разном возрасте на вопрос «что есть счастье» я отвечал по — разному. Сначала казалось, нет ничего важнее семьи и похвалы родителей. Потом прибавились победы в спорте, успех у противоположного пола. Чуть позже — финансовая стабильность, карьера. Но оказывается, что все это такой пшик. Ничто по сравнению с невероятным ощущением тепла, которое дарит Она.

— Вы моё счастье.

Слова срываются с губ легко. И, наверное, это самые правильные слова за всю мою прожитую жизнь. Не признание в любви даже. Э признание в том, что они и есть любовь и жизнь.

— Не отвечай ничего, Ксюш. — Во мне говорит трус. Я боюсь, что она произнесет то, что разрушит волшебство момента. Если она оттолкнет, умом я смогу понять. А вот сердцем... с ним тяжелее договориться, как оказалось. Оно живет своей жизнью, выбирает само и бьется только для той, которую выбрало.

Ксюша.

Господи! Боже! У меня нет слов. И даже эмоции не душат. Они просто во мне не умещаются и неизвестно, какая первой ворвётся внутрь.

Я лежу на широкой кровати и делаю вид, что пытаюсь уснуть. Надо уснуть. Надо. Но мысли в хаотичном порядке разносятся по голове. Егор уехал, а я не успела спросить от шока как, где, когда он нашел моих малышей? Как ему удалось их забрать? Как они?

Столько всего не успела. И столько всего не сказала. Испугалась только, увидев дедушку Егора. Он немного успокоил, но утром мне надо поговорить самой.

Поговорить.

Для этого Егор вёз меня сюда.

«Наш, моя хорошая. Наш дом». До сих пор звенит в ушах. Я как оглохла. Столько всего сразу обрушилось. Наша встреча, мои слезы, поездка... Теперь вот дом, документы. Кстати, надо почитать, для чего Егор их дал. Он сказал, там доказательство, что не было никакой помолвки. Но нужны ли мне сейчас они? Доказательства эти?

Если бы у меня были подруги или родные, наверняка бы осудили: быстро сдалась, поверила, кому нельзя. Пусть. Пусть быстро и пусть глупая. Но я правда поверила.

В тот момент, когда к животу прижималась горячая ладонь, поняла, что сдаю все позиции. Готова к полной и безоговорочной капитуляции. Но что — то ещё удерживало на плаву. Когда же Егор прошептал про счастье... Рухнули все стены, оковы и остальное, чем я пыталась закрыться от внешнего мира.

Я поняла окончательно, что я — его, а он — мой. Мы вместе. И пусть впереди нас ждёт много разговоров и вопросов. Много ответов и слёз, но теперь я ни за что не откажусь от него. От этого мужчины, стоящего на коленях и прижимающего руку к едва заметному животу.

Кладу свою ладонь на то месте, где ещё чувствую фантомное прикосновение Егора и засыпаю. Глубоко и спокойно. Так, как спала последний раз, прижимаясь к тёплому боку своего мужчины.

— Тише, егоза, не буди сестру. Дай ей отдохнуть.

В первое мгновение шёпот и Дашкин писк кажутся плодом разыгравшегося воображения. Требуется некоторое время на загрузку организма и полученной накануне информации. Всё хорошо. Я не сошла с ума. За дверью действительно моя маленькая сестренка.

Доходит медленно, но верно.

— Дашка, — слетаю с кровати, и бегу к двери. Хорошо, что успела обратить внимание на собственные голые ноги. Ой! Я же вчера разделась и легла, не спросив у Егора даже футболки. Так и спала в одном белье. Тороплюсь, натягивая джинсы и кофту, чтобы обнять сестренку. Кажется, если прямо сейчас не смогу убедиться в реальности происходящего.

— Ксюша!

Стоит открыть дверь, в ноги летит Маруська, вереща на одной ноте. Следом скачет Даша, которую еще секунду назад вел за руку дедушка Егора.

— Мои девочки. Родные мои!

Ноги не держат, и я просто падаю на колени. Целую щечки, носики, трогаю волосы.

Прижимаю к себе худенькие тельца, и снова целую.

— Не плачь, Ксюш. Зачем ты плачешь?

Дашутка трясет за руку, а я никак не могу успокоиться. Столько времени терпела, столько держала в себе, что сейчас нескончаемым потоком влаги словно освобождаюсь. Упускаю, когда рядом появляется Егор и подхватывает на руки. Чуть позже пойму, что испугала девочек, что некрасиво рыдала на глазах Александра Клементьевича, что на шум поднялся Давид — это будет потом. Сейчас же мне надо выплакать всю боль, всё отчаянье, которые сковывали изнутри.

— Сладкая моя, ягодка моя, — Егор тихо баюкает, шепча на ушко нежные слова. Не с первого раза их слышу. И, судя по всему, даже не со второго. Постепенно истерика проходит, но я продолжаю сжимать в кулаках рубашку парня.

— Успокоилась? — Он нежно смотрит на меня. Пытаюсь найти осуждение, но в глазах только тепло и ласка.

— Немножко.

— Давай умоемся и позавтракаем вместе? Девочки с дедом уже поели, а вот ты малого на голодном пайке держишь.

Не дожидаясь ответа, Егор тащит в ванную. Вчера я была слишком ошарашена, чтобы рассмотреть комнату, а сегодня по понятным причинам не успела. Поэтому вовсю таращусь на необъятное джакузи, занимающее треть помещения. Если честно, я такие видела лишь в сериалах и всегда искренне недоумевала, для чего людям огромные ванны. Теперь, кажется, догадалась. Егор терпеливо ждёт, пока я осмотрюсь. Но его горящий взор не намекает, а прямо — таки кричит, *о чем* он думает.

Хочу ему сказать, что пока я не готова полностью перешагнуть черту и забыть прошлое. Пусть даже зная, что не всё сказанное было правдой. Пока не могу. К тому же, надо показаться к врачу. Из — за случившегося с отчимом на приём я так и не попала.

— Егор, я...

— Я всё понимаю. — Снова он читает меня, как раскрытую книгу. Ловит моё смятение и не даёт произнести слова, которых стыжусь.

Боже, беременная женщина, а сказать слово на букву «с» до сих пор сложно себя заставить.

— Подожду тебя в комнате. Не закрывай дверь, хорошо? Я не буду врывать и беспокоить.

Ничего не отвечаю, разворачиваясь, наконец, к раковине и умывая лицо. Нахожу новую щетку, чищу зубы и приглаживаю волосы. Хочется помыться, но это желание вполне подождет. Да и чистую одежду не мешало бы раздобыть. Может быть, после завтрака попрошу у Егора футболку.

— Я готова.

— Так быстро? Я думал, захочешь поплескаться. — Мужчина лежит на кровати, быстро — быстро стуча пальцами по экрану смартфона. — Уже настроился поработать, пока жду.

— Я хотела, но... в общем, мне нужно во что — то переодеться и...

— Скромница ты моя. — Егор встает и подходит к двери, которую я сначала не заметила. — Выбирай, что нравится. Всё твоё.

О боги! Если б я была шмоточницей, как Мила, упала бы в обморок и попросила меня никогда не выпускать из этого тряпичного рая. В открывшемся пространстве собран явно не один магазин.

— З — з — зачем так много? — От волнения начинаю заикаться. Мне же реально не надо столько одежды. Я уж молчу, что фигура начнет меняться, и девяносто процентов нарядов я просто — напроосто даже надеть не успею. Последнее говорю Егору, на что получаю логичный по его мнению ответ:

— Я тосковал, пока ты была не рядом.

Так тосковал, что скупал рядами платья? Ну Егорка, блин.

***

Первый день в доме проходит в нескончаемых разговорах, новых слезах (уже от радости), словах прощения, объятиях и уютных посиделках. Девчонки постоянно крутятся рядом, а Маруся и вовсе не отпускает Егора. Оказывается, этот финт она проделывает с тех пор, как увидела его в детском доме.

При рассказе о страшном месте снова плачем. Уже втроем. Я от страха и чувства вины, а малышки за компанию. Как ни странно, успокаивает сестренку дедушка Саша. После беседы по душам он предложил так его называть. А еще сказал, что может пожить с нами, если мы не против, и помочь с девчонками. Но, кажется, моё мнение и мнение Егора не были решающими. Эта троица явно нашла друг друга, и расставаться не собирается.

Давид уехал утром. У него новая знакомая и он, переодевшись в костюм, отправился в ресторан.

— Надолго его не хватит. Не такая ему нужна, — вынес вердикт Егор.

— Откуда ты знаешь?

— Просто знаю его хорошо.

— А вдруг?

— Не — а, готов поспорить, через пару дней наш блудный попугай Кеша придет заливать горе от очередного разочарования.

— Ой, — пугаюсь, — я не заметила, чтобы он много пил. Вроде.

Вообще — то не так и хорошо я знаю этого Давида. Может, он при малышках держал себя в руках.

— Да он не много. Я образно сказал. Погрустит вечерок и в клуб сорвется. Или в зал пыль из груши выколачивать.

— Даша его не простила?

— Типа снизошла, — Егор улыбается. — Сначала не смотрела даже. А утром первым делом залезла на колени и сказала, что очень любит его. Ты б видела Дейва. Он же прослезился от такого проявления нежности.

Дашка может. Её просто невозможно не любить.

Егор бросает взгляд на часы:

— Так, мне пора мчаться за новым питомцем. Его уже из дворняги сделали дворянином. Хочешь со мной или дома подождешь?

Я очень, очень — очень хочу поехать с ним. Но выбираю второе. Маруся ноет, и дедушка явно не знает, чем её завлечь. Ну и потом я хотела приготовить поздний ужин. Мы успели перекусить заказанной Егором едой, но мне не терпится самой хоть что — то сделать.

Дедушка Саша.

— Я рад, что у вас с внуком начало налаживаться.

Ксюша колдует у плиты, а мои внучки уселись смотреть мультфильм про сиреневое

чудовище с четырьмя ушами. Если это уши, конечно. Надо хоть почитать, кто такой, чтобы обсудить с ними.

Чем больше смотрю на девушку Егора, тем больше нравится она мне. Сильная девчонка. Сестёр не просто не бросила, душу в них вложила. Видно это. Да...

Да и Егорка расцветает с ней рядом. Вижу, с каким трепетом смотрит на неё. И она не отстаёт!

Ждал, что тяжело будет. Понимал, какие последствия вмешательства Ирины могли быть. Да и были! Но хорошо то, что стало хорошо. Так говаривал мой отец. Так и я привык думать. А прошедшее что уж теперь ворошить. Оно было, не изменишь. Жить нужно здесь и сейчас, ценить моменты счастья и благодарить за них судьбу.

— Он хороший парень. Я тебе не только как дед его говорю. А как человек, повидавший в жизни. Верный он и надёжный. А что по молодости было, не смотри назад, Ксюша. У любого взрослого мужчины есть другая жизнь, которая была «до». И какая бы она ни была, она принесла опыт. Хороший или плохой — у каждого свой. Самое главное решить, хочешь ли ты будущего с ним. Моешь мне не отвечать, я не буду лезть в душу, но себе...

— Хочу. Я очень люблю Вашего внука. Но в то же время постоянно боюсь, что он встретит лучше меня. Более подходящую. За которую его никто осуждать не будет.

Вот что творится в её светлой головке.

— Когда мужчина выбирает сердцем, его мало интересует мнение окружающих. Егор обеспечен и не зависит от других. У него есть поддержка друзей, есть я. А что Ирина наговорила... плюнь на это. Из зависти она.

— Зависти?

— Я думаю, да. В каком бы статусе ты не была, у тебя есть выбор. В своё время у нас этого выбора не было. Не сами распорядились своей судьбой. Я принял это. Страдал, да. Потому что другую любил. А Ира не приняла. Она, может, и сама не осознает, но сейчас она не против тебя или Егора. Она против чувств в принципе. — Припиваю чай, который успела сделать девушка. — Станный разговор старого деда, да? Ты уж не обижайся. Вы уже наделали ошибок. Не смертельных, но неприятных. Оба настрадались. Да...

— Я понимаю, о чём Вы говорите. Но Вашу жену... я не готова пока...

— Она тоже не готова пока. Так что про неё думай в последнюю очередь. — Встаю, увидев, что стрекозы слезают с дивана. — Спасибо за чай. Доделывай и не переживай, я с ними поиграю.

... Любуюсь точёной фигуркой, скользящей между деревьями. Аромат липы пьянит, а горячий воздух застыл в пространстве. Кажется, его можно потрогать. Протягиваю руку и трогаю... Полину за рукав. Она прижимается спиной к шершавому стволу, сжимая в руках огромный букет липовых веток.

— Зачем тебе столько?

— Я люблю такой чай. Зимой ты придешь с мороза, а я тебе чашку сразу. С запахом лета.

— Лета.... — Повторяю эхом. Она и сама, как лето. Солнечная, воздушная. — Ты девочка — солнце, знаешь об этом?

— Теперь знаю. — Полина заразительно смеется, пряча лицо в свой букет.

— Поль?

— Ау.

Прижимаю её к себе, откидывая ненужный веник. Потом новый соберу.

— Я кажется... кажется, люблю тебя.

Какой вкус у любви? У моей — вкус липового цвета и лета. И сладких губ моей Полины...

Ксюша.

Напряжение зашкаливает. Лежу на кушетке, сжавшись так, как только могу. Внутренне, конечно.

Мы на контрольном УЗИ. Первом исследовании, когда можно узнать очертания малыша и услышать его сердечко. Мы — это я, живот и Егор. И именно он сейчас напряженно вглядывается в монитор, а я малодушно боюсь посмотреть и жадно ловлю эмоции на любимом лице.

Врач что — то говорит, но от волнения в ушах такой шум — я ничего не слышу. Вернее, слышу, но не воспринимаю. Мне надо решиться перевести взгляд на экран и услышать, что всё хорошо. Только после этого, наверное, я начну приходить в себя. По крайней мере, надеюсь.

— ... а сейчас можем послушать сердечко...

Это значит, всё в порядке, да?

— Егор?

— Выдохни, Ксюш. Хорошо всё. Приготовься, сейчас...

И кабинет наполняет мерный стук. Он проникает в меня, задерживаясь где — то в районе солнечного сплетения. Стук сердца нашего ребёнка. Оно бьётся, а это значит, он растёт, он борется и стремится к нам. Спасибо, Господи!

— Ксюша, Ксюш! — Не с первого раза слышу, что говорит Егор. — Ну ты чего, малыш? Правда хорошо. Я тебе расскажу, я всё — всё запомнил.

Врач с улыбкой смотрит на нас и говорит, что можно вытирать гель и вставать. Тяну руку к салфеткам, но Егор и здесь оказывается быстрее. Он сегодня с утра вообще невероятно суетливый и даже немного нервный. Тоже переживает. Хоть и не говорит ничего.

— Фото на память. — Врач протягивает несколько небольших листков с черно — белым изображением. — Результаты передам Тарасу Алексеевичу.

Провожу пальчиком по картинке. Наш малыш. На следующем УЗИ обязательно буду смотреть в оба, а сегодня... слишком много всего свалилась, чтобы успеть взять себя в руки за короткий промежуток времени. Это же не значит, что я буду плохой мамой?

— Ты уже самая лучшая мама. — Егор помогает подняться и целует в висок.

— Я вслух сказала?

— Ага. Перенервничала. А теперь можешь успокаиваться.

Придерживает за талию, пока выходим в коридор.

С момента приезда в дом и моей истерики, Егор ко мне больше не прикасался. Всегда находится рядом, готов помочь в любую секунду, но... это касание — максимум, который он себе позволил. И я знаю, почему. Я сама виновата в том, что выстроила очередную стену.

Можно списать на гормоны, но себя — то не обманешь. Сначала я боялась. Когда ещё не знала всей правды. А потом меня переключило. Егор сказал, что готов ждать. А я... я не хочу ждать больше! Хочу, чтобы, как раньше, он решил всё за меня. Только он этого не сделает, я знаю.

Может быть, придумать, как аккуратно намекнуть? Например, попросить что — нибудь достать в спальне и... Что дальше я не придумала, но обязательно додумаю. До вечера время

есть.

Пока сидим и ждём окончания Тараса Алексеевича, Егору приходит на телефон сообщение. Он открывает, улыбается и поворачивает экран ко мне. Дед Саша скинул свежие фотографии: Даша верхом на Рое, а Маша кормит его печеньем. Пёс влился в их компанию так быстро, словно всегда в ней был. Девчонок он ещё по деревне помнил, мы его подкармливали и он летом любил играть с детьми, если его не прогоняли. Но то, что он дружелюбно примет всех остальных! — Удивился и дедушка, и ребята из охраны, которые теперь дежурят на подъезде к дому. «Чтобы больше никто не лез», — пояснил Егорка.

Егоркой его зовёт Александр Клементьевич, и мне это очень нравится. Егорка или Егорушка. Ему подходит.

Успеваю устать и сбегать в уборную несколько раз, когда, наконец, нас приглашают в кабинет. Я себя так накрутила, что только пью и писаю. Как в рекламе. И отойти здесь некому, приходится самой добираться до кабинки.

Врач вдумчиво изучает результаты, которые успели прийти. У меня уже и кровь взяли, и ещё кучу манипуляций провели. Не клиника, а пыточная. Сомневаюсь, что районные поликлиники уделяют столько времени женщинам в положении. Да — да, я сама в этом виновата. Надо было раньше посетить врача. И не раз. И если бы... Да что уж теперь оправдываться? — Виновата, терпи. И терплю.

Тарас Алексеевич, наверное, не меньше меня удивлён хорошим анализом. Вспомнить только, в каком состоянии сюда попала, что потом было. Беспокоит только моя худоба и недобор веса. Егор тут же сводит брови и начинает задавать миллион вопросов, что делать, как исправить, чем кормить. Чуть ли не по граммам. Ещё и пометки в телефоне делает. И стыдливая часть меня хочет провалиться сквозь землю, а другая — девичья часть — умиляется и тает от такой заботы. Кто — то скажет — «Фу, контроль». А я скажу так: «Да! Контроль!»

Потому что с каждой минутой становлюсь увереннее — он меня любит.

Выслушав рекомендации и наставления, направляемся к двери, когда я — сама от себя не ожидала! — краснея и смущаясь, задаю вопрос:

— А личная жизнь... она также... ну под запретом?

Егор вопросительно смотрит, приподняв бровь. Потом, видимо, сложив в уме что — то одному ему понятное, улыбается и кивает.

— Во время близости вырабатываются гормоны счастья. Через кровь они передаются плоду, оказывая благоприятное воздействие. Помимо этого при половом акте активизируется кровоснабжение в органах малого таза, улучшается питание малыша. Поэтому никаких причин сейчас для ограничений нет. Разумеется, в пределах разумного. Игрушки, плётки и подобное исключаем.

Мамочки! Мои щеки похожи на пылающий факел. Вот уж намекнула, так намекнула. Молодец, Ксюша.

Блин!

Егор же напротив начинает широко улыбаться и настойчиво подталкивать на выход. По глазам вижу, что сейчас выдаст пошленькую фразочку. Уже готовлюсь краснеть сильнее (хотя куда уж), но парень молчит. Ухмыляется только, и уже не сдерживаясь, прижимает к себе.

Забираюсь в машину и пытаюсь пристегнуться дрожащими руками. Егорка отбирает ремень и сам вставляет в замок. И молчит!

— Говори уже, — сама не выдерживаю.

— Что говорить?

И моська такая невинная. Я бы даже поверила, но в глазах бесенята скачут.

— Что хотел.

— Хотел.

— Ну? Говори.

— Есть хочу.

— Есть?

— Ну да. Проголодался, пока ждали. Давай заедем перекусить, а?

— А — а... да, хорошо.

До меня поздно доходит, что он просто дразнится.

— А ты спросить хотела о чем — то, да?

Да, блин. Хотела! А теперь не хочу. Нельзя так издеваться над беременными.

Собираюсь даже испортить ему настроение, спросив про маму или бабушку. Но понимаю, что так не только ему, но и себе весь день испоганю.

— Что говорил узист? Я так переживала, всё прослушала.

— Сейчас доедем до рестика, расскажу.

Егор как раз заворачивает на парковку и красивого здания. Выбираюсь из машины и люблюсь. Ресторан занимает, насколько я понимаю, первый этаж. Смотрится внушительно, если честно. Наверное, внутри потеряться можно. Ожидаю увидеть много золота, красного бархата и колонн. Не знаю, откуда такая ассоциация. Может, в книжках подобное видела. Но тут ожидает сюрприз: огромный светлый зал, в котором всё оформлено в черно — белой цветовой гамме и яркими пятнами выделены желтые детали. Круто и стильно.

— Нравится? Это ресторан Дейва. Он его два года назад открыл. Тут отличная кухня, тебе должно понравиться. Кстати, лучшие креветки в городе готовят здесь.

— Звучит вкусно, но я не хочу кушать.

— А придется. Хотя бы несколько штучек. Док что сказал? Обязательно хорошее питание. Сама не хочешь, а малого корми.

— Хорошо — хорошо. Ты что ругаешься?

— Я не ругаюсь, а забочусь и переживаю. Это большая разница. — Тянет меня за руку к угловому столику. — Присаживайся на диванчик, удобнее будет.

И сам рядом устраивается, даже не думая присесть напротив.

— А Давид? Он здесь?

— Спросим сейчас.

Нам приносят меню и, пока Егор разговаривает по телефону, начинаю рассматривать картинки. От воспоминаний о креветках начинает мутить. Они были нереально вкусные, но сегодня, похоже, организм требует других вкусов.

— Выбрала?

— Нет. Я здесь ничего не хочу. — Придвигаюсь ближе и шепчу на ушко: — Я поняла, что дико хочу винегрет.

Егор начинает хохотать, запрокидывая голову.

— А я всё ждал, когда же начнутся запросы. Винегретом не удивила.

— Что за шум, а драки нет?

— О, вот видишь, а ты по нему скучала. Вежливые люди, Давид Рустамович, здороваются сначала.

— Здравствуйте, свет очей моих Ксюша, — подмигивает мне, — и Егор Александрович.

Чего ржать изволите аки конь педальный, за пределами зала слышно?

— Мы о своём, о женском, мамочка.

— Так поделитесь, папочка.

— Короче, — Егор перестает улыбаться и кивает Давиду, — мы у врача сегодня были.

Начинает рассказывать про УЗИ, достает снимок и показывает другу. Я думала, только девочки так делятся. Я с Милой примерно также всё буду обсуждать. Только эмоциональнее, наверное.

— Сказали, кто у вас? Тут особо не видно ничего. — Давид тычет пальцем в фото. — Я догадываюсь, что это ручки и ножки. Наверное. А это голова, да?

— Это попа, Давид. Карточку переверни, баран, блин.

— Эээ... если честно, понятнее не стало. Ксюш, прости, я в этом вообще ноль.

— Потому что своих нет. Заведешь, начнешь разбираться.

— О! Когда это будет! Сомневаюсь, что решусь. С вашими посидеть готов, можете рассчитывать. Но не злоупотреблять.

Они ещё немного препираются, а я утыкаюсь в принесенную тарелку. Ммм, как же вкусно! Какая же я голодная! Или просто нервозность отступила, и проснулся аппетит. Ем и прислушиваюсь к разговору парней. Обсуждают рабочие вопросы, поездки. Перескакивают на общих друзей. Оказывается, Артур и Инна успели пожениться. Очень за них рада. Обязательно надо будет поздравить, когда появится возможность.

***

— День так быстро пролетел, я не заметила.

— Потому что постоянно была занята. А тебе нужен отдых. Врач же сказал: себя беречь, не перенапрягаться. А ты, как приехали, то у плиты стояла, то гулять пошла с мелкими. Ксюш, так же нельзя. У тебя есть помощники. Дед счастлив возиться с девчонками. Отдала ему и легла.

— Я не привыкла так.

— Знаю, малыш. Но всё меняется, и жизнь меняется. Тебе надо принять, что ты не одна больше. У тебя есть мужчина, который готов хоть звезду с неба достать.

Все уже разбрелись спать, а мы сидим с Егором на кухне и пьем чай. Давид приехал проведать малышей и остался на ночь. С той девушкой у него не сложилось. Но по нему не скажешь, что он переживает.

— Понимаешь, я привыкла рассчитывать на себя. И не могу просто подойти и сказать: поиграйте, пожалуйста, пока я посплю.

— Вообще — то, деду так и можно говорить. Он прям помолодел. А представь, как он будет счастлив, когда пацан родится?

— Ты опять? Врач же сказал, что не видно пока, кто.

— Не знаю, не знаю. Я уверен. Так — то я уже место под футбольное поле присмотрел.

— Какое поле, Егор?

— Футбольное. Мини. Будем мяч гонять с Дёмой.

Нет, он неисправим! А если в животе у меня девочка?!

— Отдыхать уже пора, фантазёр.

— Я сам уберу, — забирает из рук кружку. — Иди ложись, малыш.

Прячу вдох разочарования. Так ведь и не сказал ничего про... Ладно, не сказал и не сказал. Спать, Ксюша.

— Ой. — Вырывается, когда Егор подхватывает на руки.

— А ты думала, хитрая девочка, что я забыл или не понял? Мне так нравилось смотреть на твоё смущение. Молчала бы, да?

— Угу.

— Дразниииишься... маленькая ягодка...

Мы уже у двери в спальню. Егор прижал меня к стене, не спуская с рук. Господи, только бы никто в коридор не вышел и не увидел...

Обвиваю талию мужчины ногами сильнее, чтобы не упасть. Горячее дыхание опалает кожу губ. Мы в миллиметре от поцелуя и оба чего — то ждем.

— Одно твоё слово, Ксюша. Одно... и я не уйду. — Он шепчет, прижимая к себе ближе. Кажется, это невозможно. Но нам мало. Мало и хочется слиться воедино.

Какое слово он хочет? Разве не видит, что...

— Да, выдыхаю еле слышно.

— Моя девочка. Ты не пожалеешь.

В два шага оказываемся в спальне. Вздрагиваю от хлопка двери.

— Не бойся, милая. Не бойся.

Егор кладет меня на кровать и нависает сверху. Наши губы так и не соприкоснулись, но в комнате уже искрит.

— Иди ко мне...

... Порывистый поцелуй перерастает в глубокий, жадный, волнительный и волнующий...

Егор.

Стоит прикоснуться к ксюшиным губам, самоконтроль начинает трещать по швам. Я держался весь день. Если раньше меня тормозили собственные обещания и принципы, то после смелого вопроса в клинике. Да я еле дожил до темноты! Сам себе кажусь озабоченным, но ничего не могу поделать. Хочу свою девочку до дрожи в ногах.

Мы живём вместе, мы ждем ребенка, но полностью своей я её до сих пор не сделал. Парадокс, конечно. Не всем так удаётся попасть, как повезло нам. А считаю, что действительно повезло. Судьба свела. С некоторых пор я верю в это. Не иначе, как кто — то на небесах похлопотал за меня.

Не знаю, где взять силы, чтобы не наброситься на желанную малышку. Стоило, наверное, уединиться в душе, но тормоза сорвало, как только увидел мелькнувшее разочарование в любимых глазах. К черту все рамки и ограничители. Она моя. *Моя!* И от осознания этого так сладко ёкает в груди.

Прикусываю нижнюю губу, проникая языком в горячий рот. Пара секунд и Ксюша начинает отвечать. Хочется застонать от удовольствия, охватывающего всё тело. Сжать хочется до синяков, до хруста, до громких криков. Но нельзя. Пока нельзя. Держусь.

Одержимо целую. В голове гудит, а в жилах кипит кровь. Краем сознания цепляюсь за остатки разумных мыслей.

Не торопиться! Не напугать!

Как? Когда мне хочется её сожрать просто?!

Стягиваю с ягодки футболку, кайфуя от нежной гладкой кожи. Тут же спускаюсь языком по подбородку, веду по нежной шее. Просовываю руку под поясицу, чтобы выгнуть, прижать ближе. Ещё ближе! Одним движением расстегиваю лифчик, открывая себе вид на поистине произведение искусства. Тело любимой женщины всегда самое красиво и желанное для мужчины.

Провожу рукой по вершинкам, подмечая, как Ксюша начинает чаще дышать. Повторяю движение пальцев и подключаю язык. Посасываю розовый сосочек, сжимая второй то сильнее, то нежнее. Ксюша впивается руками в плечи, нетерпеливо ёрзая бёдрами.

Я тоже соскучился, милая моя. Сейчас сама увидишь, насколько сильно.

Возвращаюсь к губам, ловя стоны. Вибрация от них проходит вдоль позвоночника, простреливая болью в паху. Долго не выдержу, прекрасно понимаю это. Но вместе с тем не могу оторваться от ласк. Распалённая Ксюша — мой наркотик. Вечно бы смотрел и слушал.

Привстаю на локтях, стягивая одним движением домашние шорты и трусики. Знаю, что моя девочка смутится, но не могу себе отказать и не полюбоваться на нее.

Моя.

Миллион раз повторяюсь.

Любимая.

Ксюшка тянет мою рубашку, но пальчики не слушаются. К черту эти пуговицы, у самого терпение уже на пределе. Освобождаю себя от остальной одежды. Кожа к коже. И мы одни во всём мире.

Продолжая целовать, веду рукой вниз. Туда, где горячо и сладко. Касаюсь пальцами влажных складочек. Моя умница уже готова. Не зажимается, не отталкивает.

— Моя хорошая, — шепчу.

Развожу её ножки шире и касаюсь волшебной точки. Ксюша вскрикивает, прикусывая моё плечо. Кружу вокруг, дразню, довожу до грани. Малышка начинает дрожать, когда я ввожу в неё средний палец. Не встречаю сопротивления и начинаю двигать внутри, аккуратно растягивая стенок. Стоны становятся громче, но вдруг Ксюша замирает, прикусывая губку.

— Что — то не так? Больно?

— Нет. — Хриплым шёпотом в ответ. — Я же... нас услышат...

— Здесь отличная шумоизоляция. Не сдерживай себя. Хочу, чтобы у меня заложило уши.

Никогда не понимал и не любил особых звуков в постели. Но с Ксюшкой все по — другому. Её стоны — особая мелодия и только для меня.

Продолжаю двигать пальцем внутри, присоединяя второй. Языком повторяю ритм, подводя нас обоих к самому пику. Ксюшу трясёт, она разводит ноги шире, подаваясь навстречу движениям руки.

На мгновение прерываю поцелуй: — Не бойся, хорошо?

Слышит она или нет, не понимаю. Глаза прикрыты, а пальцы со всей силы сжимают предплечья.

Больше не могу ждать. Вхожу аккуратным толчком и замираю. Даю привыкнуть к новым ощущениям. И сам схожу от них с ума. Горячая, тесная, узкая. Она обхватывает меня, сжимая мышцы. Толкаюсь дальше и начинаю медленно двигаться, постепенно наращивая скорость и амплитуду.

Внимательно слежу за реакцией моей девочки. Вот она закусывает губку, замуривает глаза и... Ксюшу трясёт, а её стенок сокращаются вокруг моего члена, даря запредельные ощущения. Хрен с ним, с позором: я так долго ждал. Отпускаю себя и с хриплым стоном изливаюсь внутрь. Нам можно и это тоже особенный кайф. Вся она — удовольствие и наслаждение.

Рвано дышим, постепенно приходя в себя.

— Как ты, малышка?

Я по — прежнему в неё и уже готов пойти на второй круг. Но готова ли она? Выдержит ли? Учитывая, что по сути это Ксюшин первый полноценный раз.

Она фокусирует на мне взгляд, всё ещё затуманенный после пережитого оргазма.

— Это... это...

Не знаю, специально или произвольно, но малышка подается вперед, обхватывая мою талию ногами. Это простое движение, как спусковой крючок.

— Сейчас будет ещё лучше. Обещаю.

И сдерживаю слово. Ксюшино тело откликается на все движения и ласки, а сама девочка с каждым заходом больше и больше раскрывается. Моя страстная малинка.

— Егooooоор, я больше... больше не могу...

Ксюша только — только перестала дрожать после очередного оргазма и пытается повернуться на бок. Наивная глупышка. Теперь от меня не отделаешься.

— Отдыхай, котенок мой.

— А ты?

— И я. Рядом с тобой. Немножко поспим и...?

— Продолжим?

Мне кажется, или кому — то очень понравилось?

— Вообще — то я хотел сказать «встанем на работу», но твои мысли мне нравятся куда больше. В конце концов, я сам себе начальник, правда?

— Угу. — Укладывается удобнее, подтягивая мою руку, чтобы коснулся живота. — Егор...

— Что, моя золотая?

— Я люблю тебя.

Ксюшка мгновенно отрубается, а я не могу отдышаться после её слов. Она и раньше говорила, да... Но сейчас... Рукой касаюсь прохладной кожи живота. Замираю в моменте. Где — то там, под моей рукой бьется сердце моего ребенка. Сердце ребёнка от моей любимой женщины. Женщины, которая тоже любит...

Что может быть кайфовее, чем засыпать с любимой женщиной? Только просыпаться с ней же.

И это действительно рай на земле. Для избранных. Только для двоих.

Смотрю на порозовевшую после сна Ксюшу. Самая красивая на свете! В груди снова печёт от нахлынувших чувств.

— Доброе утро, милая.

— Доброе. ЕгООор, не смотри так, ты меня смущаешь.

А я рад стараться. Смущать то есть. Мне нравится, как она закусывает губку и отводит взгляд. Такая трогательная в эти моменты.

— Мне нравится тебя смущать. Но еще больше нравится кое-что другое делать.

— Что? — Ксюшка заинтересованно поднимает голову.

Кого-то ждёт сюрприз. Если, конечно, этот кто-то не настроился ещё со мной на одну волну.

Ложусь поудобнее, придвигая малышку к себе спиной. Провожу носом по тонкой шейке. Охренительно пахнет! Малиной и сексом. Которым мы занимались почти всю ночь. Она порывалась сходить помыться, но в итоге сдалась, а потом и вовсе уснула.

— Так всегда будем спать, — шепчу на ушко и легонько прикусываю.

— На боку?

— Без одежды.

— Ну неееет, — спорит, а сама уже выгибается под напором моих рук. — Так неправильно.

— Зато удобно и до безумия приятно. Я тебе говорил уже, что ты меня с ума сводишь?

Ксюша не отвечает, но её сбившееся говорит само за себя. Поэтому сразу веду рукой туда, где было горячо и тесно. И где сейчас так влажно и...

— Чёрт...

— М?

— Точно на работу сегодня не попаду.

Кладу одну руку на призывно торчащую вершинку, дразня пальцами. А второй рукой поднимаю и сгибаю ксюшкину ножку.

— Если будет неприятно, скажи.

Двигаю бедрами, чтобы аккуратно войти, не причинив боли. Даю время привыкнуть к новой позе и продолжаю двигаться. Я реально ещё никогда не получал такого спектра эмоций, какие получаю с ней. Значит, вот в чём разница между сексом и любовью. Чувствовать, желать и наслаждаться удовольствием любимой — высшая степень наслаждения и высшая награда для мужчины.

Я не знаю, чем заслужил эту девочку. Это счастье в своих руках. Но я твердо уверен — никому и ни за что её не отдам. Выгрызу, вырву у любого, кто только посмеет прикоснуться. И только теперь я по — настоящему понимаю глубину боли Тима. И глубину его любви.

Потому что любовь — это когда одна душа на двоих.

Ксюша подается назад, ёрзая попкой, прося больше. Но не уверен, что в её положении можно увеличивать глубину. Придется сдержаться. У нас вся жизнь впереди и много времени для новых ощущений и экспериментов. Уверен, моя девочка поддержит меня и

поймет, что всё, чего я желаю — только для неё. Никогда — клянусь! — не сделаю ей больно сознательно!

Всего несколько быстрых движений и моя малышка дрожит в экстазе. Меня вместе с ней выбрасывает за пределы Вселенной. Распадаемся на мириады звёзд, взрываясь каждый раз сверхновой.

Продлеваю обоюдное удовольствие, лаская любимую рукой. Ксюша стонет всё громче, а потом просит: «Егор, поцелуй меня. Пожалуйста, поцелуй».

Как можно ей отказать? Она ложится на спинку, а я устраиваюсь между ножек. Целую. Глубоко. Жадно. Пью до дна. Малышка улетает второй раз и я вместе с ней. Прислоняюсь лбом к ее лбу и пытаюсь отдышаться. То, что сейчас испытываю — запредельно.

— Ну что, искусительница, в душ? Наверное, мелкотня уже проснулась и одолевает деда Сашу новыми вопросами.

Вчера, например, у Дашки возник вопрос про приметы. Где она это слово услышала — загадка. Но дед обстоятельно рассказывал, тщательно подбирая слова.

— Только я первая. Можно?

— Конечно, можно. Ты первая войдешь, я второй. Дамы вперед, как говорится.

— Егорка, я серьезно. Вдвоем мы еще час оттуда не выйдем.

— А нам некуда спешить. — Тут я стопорюсь, соображая, как она меня назвала. — Скажи еще раз, Ксюш?

— Что? Что не выйдем?

— Нет. Как ты меня назвала.

— Егорка. Егорушка.

Всё, официально я пропал. Растворился в этом нежном голосе и бездонных глазах. Не спасайте меня, пожалуйста. Я добровольно сдался в плен.

***

Не смотря на прогнозы утренние, в офис я все — таки попадаю после обеда. Дел накопилось много и, как часто это бывает, с грифом «надо было вчера». Парни, конечно, львиную долю взяли на себя и разгребают. Но помимо общего дела у меня есть и своё личное, и там спасти себя могу только я.

Утыкаюсь в бумаги, то и дело возвращаясь к прошедшей ночи. Ждал ли я подобного? Мечтал. Но переживал, что Ксюше будет сложно или страшно. Она меня удивила. Не просто удивила, а покорила своей отдачей. И нет, я не помешанный нас сексе придурок. Я просто очень её люблю.

— Иду я по коридору и думаю, что ту светится такое? А это рожа твоя довольная. — Дейв плюхается на диван, закидывая ноги. — Рассказывай. Всё хорошо?

— Не буду рассказывать. Обзавидуешься.

— А я по — доброму.

— А я все равно не буду. Арта иди доставай.

— Не хочу. Он загруженный весь. Ты в курсе, что ему Инка мозг выносит, что вы уже беременны, а она до сих пор нет? Он на этой неделе уже трижды у меня ночевал.

— Попал.

— Ладно, хрен с ними. Ты мне вот что скажи: бабуля твоя навевывалась. Скандал Жанке учинила. Та чуть заявление на стол не положила. Говорит, я секретарша, а не охранник. Что делать планируешь? Я так понимаю, ты с семьей до сих пор никак?

— Только с дедом. Ну про это ты сам в курсе. А с остальными... не решил пока. Все

контакты оборвал. Мне кажется, Давид, в конце концов они поймут.

— Может. Типа сами себя наказали? Мать — то еще задумается. Отец наверняка. А Ирина Иосифовна со своей правдой против всех... нууууу не знаю, брат...

— Если ей урезать поток денег на карту, она быстро поймет. Но останавливает, что еще больше ненавидеть будет. Черт, Дейв, ну неужели даже любовь к близким может измеряться деньгами?

— Не знаю, Егор. Не знаю. Не к близким точно может. Думаешь, Натаха в меня вцепилась из — за большой и искренней? Хрена с два. Она любит счет безлимитный и секс в любое время. Только это первый месяц вставляло. А сейчас не просто противно. Отмыться постоянно хочется.

Ксюша.

Я не знала, что так бывает в жизни. Думала, сказки для наивных девочек. А сейчас сама живу в этой сказке.

Егор невероятный. Он... он моё счастье. Я не знаю, какими словами выразить глубину чувств к нему. Каждый день окружает вниманием и заботой. Переживает и нервничает, если я плохо себя чувствую или устаю. Постоянно звонит, интересуется.

А ещё он подружился с Дашей и Маруськой. Даже не так. Девочки приняли, теперь он — их семья, а они его. Я вижу, чувствую, как искренен Егорка с малышками. Как ценит их и любит.

Время летит так, что угнаться невозможно. Уже и зима вступила в свои права. Первый настоящий снег выпал неделю назад. В тот день, когда мы ездили в клинику, чтобы посмотреть на малыша. Егор отвлекся на телефонный звонок, и я упростила врача не раскрывать нашему папе пол ребеночка. Я знаю, а Егор — нет. Улыбаюсь, когда он читает приметы и присматривается к форме живота. Он совсем недавно начал округляться так, как надо. Я по — прежнему не набираю вес, но его набирает ребеночек. И это главное.

— Ксюш, — стоит ответить на звонок, как слышу вкрадчивый голос Давида, — у тебя все нормально?

Дейв часто ночует у нас, девочки его обожают. Дашка бросила, кажется, идею выйти за него замуж и теперь активно подыскивает невесту своему другу. Натали — девушка Давида — не пришлась сестрам по вкусу. Стоит ей появиться в доме, девчонки становятся тише воды и прячутся в комнате. Егор слишком уважает друга, чтобы обратить на это внимание, но Лихацкий сам не дурак, и понял. Поэтому девушка в гостях бывает редко.

— Да, — отвечаю, а сама начинаю нервничать. Неужели люди не понимают, что подобными вопросами только усугубляют? Это примерно как сказать «ты только не нервничай» и вывалить на собеседника плохую новость. — А у тебя? Что — то случилось?

— Скорее, у вас. — Давид приглушенно смеется. — Я сейчас на важной встрече, полез в карман за телефоном, а там... короче, где твоя шуба, Оксан?

— В шкафу висит.

Красивая! Я в ней похожа на Снегурочку. Егор подарил на первый день зимы. Он вообще балует подарками постоянно, а я стесняюсь их принимать.

— Вот иди и посмотри на нее. И спроси заодно, кто еще получил сюрприз.

Дейв отключается, а я, ничего не понимая, спускаюсь вниз. Открываю в прихожей шкаф, а там... тадададам...

— Дааашаааа! — Хочется смеяться и плакать одновременно. Шуба на месте, да. Остатки её, вернее сказать. Везде, где, видимо, поддался материал, отрезаны неровные полосы.

— Что, Ксюш? — Дашка смотрит своими ясными глазками непонимающе. Я вообще ни разу так не кричала. Сама от себя в шоке.

— Даш, солнышко, это что?

Она тяжело вздыхает и начинает объяснять, как тупой школьнице. Нет, до школьницы я, похоже, в её понимании тоже не доросла.

— ... они сказали, что нужно положить лапку кролика для удачи. Ну, как ты не

понимаешь? Чтобы всем Дед мороз принес детей, тоже нужна удача. А кролика мы не нашли. И лапку бы не отрезали, жалко бы нам стало. А у тебя шуба так похожа. Тебе же не жалко? Мы немножко взяли. А то нам скучно с Машей.

Господи! Как? Когда они успели? Ведь постоянно же под присмотром. Всё, на что хватает, спросить, где еще эти самодельные лапы на удачу.

— Под всеми подушками, в карманах, а дедушке мы в портфель положили несколько штук. Он старенький, ему побольше удачи надо. Но у нас не лезло, поэтому вот.

И довольная Даша достает с нижней полки папки с бумагами. Видимо, с теми, с которыми дедушка Саша сегодня должен был отправиться в посольство. Так как он раньше жил за границей, остались нерешенные дела.

И вот что с ними делать? Ругать? — Она как лучше хотели. Но испортили вещь, влезли в чужую сумку. А с другой стороны, дед сам их приучил: каждый день приносит что — nibудь сладкое и разрешает поискать в портфеле. Традиция у них такая.

— Я вас наказывать не буду. Но вечером придет Егор и сам с вами серьезно поговорит. Поняла, Даш?

Дашка хмурит нос и, опустив плечи, уходит в комнату. Знаю, что расстроилась. Знаю. И что с Егором ссориться не хочет. Но его обе сестры слушаются с полуслова. А еще он умеет найти нужные слова. Тогда как я могу расплакаться на середине предложения. В последнее время вообще стала плаксивая очень. В груди постоянно живет предчувствие. Может, приближение нового года сказывается? С тех пор, как осталась одна, этот праздник любить перестала, а веру в чудеса практически утратила.

Укладываю девочек спать и сама засыпаю с ними. Егор всю ночь сегодня не давал уснуть. У нас и так... ммм... активные вечера... но вчера на него что — то нашло и он никак не мог успокоиться. Не знаю, как проснулся на работу, я же чувствую себя сонной мухой. Просыпаюсь от громкого хохота внизу. Пугаюсь, что малышки хозяйничали одни, но они мирно посапывают в кроватях. Смотрю на часы — продремала чуть больше часа. Получается, сейчас обед. Тогда... кто там смеется?

Осторожно спускаюсь вниз. Егор, Давид и Тимур. Давно его не видела. Он уже приезжал недавно, но я была у врача и мы не пересеклись.

— Привет!

— Привет, милая.

Егор подскакивает и целует, совершенно не стесняясь своих друзей. И они же продолжают разговаривать, будто ничего не происходит. Прячу пунцовое лицо на груди Егора.

— Привет, красавица. Округлилась. Уже знаете, кого ждете? — Тимур по — доброму улыбается, обращаясь ко мне. Где — то он пропал несколько месяцев. Егор ни разу не сказал, отделяваясь коротким словом «дела».

— Пацана, конечно. — Егорка отвечает вместо меня. — Я уже и имя выбрал.

— И? — Тим склоняет голову на бок и заинтересованно смотрит.

— Максим.

Еще Демьян был в вариантах, но он выбрал первое имя. Так и с животом общается.

— Достойно. А если девочка?

— Ну какая девочка? Там парень сидит. Знаешь, как пинается? По — любому, будущий боксер или футболист. Я уже присмотрел маленькую грушу, после праздников хочу в подвале зал начать делать. Пусть занимается.

Закатываю глаза и прохожу к холодильнику. Сидят с кофе, а обед разогреть не подумали даже.

— Милая, — Егор уже рядом. Неугомонный. — А ты ничего нам рассказать не хочешь?

— Я нет. А вот он, — показываю пальцем на Давида, — хочет.

— Да он уже рассказал. Мы все в течение дня сюрпризы получили. С шубой — то что?

— Моли почикали, — Давид всю веселится. Не удивлюсь, если про приметку именно он и рассказал. Хотя в Дашином варианте звучало только обезличенное "они".

От нового взрыва хохота обе «моли» вылетают сверху, бросаясь обниматься. А я пускаю слезу: так мило и трогательно наблюдать, как взрослые дядьки смеются и обнимают малявок. Девочек, у которых совсем недавно не было никого, кроме меня. А теперь есть защитники, готовые грудью закрыть от любых опасностей. Уверена в этом.

Марусяка устраивается за столом на любимом месте — коленях Егора. Ест вечерами она тоже только с ним и исключительно из его тарелки. Можно ей индивидуальную не ставить. Вот и сейчас она ладошками поворачивает к себе лицо любимого и проникновенно заглядывает в глаза. Посекла, что может заругать за проделку.

— Папочка, ты меня любишь?

За столом моментально смолкают все звуки. Мне кажется, грохот моего сердца слышно каждому. Егор бледнеет, потом краснеет, часто моргает и отвечает через долгую паузу охрипшим голосом:

— Очень люблю, моя принцесса.

Марусяка никогда за свою жизнь никого не называла папой. Даже родного отца. Ни разу. У меня слезы градом текут, и что — то подсказывает, Егор тоже еле сдерживается. Маша еще что — то говорит, но я не слышу. До сих пор в ушах стоит её нежное «папочка».

— Ксюнь, ты уверена, что не устанешь?

Егор уже раз десятый спрашивает, точно ли я согласна на празднование нового года в этом доме. У них традиция собираться вместе друзьями, обычно присоединяются родители Давида и Егора и папа Тима. Но в этот раз, к сожалению, из родных Егора будет только дедушка. Александр Александрович занял нейтральную позицию, но не придет, чтобы поддержать жену. А мама и бабушка настроены категорически против меня в жизни их сына и внука.

Это моя боль и печаль. И кошмарные сны, что когда — нибудь он уйдет, не выдержав подобного прессинга. И я не смогу осудить. Ведь на одной стороне весов будут его самые близкие по крови люди.

Очень часто мы беседуем на эту тему с Александром Клементьевичем. Он фактически живет с нами, потому что не хочет оставлять внучек. Как принял их безоговорочно, так только с каждым днем их связь крепнет. Дедушка Егора просит отпустить ситуацию, настаивая, что разбираться должен Егор. Он выбрал меня, он меня любит. Но мне безумно горько, что я становлюсь причиной раздора и разлада. Я знаю, что ему прочили в жены выгодную партию. Ту самую Светлану, которая давала интервью о якобы помолвке с Егором.

— Уверена, что не устану. И лучше здесь, чем к кому — то ехать. Дом большой только у Давида, но там эта его... она же закошмарит всех. А в дом Севера далеко ехать. Мне там нравится, но вдруг что — то случится? А до города далеко.

Это разумные аргументы. Пару дней назад во время совместного душа у меня на бедре выступили капельки крови. У Егора чуть сердечный приступ не случился, когда он увидел и решил, что виноват он. На сама деле я неудачно поцарапалась об его цепочку, когда он утром... мамочки, щеки до сих пор горят... а в душе, в общем, у царапинки снялась корочка. Вот уже второй день я моюсь одна, а Егор бдительно снимает на ночь цепочку с крестиком. Из нас двоих он бóльший перестраховщик, потому что я — то понимаю, что всё в порядке. А он этого видеть не может.

— Я понял. Но с готовкой ты морочиться не будешь. Всё закажем. Хорошо?

— Я только салат и холодец. Ты же любишь.

— Люблю. Но это долго и тяжело.

— Егор, ты мне столько разной техники купил, мне и делать ничего не приходится.

Недели не проходит без разговоров «давай наймем помощницу по дому». Я против. У самой руки — ноги на месте. Поэтому теперь на каждом этаже ползают роботы — пылесосы, которых малышки зовут «Валерой» и «Валерией». Откуда эти названия взялись — не знаю. Но домашние их тоже только так называют.

Фраза «выключи Валеру» в нашем доме не означает, что мы сошли с ума. Просто надо отключить пылесос, потому что Рой их боится.

— Ксюнь, котенок, я не хочу, чтобы ты даже с техникой убивалась. Я всё закажу.

— А я хочу для тебя. Пожалуйста — пожалуйста, — складываю руки и смотрю максимально умоляющими глазами. На самом деле мне нравится, что Егор с аппетитом ест мои блюда. Хотя готовлю я не очень хорошо. Но стараюсь. А он всегда хвалит. Всегда.

И еще я готовлю для него сюрприз. Что купить человеку, у которого всё есть, я не смогла придумать. Но я точно знаю, чего Егор хотел бы, но не говорит. И надеюсь, я угадаю

и обрадую его.

***

Вытираю руки полотенцем, потому что в дверь негромко стучат. При въезде охрана, и ребята ведут себя деликатно. Хотя я поначалу очень стеснялась их и настаивала, чтобы они заходили выпить чай — кофе в любое время. Для интимных занятий есть спальни, а голыми мы не ходим. Но они все равно каждый раз предупреждают стуком о визите.

— Оксана, к Вам посетитель. Выйдете?

Я просила говорить мне «ты», учитывая, что младше каждого из них. Но легко они все общаются только с Дашей. Маша немного сторонится людей, даже к Артуру насторожено относится.

— А я... ну не жду никого. Кто ко мне может прийти?

Милка нечастый гость, но её знают и беспрепятственно пропускают.

Парень мнетя, и я понимаю, что лучше действительно самой подойти. Беру телефон и, накинув куртку, иду за Пашей.

— Почему Вы Егора не набрали? Я же ничего все равно не решаю.

— У него встреча, он скинул звонки.

Подойдя к въезду понимаю, почему Павел замаялся.

— Здравствуй, Ксения. Мы можем поговорить?

Сглатываю, понимая, кто передо мной. Эту девушку я уже видела на фотографиях. Светлана. Ненастоящая невеста Егора.

— Мне кажется, у нас нет общих тем для разговора с Вами.

— Вижу, Вы узнали меня.

— Скорее, я знаю, кто Вы.

Нервничаю, потому что не понимаю цели её прихода. А еще дома одни остались малышки. Павел все время стоит сзади, и я оборачиваюсь к нему. По моему мечущемуся взгляду он, видимо, понимает все, и говорит, что сейчас в дом зайдет его напарник Иван.

Светлана приподнимает бровь и резко высказывается, что обсуживающему персоналу не стоит лезть в чужие разговоры. Я в это время смотрю на Павла и вижу, как напрягаются лицевые мышцы, словно он сцепил зубы до скрипа. Но не отходит. И его поддержка мне ой как нужна.

— В этом доме распоряжения дают Егор Александрович и его жена, — цедит парень.

— Жена? — Светлана усмехается. — Насколько мне известно, Егор не женат и не собирается.

— Чего Вы хотите? — Резко обрываю поток слов. Мне неприятно здесь стоять и её слушать. Но и развернуться, чтобы уйти, почему — то не могу. Боюсь услышать в спину что — нибудь неприятное.

— Уверена, что говорить хочешь при нём?

Резкий переход на «ты» сбивает. У меня нет опыта общения с подобными людьми. И да, я тушуюсь. Павел демонстративно делает два шага назад, показывая всем видом, что больше никуда не сдвинется. К сожалению, ребята из охраны знают о конфликте. Для меня, к сожалению, конечно. Егор не делал из этого тайны и спокойно сообщил, почему вход в дом его родственникам закрыт.

— Окей. Думаю, ты в курсе, что я долгое время считалась невестой младшего Керро. Пришла тебя предупредить, что я не оставлю все так, как сейчас. Егору придется сделать выбор — ты или его мать. Родители не примут тебя и твоего ребенка. — Я хочу возразить,

что это вообще — то не её дело, но она останавливает меня жестом руки. — Я сейчас закончу. Задам один вопрос, а ты подумай над ним. Если у вас такая любовь, что же он до сих пор не женился на тебе? Не знаешь? А я отвечу. Наши семьи слишком сильно завязаны на делах, чтобы Егор мог размениваться на мелочи. Запомни, дорогая, он никогда не женится на тебе. Ни — ког — да. Открой, наконец, глаза.

— Уходите.

— Ухожу. Ты, естественно, сейчас побежишь выяснять у своего любимого. Но запомни, ни — ког — да.

Светлана язвительно улыбается и, развернувшись, садится в машину. А я... я хлопаю глазами... и не верю ей. Егор не может со мной так поступить.

Егор.

Охреневаю, смотря на экране пересланную запись. Не зря мы везде понатыкали камер. Как знал, что пригодится. Ладно ума нет, но, блядь, инстинкт самосохранения тоже напрочь отсутствует?

Услышанного достаточно, чтобы кое — кого размазать по стенке. Уверен был, что успокоились. Но нет. Гадская натура не даёт покоя. Прав дед, надо уже кардинальные меры принять. И начать, думаю, стоит с визита к родителям.

— Дейв, я уехал. Ты сегодня к нам или как?

— Или как. С Игорьком в новый клуб решили съездить. А потом посмотрим, как пойдет.

— Завязывал бы ты уже шляться.

— Молчи, без пяти минут семейный человек. Не дай моей зависти сожрать меня.

— Иди ты, завистник, — беззлобно отбрываю друга. Знаю же, что он обожает мелкоту и хорошо относится к Ксюне.

— Вот и я иду, куда послал. Давай, до вечера.

Как так получилось в моей жизни, что друзья смогли понять и принять мой выбор, а родные люди нет? Это упорство, с которым они продолжают игнорировать изменения в моей жизни, начинают напрягать.

Я допустил обиду, что пошёл в разрез с их мнением и не принял их вариант. Но, мать его, средние века давно прошли! Люди давно научились выбирать сердцем, а несогласно счёту в банке. Да и, прямо скажем, провести свою жизнь с женщиной, с которой нет никаких точек соприкосновения, такая себе перспектива. Я же не животное, в конце концов, чтобы думать не мозгами, и пересекаться со своей женщиной только в постели для молчаливого процесса.

Хотя... с Ксюшкой нам и в кровати скучно не бывает. И тихо тоже.

Однозначно, с любимой всё видится в ином свете. Краски ярче, эмоции глубже, звуки громче, а удовольствие вообще хлещет через край. И это я не только о сексе. О жизни в целом. С моей ягодкой рядом постоянно хочется улыбаться. Это ли не любовь?

Оставляю тачку у въезда, сознательно не пересекая границы участка. Надолго я здесь не задержусь.

Отец встречает раскрытыми объятиями и вроде бы рад. В глазах плещется грусть.

Я тоже скучаю, пап. Но ты сам выбрал сторону...

А вот мама...

Разговор выходит коротким и на повышенных тонах. Взаимопонимания ноль целых и ноль десятых. А ведь не так и давно мы разговаривали с мамой в квартире, и мне казалось, что она готова принять мой выбор. Ну что ж, на ошибках учатся, а негативный опыт тоже опыт.

— Просто объясни мне: почему? — Я этот вопрос сегодня задаю пятый или шестой раз. — Просто, блядь, почему?

— Егор!

— Что «Егор», ма? Ну что? Мне тридцать скоро. Я давно вырос. А вы устраиваете. Как так можно? Что ты вцепилась в эту Светку? Ну что в ней особенного?

— У отца с её папой совестные проекты. Там такие деньги, Егор, замешаны. А теперь из — за твоей выходки они готовы разорвать сотрудничество. Это ты понимаешь?

— Ма, нет. Не понимаю. Бизнес — это бизнес. Отдельная тема. Отец с одной стороны, отец с другой. А я при чем? Моя жизнь? У меня — то дел с той семейкой никаких нет.

Я распалюсь, хожу по гостиной, а мама сидит на диванчике, промакивая глаза. Зуб даю — слез там в помине нет. Очередной спектакль одного актера.

— Хорошо. Ладно. — Останавливаюсь перед ней. — У вас там семейный подряд и все дела. А если, гипотетически, у Бинковских не было бы дочери, а был сын? Тогда что? Под него бы меня подложить попытались? Или под мать? Вы же сюр устроили. Идиотизм чистой воды.

— Егор!

— Да Егор я, Егор. Всё тот же. А ты, ма? Ты — то кто сейчас? Родная мама или тетке чужая? Подумай, ма.

Выхожу, хлопнув дверью. На ступенях курит отец.

— Тебе нельзя.

— Я иногда. Редко. — Он делает пару затяжек и отбрасывает сигарету.

— Достали? — Спрашиваю, зная, что он не ответит.

— Тяжело. Мрачная обстановка дома. Давит.

— Так вырвись. Приезжай к нам. Па, я серьезно зову. Плюнь ты на них. Нет, не плюнь, конечно. Но просто хоть раз посмотри на маму под другим углом. На ее поведение. Ну ты — то должен меня понять, пап? Ты же по любви женился. Сколько лет прошло, а я вижу, что ты продолжаешь любить. Меня — то за что пытаетесь загнать в ненужные рамки?

— Не в рамки, Егор. Самому сложно объяснить. Хотели для тебя обеспеченного будущего. Более стабильного.

— У меня стабильное настоящее, отец. И перспективное будущее. Чувствуешь разницу? И я всего этого добился сам. Своим умом заработал. Ты сам знаешь. В этом вам меня не упрекнуть. И надо будет, ещё заработаю. Только знаешь...

Спускаюсь по ступеням и отхожу. Но поворачиваюсь, чтобы договорить.

— ... знаешь, моя Ксюшка любит меня. Меня такого, какой я есть. Даже если б я хромал, косил, или не имел счета в банке, она бы любила меня. Ей вот это все — машины, дома, брюлики — не нужно. Ей нужен я, моя защита и поддержка. А то, что хотите вы. С первым же промахом пропадет любовь. И ты сам это знаешь.

Я знаю, что бью по больному. Знаю его страх, что мать с ним из — за денег. Видимо, это обратная сторона медали союзов, когда на кону большие деньги. Но, черт возьми, не всё измеряется ими! Не всё в этой жизни можно купить. Много — да. Но не всё!

— Егор, сын, — отец окликает, когда высказавшись, я уже подхожу к воротам. — Скинь твой адрес. И пригласи своего старика на ужин. Хочу познакомиться с твоей невестой.

Моей невестой... бери выше, па, женой.

Правда, она про это ещё не знает. И я молчу, не зная, как сказать.

Когда начал оформлять документы на удочерение, столкнулся с проблемой необходимости полной семьи. Отец Дейва помог через свои связи оформить наш брак без личного присутствия. А доки по девочкам будут готовы завтра. Собирался одним махом всё Ксюшке рассказать. Но, видимо, сегодня придется. После визита Светы.

А торжество... торжество непременно будет. В любой день, когда малышка только захочет.

Дорогой домой прокручиваю разные варианты разговора. Понятно, что Ксюша в шоке будет от свалившихся новостей. Утешает, что она уже говорила мне «да». И мы вместе.

Я, безусловно, на всю голову идиот, раз не сказал. Но на тот момент была важна скорость для принятия решения. Ну и дальше процесс пошел, и уже сам сгруппировался. Теперь вот разгребать буду. Тоже сам.

И опять же, данная процедура необходима была для важного дела.

Да, возможно было оставить девочек просто под опекой, но... Мне нужны гарантии того, что жизнь девчонок сложится так, как надо. Если со мной что — то случится, они не должны знать никаких проблем. Поэтому только удочерение. К тому же я реально считаю их своими. Даша уже соображает и помнит настоящего отца, но маленькая Маша искренне считает меня своим папой.

— Папочка, — Маруся виснет на шее, стоит войти только в дверь. До сих пор сердце замирает от этого слова.

— Привет, принцесса. Как ваш день прошел?

Девочки, перебивая друг друга, рассказывают о своих проделках. Надеюсь, сегодня никакую одежду не порезали и у Роя не сбрили шерсть. Они уже порывались. Дашка, конечно, зажигалочка. Идеи выдает одну за другой. Но самое опасное — дед Саша половину этих идей поддерживает. «Лучше пусть под присмотром шалят», — говорит. Может быть, может быть...

Уже новости рассказаны, руки вымыты, Рой зацелован, а моей девочки нет и нет... Странно. Она первая бежит встречать. У них с малышней соревнования.

— Вы одни здесь сидите что ли?

— Да не-е-ет. Нас Ксюша выпустила из комнаты, когда твою машину увидела. Сейчас Тимур за нами приедет. Ты что-о-о, не знал?

Дашка забавно морщит нос и таращит глаза. Только сейчас замечаю, что одеты они в уличные штаны и у порога стоит дорожная сумка.

— Дац, а сама Ксюша где?

— В спальне.

Понятно. Или плачет, или вещи собирает. Мне этой Светке язык вырвать охота. Какого хера она приперлась? Побольнее укусить решила после проигранного суда своим папашкой? Так и высказалась бы мне. Нет же, нашла с кем воевать — с беременной девчонкой. Показать свою силу на слабом сопернике — это вовсе не показатель превосходства. Скорее показатель тупости и трусости. Но она своими мозгами до подобного вывода не дойдет.

Собираюсь усадить малышня за мультики, но слышу шум у дома, а затем и стук в дверь. Ага, вот и Тим. Смеясь, подхватывает мелкоту и командует одеваться. Вот так последним узнаю, что, оказывается, Ксюня попросила еще днем посидеть с сестрами. И сейчас общалась с ним по телефону.

— Пост сдал.

— Пост принял. — Салютуем друг другу, и Тимур со своими подружками отчаливает.

Что происходит в этом доме?! Бегом поднимаюсь в нашу комнату. Вот чего угодно ожидал, но не...

— Ксю-ю-юш!?

Я в шоке стою. Кажется, слышу, как глаза мои хлопают.

Полумрак. Нежная музыка. И моя танцующая ягодка. В коротком халатике.

Ущипните меня! Я сплю?! Умер и попал в рай?!

Это точно моя Ксюша? Девочка, которая смущается заниматься сексом при свете, которая мнется в душе? Которая покрывается румянцем, стоит спуститься губами ниже груди?

Она ведь так ни разу и не дала доставить себе удовольствие языком. Начинает зажиматься, пугаться и дрожать. Для нее откровенные ласки — это грань, перейти которую она пока не может. Шаг за шагом раскрепощается, уступая в малом. Всё будет у нас. Тем слаще награда, чем сложнее её получить.

***

Моя девочка тихо сопит, уткнувшись в бок носиком. А я улыбаюсь. Широко. Шумно дышу, потому что прийти в себя оказывается слишком сложной задачей.

И я опять... снова... не рассказал. Но сейчас есть — пусть слабенькое — оправдание. Не успел. Кровь от мозга прилила к другим органам, и он резко выключил основную функцию «думать».

Ксюша в танце подходит ближе, обвивая шею руками. Молча зовёт двигаться с собой. Она потрясающе танцует. Плавно, эротично. Соблазняет. Манит.

Я уже давно потерял от неё голову. Сейчас теряю остатки разума и всех здравых мыслей.

Главное, не сорваться и не испортить ей сюрприз.

Дергаю за пояс, и халатик планирует под ноги. Чуть отстраняюсь, пожирая глазами своё сокровище. Я, как дракон, нашёл своё золото и никому не отдам.

Малышка поднимает руки вверх, вытягиваясь в очередном невероятном па, а я всё... В себя начинаю приходить уже на кровати, впиваясь поцелуем в нежную шейку.

От картинок недавно произошедших событий член каменеет.

Сама напросилась. Это наша ночь. Поэтому без зазрения совести даю волю своим рукам.

— Ммм...

Проснулась. Сонно щурится, но уже растягивает губы в улыбке. Моя умница всё прекрасно поняла.

Переворачиваю на спину, устраиваясь сверху. Вся моя. От светлой макушки и до изящных маленьких пальчиков на ногах. Вся.

— Ты не устал?

— Не-е-ет. И ты не надейся, что я тебя отпущу.

— Егор, — шепчет, прикрывая глаза. — Я на это рассчитываю. Что не отпустишь.

Александр Клементьевич

Шаганэ ты моя, Шаганэ!

Потому, что я с севера, что ли,

Я готов рассказать тебе поле,

Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Потому, что я с севера, что ли,

Что луна там огромней в сто раз...

— *Саша, это так нежно! Ты слышишь? «Шаганэ ты моя, Шаганэ»... — Поля перечитывает стихотворение по третьему кругу, теребя поясok платья.*

— *Очень красиво, Полин. Столько тем для стихотворений, а про любовь самые пронзительные. Про любовь к женщине, — добавляю.*

— *Потому что о чувствах?*

— *Наверное. Потому что хочется выразить словами то, что в груди. Как передать стук сердца, что меняется при приближении любимой? Как донести своё дыхание, которое прерывается, стоит подумать о ней?*

— *Са-а-аш, — она откладывает томик Есенина и подходит ко мне. Кладет ручку на грудь, замороженно глядя в глаза. — Ты так красиво говоришь... как эти поэты.*

— *Это не я, Поль. Это моё сердце.*

Мы видимся каждый день. Но этого бесконечно мало. Безумно мало. Мне не хватает её всегда. Хочу прижимать к себе любимую ночью, хочу видеть её пробуждение, слышать ровное дыхание... Но мы никуда не торопимся. Я тону в наших поцелуях и мечтаю, что скоро смогу научить свою Полю взлетать до небес. Я знаю, что она чиста и невинна, и боготворю её за этот дар.

— *Не знаю, что может быть сильнее моей любви к тебе. Ничто не заменит твоего образа в моём сердце. Моя... ты моя?*

— *Твоя, Сааш. Только твоя. Ты же знаешь.*

Знаю. Люблю. Верю в то, что мы будем вместе. Нам надо лишь немного подождать. Совсем немного.

— *Пойдем к реке?*

— *Пойдем. Я сейчас на кухне корзинку соберу. А ты меня подожди у роуци, хорошо?*

Мы особо не скрываемся дома. Да и не перед кем. Полина мама занята делами, а мои родители в очередном отъезде. За пределами дома нам приходится быть осторожными. Времена такие, когда общественное мнение и порицание слишком много значат. Не для нас. Вот когда я смогу увезти отсюда свою Полину, всё изменится...

... Мы лежим на пледе у воды. На нашем месте. Ветви старой ивы надежно скрывают от любых прохожих. Местные сюда не ходят. Хоть для купания место и удачное, но есть лучший подход к воде; зачем лезть через кусты лишний раз.

Полина плетет венок и цветов, собранных по дороге. Ловкие пальчики перехватывают стебли, создавая сложный узор. Она вся такая — маленькая, ловкая. И очень хрупкая. Даже в жаркий день видна бледность кожи.

Она знает о том, что больна. Знает и улыбается. Не плачет, не прокликает судьбу. Смеется, строит планы на будущее, мечтает. Мы вместе мечтаем.

Перехватываю тонкие пальчики и целую каждый. Её ладошка невесомым мотыльком дрожит в моей руке. У нас резкий контраст кожи. Я смуглый, быстро загораю. Она беленькая. Как прекрасный лебедь.

— *Почему ты дрожишь? Замерзла?*

Сегодня жарко, но у воды хорошо. Нет удушающего зноя. Глупый вопрос, ведь и сам я дрожу.

— *Нет. Мне просто очень хорошо с тобой.*

— *И мне с тобой. Люблю тебя.*

Тянусь, чтобы поцеловать, и случайно опрокидываю девушку на спину. Она звонко

смеется, обнимая руками мою шею. Сердце перестает биться, потому что в глазах Полины пожар. Огонь, сжигающий меня, передался и ей.

Наши поцелуи больше нельзя назвать невинным. Движения рук становятся требовательными. Мы прижимаемся друг к другу, будто если оторвемся, мир рухнет.

— Ты не боишься?

— С тобой я ничего не боюсь.

... В этот вечер мы впервые становимся близки...

Среди миров, в мерцании светил

Одной Звезды я повторяю имя...

Не потому, чтоб я Ее любил,

А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,

Я у Нее одной ищу ответа,

Не потому, что от Нее светло,

А потому, что с Ней не надо света.

Я читаю стихотворение Полине, когда она, выдохнув от нашей страсти, устраивает голову на моем плече. Моя любовь взаимна. Моя любовь со мной. Я самый счастливый человек на свете. И искренне сейчас верю в чудеса...

Смаргиваю непрошенные от воспоминаний слёзы и провожу кончиками пальцев по выбитой фотографии на памятнике. Ниже надпись, понятная только двоим.

«Шаганэ ты моя, Шаганэ»

Тогда, много лет назад, родители поставили условие: для сохранения фамилии жениться на дочери представителя известной фамилии. Моей семье нужны были их связи, а семье невесты обещанное вложение в прогорающий бизнес, обещанный моим отцом. Я, как на духу, рассказал родителям про свои чувства, свою Полину. Про наши отношения. Какой может быть брак, если два человека не могут жить друг без друга?

Но когда в руках человека сила и власть, когда известны слабые места... Заставить можно кого угодно. Всё, что удалось выторговать — операцию и лечение Полины. Отец при всех своих звериных замашках не был последней сволочью и слово сдержал. А я... я считал дни, когда смогу подать на развод.

Ирина не была плохой женой. Нет. Я уважал её. Мы были в одной лодке. Я не любил её, она не знала меня. Говорила, что нравился, но для брака этого мало. Союз был выгоден семьям. Не нам. Мы жили как друзья. Единственный целомудренный поцелуй состоялся на свадьбе. Молодая жена приняла мою позицию и мою правду.

... Я летел словно на крыльях. Моя. Она ждёт меня. Я знаю, чувствую. Любимая. Наконец — то. Жить, мечтая о встрече — это каторга. И она закончилась. Я встретил в городе Полину мать. Увидел мельком. А это значит, что она вернулась.

Я писал письма. Писал и клялся в своих чувствах. Сначала приходили ответы, но они приходили всё реже и реже. Поля писала, что из — за лекарств чувствует слабость, но врачи заверяют, что это временно. Организму нужно время. И я ждал. Писал и ждал, что однажды снова получу заветный конверт. А теперь она здесь. Моя родная...

Подбегая к её дому даже не подумал, почему Поля не связалась со мной. Почему не пришла. Я был охвачен эйфорией от предстоящей встречи.

— Здравствуйте! Я к Полине. — Приветливо улыбаюсь её маме. Она изменилась. Похудела. Под глазами круги. Эта женщина всегда много работала. Мысленно строк

планы, куда бы смог помочь ей устроиться, чтобы она не истязала себя.

— Здравствуй, Саша. Полина...

— Где же она? Она дома? — Я веду себя как юнец. Но не могу думать о чем — то другом. Потом спрошу, как дела, задам все вежливые вопросы. Потом. Всё потом.

— Она... Помнишь, где старое кладбище? Там раскидистый клен в конце...

— Да, спасибо! — Обрываю женщину. Я хорошо знаю это место. Мы вместе ходили навещать Полину бабушку, которую она любила. — Спасибо!

Скоро. Совсем скоро я смогу увидеть свою девочку...

... Деревянный крест и черно — белая фотография, с которой глядят ясные Полины глаза. Как же так? За что, Господи?

Не верю. Смотрю на ту, к которой так спешил. На ту, которую любил и не уберег...

... Которую буду любить всю свою жизнь...

Ксюша.

Стою под холодным душем и пытаюсь привести себя в чувства. Вчера — это была не я. Это была другая Ксюша.

Мамочки...

Вспомнить стыдно.

Не знаю, что на меня нашло после визита этой Светы и её ядовитых слов. Я верю Егорке. Знаю, что он... он не предаст. Уже не раз доказывал свои чувства. И мои. Мои чувства тоже есть! Моя любовь.

Есть наш малыш.

А значит, мы должны быть вместе.

На самом деле ничего «такого» я не планировала. Попросила Тима забрать девочек, чтобы спокойно поговорить с Егором. Рассказать ему про Светлану. Наверняка Павел уже доложил, поэтому смысла скрывать нет.

Уже когда Тимур приехал и позвонил, я решилась изменить планы. Включила музыку и хотела попробовать. Порепетировать. Друзья всегда долго общаются. И я не ждала, что Егор... Ну что он так быстро придет.

Сначала смутилась, но увидев его жадный взгляд... Он же хотел, чтобы я стала смелее? Если для кого я готова немного поменяться, то только для него.

Отключила сознание, отдаваясь на волю музыки и тела. Егор сразу включился в игру, подхватил мои движения. Закрыла глаза от переполняющих эмоций. Они бурлили, вырываясь наружу в диком возбуждении.

Не помню, как мы оказались в кровати, не помню, когда Егор разделся... в себя начала приходить только после разбившегося внутри фейерверка.

Мотаю головой, прогоняя видения. Щеки краснеют от воспоминаний. Егор был как никогда ненасытен. Мне кажется, ему немного сорвало крышу. Как и мне. Мы заразили друг друга безумством.

И это бы продолжалось до сих пор, если бы я не улизнула в душ, воспользовавшись разговором Егора по телефону.

А теперь стою и пытаюсь прийти в себя.

— Ксюшк, ты скоро?

Егор деликатно стучит в дверь. Эм... на него это совсем непохоже. Обычно он врывается в душ и... Мамочки, даже коленки подгибаются.

Может быть, что-то случилось? Наспех вытираюсь и вылетаю в комнату.

— Егор?

А нет его здесь. Прислушиваюсь. В кухне гремит. Ну правильно: вчера без ужина остался. И наверняка не обедал. Он сейчас по уши в работе.

Надеваю трусики и накидываю домашнее платье. Волосы оставляю сохнуть. Некогда подсушивать, надо мужчину спасать от голодной смерти.

Спускаюсь вниз и застаю прекрасную картину: любимый в одних боксерах стоит у плиты и жарит... что!?

— Блины? Ты умеешь делать блины?

Боже, что я несу? Это вообще — то от неожиданности. И чтобы собственную

неловкость скрыть. Я же... я же его глазами сейчас съем.

— Тише, малышка. Я в интернете посмотрел. Ничего сложного вроде. Они только комкаются почему-то.

Действительно. И почему это они так себя ведут?

— Ты яиц сколько добавил?

— В смысле?

— В тесто сколько яиц вбил?

— Ээ, — кажется, у кого-то час откровений, — нисколько. Там не написано.

— Дай-ка твой рецепт посмотреть.

Егорка протягивает свой телефон, показывая, где он читал.

— Ну правильно. Тут блины с картофельным крахмалом. У нас его нет. Ты чем заменил?

— Ничем. Я подумал, что его вообще не надо.

Набираю в поиске «Самый простой рецепт блинчиков» и открываю первую ссылку. Классика.

— Ты как искал? По каким словам?

— Вкусные и полезные.

— Ну вот и нашел. И вкусные, и полезные.

Телефон все еще в моих руках и когда звякает оповещение, автоматом перевожу взгляд на экран.

Д. Рустам: “Обрадовал уже? Когда уже с женой познакомишь? ПыСы. Доки не девочек готовы, подъезжай”

Несколько раз моргаю и перечитываю сообщение. Егор обращает внимание на мой ступор и тоже смотрит на экран.

— Да твою же мать!

— Егoooo?

Господи. Господи, у меня сейчас сердце выскочит. Егор женат? Да как же... я же...

Он пристально смотрит на меня и молчит.

А я, как рыба, рот открываю и закрываю.

— Ксюш, — он отмирает первый, — тише. Выключи сейчас все мысли. Мне раньше надо было сказать, но я всё случая ждал.

— Зря ждал. — Слышу свой хриплый голос, словно со стороны. Сколько же еще раз я буду ошибаться в людях? — Мог бы прямо сказать: «Так и так, у меня есть жена». Я бы поняла, Егор. Правда поняла.

— Стоп. Ты уже ничего не поняла. Иди сюда. Я капец как напортачил. Потом не до признаний было. Потом... короче... Сча, подожди полминуты. Здесь, — припечатывает и торопливо скрывается в холле.

Пахнет горелым. Блин. Он горит.

А я сижу и смотрю на угольки. Надо бы встать и выключить плиту, а сил нет. Кончились.

Егор, как ураган, вбегает обратно. Отшвыривает сковородку, выключает варочную.

— Ксюшка, девочка моя, послушай и не перебивай, пожалуйста. И руку дай. — Тянет меня на себя. — Я дебил и нет мне прощения. Знаю. И момент... черт, я хотел подготовиться и рассказать. Честно. Вчера ещё, когда узнал про... Короче. У меня действительно есть жена. Любимая и единственная. Керро Ксения Игоревна. А у тебя есть муж. Надеюсь, тоже

любимый. Что единственный, я и так знаю.

На моём пальце уже красуется колечко. Когда успел? Фокусник.

В голове вата.

Мысли с трудом ползут, пытаюсь добраться до центра осознания. Потому что пока просто набор слов.

Керро Ксения Игоревна.

Это кто?

А, это я.

В смысле я!?

— В смысле, Керро Ксения?

— Ну я тебе имя тоже поменял. Всё равно ты Ксюша.

Стоит такой весь виноватый. Смотрит в глаза. И улыбается. Улыбается же, гад.

— Я не понимаю...

— Я ждал, что меня убивать будут. Ты моя жена, Ксюш. Когда я девочек забирал, нужна была семейная пара. Ну вот... Мы женаты и сегодня пришли доки, что Дашка и Машка мои дочери. Отец Дейва помог.

Нет. Я сплю. Ущипните меня.

— Ой! Больно же!

— Ты сама попросила. Давай уже приходи в себя, убивай меня. Потом я воскресну быстренько и буду любить свою жену. Муж я в конце концов или где!?

Чисто на автомате опускаю глаза на его пах. Внушительный бугор не оставляет места сомнениям. Он серьезно? В такой момент?!

— А...

Егорка.

— А свадьбу с белым платьем и этой штукой на голове сыграем в любой день. Когда только захочешь.

— С какой штукой?

— Ну этой занавеской, которую на голову крепят.

— Фатой.

— Ну фатой. Как скажешь.

Напряженно слежу за лицом своей любимой. Я, конечно, любой реакции ожидал. Что кричать будет, плакать, может, пару раз по физиономии заедет. Заслужил, чё уж. Любой, но не такой точно. Ксюшка сидит и спокойно говорит про фату.

— Я в шоке, Егор.

Я сам от себя в шоке, если честно. Но ни о чем не жалею. Если бы получилось повернуть время вспять, снова бы сделал также. Единственное, что изменил — не заснул бы той ночью. Нашей первой ночью. Не дал бы уйти.

Но получилось так, как получилось. Прошлого не изменить. Однако в наших силах менять будущее и исправлять настоящее. Кажется, пришло время переключить внимание. И я знаю самый эффективный способ это сделать. И самый приятный.

Ксюшка смотрит с возмущением.

А что ты хотела? Я мужик вообще-то. Похотливое животное. Тем более желать свою женщину не преступление против полиции нравов.

По фиг мне, что мы только пару часов назад вылезли из постели. Может, лет эдак в семьдесят аппетита и поумерятся, но сейчас... Я слишком долго ждал!

И у меня тоже стресс. Блины не получились. Будем считать, мне срочно нужна терапия. А потом обо всем спокойно уже поговорим. Относительно спокойно, учитывая, что я постоянно нахожусь в состоянии возбуждения рядом с любимой ягодкой. Как маньяк, честное слово.

Помогаю Ксюше встать и без предупреждения вторгаюсь в горячий ротик. Поднимаю свою малышку и усаживаю на столешницу. Да-да, я ненормальный и...

Мысли теряются моментально, стоит Ксюше начать отвечать и тихонько постанывать. Как бы не смотрела возмущенно, но она хочет не меньше. Мы в этом совпадаем с ней как самые идеально подогнанные пазлы.

Задираю платье до талии, сжимая нежную кожу на бердах. Хочется резко войти, показать всю свою страсть, но пока нельзя. Тяну тряпку вверх, с удовольствием отмечая, что на Ксюше нет лифчика. Идеальная моя.

Втягиваю в рот напряженный сосок, наслаждаясь её откликом. Стоны становятся громче, а сама девочка подается вперед, прижимаясь к эрекции. Знаю, что ей нравятся долгая прелюдия и ласки, сам от них кайфую. Но сейчас долго не выдержу.

Накрываю горячее местечко через трусики, вожу ребром ладони по насквозь промокшей ткани. Да, вот так, моя хорошая. Моя сладкая ягодка. И ведь каждый день занимаемся сексом. Не по разу. А всё равно башню сносит, будто впервые.

— Егор, Егор, пожалуйста, — Ксюша начинает двигаться, тереться о ладонь, прижимаясь сильнее. Я и сам уже чуть не рычу, мечтая оказаться внутри.

Спускаю боксеры, освобождая налитый кровью член. Отодвигаю тонкую полоску белья и врываюсь в свою любимую. Слышу всхлип и протяжный стон. Сейчас надо аккуратно, чтобы не навредить. Толкаюсь, следя за реакцией Ксюши. Ресницы дрожат, припухшие губки приоткрыты. Пальцами впивается в плечи, подаваясь мне навстречу. Вся раскрытая, одуряюще пахнувшая летом. Моя.

— Тише, тише, ты куда так разгоняешься?

Пытаюсь притормозить. Вижу, что она уже на грани. Пара толчков и улетит. Но... неееет. Чем дольше она ждет разрядки, тем сильнее её оргазм. И сегодня я настроен подарить ей один из самых мощных.

Чуть сдвигаюсь, меняя угол проникновения. Ксюшка дрожит, закусывая губу. Ловлю быстрый темп, замедляясь, стоит заметить, как моя девочка приближается к пику.

Ещё не всё, моя золотая. Ещё не всё.

Целую немного грубо, отвлекая от своих движений вниз. Ксюша уже полностью сползла со столешницы, обвивая меня ногами. Кладу её спиной на стол, продолжая терзать ротик.

Двигаюсь ритмично и размеренно. На секунду прерываю поцелуй, смачивая слюной большой палец. Раздвигаю ягодицы и начинаю легко поглаживать. Ксюшка напрягается и мычит.

— Тш, я не сделаю больно. Только поглажу. Расслабься.

Не сразу, но она перестает сжимать мою руку. Увеличиваю темп, двигая пальцем в такт.

Вот теперь можно. Ксюшу бьет крупная дрожь, она кричит, царапая и кусая мою шею. Чувствую, как её стеночки сокращаются, сжимая мою плоть. Финальный толчок и теперь уже трясет меня. С глухим рыком кончаю в неё, понимая, что мне все равно мало. Всегда её мало. Я точно болен. Болен ею. Своей женой.

Керро Ксения.

Он сумасшедший. Мой муж. В голове не укладывается. Вот уже неделю я ношу колечко, как символ нашего союза.

Как он вообще до этого додумался? Когда наша страсть немного улеглась (или скорее спина затекла от неудобного стола), Егор всё объяснил. Про удочерение, про необходимость быстрого решения.

А я сама хороша! В карте в клинике же писали, что жена. Но я не придавала значения. Егор как-то сразу обозначил для посторонних, что мы семья.

Семья.

Настоящая.

Звучит — то как!

Достаю и ещё раз перечитываю листки, где написано, что девочкам присвоены фамилии и отчества «*Керро Дарья Егоровна*» и «*Керро Мария Егоровна*».

— Не каждый мужчина решится на такой шаг. А твой ни секунды не раздумывал. — Милка, всё ещё злящаяся на Егора, простила его, узнав про поступок.

«Настоящий мужской», — сказал дедушка любимого мужа, и мне показалось, промокнул глаза. Александру Клементьевичу есть, кем гордится. Он воспитал достойного внука!

Из всех друзей заранее знал Давид, а остальные собрались нас поздравить в теплом семейном кругу. Огорчило только присутствие Натальи, девушки Дейва. Очень неприятная она. Высокомерная. Егор уже просил, чтобы она как можно реже у нас бывала. К счастью, на Новый год она улетает к морю. Давид оплатил ей билеты.

Допечатаваю доклад на новеньком подарке Егора. Пока я так и учусь удаленно, и, если беременность позволит, буду продолжать. Потому что институт бросать не хочется. Муж (Боже мой! Никак не привыкну!) моё стремление полностью поддержал.

Да он вообще все мои идеи поддерживает. Кроме одной — подготовки для новогодней ночи. А мне хочется.

— Ксюш! Что ты Егору подаришь на Новый год?

У меня есть задумка для подарка. Но Даше я не скажу.

— Наверное, это будет вкусное блюдо. А ты?

— Мы с Машей рисуем открытки. Ты нам сможешь посчитать?

— Конечно, помогу.

— Надо только купить для рисования карандаши или фломастеры. У вас здесь нет.

— Ксюш, ты такая глупенькая стала. — Дашунька с озабоченным видом стучит мне по лбу. — Вчера же Тимур привез целый чемодан. Ты хоть видела, сколько там всего?

Чемодан действительно был, но я не успела сунуть в него нос, потому что девочек укладывал дед Саша, а Егор укладывал... пытался уложить... ох... и несколько раз уложил — таки свою жену...

Обмахиваюсь папкой, потому что картинки прошлой ночи в мозгу всплывают ого-го какие.

— Когда мне было посмотреть? Вы же не показали.

— Так пойдем, Ксюш! Там столько всего! А Давид обещал, что на Новый год подарит

мне настоящий моль — берт.

Последнее слова сестренка произносит по слогам, потому что оно для неё новое.

— Настоящий?

— А то, — с гордостью выпячивает грудь. — Давид серьезный мужчина, ты что, не знала?

Сдерживаю смех, прикусывая изнутри щёку.

— Что ты, конечно, знала. Очень серьезный и мольберт настоящий.

— Только ему не везет.

— Кому?

— Нууу, Давиду же. Ты меня вот вообще не слушаешь! — Даша возмущена и начинает махать руками. — У него эта Наташа видела, какая злая? Её надо прогнать и найти хорошую.

— Ты же сама за него замуж собиралась? — Поддеваю смешную стрекозюлину, напоминая, как она величала себя невестой Лихацкого.

— Мы поняли, что не созданы друг для друга, — заявляет эта деловая колбаса и несётся вниз.

Я с ума с ней сойду. Если она *такое* сейчас выдает, что же нас ждет дальше?

Спускаюсь и слышу сдавленное хрюканье. Вот оно что. Вся компания в сборе и, похоже, наш разговор прекрасно слышали. И молодой муж, и «серьезный мужчина», и Тимур.

— Даааш, — зову. — А Тимур какой? Если Давид серьезный?

— Ксюша, не надо. — Тимур кусает кулак, чтобы не заржать и не обидеть Дарью.

— Тимур? — Звезда останавливается посередине кухни, постукивая пальчиками по подбородку. — Он балбес.

— Даша, — выдаем с Егором хором.

— Чего? Ты сам дяде Артуру говорит, что Тим большой балбес.

Наивный ребенок сдает парня с потрохами.

— Это когда такое было, Егор Саныч?

— Блин, честно, не помню. — Любимый поднимает руки и заразительно смеется. — Но теперь буду фильтровать.

— Тише ты, — из гостиной показывается дедушка Саша. — Машенька уснула. — Поворачивается ко мне: — И тебе поспать не дали? А я же специально внушек забрал.

— Я не спала, Александр Клементьевич. Не хотелось.

— Всё прыгаешь и прыгаешь. Забыла уже, что врачи рекомендовали покой.

— Это когда было — то.

— А все равно, Ксюшенька. Все равно. Надо себя поберечь. Пока вон целый дом помощников собрался.

— Кстати, да. По поводу чего собрание?

— Я ёлку привез, а эти два трутня мимо проезжали. Вообще работать не хотят. Одни дядя Артур и дядя Влад трудятся.

— А почему, кстати, я Давид, а Арт — дядя?

Пожимаю плечами. Не обращала раньше внимания, а теперь самой интересно. Надс будет спросить нашу разговорчивую девочку.

— Ксюх, а вы знаете уже, кого ждете?

— Нет. Прикинь, не сказал врач. Но я уверен, что там пацан. Разбавим женское царство, будет три на три.

— Какие три? — Не понимаю, о чем сейчас Егор.

— Вас трое девочек, а из мужчин я и дед.

— И Рой. Он тоже мальчик. — А вот и Даша.

— А откуда ты знаешь, что он мальчик?

— Тимур, ты правда балбес. Он же писает стоя. Ну? Все знают, что мальчики писают стоя.

Даша театрально закатывает глаза и покидает кухню. Кричит, что будет рисовать и охранять Маруську. Сдается мне, поспать сестре она не даст.

— Понял, балбес? Ребенок тебе все по полочкам разложил.

— Надо её на переговоры как — нибудь взять. Мне кажется, с её фразочками мы любого клиента получим.

Егор.

Вот оно — счастье. Дом, полный детского смеха, вкусных запахов, теплых встреч. То, к чему каждый из нас стремится в жизни. Но не у каждого получается достичь. Я нашёл свою женщину и никуда теперь её не отпущу. Не смогу просто. Сдохну от тоски и нехватки кислорода.

Смотрю на Ксюшку, порхающую по кухне и расставляющую тарелки с обедом. Мои друзья давно её приняли в свою компанию, и уверен — каждый из них голову на плаху положит ради Ксюшиного счастья. Потому что она — своя.

Из нашей близкой пятерки женаты лишь я и Арт. Но отношения у всех нас с Инной не сложились. Хотя и странно, учитывая, что именно Инна из тех, кого называют равной. А оказалось, дело не в статусе. Дело в душе. Когда — то Север сказал, что Артур не будет счастлив со своей женой. И чем дальше, тем больше я наблюдаю, как гаснет взгляд друга.

— Ну что, внук, когда ёлку ставить будем? — Голос деда врывается в мысли и отвлекает от размышлений.

— У меня сегодня встреча до самой ночи. Может, завтра? Или ребятам из охраны сказать. Паша вполне справится. Хотя нет, — осаживаю сам себя, — завтра вместе поставим и нарядим. Парням гирлянды во дворе поручу.

— Спасибо, — на плечи опускаются хрупкие руки. Беру одну и целую туда, где бьется венка на запястье. — У нас всегда папа сам ставил елочку. Когда... — Ксюшкин голосок начинает дрожать, а я мгновенно разворачиваюсь, прижимая её к себе. Она у меня очень ранимая, да и беременность даёт о себе знать.

— И я сам буду ставить. А потом все вместе наряжать будем. Балбеса только не позовем.

— Это ещё почему?

— Потому что «мы друг другу не подходим», — пародируя тонкий голосок Даши ржет Давид.

Они теперь пару недель друг друга подкалывать этим будут.

— Слушай, Егор, а вы... бородатого холодильника заказали уже?

— Кого?

— Холодильника, — и глазами на Дашку показывает.

Медленно, но верно до меня доходит, и начинаю смеяться. Ксюша пока еще оглядывается в недоумении.

— Жанка оформит. Она сыну каждый год заказывает.

— Егор, а это вы про кого? — Ксюша шепчет мне в ухо.

— Сама догадайся, малышка. Кто приходит в праздник с бородой и холодный?

— Ааа, — воооот. Улыбка на её лице меня радует куда больше, чем слезки.

— Давайте, парни, — Дейв встает первым, — погнали. Ещё куча дел. Ксюш, может, намекнешь, что мелким подарить?

— Ты мольберт Даше обещал вроде?

— Это само собой. А сюрприз? Плюс, мои же будут. Отец к детям с пустыми руками не придет, а если приволочёт мешок сладостей, первая же его на порог не пустишь.

— Не знаю даже. Вы их сейчас так задарили, что я вообще не знаю, чем удивить. Мне

кажется, хватит потакать все просьбам. — И смотрит на меня строго.

Вообще — то я не один здесь виноват. Руки сами тянутся в магазине к полкам. Учитывая, что я видел условия, в которых малышня жила раньше. Хочется сделать всё, чтобы тот период своей жизни они не вспоминали никогда.

— Машенька хочет фиолетовую пчелу из мультфильма. Забыл, как зовут — то его.

— Лунтик, Александр Клементьевич.

— Точно, Лунтик.

— Отлично, значит, с малой определились. А Даше? Слушай, Егор, может, велики?

— Зима же.

— И чё? У тебя места полно.

— Весной сами выберут. Конструктор купи или дом для кукол. Первого уже не хватает.

Велики, блин. Я сам уже всю голову сломал, что купить мартышкам.

Решение пришло неожиданно, когда заехал вечером следующего дня в ювелирный, и увидел маленькие кулоны с виде букв.

— Добрый день. Могу чем — то помочь?

— Да. Пожалуй, да. Возможно в самый кратчайший срок изготовить два кулона с инициалами?

— Да, конечно. У Вас есть эскиз или пример, как должна выглядеть работа?

Какой эскиз?! Я только что понял, чего хочу.

— Нет, варианты с Вашей стороны. Можно сбросить мне на почту, я выберу.

Беру визитку и чиркаю личную почту.

— Два кулона с буквами «ДЕ» и «МЕ».

Девушка оформляет заказ, а я пока выбираю для Ксюшки браслет. Обратил внимание, что она раньше носила тоненькую цепочку на руке, но сейчас её нет. Украшение не основной подарок моей девочке. Сам сюрприз будет её ждать под ёлкой.

По инерции пробегаюсь глазами по брошкам и серьгам. Раньше я дарил матери и бабушке ювелирку на праздники. Но... нет. Я сделал все возможные шаги навстречу. Я простил то, что не должен был прощать. Их выбор — их жизнь. Я счастлив, что дед не принял сторону несправедливых обвинений и упреков. Он всегда был адекватным мужиком. Я рад, что отец сделал шаг в сторону моей семьи. Пусть знакомство ещё не состоялось, но это вопрос ближайшего времени. Я мог бы настоять на встрече праздника вместе. Но папа не оставит мать одну. Он слишком погряз в своей любви и слеп к её поступкам.

***

Новогодний вечер.

— Как красиво! — Ксюша выглядывает в окно и улыбается зажжённым гирляндам. Выглядит и правда волшебно. Все гости уже собрались, парни из охраны подтянулись (к неудовольствию Инны), и мы ждем прихода ещё одного важного человека.

Павел курит у ворот, чтобы сразу проводить гостя в дом.

Кто — то сидит за столом, кто — то в гостиной помогает мелкоте разбирать подарки. Чувствую, одну из гостевых придется переделать под отдельное хранилище игрушек. Мои друзья мелочностью никогда не отличались, но двухметровый кукольный дом, который приперли Дейв с Тимуром, по — моему перебор. Хотя Дашка и Машка вопили от восторга, а значит, подарок не пропадет.

— Тук — тук — тук, вот и я!

С давних времён так ведётся,

Что ни одна ёлка без меня не обойдётся.

Я, дети, очень старый дед,

И мне, поверьте, много лет.

Дашка, распахнув глазищи, летит к сказочному деду в красной шубе, а маленькая Маша в мгновение ока забирается ко мне на руки и звонко и четко вещает:

— Хайло!

Арт давится коньяком, дед закрывает лицо ладонью, Ксюшка краснеет, а Давид громко ржет, запрокинув голову. Дед Мороз, кажется, на минуту ловит паралич, так что брови норовят отвалиться. Но быстро ориентируется и поворачивается к мелкой... да я что — то даже теряюсь, как её назвать.

— Что же за слово такое ты говоришь, девица — красавица!?

— Это не я, — пищит малышка. — Это Тимур приходит и говорит каждый раз. Хайло!

Громко. Чётко. Ёмко.

Дейв толкает плечом Тима, не переставая смеяться. Я, честно говоря, сам еле сдерживаюсь.

— Кто же этот Тимур, научивший детей слову заморскому непечатному?

— А вот он, вот, дедушка. — Дашка своих не бросает. Сдаёт в первую же секунду.

— Сдаюсь. Английский язык в этом доме не приживется. Хеллоу тебе, дед Мороз!

— И тебе, добрый молодец, здравствуй!

Пока все приходят в себя после эпичного приветствия, девчонки хвастаются подарками, показывают рисунки, а Дарья рассказывает стишки за себя и за сестренку. Она готовилась и разучила с дедом три или четыре довольно длинных стихотворения.

— Ну что, все вели себя хорошо в этом году? Все готовы получить подарки?

— Не все! Не все!

Началось в колхозе утро. Звезда по имени Даша сейчас выступит, рассказав, кто среди нас балбес, а кто... хайло, блин. Это ж надо.

— И кто же не заслужил от дедушки Мороза поощрения?

— Он. — Указательный палец упирается в Давида. Он офигевает от происходящего.

— Чем же я провинился?

— Ты приходишь с противной ведьмой. Она нас не любит.

— Приложила, так приложила. Сдавайся, друг.

— Сдаюсь, Даш. Постараюсь её перевоспитать, хорошо?

— Нет. Дед Мороз, можешь ему наколдовать хорошую принцессу? Пожалуйста.

Умильная моська готова растрогать кого угодно. Даша хватается за посох и вместе с актером говорит «волшебные слова».

— Теперь все прощены, и я могу вручить подарки, помощница?

Дарья важно кивает и помогает раздать всем гостям коробочки. Мы с Ксюшкой подготовились, и каждому достался небольшой презент. А девчонки нарисовали открытки, от которых мои суровые друзья чуть не прослезились. Влад так особенно умилился рисунку с солнышком и маленькой девочкой. Он как — то рассказывал, что у него есть сестра и мелкотня горит желанием с ней познакомиться.

Провожаем дорогого гостя, принёсшего столько радости, и начинаем рассаживаться за столом. Выбираю момент и ухожу в гостевую ванную за своим подарком Ксюше. Боюсь, что дольше подарок не простоят.

— А что это? Это мне?

— А почему такая большая коробка?

— Цыц, неугомонные. Вам уже море всего надарили.

Ксюня разгоняет мартышек, которые, не обидевшись, лезут к деду на колени. Кажется, ему сегодня покоя не будет. Машка тем более днем не спала и вот — вот начнутся капризы.

— Девочка моя, — удерживаю короб рукой, а второй беру Ксюшину ладонь, — я очень тебя люблю. Всю жизнь буду благодарен тебе, что ты ответила мне взаимностью, согласием и даришь свою любовь каждый день. Я не знал, что придумать и поэтому вот. Это символичный подарок. Любовь.

Ставлю свою ношу на пол и жду реакцию жены. Она опускается на колени, снимает крышку и ахает.

— Ты с ума сошел! Это же...

— Ну да. Любовь. Или Люба.

Ксюша вытаскивает из коробки маленького щенка. Собачонка громко тявкает и лижет моей яголке нос. Судя по энтузиазму маленьких Керро, собачке придется несладко.

— Осторожно! Она еще маленькая! Её нельзя пугать.

Из — под елки показывается дремавший там Рой и обнюхивает Любу. Я специально искал девочку, чтобы не было конфликта у наших животных. Знакомство проходит тихо — мирно и после недолгих уговоров щенка в корзинке уносят в спальню к Тимуру. Обещал присмотреть ночью.

— Давайте уже провожать старый год. До курантов осталось чуть больше получаса.

Звенят бокалы и стаканы. Звучат тосты, а в моей руке дрожит ладонь самой главной в жизни девушки. Моей девушки. Моей жены.

— Люблю тебя!

— И я тебя. Очень — очень.

— Егор, на минутку. — Наш шепот прерывает Валентин, начальник охраны. — К нам гости.

— Кто? Все на месте.

— Иди, сынок, посмотри сам. Сам и открой.

Валентин или Валик много лет работал с отцом, знает меня с юнца и, сколько помню, всегда зовёт «сынком».

Выскакиваю без куртки, заинтригованный. Он — то на планшете уже поймал изображение с камер у входа. А для меня, похоже, будет сюрприз.

И ещё какой! На секунду кажется, что я перебрал и меня коротнуло. Моргаю, но видение не исчезает.

— Папа?

— С Новым годом, сын.

— Пап... — Я растерян. Потому что за плечом отца стоит...

— Ма? Я сплю?

— Егорушка, сынок. Я не смогла. Прости меня.

Мама бросается на шею, а я крепко — крепко сжимаю её в своих объятиях.

Поняла. Приехала.

От моей улыбки наверняка можно зажечь бенгальские огни — так широко я улыбаюсь. Аж свечусь.

Самый лучший подарок судьба мне преподнесла, когда я встретил Ксюшу. А сейчас... сейчас судьба скорректировала то, чему изначально не надо было случаться. Ведь родители

должны понимать и поддерживать своих детей, а не быть для них врагами.

Лирическое отступление

Говорят, в новогоднюю ночь сбываются все мечты и загаданные желания. Главное верно их сформулировать и искренне, от всего сердца, верить в исполнение.

Во дворе дома Керро играют светом гирлянды, светятся игрушечные сани и золотистые рога оленей.

Под бой курантов люди прощаются со старым годом и верят, что новый принесет им радость, счастье, облегчение.

Главный зимний волшебник, пролетая над Землей, слышит все мысли людей. Усмехается в усы и ударяет посохом, исполняя самые заветные.

Родители Давида держатся за руки и думают о своем сыне. Их желание — чтобы он был счастлив.

Сам Давид, смотря на красавицу — ёлку загадывает здоровья своим родителям.

Артур думает о ребенке, которого он очень хочет. Он безумно любит малышей — Керро, но хочет прижать к груди собственную дочку.

Инна, прикрыв глаза, думает о визите к врачу, к которому записана на установку спирали, чтобы сохранить фигуру. Она не верит в чудеса.

Тимур, смотря на звездное небо, молча признается в любви Ульяне. Он верит, что она слышит его сердце.

Дедушка Егора шепчет слова любви своей Полине. И она обязательно этой ночью улыбнется ему во сне.

Влад загадывает счастье для младшей сестрѐнки. Дед Мороз улыбается в усы, зная, что судьба его сестры и её суженого predetermined много лет назад.

Отец Егора смотрит в глаза своей супруги и мечтает о взаимной любви. И Маргарита отвечает ему. Она любит избранницей сына и мысленно снова просит у детей прощения.

Егор сжимает руку жены и мечтает об одном: чтобы его Ксюша была рядом.

Сама Ксюша прижимается к груди мужа и шепчет, что любит. Очень-очень любит. Ксюшино желание — счастья для их большой семьи.

Маленькая Даша просит волшебника подарить принцессу её лучшему другу, а второму — Тимур — чтобы его глаза улыбались.

Охранник Паша, которому недавно исполнилось восемнадцать, просит выздоровления маме. И волшебник исполнит его желание. Ведь ровно через тринадцать лет Паша, сделавший отличную карьеру, будет просить руки смешинки — Даши. Его мама на свадьбе будет отплясывать ламбаду.

А вот танцующая с подругами в Вене бабушка Ирина Иосифовна пьет шампанское и не думает ни о ком.

На другом конце города лучшая подруга Ксюши — Мила — прижимается к Антону, загадывая одно желание на двоих: быть вместе, в любви и радости. Да-да, тот самый Антон заслужил островок счастья.

И только маленькая Маша ничего не просит. В её головке звучат слова благодарности дедушке Морозу: «Спасибо за моего папу Егора».

Чудеса случаются. Обязательно. И не для этого не надо весь год наводить дома порядок или получать пятерки. Достаточно верить в себя, в волшебство и... самое главное... быть чистым душой. И тогда всё получится!

Ксюша.

На Егора невозможно смотреть без слёз. Слёз радости. Он светится изнутри.

Мой сильный мужчина ни разу не показал, как тяготиться ситуацией с родителями, но я — то чувствовала. Да и как не почувствовать? Я так его люблю, что могу считать уже практически любую эмоцию.

Новогодняя ночь подходит к концу. Ночь, которая подарила поистине волшебный подарок моему мужу. Вот и не верь после этого в чудеса.

Меня трясло, когда Егор вернулся с улицы. Ожидала чего угодно. Мысленно приготовилась уже запереться в спальне, чтобы не слышать страшных слов и не видеть осуждающих взглядов.

Но родители любимого приветливо поздоровались, а мама даже обняла меня. Конечно, это не исключило напряжение, сквозившее между нами, но, по крайней мере, я немного свободнее выдохнула.

— Малышка, я так соскучился. Бросай здесь всё, и пойдём уже наверх?

Мы на кухне одни. Все гости разошлись по спальням, а родители уехали к себе.

Маруська начала выносить мозг почти после боя курантов, и я не знала, как разорваться. К всеобщему удивлению, Артур вызвался помочь уложить капризу. Мне давно кажется, что он хочет детей и какой — то затаенной тоской смотрит на девчонок. Жалко, что у них с Инной не получается забеременеть. От Егора я слышала, что они пытаются. Да и Инна очень хочет, даже скандалы устраивает.

— Подожди, Егорка. Посуду составлю хоть. Тут на несколько заходов будет. А ты пока можешь стол освободить? Утром завтракать соберемся.

— Малышка, утро через пару часов. Раньше обеда никого не жди.

Муж (до сих пор млею от этого слова) быстро справляется со своим заданием и свистит Рою, чтобы выйти с ним. А я пока составляю продукты в холодильник и успеваю помыть тарелки в раковине. Не привыкла оставлять после себя бардак.

— Ммм, Егор. У тебя руки холодные. — Шёпотом возмущаюсь, когда он приходит и лезет обниматься.

— Очень холодные. Меня срочно надо погреть, чтобы я не заболел.

— Фантазер.

— Твой фантазер, — шепчет этот искушитель мне в шею. Знает же, что от такого прикосновения я сразу сдаюсь.

— Я ещё не всё.

— Зато я уже всё. И если ты не пойдёшь со мной, я получу свой подарок здесь. Выбирай, Ксюшк.

Гад какой, а? И не только мурлычит на ушко, еще и успел платье вверх задрать. А если кто —нибудь попить выйдет?

— Всё — всё, я иду.

— Умница моя. И я иду.

Егор подхватывает меня на руки и несёт в нашу спальню. Даже не вырываюсь. Прижимаюсь к нему ближе и дразню легкими поцелуями в шею.

— Кто — то сейчас доиграется, да?

— Не знаю, про кого ты говоришь.

— Ах не знаешь?!

Закрывает дверь ногой и тут же прижимает меня к стенке, перемещая так, чтобы ногами я обвивала его торс. Целует глубоко и напористо. Скучал. Знаю. Сегодня у нас не было возможности побыть наедине. И мне тоже... тоже его не хватало. Чтобы вот так: тело к телу.

Срывает платье, бухтя, что терпеть не может ненужные тряпки и вообще «в спальне надо ходить голой». Тихонько смеюсь над его возмущениями. Ровно до того момента, пока он не закрывает мне рот новым поцелуем. Сплетает наши языки, выбивая из груди хриплые стоны. Я вообще в последние дни чересчур чувствительная стала, особенно грудь. И у Егора от этого крышу уносит. Он может ласкать соски до тех пор, пока меня не начинает трясти от разрываемого удовольствия. И улыбается при этом, как мартовский кот.

— Егор, я хочу на кровати, — шепчу, улучив момент. Вообще — то у меня подарок «стынет». Не знаю только, как решиться. Я столько сайтов с советами прочитала, ужас просто. Видео смотреть не рискнула. Не смогла себя пересилить.

— Желание моей жены — закон.

И вот уже спина прижата к прохладной простыне, а муж нависает сверху, удерживая вес тела на руках. Он прерывисто дышит, а когда я провожу пальчиками по его прессу, просунув руки под одежду, со свистом выдыхает воздух. Глаза черные — черные и я понимаю, что любимый заведен до предела. Словно знает...

Слегка отталкиваю его, чтобы слез. Он реагирует мгновенно. Очень боится сделать плохо ребеночку, поэтому внимателен ко всем моим жестам. А ещё он меня очень любит.

Встаю на кровать коленями, начиная расстегивать пуговицы рубашки. Если я уже в одних трусиках, то Егор одет полностью. Надо срочно исправлять.

Распахиваю рубашку и люблюсь накачанным телом. Он идеален. Во всём идеален.

— Помоги мне, — тянусь к пряжке ремня.

Егор встает с кровати, стягиваю брюки, а я сползаю вниз, становясь на колени. Не знаю сама, где взяла смелости. Наверное, общая атмосфера опьянила.

— Ксюшка, ты чего?

— Хочу подарить свой подарок. — Смотрю снизу вверх и ловлю каждую эмоцию. Крылья носа вздрагивают и кадык дергается.

— Ты уверена, малышка?

Голос хрипит, а он держит меня за подбородок и прожигает черными глазами. Радужки не видно, только непроглядная ночь. И сбившееся дыхание.

Я ни разу не соглашалась на подобные ласки, и Егор перестал просить приласкать его ртом. Сказал, что всему своё время. Видимо, оно наступило.

— Уверена.

Кладу руки на бедра мужа и тяну на себя.

— Стой, малышка. Моя жена не будет стоять передо мной на коленях.

Подтягивает на кровать, усаживая на краю. Немного теряюсь, боясь, что сейчас собьется весь настрой. Мне и так тяжело и страшно. Не противно, а я боюсь сделать что — то не то, или разочаровать.

Смотрю в темные глаза и облизываю губы. С чего начать — то?

— Возьми его в руку, — Егор словно читает мысли.

Протягиваю ладошку и обхватываю горячий орган. Он приветливо дергается в руке, а я провожу по всей длине.

Волнуюсь.

Зажмуриваю глаза и подаюсь чуть вперед.

— Смотри на меня, девочка моя. Открой глазки.

Слушаю и распахиваю ресницы. Кончиком языка слизываю прозрачную капельку.

Не противно. Немного соленая и... и всё. Становясь смелее, провожу языком по набухшей головке, чувствуя, как Егор вздрагивает всем телом.

Вспоминаю советы и открываю рот, обхватывая эрекцию губами. Стараюсь плотно сомкнуть губы и двигаю головой вперед — назад. Муж тихо стонет, собирая мои волосы в хвост. Помогает подобрать удобный темп, а я полностью отпускаю себя. Только чувства, инстинкты и стоны Егорки.

Руками блуждаю по телу, куда только могу дотянуться. Вспоминаю, как любимый делает мне приятно и, замерев, начинаю во рту язычком очерчивать венки и выпуклости органа. Сама же пальчиком веду по внутренней стороне бедра, слегка задевая яички, и провожу по нежной коже. Егор дрожит, сжимая рукой затылок.

— Ксююююшаааа, ты что творишь?

Поднимаю глаза и выпускаю *его* изо рта.

Пытаюсь отдышаться, чувствуя своё сильное возбуждение. Оказывается, дарить удовольствие заводит не меньше, чем когда дарят тебе. Обвожу языком головку, ласкаю уздечку, продолжая двигать рукой.

— Я долго не выдержу, малышка. Возьми его, — просит, толкаясь в меня. — Представь, что это конфета, ммм.

Движения становятся немного резче, глубже. Мне не хватает воздуха.

— Дыши носом, Ксюшк. Носом.

Делаю, как он говорит. Обхватываю сильнее, позволяя ему самому делать так, как он хочет. Эмоции зашкаливают, и я сама не могу сдерживать стонов. Впиваюсь пальцами в крепкие ягодицы и начинаю тянуть на себя еще сильнее. Хочу всего, полностью. И не думать ни о чем. Не стесняться и не пытаться закрыться.

Финальный глубокий толчок и я чувствую, как внутри рта начинает пульсировать головка. Егор пытается выйти, но я примерно понимаю, что произойдет. Я готова к этому. В горло выстреливает горячая жидкость, а Егор шумно выдыхает, продолжая дрожать.

Сглатываю, отмечая про себя, что нет ничего неприятного. А то, как сейчас выглядит муж, кажется, самый лучший подарок мне. Уверена, что ему всё понравилось. Чувствую это.

— Ксюшка, — шепчет, отстраняясь от меня. — Это... это невероятно. Охренеть просто. Спасибо, малыш.

Наклоняется сверху и целует, заставляя откинуть назад.

— С Новым годом, любимый.

— С Новым годом. Любимая. Жена моя.

Улыбается, а в глазах полыхает огонь.

Прошло три месяца.

Ксюша.

Егор снова возвращается поздно и не в духе. Эти месяцы вымотали всех. Мне кажется, наша новогодняя ночь была последней спокойной, а потом в противовес подаркам Деда Мороза повалились неприятности.

После моего смелого подарка Егор слетел со всех тормозов. Где и в каких позах он только не доказывал мне свою любовь. Но на уговоры немного «расширить границы» я всё ещё не решилась. Хватит и того, что я иногда балую любимого своими ласками, с каждым разом раскрепощаясь всё больше. Может быть, скоро соглашусь на... Но пока нет.

— Никаких новостей?

— Никаких.

В январе пропал друг ребят — Влад. Сначала никто не понял, что его нигде нет. Знали про его привычку ездить к сестре и отключать телефон. Но он горел работой и когда не явился после праздников в офис, парни забили тревогу. Подняли на уши всех. Безрезультатно.

Был человек, и нет человека.

Кто-то пустил слух, что дело рук бандитов. Отцы Давида и Тимура воспользовались старыми связями и каналами, пытались пробить, но не получили ответа. Вернее, получили. Отрицательный.

Артур, которого замучили истерики Инны, ездил в город, где живет сестра Севера. Приехал с пустыми руками и полным непониманием. Девочка тоже пропала.

После этих новостей жизнь каждого из нас изменилась. Пропала легкость в общении, почти ежедневные встречи. Появились машины с охраной, а в нашем доме поселился Валентин — начальник службы безопасности. Временно обитает в комнате для гостей и вечерами играет с дедом Сашей в шахматы.

— Егор, — трогаю за рукав своего мужа, — завтра скрининг. Ты помнишь?

— Черт, малышка. Забыл, прости. Я перенесу встречу и обязательно поедем вместе.

Что бы не происходило, но посещения клиники любимый не пропустил ни разу. Откладывал или переносил дела и ехал со мной. Поддерживал, утешал, смешил. Нервничал, когда на очередной консультации нам поставили тонус матки.

Егор снова надел на себя маску врача и устроил мне постельный режим. Я тогда взывала и считала дни до окончания заточения. А он временно перенес всю работу домой и никуда не отходил. К счастью, обошлось и меня «выпустили» из плена.

— Будешь ужинать?

— Попозже.

И идет в кабинет. Это продолжается изо дня в день. И очень удручает.

Сегодня я решаю сломать систему: расставляю на поднос тарелки и иду к мужу. Не хочет есть в столовой, значит, будет за работой. А я посижу и посмотрю на него.

Соскучилась безумно. Но всё понимаю. Времена наступили такие. «И в горе, и в радости». Хоть мы и не сыграли свадьбу, но клятвы друг другу произнесли и заветное колечко на палец своему Егорке я надела. Раз уж мы женаты, какой смысл тратить кучу денег на праздник? А зная своего мужчину, он устроил бы шикарный банкет. Да и куда мне?

Живот основательно подрос и малыш активно барахтается, периодически играя в футбол внутренними органами мамы.

— Наш ресторан выездной кухни приветствует Вас.

Захожу и улыбаюсь, ставя поднос.

Егор смеется моей затее. Отодвигает документы и резко дергает на себя.

— Неугомонная моя. — Ведёт носом по шее, вызывая россыпь мурашек. — Потерпи немного, Ксюш. Скоро всё закончится. Должно же наступить хорошее, правда?

— Обязательно наступит. Влад найдется и сестра его тоже. И будет, как раньше. — Обнимаю за шею, подставляясь под поцелуи. — А хочешь, давай позовем всех друзей и устроим праздник? Мы новоселье так и не отметили. Бассейн никто не видел, беседку твою.

В феврале Егор загорелся идеей навесом для барбекю и в итоге оборудован место для мангала. Даже печь там какую-то специальную соорудили. Мы правда опробовали всего раз.

— А давай. Сто лет не виделись. Завтра еще пол узнаем точно. И ты проиграешь, помнишь про спор?

Закатываю глаза. Еще бы не помнить. Егор уверен, что в животе мальчик и перед прошлым УЗИ заставил меня забиться на желание. Но пол врач по моей просьбе «не рассмотрел». Муж не теряет надежды выиграть, а я не спешу сдаваться.

— А если ты проиграешь?

— Я все равно исполню любое твое желание. А вот если выиграю... — Кусает меня за мочку и шепчет в ушко, — моё желание тебе точно понравится.

— Пошляк!

— Я пошляк? Я вообще ничего не сказал, и уже пошляк. Коварная ты женщина. А ну-ка иди сюда.

Сажает меня на стол... и...

В общем, на кухню я уношу целые тарелки, а Егор остается собирать разбросанные бумаги. А нечего было дразнить.

— Мелкие уже спят? — Выходит минут через двадцать и садится за стол.

— Ага.

— Соскучился так по ним. Давай я завтра все дела отменю, и после клиники свозим их на аттракционы? Дашка давно на карусели просится.

— Да они счастливы будут. Каждый день ждут. Про Давида спрашивают, про Тима.

***

Возмущенный Егор несется по коридору, ругая врача и всю больницу в целом.

— Ну как так-то? Технологии, блин, овец позволяют клонировать, руки на принтере печатать, а пол ребёнка рассмотреть не могут. Да это издевательство! — Останавливается, поджидая меня. — Ксюх, поехали в другую клинику, а? Пусть ещё посмотрят. Лихацкий задрал уже подкалывать, что ребенок меня не признает и специально отворачивается.

Я знаю, что Давид не со зла. У них вообще особые отношения друг с другом. Постоянно друг друга задевают. Ему просто нравится, как Егор начинает нервничать. Но я кремень. Не сдамся. Хоть иногда мне его и жалко.

Да-да, женское коварство не знает границ.

— Тебе объяснили, что малыш повернулся спинкой и не видно.

— Агааа! Малыш — это пацан же?

Ну как Дашка, честное слово. Та с подачи Егорки тоже братика ждет.

— А если девочка будет, ты не будешь рад?

— Эм... Ты что говоришь такое? Ксюш?

И смотрит так виновато. То — то же.

Все мужчины, наверное, мальчиков первыми хотят. Тем более, у нас есть две девочки уже. Егор обожает их и, мне кажется, искренне верит, что они его. Машка когда кричит ему «папочка», на Егора смотреть без слез невозможно. Он тает, как шоколад на солнце. А две хитрые рожицы знают и пользуются этим. Веревки из него выют.

— За девчонками? Или у тебя не получилось отложить дела?

— Обижает. Сегодня и завтра я весь ваш. А ночью, — шепчет мне, обхватывая затылок, — ты вся моя.

— Егор, люди смотрят.

— Пусть смотрят. Ещё мне начать скрывать, как я люблю свою жену?

Невыносимый! Но такой же любимый. Сердце сжимается от любви к нему.

Муж. До сих пор волнительно.

Садимся в машину. Егор сам за рулем, а сзади нас джип. Это ужас какой — то. Как в криминальных сериалах.

— Ксюнь, кстати про встречу. Тут такое дело. Дейв снова с этой сошелся вроде. Ну по крайней мере она приходила и орала в его кабинете.

— Ну и дурак. Нашёл бы уже себе адекватную. Видно же, что не любит он эту Наташу. Зачем терпит? Вот я не понимаю.

— Да хрен его знает, что там в голове. У неё или у него. Отцы дружат, мать вроде к ней нормально относится. Ну и он по привычке...

— По привычке он девушек в клубе клеит и отрывается. Пусть приходит эта его истеричка, но я с ней разговаривать не буду. И улыбаться тоже.

— И я не буду. Договорились?

— Тебе смешно, а я серьезно. Она в прошлый раз меня обозвала прислугой.

— Ты же умная девочка у меня? Моя жена. А она тебе завидует и от глупости не знает, как задеть. Я предлагал тебе Лихацкому рассказать, ты сама не хочешь.

— Вот ещё, как жалобщица.

— Ксюшка, блин, ты как скажешь. — Егор смеется. — Дейв не обращает внимание на мелочи, а если ему сказать, он посмотрит на неё другими глазами. Дождешься, Дашка выдаст ему всё, что у неё накопилось.

— Вот Даша пусть и рассказывает. У них свои секреты. Ты ему, кстати, передал спасибо за самокаты?

— Передал. А приедет, сами скажут.

Сестрёнки точно в восторге будут! Все мы уже устали от мрачных туч над головой. Пора впустить в душу весну и погреться под тёплыми первыми лучиками.

Ксюша.

— Кто последний, тот дурачок!

— Даша! — Синхронно выдаем с Егором этой несносной девчонке.

— А что? Это доброе слово! Я же не сказала, «тот дурак»!

— Логика на грани фантастики. Мне заранее страшно за её мужа. Доведет до белого каления.

— Ты подожди. Если этот будущий муж до ЗАГСа доживет. С Дашкиным характером, мне кажется, проще самому себе харакири сделать. Или она поможет.

— У твоего деда ангельское терпение. Сначала ответить на миллион вопросов, потом поддержать все идеи.

— У деда поддержка мощная: Валентин, Пашка, отец.

Это правда. Папа Егора иногда приезжает к нам, чтобы поиграть с девочками и пообщаться с сыном. К сожалению, редко сейчас это удается. А вот Павел и Валентин живут временно с нами и очень здорово помогают с непоседами. Никаких няnek не надо! Мне остается только готовить.

Вот что значит юные девочки растут — тянутся к мужчинам. Тем более, те их любят, защищают, а самое главное — играют и терпят выходки.

— Паааап, ну ты идешь с нами?

Даша тянет мужа за рукав. Вот уже несколько дней она зовет его папой, и Егор чуть не вытирает слёзы. Я — то реву. Вот и сейчас...

— Ксюнь, ну чего ты? Расстроилась?

— Так трогательно, что она тебя приняла. У неё даже личико меняется, когда она к тебе обращается.

— Дочь, давай в лабиринте вы сами, а на батуты вместе пойдем? Договорились?

— Даа, — важно тянет принцесса Дарья. — Но с тебя мороженое.

— Хитрая. — Смеется. — Вот кто её такому научил, а? — И оба смотрят на меня. Не я точно.

— Тима спроси. Всему хорошему её учит он.

— Ксююююш, а когда он приедет? Ну когда? Вы давно обещали.

Услышала. Дашунька очень, конечно, привязана к друзьям мужа, постоянно ждет и спрашивает. Ещё бы! Они раньше часто приезжали, а Давид даже жил с ними, когда девочки только переехали.

— Скоро. Скоро все соберутся. Папа позвонил и пригласил.

— А скоро это когда? У тебя всё скоро. А потом оказывается, что надо ждать неделю.

— Вот примерно неделю и надо.

— А неделя сколько дней?

— Семь. Всё? Идешь играть или уезжаем? Маша вон всюю ползает.

— Иду. А потом на батуты да, пап?

— Батуты и мороженое, я всё записал.

— Ты же не доставал ручку. — Дашка наклоняет голову и смотрит внимательно. Подвох ищет.

— Я мысленно...

— Даша, — рычу, иди играй. Маруське надоест и останешься без лабиринта. Я с тобой и него точно не полезу.

— Ты и не вступишься. У тебя Максимка большой растет в животике.

Утыкаюсь в плечо мужа, когда болтушка убегает в сторону детских аттракционов.

— Ты опять? А если там девочка?

— Значит, будет Алинкой.

— М, — морщусь. — Я не хочу Алинку.

— Значит, выберем другое. Ты только не расстраивайся, малышка. Хочешь тоже мороженого?

— Не хочу.

Если честно, я хочу винегрета с клубничным вареньем. Даже слюнки потекли, как хочу. Но Егору нельзя говорить: он здесь всех на уши поставит и заставит готовить. Проходили — знаем. А я потом с красными ушами до вечера ходи.

— А что хочешь? Я же вижу, что о чём — то задумалась.

— Я тебе дома скажу.

— Ммм, что я хочу дома, я тебе ещё и покажу. Только ночи дождись.

— Ну Егooooор...

Пищу, у самой сердце барабанит в два раза быстрее. Я очень — очень соскучилась по нашим ночам. Когда долго и нежно, когда муж купает меня в своей нежности.

— С ума по тебе схожу, ягодка моя. Знаешь об этом? Каждый вечер домой еду, чтобы только к тебе. К вам. Без вас накрывает.

Егорка шепчет в шею, а у меня мурашки бегут размером с кулак. И опять плакать хочется. И винегрет. Только теперь с бананом.

— Паааап, мы наигрались. Пошли на батуты!

Дашкин вопль заставляет вздрогнуть. Как сирена. И специально же кричит. Чтобы все видели и слышали про её папу. А я даже заругать не могу. Поворчу для вида, что нельзя шуметь в общественных местах. А в душе я за нее рада и счастлива. И прекрасно понимаю, каково это — обрести поддержку и опору. Любимый всем нам дал то, чего так не хватало. Любовь и защиту. Потому что с ним и правда, не страшно.

***

Пока я убираю со стола, Егор читает девчонкам сказку. Сегодня на редкость свободный день. Александр Клементьевич уехал в больницу проведать жену. Он несколько месяцев не живет с ней, полностью переехав к нам. Но когда ему позвонили, что она сломала ключицу, не смог оставить и ездит навещать. Внук тоже один раз был. Я уговорила.

Вернулся злющий и нервный. Не знаю точно, что ему бабушка опять наговорила, но он наотрез отказался от повторного посещения.

«Во как хватило», — показал на горло и, хлопнув дверью, ушел в кабинет.

Валентин уже спит, а Павел отпросился и уехал в клуб. Молодой парень, кровь бурлит. С остальными ребятами из охраны мы знакомы, но они обитают в домике охраны и здесь не ночуют постоянно.

— Хозяюшка, ты готова? — Улыбающийся муж появляется на кухне.

— К чему?

— К горячему и безудержному сексу, конечно.

— Тшшш... девчонки не спят.

— Обижает. Я их укатал и упрыгал так, что до обеда не встанут. — Тянет меня за руку

на себя. — Идём? Я не шутил, когда говорил, что соскучился.

— Ты ещё говорил, что не дашь спать.

— А я и не дам. Ты во мне сомневаешься?

Накрываем мои губы своими и толкается вперед, показывая, что правда скучал, и правда не даст поспать. Там всё очень большое и твёрдое.

— Ммм...

— Угум. Подожди, — подхватывает на руки и торопливо шагает вверх. — Не могу уже ждать. Давай сразу в душ?

А мне уже, кажется, всё равно. Лишь бы прижаться к его горячей коже. Лишь бы провести языком по груди, вцепиться в плечи, ощутить его...

— Сразу в душ.

Мы напоминаем двух подростков, дорвавшихся друг до друга. Целуемся, срывая одежду. Кусаемся, сжимаем кожу до мелких синяков. Это не дикость, нет. Это страсть и желание, которые отключили остальные мысли.

— Повернись спиной ко мне и прогнись. — Делаю, как просит муж. — Не больно?

— Нееет, — выстанываю на выдохе, потому что одной рукой Егор сжимает чувствительную грудь, а второй размазывает влагу по складочкам.

— Умница. Давай вот так.

Бережно надавливает на поясницу, чтобы сделать для меня максимально приятно и удобно. Животик хоть и не огромный, но с моим ростом и телосложением кажется уже тяжелым.

— Ах!

Чувствую, как любимый входит длинным толчком и начинает двигаться, с первых же мгновений беря быстрый темп. Я уже знаю, что первый раз ему хочется быстро, глубоко, сжимая мои бедра или талию. Потом будут тягучие ласки, неторопливые движения, срывающиеся иногда на почти пулеметную очередь. Егору нравится, когда я не могу сдержаться и кричу. Говорит, что распаляется сильнее.

— Вот так, моя девочка. Вот так.

Мужские пальцы растирают набухший комочек, в душе раздаются влажные шлепки тел и я, прижавшись лбом к прохладной плитке, рассыпаюсь на осколки, дрожа всем телом. Пульсирую вокруг плоти Егора и ощущаю внутри себя горячую струю. Самое приятное — приходиться к пику вместе. Дрожать и пытаться отдышаться, прижавшись тесно — тесно.

Меня всё ещё потряхивает, когда муж выдавливает на ладонь ароматный гель и наносит на моё тело. Движения становятся нетерпеливыми, а дыхание учащается. Но я больше не хочу так. Хочу видеть лицо своего мужа, хочу тонуть в его потемневших глазах.

— Я хочу на кровати. Пожалуйстаааа

— Всё, как скажет моя королева.

Егор.

Я кайфую. Выношу свою девочку из душа, не переставая улыбаться. Ксюшка становится всё более податливая, раскованная, ждущая и это просто сносит голову. Мне вообще от неё постоянно сносит. Когда спит, когда ест, когда хмурится, когда смеется, когда сонная устраивается на моих коленях. Я люблю её любую: с макияжем и без, и в халатике и красивом платье, готовящую очередной шедевр или задумчиво выбирающую пирожное у витрины... Она моя девочка. Только моя. И если ради её счастья придется перевернуть земной шарик... что ж, я готов к этому. Потому что она единственная достойна!

Сейчас моя родная лежит на кровати и, прикрыв глазки, часто дышит. Ещё бы, учитывая, где находятся мои губы. Сегодня я точно уболтаю Ксюшку сделать то, чего так давно мне хочется. Не то, чтобы я фанат подобного. Но с ней мне важно показать все возможности любви, показать, как я могу сделать ей приятное. А то, что это приятно — я не сомневаюсь. До сих пор, вспомнив новогоднюю ночь и робкие ласки мягких губ, готов сорваться и мчаться к своей жене.

Поднимаю Ксюшины руки наверх, надежно фиксируя запястья. Она вся передо мной как на ладони. Слегка увеличившаяся грудь я темными ягодками сосков. Округлившийся животик, от которого я схожу с ума. Стройные бедра, которые малышка сейчас сжимает в предвкушении.

С хриплым нетерпеливым стоном припадаю к бьющейся на шее жилке. Втягиваю, ласкаю языком, царапаю зубами. Я знаю, что Ксюше нравится. Наконец она перестала стесняться своей реакции, и её стоны разносятся по нашей спальне.

Переносу вес тела на локоть и свободной рукой накрываю упругое полушарие. С развитием беременности грудь становится более чувствительной и иногда жене хватает укусов — поцелуев, чтобы взорваться в сильном оргазме.

Но сейчас я хочу довести её до пика иначе. Хочу чтобы дрожала, чтобы кричала, чтобы пульсировала на мне, сжимая... Чёрт, самому бы выдержать эту пытку. Возбуждение такое, будто не было только что душевой кабины и умопомрачительной разрядки, после которой перед глазами еще долго кружили черные точки.

Провожу носом по шее, спускаясь к твердым вершинкам. Обожаю их ласкать и еще больше люблю Ксюшину реакцию: она мелко дрожит и притягивает голову за волосы ближе. Такая нетерпеливая малышка. Но сегодня без её рук максимально.

Втягиваю ягодку в рот и ласкаю языком. Посасываю, дух и снова втягиваю. Рукой сжимаю второй холмик, обводя ареолу подушечкой большого пальца. Любимая дрожит и приподнимается, пытаюсь прижаться ближе.

— Ммм, мой вкусный десерт, — шепчу, спускаясь языком к животику.

Вырисовываю на нем узоры, а сам, отпустив запястья Ксюши, развожу ее ножки шире. Она так погружена в свои ощущения, что не замечает мои действия. И правильно, на это весь расчет.

Прохожусь по гладким бедрам, едва — едва приближаясь к заветному местечку. Дразню. Распаляю. Хочу почувствовать её желание.

Она потрясающе пахнет малиной. Я перенюхал все духи и гели жены, но не нашел подобного запаха. Аромат моей женщины сладко — ягодный. Уверен, что и на вкус она

такая же.

Короткие поцелуи по ногам, подбираясь к гладко выбритому лобку. Сначала накрываю пальцами, раскрывая складочки и растирая влагу. Какая же она мокрая. Какая горячая!

Первое касание, как яркая вспышка у обоих. Ксюша вздрагивает от неожиданности, а я от удовольствия.

Сначала пробую на вкус. Широкими "мазками" двигаюсь по всей промежности, помогая себе пальцами, раскрывая куколку. Сосредотачиваюсь на волшебной кнопке, скользя вокруг, меняя темп и рисунок. Вывожу букву V, меняя её на восьмерки или длинные линии. Любимую трясет, стоны переходят в крики и всхлипы и руки тянутся, зарываясь в моих полосах.

Развожу стройные ножки шире, позволяя себе полюбоваться несколько секунд. Ввожу внутрь два пальца, растягивая стеночки. Она узкая и тесная. Всегда. Сжимает пальцы, выгибая поясницу.

— Давай, моя хорошая. Сейчас полетишь.

Шепчу, вновь припадая к клитору, сжимаю его губами и нежно зализываю тут же. Бугорок становится твердым и пара касаний отделяет мою ягодку от пика. Увеличиваю темп пальцев и прохожусь кончиком языка по головке. Ксюша сжимает кулаки и кричит, до легкой боли сжимая мою голову. Её тело бьёт крупная дрожь, а я, выждав немного, продолжаю ласку, продлевая удовольствие жены. Слышу протяжные стоны, срывающиеся на хрипы.

— Вот так, моя родная. Вот так.

Целую ножку, поднимаясь выше. Оставляю влажную дорожку между грудей и впиваюсь в припухшие от укусов губы. Она невероятно прекрасна в этот момент. Красивее Ксюши нет во всех известных и неизвестных вселенных. Даже при свете ночника я вижу все мельчайшие детали. Если бы умел рисовать, мог бы по памяти изобразить любую родинку, любую веснушку...

— Что это было? — Задыхаясь, как от быстрого бега, спрашивает моя любопытная малышка.

— То, от чего ты так долго бегала. Понравилось?

Ну нравится мне её смущать. Нра — вит — ся. И ничего не могу с собой поделатъ.

Жена тянет подушку и накрывает ей лицо. Ага, кто бы вот ей дал спрятаться. Скидываю её «защиту», устраиваясь между ножек, и спрашиваю у самых губ:

— Я тебе обещал всю ночь не спать? Готова?

И, прежде чем впиться с глубоким поцелуем, слышу на выдохе заветное: — Даааа.

Егор.

Ночь, полная сюрпризов и откровений. Полная желаний и исполнения этих желаний.

В очередной раз подвожу свою девочку на самую вершину и, придерживая дрожащие плечи, толкаю вниз, наблюдая поистине произведение искусства. Алые губы приоткрыты и выдают громкие стоны. Длинные ресницы трепещут, отбрасывая тени на лицо. Мокрые волосы прилипли к вискам, а одна прядка выбилась и мешает нормально вдохнуть. Носом тянусь и убираю вбок. Потому что руки заняты.

Ксюша сверху и несколько потеряла контроль. Который я сам чуть не прое... не проспал, короче. Захотел показать, как ещё бывает хорошо. В неё всегда так узко и тесно, что я имя собственное забываю.

Надо будет уточнить у врача, какой функционал нам сейчас доступен. Я явно не из тех отцов, которые боятся, что ребенок вылезет и попросит папу не стучать. Тупой анекдот на самом деле.

— Я хочу в дуууууш, — Ксюшка стонет, хватая ртом воздух. Красивая.

На бедрах размазана белая жидкость, тело покрыто испариной, а на груди расцветают розовые пятна. Что может быть идеальнее, чем только что кончившая любимая женщина?

Делаю торопливые толчки, догоняя жену в удовольствии. Стискиваю зубы, потому что до боли. Внутри всё скручивает от наслаждения. А ведь не первый раз сегодня. И все равно не остановлюсь. То ли аномалия какая — то, то ли у меня всплеск гормонов, но я с ней готов постоянно.

Изливаюсь, продолжая медленные толчки. Ловлю последние мгновения кайфа, приподняв бедра любимой. А он вдруг прикусывает губу и начинает трястись. В первую секунду пугаюсь такой реакции, потом ошарашивает пониманием. Охренеть. Ксюшка снова пульсирует на мне, царапая плечи. Неужели тот самый мульти, про который говорят, но в реале видели немногие? Чёрт. Да я готов круглогодично делать свою малышку беременной, только бы её было так хорошо.

Взгляд расфокусирован полностью, дыхание хриплое, а на губах широченная улыбка. Официально: я счастливейший из смертных.

— Ксюшка, я тебя люблю. Ты знаешь?

— У меня нет сил думать.

— Не думай. Хватайся за меня. Сейчас помоемся и спать. Да?

— А может без помоемся?

— Да я только за. Моя любимая женщина с моим запахом. Потрясающее сочетание.

— Нет. Мыться. А то кожу стягивает, неприятно.

— По — моему, кто — то сейчас капризничает.

— А это не я. Все претензии туда. — И смеясь на животик показывает.

Да уж, житель пузика доставляет нам определенных хлопков. Наравне с бандой дочек. То устраивает игры в футбол или прыжки по всем животу. Никогда не забуду свой ужас и Ксюшин хохот, когда она взяла чай, а малой так двинут, что чашка отлетела в стену. Ей смешно, а я перепугался — мало ли ошпарится. А вкусы? Я читал про селедку с вареньем. Тим не раз шутил на эту тему. Но, мать его, он шутил, а я как — то ночью ездил и искал желтый арбуз, потому что без него Ксюшу крутило. Она рыдала, что ничего не хочет, что ей

стыдно, но без него она не уснет. И таки не уснула. Маленький гурман получил свою долю и уgomонил пляски, дав родителям наконец спокойно отдохнуть.

Но есть и приятный бонус. Оказывается, у женщин в период вынашивания повышается какой — то там гормон, и влечение становится больше, а оргазмы ярче. Вот тут я ни в чем себе не отказываю. Дорвался до сладенького, и готов стать зависимым до глубокой старости. Лет так до ста. Потом — так уж и быть — подумаю об уменьшении аппетита.

— Лежи, малышка. Я сейчас.

Все — таки решаю не тревожить любимую. Она выглядит хоть и довольной, но уставшей. Приношу мокрое полотенце и вытираю наши следы с уже практически заснувшей ягодки.

Сколько же в этой девочки нежности и любви ко всем. Она спит, и её лицо будто светится изнутри. Удивительно солнечная душа. Любуюсь своей девочкой, а затем осторожно укладываюсь рядом. Ночь длинная, а мы ещё не закончили.

***

Ксюша суетится на кухне, готовя всё и сразу. Ребята скоро приедут, и она хочет успеть с нарезками и салатом. Я кручусь рядом, порываясь помочь, но по факту постоянно тяну лапы к обожаемому телу и получаю то полотенцем, то лопаткой.

— Я же обижусь.

— Егорка, ты как маленький. Не успею, будет неприятно. Кое — кто сразу нос морщить начнет.

— Ну вот по носу и получит. Вообще в её сторону не смотри.

Сегодня на редкость тёплые дни. Кажется, подобное было лет сорок назад. Еще только апрель, а солнце пригревает шикарно. Снег за пару дней сошел, будто и не бывало. Мелкота с радостными визгами носится по двору, дразня собак.

— Я тебе не говорил, кажется. Давид сестру Влада встретил в городе.

— Да ладно? Ту девчонку, которую вы искали?

— Ага.

— И что? Она знает, куда брат исчез?

— Я так понял, что нет. По телефону подобное обсуждать чревато, пока нет определённости, кто и что за всем стоит. Сегодня спросим.

— Так он с ней приедет? Помнится, твой друг так расхваливал сестренку, что банда горела желанием скорее познакомиться.

— Вроде как нет. Он со Стефановской едет. И подругу её тащат. Ты на Леру внимание вообще не обращай. Они с Инной примерно одного формата. Дальше собственного носа не видят.

Слышу сигнал от ворот и громкий хохот. Целую любимую и иду встречать друга.

— Ну наконец — то, а? То поселился — не выкуришь, то официальное приглашение надо. — Пожимаем друг другу руки. — Привет, Наташ, Лер.

— Натали, Егор. Сколько вас можно поправлять?

Закатываю глаза, а Дейв с ухмылкой подмигивает. Мысленно предлагаю сделать из этой овцы шашлык. А что? Быстро и никому не скажем. Только возможность отравиться ядом останавливает.

Малышня несется с обнимашками. Ну и подарками, естественно.

— Сам приучил, теперь отдувайся.

— А я не спорю. Слушай, они так вытянулись обе. И не скажешь, что Дашке пять. Лет

на семь уже выглядит, не меньше.

Это да. Похудела, пропали пухлые щечки и ростом норму обогнала. Выбранный педиатр долго и упорно вещала про какие — то коридоры роста и веса, но меня больше занимал вопрос, здоровы или нет. Раз здоровы, значит, остальные нормы притянуты за уши.

— С новосельем. — Блондинка протягивает коробку. Заглядываю в прозрачное окошко, там столовые приборы. Вопросительно смотрю на Лихацкого. Какое к чертям новоселье?

«Так надо» отвечает одними губами и я согласно киваю.

— Спасибо, Наташ. Не стоило.

— Ой, не переживай. Давидик сделал мне карточку, так что могу себе позволить.

Пока псевдо — мадемуазель отворачивается, кручу у виса пальцем. Мол, ты сдурел? Давид пускает в висок «пулю» и ржет. Доиграется, блядь, Давидик. Тьфу. Звучит как... ладно, не при детях.

Ксюша.

— Приятно познакомиться, — произношу, а сама надеюсь, что улыбка не выглядит слишком уж натянутой. Валерия, Виктория и Марина. Про первую Егор предупредил, а остальные, кажется, стали сюрпризом и для мужа тоже.

Игоря я уже видела, но ещё больше слышала. Гениальный (а в их компании других нет), но со своими тараканами.

Ребята собираются за столом, куда я успела вынести основные закуски. Мясо еще маринуется, а сидеть за пустым столом не уютно. Раз погода хорошая — повод подышать воздухом.

Надеюсь, что девушки прибывших помогут, но дожидаясь лишь высокомерных взглядов и кивков. Окей. В вашу сторону смотреть не буду. Приезд Арта и Инны пропускаю, заканчивая с овощами. Инна сама приходит поздороваться и единственная, кто берется за нож, чтобы помочь. На двоих дело идет быстрее.

— А Тимур где? Или не приедет?

У Даши глаза от счастья светятся. Как же, драгоценный её здесь. Но и по Тиму она скучает. Два друга, с которыми можно беситься до утра.

— Обещал приехать. Он свое слово всегда держит. А ты что, меня уже меньше любишь?

Давид дергает Дашку за отросший хвостик и бежит её догонять. Наталья с мрачным видом за всем наблюдает и что — то вполголоса говорит Валерии. Слов не слышу, но кожей чувствую негатив, который идет с противоположной стороны стола.

Егор тихо переговаривается с друзьями, а я, прижавшись к его боку, переписываюсь с Милкой. Тихушница, блин. Надо было молчать, что она умудрилась пересечься с Антоном, и у них закрутилось — завертелось. Они Новый год вместе встречали. Конспираторы.

— Ксения, томаты закончились, ты не могла бы обновить?

Егор напрягается, и я прекрасно понимаю, почему. Ловлю под столом его руку и успокаивающе поглаживаю. Сама с радостью покину «приятное» общество. Насколько легко нам было с друзьями мужа, настолько же сейчас тяжело со спутницами этих самых друзей.

Давид, тяжело дыша, усаживается на своё место, сразу попадая в капкан цепких рук. Фу и еще раз фу. Поэтому не медлю больше и, подхватив пустые блюда, ухожу в дом. Небольшая передышка не помешает.

В окошко вижу раскрывающиеся ворота и блестящий мотоцикл. Неужели купил? Он еще зимой собирался. Безбашенный парень. Но я безумно рада его видеть! Торопливо выхожу, попадая в родные объятия.

— Погоди, Тим не один. Интрига.

Медленно подходим, рассматривая щуплую девчонку, больше похожую на подростка. Она примерно одной со мной комплекции, но повыше и от этого кажется более худой. А еще у нее удивительное детское личико. Темные волосы растрепались от шлема, и она нетерпеливо убирает их от лица. Смущается и прячется за спиной Тимы.

— Егор, Ксюша, знакомьтесь, моя Сашка. — И видя мои поднятые брови, поясняет: — Практически сестра, а то и больше.

Девушка улыбается. А я начинаю понимать. Вот засранец. Значит, это и есть та самая сестра Севера? Но она вроде должна быть старше меня, если я правильно помню? Или нет?

Навскидку, девочке лет семнадцать — восемнадцать.

— Очень приятно. Саша.

У нее тихий мелодичный голос. И она, если присмотреться, сильно похожа на старшего брата. Егор первым сбрасывает с себя оцепенение и подходит, целуя девушку в щеку. Мне тоже отчего — то хочется её обнять. Необъяснимо, но она вызывает чувство спрятать и защитить. Жаль, что Артур женат. Ему бы очень такая девочка подошла.

Пока мы рассматриваем с любопытством гостью, Тимур зовет мелких. Они с визгом прибегают, едва не сбивая с ног. Новая порция подарков, сюрпризов и объятий. И, конечно, любопытные мордашки устремлены на незнакомого человека. К слову, девушки Игоря малышей не заинтересовали и они даже не подошли. Про Наталью я молчу. К ней и мне подходить не хочется.

Знакомство состоялось, подарки и упаковки валяются по всей дорожке. Рой с Любашкой дерут плюшевого питона. Обычный наш дурдом. Я же зову ребят с собой, замечая, как Тимур достает очередной пакет. У него, интересно, багажник резиновый?

Давид хмурится и рассматривает нашу новую знакомую. По взглядам, которые он бросает на Тиму, видно, что злится. Я уже неплохо успела его изучить. Но от дальнейших размышлений отвлекает вскочивший Игорь. Был бы у него хвост, он бы точно его расправил, как в рекламе жвачки. Не стесняясь, обнимает брюнетку и ведет к столу. Несёт откровенную чушь, на которую Виктория жеманно смеется. М — да. Даже Даша бы пальцем у виска покрутила.

А девочка молодец. Не теряется. Отвечает нахальному мужчине, вызывая прилив смеха у мужской половины нашей компании. Егор шепчет мне на ухо, что девчонка явно вольется в коллектив.

— Ксюх, держи, кстати. Сашкины пирожки. Попробуй, как она печёт. — Тимур вручает мне пакет, и тянет в сторону. — Ты присмотри за ней, ладно? Она стесняется, никого не знает. А вы вроде по характеру похожи.

Я, между прочим, с удовольствием. Мне нравится девочка, и нравится реакция звезды Стефановской. Она же дырку скоро просверлит, как злится.

— Поможешь мне? — Негромко зову Александру, а она с благодарностью во взгляде кивает.

В кухне сразу берется за дело, спрашивая, что где лежит и что нужно от нее. Достают овощи, она быстро нарезает, вызывая восхищение.

Оказывается, любит готовить. Пробую пирожок и закатываю глаза от удовольствия. Можно их не нести за общий стол? Ночью устрою себе час обжорства.

— Ксюш, у тебя есть чеснок, хрен и какая —нибудь зелень?

Открываю шкафчик, где хранится запас и предлагаю выбрать, что она захочет. Пока занимаюсь своими делами, девочка выбирает пакетики и баночки, просит несколько мисок и что — то сосредоточено смешивает.

На фоне общего занятия болтаем и не замечаем, как летит время.

— Попробуй, — протягивает мне на ложке небольшие кусочки томата. — Если тебе острое можно, конечно.

— О, — смеюсь, — мне много чего можно. Винегрет с бананом ела?

— Нет, — она подхватывает мое веселье.

— А я вот мечтала, мне даже снился.

— Ничего себе. У беременных и так бывает?

— Ага. Сама в шоке. — Отправляю в рот содержимое ложки и причмокиваю. Хочу также уметь. — Обалденно!

— А это?

Пробую. Что — то знакомое, но не могу разобрать что.

— Это кусочки помидорок с базиликом, и маслом. Мой брат очень любит.

— Понесли на улицу, пока я не слопала всё. Мне нельзя, а хочется.

— Нельзя?

— Ну острое и соленое умеренно. А всё, что запрещают, самое вкусное же.

— Саш, если тебе не нравится играть с детьми, ты скажи им, ладно? А то они тебя так давно ждут, не дадут присесть.

— Да что ты? Я обожаю детей. Сама с радостью проведу время с девочками, чем за столом, если честно. Не обижайся, но атмосфера у вас там так себе. Хочется спрятаться.

— Самой неудобно. Лучше бы без этих подруг своих приехали. Дейв с Тимуром никогда себя так не вели. Особенно Давид. Я первый раз вижу, чтобы он злился.

— Да? Я его каждый день таким вижу.

— В смысле?

— Длинная история. Он мне помог и временно я у него живу. Он, конечно, очень красивый и умный. Но мне кажется, он какой — то несчастный что ли.

Перед тем, как Маруся с Дашкой утаскивают девочку играть, смотрю за неё и жалею. Не дай Бог ей понравится Лихацкий. Он же перешагнет и забудет, а она долго страдать будет. Мне кажется, она очень и очень ранимая. Вон и Егорка насторожено смотрит. Мне кажется, мы с ним об одном и том же подумали.

Малышки все — таки уводят с собой принцессу, как её зовёт Тимур. А мужчины занимаются мясом. У бассейна стоит хохот, и слышатся крики. А я прислоняюсь к спинке и расслабляюсь. Все чаще и чаще устаю. И спину тянет периодически.

Обед, разговоры, бадминтон — нескончаемый день. Я в душе благодарна всем, кто отвлек нашу банду, потому что вымоталась. Может, шепнуть Егору, что хочу полежать?

Открываю глаза, когда Наталья с подругой уходят. Становится ощутимо легче. Может, им станет скучно и они вообще уедут? Укоризненно смотрю на Давида, а он рассеяно уставился в одну точку. Что с ним не так? Вообще его не узнать. Не шутит. Даже в бадминтон играть не пошёл.

Из — за кустов раздаётся громкий визг и я мгновенно напрягаюсь. Локоть, коленка? Маруся еще маленькая, а с этих самокатов и взрослый в раз упасть может.

— Успокойся ты, там гонки обычные. Нормально всё.

— Спасибо, — цежу Наталье. Стараюсь как можно реже с ней пересекаться.

Дашка влетает к нам как маленькая ведьмочка. Замечаю ее сразу и готовлю стакан — обычно она летит пить. Но сестренка удивляет: с громкими криками, что Сашу убили, бросается на Валерию, вцепляясь ей в волосы. Пока я в шоке соображаю, что происходит, Давид срывается с места, а Егор пытается оттащить нашу девочку — войну. Из обрывков слов понимаем, что что — то случилось. Егор с Дашкой уже несется к бассейну, а я, отставая, тороплюсь следом.

Маша плачет навзрыд, свернувшись калачиком прямо на плитке. Лихацкий несет на руках Александру. Она белая и на лице кровь. У Давида тоже белые губы и кажется дрожат руки, которыми он прижимает к себе девочку.

— Машунь, успокойся, малышка. Иди ко мне.

Тяну сестренку на руки, садясь рядом. Даша плачет уже тихо и повторяет, как заведенная, что их подружку толкнула подружка ведьмы. Ведьма понятно кто.

— Валерия?

— Которую Давид привез. Зачем он их привез? Зачем? Они нам только все испортили.

— Ксюш, папа оживит Сашу? — Маша смотрит с такой надеждой, что самой плакать хочется.

Я же сама не знаю, что случилось. Надеюсь, что непоправимого не произошло. Почему — то страшно сейчас зайти домой и узнать. С облегчением выдыхаю, когда вижу скорую.

— Вот видишь, папа вызвал доктора, и он точно поможет. Тимур сейчас поедет в больницу, и я попрошу, чтобы он вам позвонил. Хорошо?

Только хорошего оказывается мало, когда вечером, уложив настрадавшихся малышей спать, Егор рассказывает новости. Рассечение сильное и Александре наложили швы. Плюс сотрясение, из — за которого ей придется провести некоторое время в больнице.

Отдохнули так отдохнули.

— Не расстраивайся, малышка. Всё будет хорошо. С ней Тим и Давид остались. А похожа она на Севера, правда?

— Правда. Очень похожа. Игорю понравилась, видел?

— Ага. Но он к ней не полезет. Не debil же. Север его в бараний рог скрутит, если обидит. — Прижимает к себе. Так тепло, уютно. — Спать будем или рассказать тебе сказку на ночь?

— Ты опять за своё?

— Не, — а сам улыбается так, что в груди щекотать начинает, — я за твоё.

— Тогда сказку. — Интересно же, что муж придумал на этот раз.

— Слушай. Но у меня сказка со спецэффектами.

— Это как?

— Сейчас увидишь.

Егор переворачивает меня на спину и начинает:

— Жил — был один очень привлекательный массажист. И пришла к нему на прием блондинка неземной красоты...

— Я тут подумал, бывает же массаж, когда делают... эээ... приятно мужчине...

Хмурюсь, потому что направление мыслей этого фантазера мне непонятно и беспокоит. А если честной быть, я ревную.

— Тише — тише, дослушай сначала, — смеется этот сказочник. — Я погуглил, оказывается, для девочек есть йони — массаж. Я теорию изучил, так что теперь буду тренироваться.

Егор всё время, пока болтает, нежно скользит руками по животу и плечам. Едва — едва задевает с краю полушария груди. Выводит узоры на теле, рассказывая про восточного волшебника и его лампу. Если честно, я прикрываю глаза и тону в неге и ласкам. Так приятно. Парю на облачке, полностью отдаваясь во власть любимых сильных рук.

— И говорит он: исполню твоё заветное желание...

— Чьё? — Приподнимаюсь на локтях.

— Пациентка Ксения, лежите, пожалуйста, спокойно. Волшебник сказал. А чтобы желание было исполнено, надо найти и...

Касания из нежных и почти невинных переходят в режим «настойчиво и возбуждающе». И теперь слова я не понимаю из — за того, что в ушах начинает шуметь кровь, а дыхание срывается.

Ловкие пальцы пробегают по восставшим вершинкам, лишь слегка задевая их. Громко охаю, потому что потребность в ласке становится просто невыносимой. Боже мой, сама себе кажусь похотливой и развратной женщиной. Но тут же вспоминаю слова мужа, что в нашей постели нет места стеснению. Что хорошо двоим — останется только между ними.

— Помоги мне, малышка моя. Не зажимайся так. Расслабься.

Уж чего только Егор не вытворял, но стеснение полностью не ушло. Я по — прежнему стесняюсь, когда он смотрит.

— Ксюшааааа, раздвинь ножки. Слушайся мастера.

Тихонько смеюсь над выражением лица «мастера»: брови насупил, губы пожал, а в глазах черти пляшут.

— Угу, попалась.

Не попалась. Поддалась. Потому что полностью доверяю.

Настойчивые руки двинулись вверх по бедрам, ритмично то сжимая, то разжимая кожу. Ощутила, как что — то теплое и тягучее льется на тело.

— Ой...

— А вот теперь закрой глаза и просто расслабься.

И начинается волшебство.

Руки порхают по всем участкам тела. В самых волшебных местечках горячий язык творит что — то невообразимое. Меня здесь уже нет, я летаю в космосе, успевая только выстанывать имя любимого.

Не знаю, что он и где прочитал, но это невероятно! Тело трясет не переставая. Разрядка наступает и переходит в новую. Я срываю голос до хрипа, и только в полной мере насладившись моими сладкими муками, этот искуститель наполняет меня собой. Медленно движется, дразня и расслабляя.

— Если честно, я не запомнил последовательность, так что сейчас была импровизация.

О Божеееее, в такой момент он может болтать. Правда, Егорке тоже быстро становится не до слов. Он с шумом выдыхает воздух, когда я приподнимаю ноги и, согнув в коленях, прижимаю к его туловищу. Сжимаю его, чтобы он ускорился. Но Егор выдает хриплый стон и сбивчивым шепотом просит повторить. Сжимаю еще раз, после чего муж переходит на невероятно быстрый темп, и чувствуя его дрожь, взрываюсь вместе с ним.

Открываю глаза и не сразу понимаю, что не так. В комнате темно. Я лежу на боку, а к спине тесно прижался любимый. Дышит размеренно и спокойно, задевая волосы на шее и щекача своим дыханием. Неужели я уснула сразу после...? Ой... С другой стороны сам виноват: он же сказку *на ночь* рассказывал.

Раньше мы с Милкой разговаривали и рассуждали, как типа опытные и взрослые. Ага, которые ни разу и не целовались по — настоящему. Но мы же продвинутые были, книги читали. Даже иногда форумы. Читала, в основном, подружка и мне пересказывала. Так вот, мы недоумевали — ну какие поцелуи с утра. Женщине надо подготовиться: умыться, привести волосы в прядок, почистить зубы. Личная гигиена опять же.

В теории всё было сложно и непонятно. А с Егором я поняла, что все наши разговоры с Милой — полная ерунда были. Какая прическа или гигиена, если на тебя смотрят, будто прекраснее нет никого на белом свете?! Когда целуют так, что мир сужается до вас двоих и можно не услышать грозу и дождь, можно не увидеть снег. Но обязательно видеть радугу и распадаться на атомы, становясь частичкой мироздания.

Егор Александрович... шепчу тихо — тихо, повернувшись лицом к мужу и проводя пальчиками по его нахмуренным бровям. Даже во сне сейчас не расслабляется. Столько всего свалилось на мужа. А он держится сам, поддерживает других. Переживает.

Знаю, что в глубине души его продолжает угнетать ситуация с бабушкой и неприятие ею наших отношений. Нашей семьи. Егор, конечно, прекратил всяческое общение. Даже в больницу больше не ездил, хоть и узнает у деда новости. Но он рос с этой женщиной, она любила его. Уверена — и сейчас любит.

И я могу понять и объяснить некоторые поступки Ирины Иосифовны. Некоторые, но не все. Понимаю, что как любящая женщина, она хочет счастья и стабильности своему внуку. Только она подменяет понятия, и счет в банке приравнивает к чувствам. А любовь... любовь же не количеством нулей измеряют. Её измеряют количеством вдохов, когда хорошо вместе. Измеряют улыбками счастья и звонким смехом детей. Даже слезами и поддержкой сильных и надежных рук. Вот в чем смысл истинных чувств. Но человек, который не испытал на себе, не сможет понять других. Нельзя понять то, чего ты лишен.

Александр Клементьевич рассказал мне их историю, и я в который раз поразились мудрости этого человека. Его силе воли и духу. А ещё вере в его Полину. Человеку тяжело жить воспоминаниями, зная, что никогда не будет повторения, зная, что он не сможет прикоснуться к любимой. Но дедушка Саша и здесь восхищает. Он не возвел свою настоящую любовь в ранг поклонения и не возненавидел других. Просто Полина для него как та звезда: самая яркая вспышка в жизни, подарившая взаимность и саму себя.

***

Хорошо. Тепло и уютно. В нос пробивается знакомый, но не опознанный пока аромат. Потягиваюсь и открываю глаза. На подушке рядом лежит большой букет кремовых роз, источающих нежнейший аромат. Улыбаюсь и тянусь руками к этому роскошному подарку. М, записочка...

Егор любит оставлять записочки в разных неожиданных местах. Иногда на уголке

зеркала можно найти, сколько раз и куда он меня целует. Или в пустой кастрюле обнаружить конфетку с припиской, что мои губы слаще. А сейчас перед глазами знакомым почерком красуется «От фокусника. Вечером продолжим».

Прячу голову под подушку. Невозможный же!

А в следующую секунду меня сдувает с кровати: если муж уехал, то... с кем девочки? Ответственная, называется.

Бегом слетаю вниз, на время забывая про осторожность. Внизу прикрываю глаза, пытаюсь отдышаться.

— Здравствуйте, Ксения! Меня зовут Татьяна, Егор Александрович пригласил для Ваших детей.

Из короткого монолога я улавливаю, что это няня. Что Егору ее контакты дала какая — то Жанна из приемной Артура или Тимура. Я запуталась. Мотаю головой, силясь прийти в себя.

— Няня?

Да уж, доходит до меня, конечно...

— Да, на время, когда Вам понадобится помощь, я смогу приезжать. Общий язык, мне кажется, мы сумели найти.

Сестренки кивают с довольными рожицами. У Маруськи на щеке сметана. Понятно: подкуп блинчиками сработал на десять из десяти.

Оставшийся день мы проводим вчетвером: гуляем, знакомимся ближе с Татьяной, играем с бандой.

Звоним в больницу, чтобы узнать новости. И с удивлением видим в окошке приложения знакомое лицо.

— Давииииид, — Дашка визжит так, что он её, наверное, без телефона слышит. — Ты спасаешь свою принцессу?

Он смеется и соглашается. Саша смущается, пряча глаза.

А я с грустью думаю, что мне жаль эту маленькую девушку. Лихацкий очень хороший и очень добрый. Но его отношения с макитрой какие — то токсичные. И своим ядом она не только Дейва травит, но и окружающих задевает.

Вечером Егор приезжает в сопровождении Паши. Дашка выскакивает встречать первой и виснет на шее любимого папы. Павел мнется сзади, не зная, чего ожидать. У них такая своеобразная дружба: то бьет, то любит. В основном, бьет, конечно, потому что парень в силу возраста не умеет играть в поддавки. А Дашка не умеет нормально проигрывать.

— Привет, Даш. Это тебе. — Павел протягивает главарю нашей банды большущую шоколадку, которую она клянчила у него буквально на днях. И нет, она не ограничена в сладком. Егор по первому требованию покупает девочкам всё. Даше было важно раскрутить именно неприступного Пашу.

— Дааааа, — протягивает негодница, а мы замираем. Это выражение лица не предвещает ничего хорошего. — С таким коротеньким хоботком я бы вела себя скромнее, парень.

Пашка покрывается красными пятнами, Егор хрюкает и сползает по стенке, а я... а я это уже слышала сегодня несколько раз. Потому что «Ледниковый период» мы крутили весь день.

— Чёрт, мне надо сюда камеру, чтобы потом пацанам рассылку делать. Даш, а повторить можешь?

— Все иногда падают с деревьев, но не все в этом признаются, — выдает с милой улыбочкой новую цитату вредная девочка и довольная собой бежит в комнату, чтобы там с сестрёнкой слопать подарок.

Егор.

— Ну как ваши дела, раненые? — Дейв поселился в больнице в прямом смысле этого слова.

Удивительно, но я просто не узнаю друга. Если раньше он был похож на льва перед прыжком, то сейчас со мной разговаривает разомлевший кошка. Того и гляди подставит пузико почесать.

— Идем на поправку. — И лыбится.

— Охренеть. Это точно ты? Чем вас там капают на пару?

— Отвали по — доброму, а? Нет у меня сил отвечать.

— Давид... я в ахере. Мы тебя теряем?

— Походу, да.

— А теперь серьезный вопрос: Север вернется и...? За яйца повесит, если ты его сестренку обидишь.

— Объяснюсь.

— Кто ты и куда дел моего друга? Где циничный мудака?

— Слышь, харе. Лучше скажи, как малые и мне возвращаться надо. Мелкая пирожное ждет.

— Всё. Я умер и у меня глюки.

— У трупов нет гаюнов.

— Я необычный. Изыди. Но знай, что Владос просил присмотреть за Сашкой. Я с тебя глаз не спущу. Если только увижу...

— Успокойся, у меня башка на плечах не только для прически.

— Лихацкий, сука, я слишком хорошо тебя знаю.

— Все меняются. Ты же изменился.

— Дейв, твою мать. Ты не пугай. Я люблю свою жену. А у тебя для развлечения. Не было такой никогда, ты и загорелся.

— Егор, ты мне друг, но в морду сейчас реально отхватишь. С такими не развлекаются. Мы оба это знаем.

— Дашка тебя порвет на Британский флаг за малую. Она в нее влюбилась.

— Я сам влюбился. Кажется, капитально. Прикинь?

А вот это уже не смешно. Давид мой друг и я его отлично знаю. Как и его похождения. Как и его качели с Наташкой. Где, мать его, этот Север?!

Домой еду взвинченный, потому что всё происходящее ни хрена не нравится. Начиная от падения этой мелкой и заканчивая пребыванием Лихацкого в палате сестры Влада. Я хорошо помню наш разговор и его просьбу. Он нечасто обращается к друзьям, и забить на его слова не смог бы никто из нас.

Поскорее хочу обнять свою жену, вдохнуть запах волос, прижать ладонь к животу и почувствовать легкие толчки. С каждым днем зависимость от своей семьи растет со скоростью реактивного самолета. Я не знаю, что будет, когда достигну апогея. Наверное, взрыв. Ежедневно я думаю, что сильнее любить просто нельзя и с наступлением утра понимаю, что это не предел.

— Как же я соскучился, — выдыхаю светлую макушку, стоит лишь переступить порог.

Нос улавливает ароматные запахи ужина. Девчонки снова феячили, судя по запаху корицы. Маруся обожает эту приправу и если участвует в Ксюниных экспериментах, то добавляет к месту и не к месту. И вкусно же! Глядя на довольную мордашку невозможно сказать, что блюдо несъедобное.

— Папа! Где Паша? — В дверях стоит насупленная Дарья, упирающая руки в бока.

— У него сегодня выходной. А зачем он тебе? Шоколад ты получила, который он обещал.

— Он обещал каждый день. Каждый день, папа, это когда приходишь домой и приносишь обещанное. Вас всему надо учить.

— Дашунь, в мире мужчин каждый день немножко не совпадает с твоим миром. Понимаешь?

— У вас что, пони не едят радугу и не какают бабочками?

— Чего?

Твою мать, она ломает мне мозг, и я точно не дотяну до старости.

— Милый, вытирай слёзы. Вышел новый мультфильм и кажется, Павлу сильно достанется помимо хобота.

Ксюшка кусает губы и всеми силами старается не смеяться. Потому что чревато последствиями. Попасть на язычок этой маленькой заразе дома не хочет никто. Смешно звучит, но девчонка умеет уесть на раз — два. Талант, блин.

— Даш, он обязательно принесет тебе завтра две шоколадки. Как компенсацию. Знаешь, что это слово означает?

Сам же думаю, что лично куплю коробку и поставлю в домике охраны. Сладкое все равно едят, просто перестанем покупать конфеты. И надо отключить, пожалуй, каналы с зарубежными мультиками. Ничему хорошему не учат. Пусть смотрят наши старые добрые советские. Или хотя бы своего Лунтика.

— Такого отстоя, папа, не видели за всю историю отстоя.

— Стоп! Даш, иди ко мне. Обними папу молча. Пожалуйста. — Малышка подходит и утыкается в колени. — Давай договоримся, что ты больше не будешь цитировать фразочки из телевизора, ладно? Мы рады, что у тебя отличная память, но не всем нравится, когда им такое говорят.

— И тебе?

— Что мне?

— Ну тебе тоже не нравится, что я говорю?

— Мне нравится, конечно. А вот Пашу ты вчера могла обидеть.

— Чем? Я ему ничего плохого не сказала. А нос у него маленький и курносый. Так деда Валя говорит.

Кто там сказал, что быть отцом это просто. Пусть убьет себя об стену. Это чертовски офигенно и приятно, но ни хрена не просто. Подбирать слова целое испытание. Видимо, она права. В мире взрослых пони действительно не жрут бабочек. Или кого они там ели?! И от этого куча проблем.

— Ужинать идите. Маруся уже всем приборы разложила. Дедушка звонил, что сегодня возвращается, но будет поздно.

— Ура! Дедушка, дедушка Саша приедет! Как раз новые серии Лунтика вышли.

— Прекрасная новость. И про серии и про деда. И про ужин.

— Папочка мой ручки и садись. — А вот и младшая.

— Машунь, — подхожу к дочке, потому что она не вышла встречать. Это странно. — А почему ты здесь, не идешь к папе?

— Да, Марусь, расскажи сама про свои подвиги. — Ксюша играет бровями, показывая под стол.

Наклоняюсь. Твою мать.

— Маш, это что?

— А это, дорогой муж, кто — то насмотрелся на татуировку и решил себе нанести.

— Логично. Ну и как? Получилось?

— Не очень, — вздыхает Дашка. — Ксюша пришла и все испортила.

— Ясно. Маркеры принесешь?

— Зачем?

— Да Давиду с Тимуром тоже татухи нарисую завтра. Чтобы в следующий раз побольше набор приносили и не стеснялись.

— Ой, правда?

— Угу. Прямо со лба и начну благодарности писать.

***

— Ты же несерьезно распишешь друзей?

— Почему? Очень даже. Одному за идею, второму за исполнение. Ты, наверное, не заметила, но диван в игровой тоже в «татушках».

— Заметила. Его не оттереть.

— Да черт с ним, диваном. Пусть развлекаются, лишь бы не опасно было.

— Жалко.

— Не грузись, Ксюш. Я маленьким был, охотился на кота Тома с отверткой.

— И как?

— Убил. Вместе с телеком. Прямо в лоб всадил.

— А я лягушат спасала.

— Каких?

— Которые после дождя прыгали. Я думала, они от луж убегают, и собирала в карманы.

А они там как — то забывались и погибали.

— Да ты меня переплюнула, маленькая садистка.

— Эээй, я не садистка. Я же спасала!

— И я мышонка спасал. И сейчас спасу.

— Кого?

— Мышонка. Маленького такого, с розовыми губками и кругленьким животиком. —

Притягиваю жену к себе и наклоняюсь к сладким губам. — Его очень — очень надо спасти.

— От кого?

— От страшного и голодного кота.

— Так ты и есть этот кот.

Мы шепчет друг другу, находясь в миллиметрах от прикосновения. Горячее дыхание опалает кожу, заставляя закипать кровь от предвкушения.

— Тогда мышке не повезло.

Рядом с ней я живу. Рядом с ней дышу. Люблю каждую её черточку, каждый ноготок, каждую веснушку. С появлением солнца рыжие отметки рассыпались по носику, и Ксюшка стала выглядеть еще моложе. Вроде мелочь незначительная, а её красит. Её вообще всё красит.

Провожу по плечам руками, наслаждаясь атласной кожей. В жене идеально всё. Просто всё!

Прокладываю дорожку из коротких поцелуев от мочки к шее, ключицам, груди. Сжимаю за спиной ягодики запястья, заставляя выгнуться мне навстречу. Прикусываю затвердевший сосок через ткань майки. Хочу сегодня медленно и долго. Хочу, чтобы стонала и извивалась подо мной, потому что наблюдать её удовольствие куда более сильное наслаждение, чем получать своё. Никогда не думал про это, считая целью достигнуть оргазма и сбросить напряжение. Но любовь подсказала, что всё не так — то просто. Дарить в некоторых случаях приятнее, чем брать.

Ксюшка ёрзает, прижимаясь к напрягшемуся паху. Делаю движение бёдрами вперед, ловя первый громкий стон. Хоооочет. Моя девочка уже готова. Так быстро и так сладко.

Аккуратно кладу на кровать, переводя руки вдоль тела. Кажется, нас ждет очередная бессонная ночь. Меня сейчас и танк не остановит.

— Хочу тебя всего. Без одежды. Пожалуйста. Егор, пожалуйста.

Моя девочка стала смелее и уже не стесняется озвучивать свои желания. Кто бы знал, как её голос и слова заводят...

— Позже. Доверься мне, хорошо?

Тихий всхлип служит ответом. Ласкаю вершинки руками, не поднимая ткань. Зубами стягиваю шортики до колен и веду носом по треугольнику трусиков. Надо же. На стратегически важном месте... мышонок. А говорила, что не мышка. Маленькая обманщица.

Кружевное белье на женском теле вставляет не по — детски. Простые трусы на любимой женщине сносят голову к хренам собачьим. Какие кружева, когда запах её возбуждения активирует все вкусовые рецепторы и, кажется, что сдохнуть можно, если сию секунду не прикоснуться.

Провожу языком по мокрой полосочке, наблюдая за откинутой назад головой, сжатым кулачком. Сжимая, чуть выкручивая горошинки груди, и сильнее надавливаю на промежность. Ксюшка дергается, стонет и часто дышит. Ей до оргазма несколько движений. Она вообще улетает моментально.

Отпускаю одну руку и отодвигаю белье в сторону.

— Давай, любимая.

Касание языком и два пальца внутрь. Вот так. Умничка. Моя девочка дергается и начинает дрожать, крепко сжимая внутренние мышцы.

Резко поднимаюсь и, расстегнув молнию, быстро вхожу в горячее лоно. Выдаю хриплый стон, начиная быстро двигаться. План потерпел поражение и никакого медленно и долго не получилось. Ничего. Наверстаем до утра. И медленно, и сбоку, и... рассеянный взгляд падает на подоконник. И там тоже...

А пока ловлю звезды перед глазами, шепчу имя жены, когда вместе с ней проваливаюсь в пропасть.

Падать не больно. Когда ты прижимаешь к себе любимую женщину, на второй план уходит всё. И даже падение в бездну воспринимается как взлет в космические пространство.

Егор.

— Я всё равно не понимаю. Почему твоя жена не хочет пышную свадьбу?

— Ма, уже как-то поздно про это спрашивать. Сначала из-за вас. — Да, мы помирились, но некоторое напряжение все равно осталось. И пусть в глазах матери я буду гадом, но не молчу. — А сейчас положение не позволяет. Ей рожать совсем скоро.

Беременность у Ксюши протекает хорошо. До недавнего времени. Последний осмотр показал какой-то там тонус и очередной запрет на теперь уже любую близость, чтобы оргазм и спазмы мышц не спровоцировали преждевременные роды.

Ааа, как это всё сложно! Сложно держать себя в руках каждую ночь, когда рядом эта маленькая хулиганка. Нет, для меня вечера особо не изменились. Более того, Ксюшка вошла во вкус, и с каждым разом оттачивает свои умения.

Но хочется-то, чтобы моя женщина улетала вместе со мной. В этом есть особенный кайф, подходить к пику вместе.

Черт. И вот кто скажет, что мужики не думают постоянно о сексе? Вместо того, чтобы нормально поговорить с матерью, я завис в своих размышлениях.

— Что? Я на похороны отца Игорька не поехал, потому что перспективы непонятные. Она может сегодня родить, а может месяц отходить. Ты же женщина, сама знаешь.

— Ну а потом? Сынок? После?

— Ма, да что ты так уперлась в это торжество? Не хочет она публичности, платье не хочет. Я спрашивал. Уговаривал. Ну не нужно ей.

Я на самом деле несколько раз заводил разговор, чтобы устроить Ксюше праздник. Все же девочки мечтают о белом платье, этой фигне на голову, клятвах перед гостями. Но моя жена — это не все. Категорически отказалась от, как она назвала, фарса. Раз уж женаты, значит, так тому и быть. Не в платье дело.

— Егор, ладно она, но ты-то должен понимать, что обязан представить обществу...

— Стой, ма. Я никому ничем не обязан. Всё, что я должен, это быть счастливым со своей семьей, разве не так? Так. У нас хорошо все. А все эти обсуждения, представления... ну кому они по сути нужны? Кучке журналистов? Без меня, пожалуйста. Они найдут, что обмусолить.

От родителей уезжаю несколько взбешенный. Вообще последние дни постоянно на нервах. Сначала тонус, потом Лихацкий со своими бабами.

Ладно, эта мелкая девчонка действительно хороша. И даже то, что она сестра Севера, Давида не испугало. Но, сука, с его отношением к женскому полу, он наиграется и её тупо ломает. А мне не хотелось бы быть даже косвенным соучастником, хотя бы потому, что она мне нравится. Не как женщина, а как младшая сестра. Ей-богу, в определённые моменты мне хотелось набить другу морду.

Но вместо этого я дал другу карт-бланш, чтобы он уже разобрался в своих чувствах. И теперь от него одного зависит, какое будущее у них впереди. Совместное или порознь.

Набираю Арта, чтобы узнать, как там у них дела. Понятно, что хорошего ничего нет. Но Игорь, по словам парней, совсем невменяемый был. Вот уж прилетело, откуда не ждали. Терять всегда тяжело, и какие бы слова поддержки не нашел, но это всего лишь набор звуков. Человека они не вернут.

Слушаю рассказ друга и жалею, что не могу разорваться, что не смог быть там и поддержать. Но и оставить Ксюшку с мелкими... Не обсуждается.

— Слушай, у меня в доках папка по страхованию груза лежит с пометками. Можешь пробежаться и Жанке отдать, чтоб переделала? Смотрел уже в бессознанке.

— Сделаю. Инна так и фестивалит?

— Да вообще тормозов нет. Я уже про свои желания забыл, лишь бы её успокоить.

— Не хочешь сменить врача? Ксюшка ходит к толковому вроде? Хотя да, при знакомствах твоего бати...

— Он по хирургии все-таки. Скинь на всякий его контакты. Может, блять, правда, в другую клинику её перевести? Она меня даже здесь успела достать. Каждая истерика заканчивается походом хоть куда-нибудь. Такими темпами мне дом по соседству с тобой понадобится.

— Сочувствую. Тебе Влад говорил, не торопись.

— Тогда казалось правильным. Я её вроде люблю же?

— Ты меня спрашиваешь? Лучше, Арт, к психологу с этим вопросом. На крайняк Лихацкого подлови, он у нас разговоры умные разговаривает.

— Ему бы свои проблемы разгрести. Хорошо, вас не было, родили бы раньше срока. На хрен он эту мелкую с собой попёр? Она же на гроб бросилась с воплем, что там человек задыхается. Орала так, что Игорь в себя пришел.

— Сука, блять. Ему мало больницы было!?! — Урою. Теперь точно урою. — Тим рядом? Пусть хорошенько мозги прополощет.

— Ладно, сами разгребут. Давай. Про договор не забудь.

Задумчиво кручу в руках телефон и набираю — таки номер Дейва. На его счастье он не в сети.

Давлю на газ, чтобы занять голову. Скорость всегда помогает проветрить мозги.

Перед съездом из города заруливаю в торгушку и набираю мелким разных вкусовостей и мебели для нового домика. Взамен экспроприированных маркеров.

Прохожу мимо ювелирного, и думаю, чем бы порадовать мою девочку. Она не носит никаких украшений, кроме того браслета, что я подарил в Новый год. Но на фоне её подарка мой просто померк.

Бездумно смотрю на витрины, но ничего не цепляет. Уже выхожу, когда консультант, освободившись, останавливает вопросом.

— Не знаю, чем можете помочь. Мне нужно что-то особенное жене.

Да я и сам не знаю, что именно.

Однако возвращаюсь и смотрю предложенные серьги, кулоны. Их я уже видел, поэтому без интереса.

— Подождите, у нас вот прошлая коллекция, еще не успели отправить.

Прошлая. Да ну на хрен. Чисто из вежливости перебираю пальцами подставки, пока не наткнулся на кулон. Малинка. Миниатюрная ягодка из камушков с золотыми прожилками.

То, что надо.

Охренеть. Даже не предполагал, что такие делают.

— Её. И в подходящую коробочку, пожалуйста.

Пока расплачиваюсь, пока еду домой, предвкушаю.

— Папа!

— Мой папа!

Мелочь летит со всех ног, а сзади спешит дед. Он вернулся и теперь никакие няни не нужны.

Традиционные объятия, разбор подарков.

— Дед, Ксюша где?

— А Ксюшу тошнило весь день, и она лежит, — тут же сдает Дашка.

Что же такое!?! Опять ей плохо.

Поднимаюсь в спальню, где нахожу свою жену бледную, растрепанную и всю в слезах.

Егор.

Хочется возвести глаза к потолку и спросить: будет ли когда — нибудь спокойно?! Пару секунд на лирику и я уже возле жены. Внешне никаких травм, царапин и синяков.

— Ксюш, малышка, что случилось? Почему тебе плохо?

Вместо ответа моя ягодка протягивает свой телефон. Смотрю в погасший экран и не втыкаю. В голове — то мысли: насколько всё серьезно и есть ли смысл гнать в клинику. Если действительно тошнило, то да. Надо собираться.

— Тебя рвало? Ксюш? — Легонько трясусь за плечо.

— Нет. Тошнило.

— Болит что — то?

— Нет. Да.

Терпение, Егор. Она растерянная беременная девочка. И разумная. Просто иногда бывает.

Так, себя уговорил. Теперь Ксюнина очередь.

— Да или нет?

— Голова, — всхлипывает малышка.

Ну голова наверняка от слез. Однако... тошнило же.

— Давай — ка покажемся доктору. И ты мне по дороге всё расскажешь, да?

Быстро пробегаюсь по внешнему виду жены. Вязаное домашнее платье, носочки. Носки стаскиваю и меняю на колготки, вытащенные из комода. Не мешает надевать, но и глаза прячет. А это уже ненормально.

— Идти сможешь или на ручках отнести?

— Сама.

Внутри крепнет уверенность, что дело во мне. Где — то накосячил? Забыл про важную дату? Прокручиваю в голове числа. На ум ничего не приходит.

Ладно, разберемся. Сейчас важнее знать, что с малышом порядок. И с женой.

Предупреждаю деда, что мы уехали в клинику. Пристегиваю Ксюшку и охреневаю. Жена не просто прячет глаза, она демонстративно отворачивается к окну.

— Ксюш, да что происходит — то?

Она снова молча тычет в морду темным экраном телефона. Сломался? Сел? Что, блять?

Для неё вообще подобное поведение несвойственно. Выхватываю смартфон и провожу пальцем по экрану. Работает.

Твою мать. Лучше бы сломался.

Пока грузится ролик в сообщениях соцсети, я уже примерно понимаю, что там будет.

Сука. Со всей дури бью кулаком по рулю.

Вдох — выдох. У жены болит голова и тошнота. Вот то, что должно волновать. Остальное — решаемо.

Вылезаю из машины и подхожу к пассажирской двери. Открываю, разворачивая Ксюшу к себе боком.

— Слушай внимательно. Ролику этому больше года. Мы тогда здорово перебрали на днюхе Игорька. С телками этими только фотографировались ради смеха. Групповушка не входит в топ моих любимых развлечений. Запомнила?

Стараюсь говорить спокойно и четко. Может, местами жестковато. Но истерику необходимо пресечь, пока хуже не стало.

— Запомнила, Ксюш?

Дожидаюсь согласного кивка.

— Дальше давай. Ты же знаешь, что эта сучка тебя цепляет. Стефановская на всю голову давно, Бинковская недалеко ушла. В блок отправила и ничего смотреть не надо. А ты себя накрутила.

— Там... там... — ну вот, опять всхлипывает, — там еще написано, что я тебе надоела, поэтому ты развлекаешься. А я тебе звонила, ты не в зоне был. И я...

— И ты сама поверила, сама расстроилась. Иди ко мне, — тяну руки, отстегивая жену, и прижимаю к себе. — Мне кажется, я тебе не только словами, я делами уже доказал, что мне, кроме тебя никто не нужен. Ну что ты, котенок мой? А? Плакала снова... тебе же нельзя...

Нежно стираю со щек мокрые дорожки. Злюсь? Не — а. Горю внутри от нежности к своей девочке. Она в своей чистоте, не сказавшая плохого слова, откуда может знать, что есть стервы, для которых отправить ролик и довести человека до икоты — просто развлечение? С ними мы обязательно разберемся. Раз слов Светлана не понимает, поговорим на доступном ей языке.

Целую свою малышку, надеюсь, что мои слова дошли до её сознания. Гормоны же шалют ко всему прочему. Одно на другое и получает то, что сейчас получаем.

— Тебя правда только мутило? Не скрываешь ничего?

— Нет.

— Что ты сегодня ела утром?

С едой в последнее время тоже тяжело. Ксюшка ничего не хочет. Приходится уговаривать и маленькими кусочками кормить.

— Ничего. Я не могу.

— Вот поэтому и тошнит. Тебе что Тарас в прошлый раз говорил? По чуть — чуть. А ты? Пюре детское будешь? Давай попробуем?

— Давай.

— Пришла в себя?

— Угу. Прости меня?

И смотрит опять глазками, полными влаги. Своими руками придушу эту тварь, которая довела до подобного.

Целую, ничего не отвечая. Ну какое «прости»?! Она — то в чём виновата?

— Давай снова в машину, поедем, покажемся Алексеичу.

— А ты пойдешь со мной?

— Конечно. Когда я тебя одну куда — то отпускал? Всё вместе.

— И на роды?

— И на роды.

— Не, на роды не надо. Пишут, что мужчины от вида потом перестают любить своих жен.

— Во — первых, меньше читай всякой ерунды. Мужчины не из — за родов перестают любить, а потому что женщины чего — то не добавляют мужикам. В природе заложено было, что самец оберегает самку. Ничего не изменилось с тех пор, когда обезьяна встала на две ноги. Мы по — прежнему оберегаем своих женщин. Во — вторых, я читал, что все закрывают ширмой, и ты тоже видеть не будешь. А я тебя за руку подержу. И первый крик

Максимки услышим тоже вместе. Классно же, м?

От ответа на мой развернутый спитч Ксюшу спас приезд к больнице.

Быстренько выгружаемся и следуем к стойке. Тарас Алексеич точно живет здесь. Иначе как объяснить его очередное дежурство в наш приезд.

Провожая жену в кабинет и сам пристраиваюсь на стул при входе.

Стандартная процедура опроса, взвешивания, измерения давления. Пока малышка рассказывает, думаю, чем таким прижать стерву, чтобы забыла даже как дышать в сторону моей семьи.

Кажется...

«Дейв, скинь номерок твоего опера знакомого а?»

«Лови во вложении. Проблемы?»

«Сенкс. Завтра расскажу».

«Звони, если понадобится помощь».

В этом весь друг. Кратко и по делу.

Прислушиваюсь к разговору.

— Всё хорошо?

— Да, Егор Александрович. Ваши жена и ребенок в полном порядке. Распишу рекомендации и отпущу вас.

— Отлично. Спасибо. — Киваю врачу. — Ксюш, в коридоре тебя жду.

Выхожу в холл и набираю знакомого Давида. Мы уже пересекались, поэтому особо расписывать ху из ху не надо. Обрисовываю ситуацию и то, чего хочу. Пару минут обговариваем действия, и я обещаю подъехать примерно через час с готовым заявлением.

То, что отца Светки нет в городе, только на руку. Жестить никто не будет, а вот поставить зарвавшуюся дуру на место надо.

Сурово? Может быть. Но ночь в отделении против того, что она натворила... Если только гипотетически представить возможные последствия... Мотаю головой, отгоняя поганые мысли. Бинковская сама заслужила. Пусть впредь думает, когда захочет что — то сделать.

— Мы всё, — смущенная Ксюня выходит из кабинета. — Долго, да?

— Нормально. А щеки чего красные?

— От стыда, Егор Александрович. — Тарас провожает нас по коридору. — Вместо ожидаемой прибавки в весе опять минус. Некритичный, но минус же. Следите, пожалуйста, за питанием. Или вынужден буду через неделю рекомендовать стационар и насильно «кормить» через капельницы. Мы же все этого не хотим?

Пока малышка шмыгает носом, врач подмигивает мне и наклоном головы прощается.

— Накосычила? — Смеюсь, сгребая руку жены. — Отрабатывать будешь. Белковая пища очень полезна. — Это шепчу в ушко, прижавшись вплотную.

— Егор!

— Здесь я. А теперь поехали в магаз и домой. Мне отскочить надо будет ненадолго. С одним хорошим человечком встретиться.

— А с кем?

— С приятелем Давида. — Вот. И не обманываю же. Просто не договариваю.

К чему расстраивать свою жену? Я её только радовать должен. И буду. До конца жизни буду. Оберегать. Радовать. Заботиться.

Природой изначально это задумано. И кто я такой, чтобы спорить?

Ксюша.

Смотрю на спящее лицо мужа и думаю о том, сколько же силы в этом мужчине. Во сне его постоянно хмурый лоб разглаживается, и он выглядит безмятежным. Спокойный и умиротворенным. Таким, каким я его впервые увидела.

Беззаботный парень, прожигающий жизнь. Улыбчивый, громкий, заводной.

Кто же знал тогда, что мимолетная встреча в итоге перерастет в общее будущее, а за красивой оберткой окажется ранимая душа.

Не могу удержаться и провожу пальчиком по ровным дугам бровей. Перехожу на нос, очерчиваю скулы. Обычно это ласки Егора, но сейчас мне захотелось взять инициативу в свои руки. Знаю, знаю, что он проснется от моих шевелений. Прижмет к себе, набросится и будет нервно дышать, потому я могу к нему прикасаться, а он ко мне — нет. Запрет врача он выполняет строжайшим образом, хотя я порой на стенку лезу. Гормоны и жажда принадлежать мужу — взрывная смесь.

Егор лениво потягивается, улыбаясь одними уголками губ. И в следующее мгновение я уже прижата спиной к матрасу. Как он умудряется в этой позе не давить на живот — загадка.

— Ммм, с ума схожу. Хочу с тобой, малышка. — Шепот пробирается внутрь и мурашки размером со слоников бегут по позвоночнику.

— Ты же знаешь, что нельзя.

Егорка разочарованно смотрит на увеличившуюся грудь. Его не размер удручает, а то, что табу. Приходится ему держать шаловливые ручонки подальше.

Ведёт носом по шее, а у меня внутри всё сжимается. Мягко отталкиваю мужа, потому что сама начинаю сходить с ума. Вечерами он глухо стонет от моих ласк, а потом подолгу стоит у открытого окна, чтобы прийти в себя. Я знаю, ему нужно больше. И ему тяжело. Но от терпеливо ждет. Рождение такого долгожданного малыша компенсирует все ограничения, и он это знает. Порой мне кажется, муж ждет рождения больше, чем я. По крайней мере, с животом разговаривает именно он.

Выскальзываю из любимых объятий как можно изящнее. Сама себе кажусь ланью, но со стороны наверняка больше похожа на бегемота. Или пингвина. Однако обожание в мужском взгляде меньше не становится и это дает мне надежду на то, что изменения в фигуре никак не скажутся на чувствах.

— Ладно, я в душ. Но вечером ты вся моя.

— Я и так вся твоя.

Улыбается. Обожаю эту хитрую мордашку с чуть прищуренными глазами.

— Будем осваивать новые техники массажа для беременных.

— О нет, Егорушка. Помню я твои сказки на ночь.

— Обещаю, что не перейду грани. Не могу не прикасаться к тебе.

— Болтун, — фыркаю.

— Согласен на любое звание. Только с приставкой «любимый». — Снова эта сводящая с ума улыбка. — Ксюнь, а сделай на завтра оладушки с бананом, а?

— Сладкоежка. — Он поднимает вверх указательный палец, и я исправляюсь: — Любимый сладкоежка.

***

Уже второй час я сижу перед экраном и выбираю наряд для праздника на открытие ресторана Давида. Егор с Дашунькой и Маруськой ездил покупать в магазин, а я себя не чувствую достаточно хорошо для таких походов. Впрочем, они и без меня прекрасно провели время. Муж, смеясь рассказывал, что они встретили Давида с его девушкой, и мелкие повторюшки начали опять его величать по имени. Правда, ровно до машины. Там он снова стал «папочкой» и «папулей». В моей жизни был неродной отец, но такой всепоглощающей любви, увы, не было. Егор, конечно, уникален: отдал своё сердце мартышкам безоговорочно.

— Давай такое закажем? — Дашка лезет на колени и тыкает пальчиком в экран.

— Черное? Мне кажется, мрачновато?

Дашунька со знанием дела морщит лоб.

— У Давида принцесса в голубом. Он ей обещал корону купить. Я тоже хочу корону, но папа говорит, волшебницы с крыльями, а не коронами.

— Да — да, а еще у Давида парный браслет на руке. Кажется, он очень серьезно встрял. А крылышки завтра привезут. Выберешь себе, какие понравятся.

Оборачиваюсь на родной голос. Вообще — то кое — кто должен быть на работе. А он про крылышки вещает.

— А ты как здесь?

— Как, как? На машине приехал. — Ложится на спину на кровать и похлопывает рукой рядом. Дашка тут же срывается с места и летит под бочок. — Встреча отменилась, решил обратно не возвращаться. Артур собирался подскочить.

— Маруську видел внизу? Они с дедушкой открытки рисовали.

— У тебя устаревшие сведения. Они играют в шахматы. Причем одна ставит шахи, а второй сдерживает маты.

Егор хохочет, прикрывая глаза рукой. Вид уставший, но довольный.

Маша может. Она спокойная — спокойная, а потом как покажет характер... хоть стой, хоть падай.

— Даш, полежи спокойно, а?

— Я не могу спокойно. У меня всё чешется, когда я ложусь.

— Тебя к врачу надо. И шоколада лишить, раз чешется.

— Паааапаааа, ты не понимаешь. Это не из-за сладкого. Это из-за любви.

— Твою... в смысле, какой любви, доченька?

— К тебе. Мне надо тебя всего обнять. А никак. Вот я верчусь и чешусь поэтому. Ну что ты не понимаешь? — Дашка с деловым видом выставляет вперед ладошку и трясет перед его лицом.

Могу поклясться, в уголках глаз Егора собрались слезы. Он резко садится и сгребает болтушку в объятия. Улыбается такой улыбкой, что я прикусываю губу, лишь бы не расплакаться. Быстро достаю телефон и незаметно фотографирую парочку. Потом распечатаю и в рамке на стену повешу.

Ксюша.

В ресторан приезжаем одними из первых. Егору нужно обсудить какие — то вопросы с друзьями, а мы уже устали ждать дома и нам необходимо разнести новые помещения. Ну как «нам»? Даше и Маше. Причем, сейчас заводит явно младшая.

— Леди, вы прекрасны. Не хотите ли посмотреть новые серии в моем кабинете?

Давид спасает меня от атаки сотней вопросов, а себя от битого стекла. Удивительно, но его мартышки также беспрекословно слушают, как и Егора. Магия мужского голоса и обаяния, не иначе.

— Скоро Саша придет, поиграет с ними. Отдохнешь немного.

— Вы все — таки вместе?

— Вместе. — А улыбка — то, улыбка.

— Эй, — в шутку толкаю локтем. — Неприлично так улыбаться.

— Ты на мужа своего посмотри. Стоматологи в голос плачут: сверкает же своей «тридцать два норма».

— Ладно, сдаюсь. Ты только, правда, не обижай ее. Хорошая девочка. Мне очень она нравится.

— Ксюх, вы из меня реально монстра делаете. Ну могу я разве обидеть кого — то?

— Не обижайся. Но... — не знаю, как ему сказать. К счастью, по заминке он сам догадывается.

— Со Стефановской у меня никогда не было серьезно. Как и с другими.

Пожимаю плечами. Хочется верить, что сейчас действительно серьезно. Давид извиняется и убегает на кухню, а я, взяв обещание с малышни сидеть спокойно, отправляюсь на поиски мужа.

Замечаю его около шоколадного фонтана, мило беседующего с девушкой в алом платье и маске в тон.

Прислоняюсь к стенке и продолжаю наблюдать. Егор смеется, запрокинув голову. Его длинные сильные пальцы сжимают бокал. Надеюсь, в нем сок или вода. Девушка что — то говорит и в один из моментов кладет свою ладонь на плечо собеседника. Вижу, как улыбка пропадает с лица мужчины, он аккуратно подцепляет ее руку и снимает со своего тела.

— Не ревнуй, — сбоку слышится голос Артура. — Он кроме тебя ни на кого не смотрит.

— Надеюсь, так и есть, — бормочу. На самом деле, у меня сегодня не очень хорошее самочувствие. Поэтому и настроение тоже так себе. Вредничаю.

Я знаю, что Егор любит меня и не позволит в себе усомниться. Недавно он сказал, что доказал свои чувства не просто словами, но и поступками. Кажется, так звучали его слова. И это абсолютная правда. То, что любимый делает для меня — бесценно. У нас полнейшая совместимость и понимание.

Не знаю, что сейчас находит на меня. Но подавить желание и показать присутствующим женщинам, что этот красавчик мой, я не могу. Поэтому придерживая живот, направляюсь в сторону мужа и впиваюсь в его губы. А он... он... Да он даже не растерян! Тут же подхватывает, отвечая напористо и жадно. Так, как один он умеет.

— Моя злая кошечка ревнует? — Улыбка освещает помещение на метр, не меньше. Он доволен так, что, кажется, пятки улыбаются.

— Ах ты...

— Я!

— Ты... ты специально!?

Я сегодня просто мисс-информативность. Минимум смысла, максимум эмоций.

— Обожаю свою горячую штучку. — С нахальной улыбкой проводит кончиком языка по контуру губ. — Малой, вылезай скорее. Папочка очень хочет... к мамочке.

Ммм, он так это шепчет, что у меня, как распушенной дамы, завязывается узел внизу живота.

Он же еще и выглядит, как потрясающе вкусная конфета: высоченный, модная стрижка, прищуренные глаза. А как ему идут костюмы! Слов нет!

Я практически облизываю глазами Егора. Он замечает это и за руку тащит меня из зала.

— Пойдем мелких проверим?

В коридоре около двери искуситель прижимает меня к стенке и снова глубоко целует. Да что это с ним такое?!

— Ты невероятно выглядишь. Так бы и съел тебя всю.

— Я могу дома надевать это платье.

— Не в нем дело. У тебя глаза сверкают. Надо почаще устраивать вылазки из дома.

— Угу, — хмыкаю. — В ближайшее время все наши «вылазки» будут до пеленальника и обратно.

— Коварная ты девчонка, а?

— Это я — то?!

— Ты — то. Уверен, что мы найдем время. С нашим количеством нянек, самим бы успевать понянчить Макса.

— Егooooор, ну ты опять?

— Ксюш, уже всё понятно. По всем приметам там мальчик. Ну? Я читал. — И гордыыыый. Читал он.

Правда читал. И форму живота сравнивал. И кожу рассматривал: кто — то написал, что девочки забирают мамину хорошую кожу и красоту. И за вкусовыми привычками следил.

Да уж, доктор Егорка взялся за дело всерьез.

— Пойдем к девчонкам, — теперь моя очередь тянуть его в кабинет.

На удивление, ничего не сломано и не разбито. Мартышки чинно сидят в директорском кресле и смотрят мультфильмы. Перед ними вазочка со сладостями и стаканы с соком.

— А это ещё откуда? — Когда мы уходили, никакой еды в помещении не было.

— Приходил Тим с дядей Артуром и принесли. Еще пирожные были, но мы уже съели.

Тяжело вздыхаю. В чём — то Егор прав. С этими друзьями наших барышень точно к детям не пробьемся. Вербки вьют из взрослых дядей.

— Дядям этим носы откушу, — на полном серьезе злится Егор. — Весь аппетит перебили. Только попробуйте теперь нормальную еду не съесть.

И пальцем грозит. Ух! Даже я испугалась.

Испугалась бы. Но хорошо вижу притаившуюся улыбку. Вот ни капли не удивлюсь, что это он их подослал.

— Малышка, я пойду к парням. Ты со мной?

— Иди сам. Посижу здесь.

Я на самом деле мечтаю добраться до удобного дивана и прикрыть глаза. Меня то штурмит, то тошнит. То тянет поясницу. Состояние выматывающее на самом деле. Егору

пока ничего не говорю, потому что развеет панику и потащит к Тарасику, как он его за глаза зовет. А я уже устала сдавать литры крови и лежать под этими аппаратами. Чувствую, что с пузожителем все хорошо. Толчки активные, вон как живот ходуном ходит.

Муж тоже замечает шевеление и прикладывает две ладони. Горячее тепло разливает сразу внутри. И дыхание перехватывает. Он каждый день так делает, а для меня каждый раз — как первый. К такому не привыкнешь. От момента единения отца и ребенка захватывает дух в прямом смысле этого слова.

Постояв с нами и подмигнув малышам, муж скрывается за дверь. А я наконец — то вытягиваюсь горизонтально и закрываю глаза.

Не знаю, сколько удастся побыть в тишине, разбавляемой шуршанием платьев принцессы и волшебницы, и бубнежом мультфильма. Сдается мне, Лихацкий ночами эти серии пересматривает. Потому что он легко ловит волну и может час обсуждать с Дашей героев.

Тишину прерывает робкий стук и появление Сашки. Малышки тут же срываются с места и несутся к ней обниматься. Я ни капли не ревную. Мне нравится эта девушка и мне нравится её отношение с малышкой. Уверена, в свое время она станет прекрасной мамой.

За спиной Сашки улыбается её верный рыцарь. Давид сияет, как начищенный чайник. Невероятно, как влюбленность может менять людей. А по нему сразу видно — влюблен по собственному желанию.

Лихацкий что — то шепчет своей девушке, потом достает коробочку и надевает ей на голову обруч с маленькой короной. Очень красиво и к её образу подходит. Не столько к платью, сколько к её образу в жизни. Она и правда похожа на хрупкую принцессу. Подслушивать нехорошо, но они особо не таятся. Слышу фразу про Влада и приподнимаюсь.

— Влад?

— Ой, Ксюш. Прости. Мы не хотели разбудить.

— Я не спала. Не специально, но услышала. Он здесь?

— Здесь. Приехал, представляешь?

Да уж. В первую нашу встречу Сашин брат изрядно меня напугал. Но потом я узнала, какой он невероятный человек. Оставляю сладкую парочку ворковать, а заодно присмотреть за малышами, и иду на поиски легендарного Севера. Столько рассказов про него и никогда ни одного плохого слова. Уникальный человек.

С удовольствием попадаю в медвежьи объятия. Он стал казаться выше и осязательно похудел. Но его такие изменения ничуть не портят. Все тот же строгий взгляд, благородный профиль, подтянутая фигура. Красивый мужчина.

Ловлю на себе довольный взгляд мужа. Ревнует? Ни капли. Улыбается открыто. Он знает: его друзья для меня как старшие братья. И они точно также ко мне относятся.

Вечер набирает обороты. Гостей прибавляется. Когда вижу в зале противную физиономию подружки Натальи, подхожу поближе к Саше. Она только что закончила танцевать со своим братом. До этого её приглашал отец Давида. Так трогательно смотрелось со стороны. У девочки тоже нет отца, как и у меня.

Когда — то в начале знакомства она спросила, почему сестры живут с нами. Я растерялась и сказала, что родители лишены родительских прав. Потом уже извинилась и рассказала правду. Сама не знаю, почему вырвалось не то, что есть на самом деле. Мне было ужасно стыдно.

— Саш, давай подышим воздухом? — Зову её на улицу, понимая, что от концентрации

запахов у меня кружится голова.

Она согласно кивает, и мы потихоньку берем ключи в пиджаке Егора и выходит из ресторана. Сначала просто стоим и болтаем. Потом присаживаемся в машину. Меня мутит все сильнее и сильнее, и я решаюсь ей об этом сказать.

— Ксюш, может, скорую вызвать? Это же ненормально? Наверное?

— Да нет. Устала просто. — Я не хочу скорую, и не хочу в больницу. Всё, чело хочется, это свернуться клубочком на руках Егора и подремать под его тихий голос.

— У тебя губы бледные.

— У меня бывает. Посиди со мной. — Кладу руку ей на запястье, чтобы она не бежала за помощью. Надо было взять с собой телефон. Если честно, я даже не помню, куда его положила. — Расскажи, где ты раньше жила?

Под спокойный рассказ расслабляюсь. Становится немного легче.

Ровно до тех пор, пока к машине не выскакивают разъяренные мужчины.

У Егора рука разбита, а Давид тяжело дышит. Лихацкий подхватывает за локоть свою девушку и тихо ей выговаривает. Егор же не стесняясь, налетает на меня, что ушла не предупредив.

— Ну прости. Прости, — тянусь, чтобы обнять. — Вы заняты все были. А у меня голова закружилась.

Вот она — волшебная кнопка, — которая переключает мужа в режим насадки. Он моментально забывает, что сердился и начинает предлагать варианты. Первый — поездка в клинику. Отказываюсь и предлагаю вернуться. Очень хочется кушать.

Пью гранатовый сок, припасенный заботливым Лихацким. С удовольствием съедаю закуску с рыбкой. К нам подходят незнакомые мне люди. Их не знаю я, но знает Егор. Кто — то оставляет после себя приятное впечатление, кто — то... В общем, если честно, то женщины смотрят снисходительно и свысока. Мужчины или лучше притворяются, или им действительно все равно.

Наконец — то длинный день подходит к концу. Гости разъезжаются, и мы остаемся своей большой компанией. Только близкие друзья.

Смирные весь вечер маргтышки разносят зал, бегая вокруг столиков и стульев. Давид разливает напитки. А я смотрю на всех и на душе так хорошо и спокойно. Именно такими я их всех узнала: смешливыми парнями, беззаботными.

Подношу ко рту бокал и понимаю, что сейчас его выроню. Пихаю мужу и хватаюсь за спинку стула. В этот момент мы стоим, слушая тост Давида. В глазах темнеет, и на периферии сознания я слышу звон разбитого стекла и сильные руки, не дающие сползти вниз.

— Доигралась. Теперь точно к Тарасу. — Голос Егора дрожит от волнения. А мне сейчас все равно. Я на границе между сном и явью, и радуюсь, что противные точки перестали летать перед глазами. — Тим, Дейв, девчонки на вас. На созвоне.

Тацит меня в машину, негромко матерясь на самого себя, и обещая меня наказать, что долго молчала.

Егор.

Важный вопрос на повестке дня: как всё успеть и при этом не сойти с ума?

Беспокойство за Ксюшку затмевает все остальные мысли. Друзья шлют сообщения, а я в телефоне текста не вижу до тех пор, пока Тарас не выносит вердикт.

— Недомогание и тошнота спровоцированы слабостью. А я Вас предупреждал, Егор Александрович, что если Ксения не будет нормально набирать вес, этим закончится. Но, учитывая ваш срок, хорошо, что эти дни проведете в стационаре?

— В больницеееее? — Ксюшка тянет расстроенным голосом и начинает ладошками стирать прозрачные слезки. Как маленькая девочка. Так трогательно, что в груди начинает печь.

— В больнице, Ксения, в больнице. Вы у нас и так по срокам переживаете, так что наблюдение будет не лишним. Думаю, плюс — минус пару дней и родим.

Ну всё. Зря он это сказал. Малышка сейчас начнет метаться по палате. Чем ближе день иск, тем сильнее её накрывает паникой. Не знаю, чего боится она, но глядя на метания жены, я, кажется, сам начинаю терять спокойствие.

— Я... что... — Ну. А я о чем? И это при нем она просто глазки делает как, описавшийся Чак Лихацкого. У того тоже глазищи полны недоумения и паники.

— Окс... Ксения Игоревна, — вовремя вспоминает и исправляется. — Вам не о чем переживать. Рожать придется в любом случае. Без крайней необходимости я не рекомендовал бы кесарево сечение. Уверен, что справимся своими силами.

Интересно, успокоительное на таком сроке можно? Эти пара — тройка дней могут довести жену до нервного срыва. Она за последние десять минут несколько раз покраснела и побледнела. Надо наедине уточнить у дока.

— Отдыхайте. Сейчас Вам поставят капельницу. И, конечно, полный покой, хорошее питание и положительный настрой.

— Спасибо, — пищит моя послушная девочка, задумчиво закусывая губку.

Стоит Тарасу Алексеевичу покинуть палату, Ксюня срывается с места и бросается в мои объятия. Глажу ее по голове, давая возможность выплакаться. Усталость, страх, нервное напряжение... да и вся наша беременность не была легкой. Как и наша история.

— Успокойся, солнышко мое. Все же хорошо. Хорошо?

Она поднимает заплаканное лицо и смотрит с такой надеждой. Надеждой, что я помогу ей, заберу себе ее сомнения. И я рад бы. Но, к сожалению, природа не дала возможности мужчине разрешиться от бремени вместо своей женщины. А я готов был бы забрать ее боль и страхи. Но все, что могу — только поддерживать и приободрять. И отвлекать.

Дожидаюсь, пока медсестра поставит систему, и укладываю любимую на свое плечо. Ох уж эти узкие больничные кровати! Но нелепо думать, что я уйду только потому, что здесь неудобно спать. Не уж: вместе, значит, вместе.

Отбиваю сообщения пацанам, которые взорвали чат своими предположениями. Пишу, что мы в палате, тошноты и головокружения нет.

Тим присылает фотки перемазанных мороженым довольных мосек. Ну кто бы сомневался: все трое дорвались без присмотра — то. Жаль, что дед уехал, он бы приструнил. Но у него очень даже весомая причина: мой непоколебимый дедуля разводится. Эта новость

просто разорвала все шаблоны. Столько лет терпеть закидоны ба и в их возрасте устроить подобное...

Но никто не стал отговаривать. Бабушка пустилась во все тяжкие. Она и раньше практиковала поездки с подругами и небольшие загулы. Только раньше она никогда не переходила границы дозволенного. Думаю... нет, уверен!... порознь им будет лучше. Пусть хоть несколько лет, да поживут свободно друг от друга и от обязательств.

Тем более, что — то подсказывает мне, недолго Александру Клементьевичу ходить холостяком. Нежные взгляды деда и домработницы Давида заметили все. Не зря, ох не зря, я отправлял младшеньких погостить к другу на пару дней.

Может, конечно, ничего и не выгорит и в лице Галины он обретет друга. Пусть так. Но он как никто достоин заботы и спокойствия.

— О чем ты думаешь?

— Честно?

— Угу.

— Про деда.

— А что с ним?

— Нет — нет, ничего. Просто думаю, что он заслужил хорошей жизни.

— Очень заслужил. Я так плакала, когда он рассказывал о своей Полине.

Ксюша еще что — то говорит слабым голосом и засыпает. Был период, когда она засыпала в любом положении: сидя за столом, поперек кровати, на диване в детской. Напугала, заснув утром в ванной. Прислонилась спиной к тумбе и спокойно смотрела сны про розовых единорогов, пока я долбился в дверь. Не слышать звуков — тоже стало её особенностью. Видимо, организм так переживал перенесенный стресс. К счастью, это быстро прошло. Потому что оставлять одну с мелкими её было банально страшно.

Пока капает лекарство, наблюдаю за прозрачной трубочкой и думаю. Родится ребенок. Как себя с ним вести? На курсы молодых родителей мы не ходили. Как — то было не до них. В тот период мы переворачивали город в поисках Севера, вытаскивали Тимура, а потом наблюдали за непонятными отношениями Лихацкого и младшей Северьяновой. Надо, кстати, позвонить другу, узнать, как девчонка. Там со здоровьем тоже не лады. Особенно после того, как невольно узнал некоторые подробности её прошлой жизни.

Мальчик. Не знаю, почему я так жду именно пацаненка. Представляю, что у него будут темные волосы, как у меня, и яркие Ксюшкины глаза. А еще довольная улыбка. Мы будем вечерами играть в футбол. А еще заниматься боксом. Мальчик обязан просто уметь за себя постоять.

Егор.

Стараюсь отложить все свои дела и остаться в клинике со своей девочкой. Настроение у нее скачет, конечно, то вверх, то вниз со сказочной скоростью. Она спрашивает про Сашку, но ту Давид увез в деревню, и, сдаётся мне, не собирается выпускать. Дорвался.

Черт. Я счастлив за друга, но все равно переживаю, чтобы он не натворил дел. Дейв, конечно, старше и мудрее, но характер у него ого — го. И странно представить его под каблуком у кого — то. Пусть выражение и образное, да только на уступки друг идти не умеет. Поэтому и бизнесмен успешный. А с отношениями.

Да уж, сижу тут и размышляю, весь из себя белый и пушистый. А сам — то, блять, давно ли скакал из койки в койку, не запоминая имен? Чувство, что не я был и вообще в прошлой жизни. Кто бы мог представить, что обычная поездка искупаться перевернет всю жизнь. Сколько раз я уже возвращался к этой мысли? Да не сосчитать. И каждый раз произношу благодарность Вселенной, которая столкнула наши орбиты.

В исламе есть такое понятие, как «кадар». Я даже погуглил, чтобы не ошибиться. Термин, обозначающий предопределение как непреодолимую волю Бога. Мы говорим «судьба свела», вкладывая в это понятие много всего: от случайной встречи до вмешательства высших сил. Пусть я не тот человек, который силен в тонкостях, но вот это предопределение мне подходит, чтобы описать появление в моей жизни сладкой ягодки. Девочки, которой суждено было стать моей. И мне — стать её.

Ксюшка своей нежностью, непосредственностью, переживаниями за близких, научила меня иначе смотреть на окружающий мир. Я начал замечать те мелочи, о которых раньше не задумывался. Ну кто утром улыбается полощась в тёплой воде? Дети и... Ксюша. Она реально радуется, то из крана течет кипяток. Она радуется, что можно дома ходить босиком и не бояться заболеть. Она улыбается, когда во дворе загораются гирлянды. Новый год давно прошел, но мы оставили разноцветные фонарики и лампочки, потому что моя девочка верит в сказку и любит перед сном посмотреть в окно.

Я знаю, что и я тоже научил свою малышку смелости, уверенности в себе. Знаю, что научил её верить и доверять людям. Не всем. Близким. И она раскрылась. Она позволила себе отпустить ношу, когда можно рассчитывать только на себя. Слишком долго она такой была — не по годам взрослой. Теперь моя очередь заботиться о ней и ее баловать.

Приближается время обеда, и я бужу свою соню, чтобы она хорошо поела. Ей силы нужны, а она все отказывается. Надо будет — с ложечки кормить стану. Малышка садится и трет глаза. Сонная, растрепанная и такая родная. Такая домашняя, уютная. Потягивается и улыбается. Тянусь к жене с поцелуем, но не успеваю коснуться розовых губ.

В тишине слышится едва уловимый хлопок, и Ксюшка поднимает на меня непонимающие глаза.

— Ой.

— Что?

Я не понимаю еще, что что — то происходит, но по спине бежит холодок.

А нет... кажется, начинаю понимать. Мы сидим на кровати рядом, и под нами стремительно наливается лужица.

— Егор, — хнычет моя жена и впивается в руку. — Это же... это воды, да?

Твою мать. Я так — то сам не знаю. Но, похоже, они. А что еще может быть? Лихорадочно вспоминаю все прочитанное по этому вопросу. Легкий хлопок... ну да.

Нажимаю кнопку вызова персонала. Ксюша сжимает руку все сильнее и негромко вскрикивает. Пытаюсь ее поднять, чтобы не сидела на мокром, но она цепляется за кровать.

— Тихо — тихо. Сейчас нет места панике. Давай считать интервалы между схватками, пока не пришел врач. У тебя же начались?

— Я не понимаю, — шепчет.

— Болит?

— Кажется, нет. Немного.

— Значит, пока только начало. Не бойся. Я с тобой и все время буду рядом.

— Я в туалет хочу.

Блять. А можно? Вот как — то я этот вопрос ни фига не уточнил.

— Потерпи, малыш. Сейчас придет врач и все скажет.

Все — таки стягиваю свою упрямыцу с койки и пытаюсь снять с нее пижамные брючки, в которых она здесь спит. За этим занятием нас и застаёт Тарасик.

— Что у нас здесь?

Показываю на постель и напуганную ягодку.

— Пройдем в смотровую, надо узнать, что у нас там.

— Я...

Малышка мнетя, стесняясь сказать про уборную. Озвучиваю я, на что Алексеич улыбается и отпускает малышку.

— Егор Александрович, сейчас оценим степень раскрытия у Вашей супруги. И будем готовиться к родам.

— Уже?

Наверное, тупее вопроса просто невозможно было задать.

— Часа через три — четыре, а, может, и дольше. Схватки с каким интервалом?

— Да вроде нет еще схваток.

Словно в подтверждение моих слов Ксюша выходит из уборной в полусогнутом состоянии.

— Вот и начались. — Тарас улыбается. А я не знаю, куда себя деть, чтобы помочь Ксюшке. Она бледная совсем. — Пройдемте, Ксения.

Жена снова хватает мою руку. Так и двигаемся по коридору. Только сейчас успеваю заметить, что моя умничка накинула халат. В коридоре накрывает очередной схваткой, и я беру жену на руки. Боль это не уменьшит, но, может, хотя бы от такой поддержки ей будет легче.

— Раскрытие небольшое, ждем.

Смотрю вопросительно, сдвинув брови. Что значит — то это? Ксюха на кресле корчится от боли, а он тут про раскрытие чешет.

— Ожидаем полного раскрытия шейки матки. Во время схваток родовые пути подготавливаются для прохождения через них плода со всеми плодовыми образованиями. — Тарас поясняет мне свои слова, как маленькому школьнику.

Еще бы выражался понятным языком. У меня мозг от беспокойства отключился. Зато на полную катушку включилась функция «защищать».

Следующие нескончаемые часы я считаю интервал, который застрял на отметке «шесть минут». Каждые шесть минут моя малышка сжимается от боли, плачет и царапает мои

предплечья. Губы искусаны в кровь, на лбу испарина.

— Посмотрим.

Затаив дыхание жду заветные слова, что все. Сейчас уже всё случится и...

— Так. Чуть лучше, но еще по — прежнему небольшое. Сейчас сделаем КТГ плода и думаю, можем дать Вашей жене отдохнуть.

Поспать? Да она воды попить нормально не может.

Тем не менее, после аппарата, малышке что — то колнот, и она засыпает, вздрагивая во сне. Глажу влажное личико, убираю прилипшие волосы. Устала. Под глазам тени, на губах запеклась капелька крови. А ведь это только начало...

Спустя час у обезболивающего заканчивается действие и ягодка просыпается. Массаж спины, приседания на мяче, душ... мы даже в ванную вместе сядились. Еще пару дней назад я мечтал о втором ребенке, но на данный момент вот вообще не уверен, что готов пройти через все еще раз. Если меня накрывает, не могу даже представить, каково моей любимой. У нее взгляд плывет, а на слезы уже нет сил. Сейчас она свернулась на кушетке клубочком и только поскуливает.

Мучитель перестает гонять Ксюшку на ужасный агрегат, именуемый смотровым креслом, и после очередного осмотра проговаривает:

— Вы в родах. Готовимся.

Меня оттесняют от малышки, заставляя облачиться в одноразовый халат, шапочку, какие — то странные недогольфы. Молча напяливаю все, наблюдая за женой. Ей помогают переодеться и лечь на специальный стол, который трансформируют в кресло. Ксюшка психует, отпихивает мою руку, плачет. Потом цепляется и снова отпихивает.

Поворачиваю лицо жены и долго смотрю в ее глаза. Понимаю, что больно и тяжело. Понимаю. Вижу.

— Надо постараться, малышка. Чуть — чуть. Роди мне здорового пацана. Пожалуйста, родная.

— Ксения Игоревна, по моей команде...

Моя невероятно сильная девочка собирается и послушно выполняет команды врача. Несколько раз кричит, но я ловлю её взгляд и не отпускаю до самого...

Господи... Шумное дыхание и голова врачей перекрывает тонкий плач. Не плач даже, а писк. На белоснежной пеленке, открыв мутные глазки, в слизи и пятнах крови... лежит самый прекрасный человечек на всем белом свете.

Не дыша перевожу взгляд с него на Ксюшу, и обратно.

Акушерка отходит на бесконечно долгие минуты и возвращает завернутого в пеленку чистенького малыша. Кладет на грудь к Ксюше.

— Что?

Я понимаю, мне говорят слова. Вижу даже, как шевелятся губы. Но в голове стоит на повторе писк и... я реально больше не вижу и не слышу ничего...

— Поздравляю, Егор Александрович. У Вас дочь.

— Дддддочь?

— Дочка, Егорка. Наша дочка.

Малышка шепчет, слизывая слезки язычком. Руками она аккуратно придерживает... нашу дочь...

Девочка.

Сжимаю переносицу, понимая, что меня накрывает лавиной чувств.

Девочка. Дочка.

— Ты... Егор? Ты...

— Тшшшш, — наклоняюсь и целую любимые губы. — Девочка. Спасибо за дочку, любимая. Спасибо!

Спасибо, моя сладкая девочка.

— Папа, смотри, как я умею!?

Полинка несется по дорожке на велосипеде, с которого мы сняли утром тренировочные колесики. Инстинктивно дёргаюсь и тут же останавливаю себя: ей уже почти пять лет, она справится.

На визг дочки из кухни выскакивает дед. За эти годы он лишь слегка поседел, но держит себя в форме. А как иначе? Он у нас многодетный дедушка и без его сказок на ночь женское царство напрочь отказывается засыпать.

Даже взрослая Дашка не упустит момента влезть на колени, когда никто не видит. Она вытянулась за эти годы, отрастила длинные косы. Стала серьезной школьницей, погруженной в учебу и танцы. Одно осталось неизменным: широкая улыбка, когда я прихожу домой. И её друзья — Давид и Тимур. Первого, правда, она с недавнего времени зовет на «Вы». Но исключительно с целью позлить, ведь верный рыцарь не разделит её задумки завести бультерьера.

— Поля, ты еще маленькая, чтобы так гонять.

Это наша Маша включает воспитателя. Сначала она в штыки восприняла появление сестрички, но стоило Поле начать ползать, как Маруся оценила возможность игр в маму и дочку.

— Машунь, накинь кофточку, — прошу среднюю дочь. — Еще прохладно.

— Ну паааааап.

— Маша! — Сдвигаю брови, и мелкую сдувает ветром. На самом деле мы оба знаем, что я сержусь наиграно, и ни за что в жизни не подниму на них руку или не повышу голос всерьез. Знает и веревки из меня вьет.

Жестом зову деда присоединиться и иду на качели. Ксюшка очень уютно обустроила наш сад. Теперь здесь зона для игр, зона для отдыха, зона для шашлыков. И по всем зонам валяются игрушки. Их невозможно собрать.

Мы редко собираемся с друзьями у нас. Если хочется увидеться, всей толпой заваливаемся в деревню к Северу. Дом разросся и вмещает все наши семейства.

— Егорка, ты где? — Моя нежная ягодка, моя Ксюшка выносит из дома пухлого малыша. — Посидишь с ним, пока я закончу? Опять всю муку по кухне раскидал.

Это он может. Максим Егорович дает нам всем прикурить. Ни старшие девочки, ни Поля не были такими хулиганистыми. Ну как не были. Всё в меру. Макс же не может прожить и дня, чтобы куда — нибудь не влезть, что — нибудь не сломать. При этом делает всё с улыбкой и на вопрос «зачем» неизменно следует один ответ: — Кьясиво.

Максу завтра исполняется два года и Ксюня готовит торт. Её подруга удивительно печет, и научила жену. Теперь на каждый праздник мы получаем невероятно вкусный и красивый шедевр.

С утра начнут собираться гости: приедут отец с матерью. Мы успешно пережили период непонимания и сейчас прекрасно общаемся. Мама души не чаёт во внуках, а отец часто приезжает, чтобы... потанцевать с Дашкой. Маленькая вредина покорила его своим бойким характером и чувством юмора.

Мы, к сожалению, так и не смогли наладить контакт с бабушкой. После их развода с Керро — старшим мы виделись всего один раз. Она приехала поздравить с рождением

Макса. Мне показалось, что в её глазах блеснула влага, но, возможно, это была лишь игра воображения.

Моя жена идет навстречу, а я, вместо того, чтобы броситься к ней, люблю свою девочку. Ей невероятно идет роль мамы. Она светится изнутри, согревая всех нас теплом и заботой. И любовью. Любить так, как любит Ксюша, не может никто.

И я... я каждый день благодарю высшие силы за нашу встречу. Мы вместе столько лет, но я люблю всё сильнее и больше. Грудную клетку разрывает от нежности к моей девочке. К моей вкусной яголке.

За прошедшие годы много всего утекло. Были у нас и разногласия, и непонимания. Но никогда — ни разу! — не было настоящей ссоры. Стоит вечером остаться наедине, мы отрезаем дверью внешние проблемы. Наша спальня — наш мир. Мир, в котором есть место только для нашей любви.

Ксюшка передает сына мне на руки, и он звонко хохочет, когда я чмокаю его пухлую щечку.

— Папа, и меня! И меня!

Поля, бросив велосипед, бежит к нам.

— И тебя.

Дергаю дочку за косичку и притягиваю, чтобы поцеловать.

Это нормальная ситуация для нас. Сейчас принесутся старшие и устроят куча — мала.

Спустя десять минут у деда на коленях сидят Дашка с Полей, а Маруся дергает Макса чтобы не мешал ей поближе прижиматься к папе.

Папа... это невероятное слово. Наверное, одно из самых главных в жизни мужчины. Я, как сейчас помню, ком в груди, когда впервые услышал его от Маши. Накрыло волной такой силы, что едва не сбило с ног.

Папа... не просто гордое звание. Папа — это друг, наставник защитник. Это родной и любящий человек. И я стараюсь в полной мере соответствовать. За эти годы я понял одно: ты можешь быть занятым, можешь быть усталым, можешь быть простуженным... но что бы не происходило в твоей жизни, есть одно нерушимое правило — любить своих детей. Они всё чувствуют и слова им не всегда нужны.

Ксюша смотрит на нас с улыбкой, качая головой.

— Не свалитесь, герои вы мои.

Провожая взглядом хрупкую фигурку, зная, что сегодня ночью я обязательно закрою дверь и прижму к себе любимую яголку. Вдохну аромат волос, прикоснусь к губам. Проведу ладонями по рукам, плечикам, нарушу прическу. Обязательно скажу еще одни главные слова:

— Люблю тебя.

И обязательно услышу в ответ:

— И я тебя. Люблю. Очень.

Ксюша.

— Я тут подумал вот о чем, — неугомонный Егор не дает уснуть даже после двух походов в дух. Первый раз ворвался и, не сказав ни слова, прижал к стене. Второй раз мы попытались ополоснуться. Ключевое слово «попытались»: я всего лишь уронила банку с маской для волос... ну и...

— О чём? — Обреченно вздыхаю. От усталости меня вырубает на ходу. У Макса режутся зубки и сон — это самый ценный для меня ресурс сейчас.

— Нуууу, — загадочно тянет муж, закусывая губу. Знает же прекрасно, что у меня от этого жеста мозги сразу поворачиваются в другую сторону. Я перехожу на сторону зла и пошлости, где царствует фантазия моего любимого.

— Ладно — ладно, с меня массаж.

Вздыхаю, всем видом показывая, что делаю большущее одолжение этому загадочному парню. На самом же деле я обожаю разминать накачанные плечи, скользить руками по спине... а уж когда он переворачивается...

Ох! Фантазия, угомонись! Мне спать надо!

— Смотри, малышка. Даша с Машей подросли. Поинка уже тоже, спит самостоятельно. Макс, конечно, дергает нас, но... Короче, Ксюш, я... Волнуюсь блин, как пацан. Я делаю тебе предложение.

Распахиваю глаза и не понимаю Егора. Мы женаты. Благодаря связям его семьи замужем я оказалась раньше, чем даже об этом узнала.

— Помнишь, ты отказалась от праздника?

— Угу. Помню.

На самом деле отказалась. С животом не очень — то хотелось отсвечивать. Да и, если честно, все эти показухи... ну не для меня...

— Вооот. А я хочу тебя в белом платье. Ладно — ладно, в белом нельзя, хотя сейчас уже на это никто не смотрит. Просто в светлом. — Муж опускается на одно колено, одетый лишь в обручальное кольцо и... и на этом как бы всё. — Давай обвенчаемся? Только ты, я и самые близкие. Никаких приемов, никакого пафоса? А потом махнем в деревню к Северу, а?

Хлопаю глазами, пытаюсь осознать происходящее.

— Ксюююш? А хочешь, там договоримся в местной церкви? Чтобы наверняка никого лишнего?

— Егор... блин, Егор... Встань! — Прикрываю глаза, чувствуя, как муж встает, отдавая дыханием каждый сантиметр моего тела на своем пути. Я так — то тоже немного того... голая... — Это так...

— Классно, да? Как Адам и Ева? Только я тебя по — честному соблазняя. Замужнюю без всяких вольностей. Чувствуешь, как я все продумал?

— Чувствую, — смеюсь. — Очень даже чувствую, — показываю глазами на своеобразного свидетеля происходящего.

— Тогда решено. Ты же согласна? — На мой палец надевается кольцо. — Ай, даже если не согласна, есть у меня один действенный способ...

***

Егор.

До безумия хотелось увидеть свою ягодку в образе невесты. Она мне даже ночами снилась, не давая покоя. Сорвать белое платье и... Дальше я обычно себя притормаживал или будил жену настойчивыми поцелуями.

Решение обвенчаться пришло спонтанно. Я ждал Тимура, с которым мы собирались на важную встречу, и вдруг обратил внимание на красивое здание. Раньше мимо проезжал, а тут... то ли игра света, то ли зов сердца. Не знаю.

Остановился. Вошел. Постоял.

Внутри церкви шел обряд венчания. Красиво, торжественно. Слова такие потрясающие говорили молодым. И я понял, *чего* хочу.

После встречи отправился в ювелирный, а ночью... Ну у Ксюшки не было шансов мне отказать. Куда она от меня денется с подводной лодки?

... И вот я здесь. Стою у алтаря и волнуюсь, как юный мальчишка, впервые встретившийся глазами с понравившейся девочкой. С минуты на минуту войдет моя любимая. Дед захотел сам вести мою суженую, и никто не смог ему отказать. В первых рядах сидят наши дети — для них специально организовали скамеечку. Даже Макс на коленях Дашки притих. Из всего окружения ей он доверяет больше всех.

Дружный вдох и я зажмуриваюсь, чтобы в следующую секунду увидеть Её. Мою единственную и неповторимую. Ту, ради которой каждую ночь зажигаются звёзды, а утром встает солнце. Ту, для которой бьется моё сердце. Ту, во имя и ради которой я живу, и готов бороться с любыми врагами и преградами.

— Спасибо, Господи, за нашу встречу и нашу любовь, — срывается с губ и улетает вверх. Туда, где мою благодарность точно слышат.

Точёная фигурка, которую не испортили роды, облачена в платье небесного цвета. Ксюша долго переживала и выбирала, пока я сам не ткнул на страничку каталога. Оказалось, ей оно тоже понравилось, но смушал цвет.

В сумраке помещения наряд кажется белым, а сама Ксюша фарфоровой статуэткой, медленно передвигающейся благодаря поддержке Александра Клементьевича. Волосы, которые я так люблю перебирать, собраны наверх и закреплены в сложную причёску. Шея кажется длинной и хрупкой. Вся моя девочка кажется хрупкой. Невесомой. Но только я знаю, насколько она сильная внутри.

Пламя свечи в тонкой руке дрожит в такт шагам. Спускаюсь со ступеней. Сжимаю пальчики, так доверчиво и привычно скользнувшие в раскрытую ладонь. На мгновение прижимаю к себе, вдыхая еле уловимый аромат малины. Своей любимой ягодки.

— Господи, Боже наш, славою и честью венчай их!

Только эти слова откладываются в памяти. Я смотрю на свою жену, ловлю каждый её вдох и не устаю благодарить Всевышнего за нашу случайную и невозможную встречу.

Оказывается, в этом мире всё может произойти, *если кто-то этого действительно ждет.*

Больше книг на сайте - Knigoed.net